

Сергей Ченнык

Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)

Часть V

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

С. Ченнык

**КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ 1854–1856 гг.
ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.**

Военно-исторический очерк

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Лань

Севастополь
2014 г.

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)
ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)
Ч 43

Ченнык С. В.

Ч 43 Последний штурм – Севастополь: Ченнык С. В., 2014. – 320 с., илл.

ISBN 978-966-1539-36-4

«Последний штурм» – пятая из книг, посвященных Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) и новая работа известного крымского военного историка Сергея Ченныка, чье творчество стало широко известным благодаря аналитическим публикациям на тему Крымской войны.

В основу исследования легло одно из самых трагических событий последнего месяца героической защиты Севастополя во время Крымской войны. Тогда, в результате целого ряда ошибок русского командования, ставших для крепости роковыми, войска союзников сумели занять город.

Но последний штурм не стал для них «легкой прогулкой», превратившись в испытание с многотысячными потерями. Предшествовавшее сражение на Черной речке в очередной раз показало, что даже в самых тяжелых условиях Российская императорская армия отличается невероятной стойкостью и упорством.

Невязчивый стиль и уверенная аргументация – основное достоинство автора книги. Благодаря этому читатель имеет возможность увидеть страшную и величественную природу описываемых событий далекого XIX века. Эффект достоверности присутствия – одно из главных достоинств книги.

Для достижения такого «погружения в историю» автор широко использует многочисленные библиографические ссылки на источники по данной теме, которая всегда привлекала внимание всех, кому интересна история Крыма.

«Большое видится на расстоянии» – данная книга – это еще одна попытка приблизить и внимательно рассмотреть великое событие, связанное с подвигом нашего народа, совершенным им в то уже далекое трагическое и героическое время.

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)
ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)

ISBN 978-966-1539-36-4

© Ченнык С. В., 2014.
© «Полмет ГМБХ», 2014.
© «Гала», 2014.

НАДЕЮСЬ, ЧТО ЭТО БУДЕТ ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЕЛЮ

«Нельзя оставлять без внимания опыт прежних войн».

Хельмут Карл Бернхард Мольтке (старший), прусский генерал-фельдмаршал

Итак, мы снова возвращаемся на поля сражений Крымской кампании Восточной войны. Возвращаемся спустя почти год от начала наших описаний этой, ставшей трагическим испытанием для Российской империи войны, которая принесла одним вечную славу, другим — дурные воспоминания.

Сегодня мы будем говорить о последнем месяце защиты Севастополя, который начался на Черной речке неудачным наступлением русских войск, а завершился последним штурмом и взятием крепости союзниками. Оба события можно смело отнести к малоизученным эпизодам войны 1853–1856 гг.

Крымская война, как и любое событие, оставившее свой более или менее заметный след в мировой истории, изобилует «белыми пятнами». Каждый из ее эпизодов по-своему загадочен, потому далеко не всегда и не всем удастся понять его истинный смысл. В итоге, непонимание порождает огромное количество легенд, которые со временем настолько сливаются с реальностью, что сложно отличить правду от вымысла. Это естественно, так как, по мнению психологов, мифологизация тех или иных исторических событий свойственна каждой нации.

К большому сожалению, на сегодняшний день этих легенд столько, и они так плотно переплелись с действительностью, что существующую вокруг описания Крымской войны ситуацию, а также использование ее истории, нельзя назвать иначе, чем «военно-исторический произвол». Мириться с этим нельзя, потому одной из целей, которую я себе поставил, приступая к работе над книгой, последней в серии «Исторических очерков Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)», стало разрушение устоявшихся мифов. Естественно, по мере сил и не в угоду «жареным» фактам. Как это получилось, получилось ли вообще — судить читателю.

В ранее увидевших свет книгах была предпринята попытка показать нашему современнику на примере начального периода той войны образ, максимально соответствующий ее истинному виду, преподнося его с позиции наиболее возможного беспри-

страстного военного анализа. Приступая к работе над новой книгой, по-прежнему остаюсь верным своей точке зрения, и считаю, что наступило то время, когда лучше признать правду собственных совершенных ошибок, чтобы избежать повторения их в будущем. Мы, порой, так привыкли стыдливо отводить глаза, когда касаемся наших поражений, что уже перестали задумываться о неудачном и, более того, опасном выборе подобной позиции.

Распространенной сегодня ошибкой стало оправдывать все, в том числе уход от истины, патриотизмом. Хотя неизвестно, что патриотичнее: рисовать красивыми красками образ дикой, беспощадной и бессмысленной бойни или признать собственные очевидные промахи, приведшие к ней, пытаясь извлечь максимальный опыт с целью неповторения в будущем. Мне кажется, — это и есть главная задача исследования истории войн и военного искусства всех времен и всех народов.

На мой взгляд, и по сей день, как ни прискорбно, отдельные исследователи Крымской войны продолжают упорно придерживаться стереотипов, сложившихся в советский период, держась за них, «как слепой за стену», не особенно утруждая себя мыслью об их сомнительном соответствии элементарным аксиомам военной науки. В результате формируют у читателей упрощенный, лубочный образ этой войны, который уводит от понимания действительных причин военных поражений, списывая все на просчеты существовавшего в России государственного строя. В годы социализма волею государства все русские участники Крымской войны массово оказались возведены в ранг героев, за исключением уж совсем явных неудачников. Последних было не сложно объявить «порождением самодержавия», тем более, что почти все они имели высокие титулы, как правило, не меньше княжеского. После прихода к власти не менее оголтелой демократии, наоборот, почти все представители русского генералитета, без всякой дифференциации, похоже только по национальному признаку, стали рассматриваться как виновники поражений, бездари и проч. К сожалению, трезвый объективный взгляд пока только начинает вырабатываться и процесс этот идет крайне медленно. Но надежда на справедливость есть.

Нередко дурную службу оказывал чрезмерный патриотизм и эмоциональность историков, которые не могли «...разгадать природы войны..., что она слишком (отражалась) на впечатлительности людей и вызывала более к их чувству или воображению, пугала их или восхищала. Разум и логика умолкали под гнетом войны, и выводами руководило прижатое к земле или вознесенное к небесам чувство. ...Спокойного и общего вывода нет. ...Особенно много тем доставляла потому война представителям искусств, давая обильный и разнообразный материал их впечатлительности и их краскам, угнетая картинами страданий и мук одних, окрыляя картинами подвига и героизма других...».¹

Исследовать неудачную войну всегда тяжело. Если ты не пытаешься обращать безнадёжные поражения в славные победы, то однозначно никто не только не скажет спасибо, но и за всякое отклонение от общепринятого мнения есть риск получить обвинение в отсутствии патриотизма или, в лучшем случае, в погоне за «жареными фактами».

Даже в годовщину 160-летия Крымской войны мы как должное принимаем навязываемый нам иностранный взгляд на события (чаще всего британский), с умилением восторгаемся доблестью совершенно чужой нам Легкой бригады и упорно не желаем

¹ Снесарев А. Е. Философия войны // Военно-исторический журнал. № 2. 2002 г. М., С. 44

определить собственных подлиных героев этой войны.

Анализируя материалы военной науки конца XIX – начала XX вв., убеждаешься, что в этот период к урокам Крымской войны относились гораздо более трезво и намного осмысленнее, чем спустя 160 лет после ее окончания. Не было свойственных современности метаний из крайности в крайность, вместо них имела место разумная критика кампании и действий русского командования в ней. Проводились параллели между кампанией в Крыму и русско-турецкой войной 1877–1878 гг., неудачами российской армии в войне с Японией.

В самобичевании мы часто превосходили врагов наших. Хотя после этой войны наши противники стали считать, «...что Англия имеет грозного соперника в лице России».²

В то же время, многие вещи назывались резкими, но все-таки справедливо своими именами. Разрабатывая курс военно-прикладной педагогики, Д. Н. Трескин (кстати, не первый и не единственный) именовал эту кампанию не иначе, как «Севастопольский погром».³ Такой же термин мы встречаем в журнале «Русская старина». Это и заголовок к письму князя Паскевича к М. Д. Горчакову после Чернореченского сражения. Также рассуждала значительная часть русского офицерского корпуса второй половины XIX столетия.

Получилось, что эта книга станет последним исследованием истории Крымской кампании Восточной войны. И говорим мы в ней, увы, не о триумфах русского оружия, а о двух тяжелых поражениях. Поверьте, говорить о поражении намного труднее, чем описывать «гром победы». Это неблагодарный труд, но в то же время интересный и захватывающий. Приходилось и приходится постоянно, от книги к книге, напоминать читателю, что Крымская война в силу целого ряда объективных и субъективных причин до настоящего времени остается гигантским «белым пятном» нашей военной истории. Она менее изучена, чем Отечественная война 1812 г., хотя их разделяет более половины столетия. Крымская война, как элемент военной истории, «...не может заменить военного опыта для той армии, которая им не обладает, но, однако, служит лучшим подготовительным средством к восприятию такого опыта».⁴

Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861 гг.), князь, генерал от артиллерии (1844 гг.). Во время Крымской войны (1853–1856 гг.) командовал войсками на Дунае (1853–1854 гг.), а с 24 февраля 1855 до конца года – войсками в Крыму. 8 сентября 1855 г. отдал приказ об оставлении Южной стороны Севастополя. Рисунок сделан в 1849 г.

² Лависс Э, Рембо А. История XIX века (http://www.krotov.info/history/19/56/laviss_39.htm)

³ Трескин Д. Н. Курс военно-прикладной педагогики // О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1990 г. С. 286

⁴ Заметки о службе Генерального штаба // Военный сборник. № 9. 1901 г. СПб, С. 71

Пелисье (Pelissier) Жан-Жак, (1794–1864 гг.) – маршал Франции. В 1855 г. направлен в Крым, где сначала командовал 1-м армейским корпусом, потом сменил генерала Канробера в командовании французскими силами под Севастополем. Фото Р. Фентона. 1855 г.

Не хочу превращать свой труд в одну из лекций, ограничиваясь лишь последовательным изложением событий, «...так как такое изложение обратило бы военную историю в часть политической истории и, будучи, быть может, полезным для пополнения общего образования офицера, было бы, однако, далеко недостаточно для доставления ему специального военного поучения».⁵ События последних дней обороны Севастополя в 1855 г. интересны не только как чисто военные. Они знаменуют финал многомесячной упорной обороны города со всеми ее удачами, неудачами и трагедиями.

Один из участников этих беспримерных дней писал: «...27 августа 1855 года история впишет в свои страницы кровавыми буквами. День, ознаменованный гибелью нескольких десятков тысяч храбрых и равно славный для обеих сражающихся сторон. Но искупит ли эта огромная кровавая жертва благоденствие народов или только удовлетворит нескольких ненасытных самолюбий, которые попирают спокойствие и жизнь миллионов для личного своего возвышения или для упрямого осуществления своих частных целей, коим хотят подчинить выгоды целого мира, – взвесит и осудит беспристрастная история».⁶

Последний штурм крепости – апофеоз, вершина многомесячных боевых действий, завершивших главное событие кампании – оборону Севастополя. Апологет информационной войны, корреспондент лондонской газеты «Таймс» Вильям Рассел, с присущим ему пафосом писал об этом событии: «...Судьба противостояния, к которому так долго были прикованы взоры всей Европы и с которым столько империй связало свои надежды, была почти решена. 9 сентября Севастополь пылал! Флот, бывший причиной стольких дипломатических споров и кровавых сражений, скрылся в пучине вод! Еще одно кровавое действие добавилось к страшной, но славной трагедии, взволнованными зрителями которой были все: от цивилизованных наций до диких восточных орд. Под победные возгласы и вопли отчаяния – среди лихорадочного торжества и страстного горя – занавес черного дыма, расцвеченный красными взрывами крепостных стен, опускался на сцену, где представлены были все проявления человеческого страдания и величия – непреодолимая стойкость и спокойное мужество, ничтожество и слабость – на сцену, по которой прошли герои».⁷

Но все что мы знаем о происшедшем – это то, что французы взяли Малахов курган, генерал Мак-Магон произнес свою известную фразу, и, несмотря на то, что союзни-

⁵ Заметки о службе Генерального штаба // Военный сборник. №9. 1901 г., СПб., С. 71

⁶ Последние дни обороны Севастополя // Военный сборник. №2. 1906 г. СПб., С. 40

⁷ Рассел, Уильям Ховард. Британская экспедиция в Крым. Том 2. М., 2014 г. С. 836

ки были отброшены на всех остальных пунктах атаки, русские войска по заранее построенному мосту оставили Севастополь. Так говорит отечественная история.

Большинство современных исследователей Крымской войны, дабы оставить свои руки чистыми и не касаться ими трагических для русской армии и флота страниц, предпочли (и предпочитают) использовать ставшие расхожими лубочные формы описания кампании в Крыму. Сейчас очень популярно утверждение, что Россия, как бы совсем и не проиграла эту войну. С этой формулой знатоки носятся с конференции на конференцию, из одного печатного издания в другое, пытаясь получить себе репутацию патриотов, которую очень легко использовать с максимальной выгодой, особенно в наше время. Я понимаю их – так удобно греться в лучах «славы русского оружия», не особенно утруждая себя размышлениями об опасности такой позиции. Но понимая, не могу не осуждать. Такая позиция – тупик, это – «сон нации», когда, проснувшись, вместо сладостных сновидений страна получает Порт-Артур, Таллинн и тот же Севастополь, но уже почти 100 лет спустя...

В этом смысле, представляемая на суд читателя новая книга из серии о Крымской войне, не переписывание истории, а дополнение ее новыми, ранее неизвестными фактами, с максимально возможными комментариями и анализом сути происходившего с точки зрения военной науки и военного опыта.

На мой взгляд, типичным примером сглаживания острых углов жестоких уроков военной истории, искусственно сделанных «белым пятном», равно как и примером бессмысленного и беспощадного истребления людей, является сражение на Черной речке 4 августа 1855 г. Именно с него мы и начинаем наше повествование, хотя основной темой исследования станет, конечно же, последний штурм и падение крепости Севастополь и, надеюсь, оно будет интересно читателю...

Командование союзными войсками под Севастополем: генералы лорд Раглан, Омер-паша и Пелисье. 1855 г. Рисунок с фотографии Р. Фентона.

СРАЖЕНИЕ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ В ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

«Боже! Как усердно мы мамились о счастливом исходе этого сражения!»

Фон Драхенфельс, русский офицер,
участник обороны Севастополя 1854–
1855 гг.

Это сражение безо всякого излишнего преувеличения можно назвать трагедией русской армии. Было время, когда его просто старались не упоминать, настолько неуклюжим оно было и так не вписывалось в рамки повального героизма, за которым должны были последовать или бегущий враг, или взятые батареи. Ну или хотя бы — напуганный враг, с восторгом отдающий честь мужественным русским солдатам, и с ужасом глядящий на свои кратно поредевшие батальоны, в одночасье ставшие ротами. Здесь этого ничего не было. Точнее — горы трупов и море крови были, но вот только трупы и кровь исключительно наши. Потому-то в российской истории о сражении, дабы не нарушать пропагандистского благополучия, лишний раз не упоминали. Пример: в целом неплохом труде Б.И. Зверева «Севастопольская оборона» (1956 г.) сражению на Черной речке отведено целых два (!) абзаца.⁸

Академик Е.В. Тарле, предельно выдержанный, когда речь идет о русской армии и флоте, не допускающий никаких резких выпадов против них (исключая высшее руководство), говоря о сражении на Черной речке, именует его (и неоднократно!) не иначе как «катастрофа». Для того периода, в который ему пришлось работать, это — поверьте, более чем смело. Участники и очевидцы боя более категоричны во мнениях, называя произошедшее «трагедией», как Н.И. Пирогов, или «бойней». Даже в таком возвышенно-патриотическом труде как «Оборона Севастополя» А. Погосского (1878 г.), оно определено как «несчастное».⁹

Наши современники более мягко обходят столь жесткую терминологию. Например, именуют «абсолютно ненужным сражением».¹⁰ Хотя встречаются порой более резкие характеристики и у отечественных исследователей. Н. Эйдельман, отмечая,

⁸ Зверев Б. И. Севастопольская оборона 1854–1855. М., 1956 г. С. 165

⁹ Погосский А. Оборона Севастополя СПб, 1878 г. С. 114

¹⁰ Кухарук А. Мнимый больной // Родина. № 3–4. 1995 г. М., С. 26

что вообще вся Крымская кампания недостаточно осмыслена и «...мы не всегда понимаем, что произошло в Крымской войне при обороне Севастополя в 1853–1855 годах», считает, что и это, и другие сражения были «...по существу, расстрелом русского войска».¹¹

Что касается победителей, то картина схожая. У французских авторов присутствует свой, присущий лишь им подход: можно слышать такие термины как «бойня», «резня», «страшная резня»...¹² Базанкур называет его итог «провалом».¹³

Также «резней» именуют сражение на Черной речке американские военные историки. Итальянские участники кампании характеризуют это событие не иначе как «истребление» русских войск, а исход его именуют «фатальным».¹⁴

Но, согласимся, даже столь эмоциональные характеристики — не повод называть его забытым или неизвестным? Не спорю. Про трагедию на доселе неизвестной реке с таким унылым названием правду не скрывал никто. Да она и находилась всегда на поверхности. Даже в эпоху «разгула» самодержавия, когда жизнь солдатская, та самая «монета царская», мало что значила, скрыть гибель нескольких тысяч людей, облаченных в серые шинели, «за Веру, Царя и Отечество», было сложно.

Но вот детали этого жертвоприношения... Иногда создается впечатление, что всё связанное с ним просто стерто и в приказном порядке предано забвению, в состоянии которого и пребывает по настоящее время.

Это несправедливо. Чернореченское сражение имеет право на свое место в истории военного искусства. При всей его трагичности, в нем русский солдат традиционно продемонстрировал свои лучшие боевые качества и, прежде всего, безропотную готовность умирать за Отечество. К этому бою вполне применимы слова Наполеона Бонапарта, сказанные им в 1816 г. по поводу кровавой Бородинской битвы: это было сражение, «...где было проявлено наиболее доблести и одержаны наименьшие успехи».

Действительно, так ли нам это сражение, уже ничего не решавшее, нужно? Кажется — виновные определены, политические причины поражения выявлены, а остальное, в том числе и военная составляющая, на этом фоне просто теряют смысл. Нечто похожее мы уже наблюдали на Альме: главные виновники — генералы Меншиков и Кирьяков, основная причина — численное превосходство и техническая отсталость

Генерал-адъютант Николай Андреевич Ряд (1793–1855 гг.). Во время Крымской войны командовал 3-м пехотным корпусом Российской армии. Убит в сражении на Чёрной речке.

¹¹ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России // Наука и жизнь № 1. 1989 г. М., С. 111

¹² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7. Симферополь, 2004 г. С. 62–97

¹³ Bazancourt, Cesar Lecat, La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient. T. II, Paris, 1856, P. 398–399

¹⁴ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне Севастополь, 2005 г., С. 175

Расположение сардинских войск под Севастополем. Фрагмент рисунка В. Симпсона. 1855 г.

императорской армии и всей царской России. Нечто подобное обнаруживаем и на Черной речке. Виновники — генералы Рead, Вревский и прочие, причины — нераспорядительность и все та же отсталость. Остальное — вне темы для обсуждений...

Поэтому трудно не согласиться с точкой зрения, по которой в XIX в. после Крымской кампании «...Русское общество, русская армия, русский солдат оказались тотально не готовы к поражениям. При любой неудаче у нас сразу же начинается поиск виновных, раздаются крики о предательстве и т.д.»¹⁵

Это несправедливо, и тем более обидно, что таким образом предается забвению память тысяч русских солдат и офицеров, будучи верными единожды данной присяге, сложивших свои головы во имя Царя и Отечества. А уж умирать они, бесспорно, умели. Но, к величайшему сожалению, между «умирать» и «воевать» — огромная разница...

И Чернореченское сражение лучшее, хотя и не самое удачное тому подтверждение.

В этой работе я постараюсь по аналогии с Альминской битвой сделать военно-исторический анализ одного из сражений Крымской войны — сражения на Черной речке, закончившегося поражением русской армии и ставшим последним масштабным полевым столкновением воюющих сторон. При своей кажущейся простоте, сражение интересно уже одним своим отличием от остальных. Оно не изобилует рез-

¹⁵ Борьба империй // Родина М., 1995 г., № 3–4, С. 33

кими изменениями ситуации, в нем отсутствует глубокое маневрирование сторон. По сути дела — это лобовой удар, нанесенный в самом неудачном месте в совсем не подходящее для этого время. На этом фоне заслуживает внимание этап подготовки к сражению и, особенно, выдвижения войск. Хочу сразу оговориться — многое сказанное мной, будет не в пользу русских войск и, главное, русского командования.

Готов принять обвинения в отсутствии всякого патриотизма, особенно на фоне современных мероприятий посвященных 160-летию Крымской войны. Но не могу назвать сложившуюся сейчас вокруг образа Крымской войны ситуацию иначе, чем «военно-исторический произвол». Потому считаю, что лучше унылая правда, чем «квасной патриотизм», ведущий в никуда. В начале XX в. подобная ситуация привела к поражению в войне с Японией, потом стремление забыть и эту войну обернулось проблемами на полях первой мировой войны. Затирание же опыта первой мировой войны, привело к подмене его смутными героями войны гражданской, различными «красными Мюратами», которые «успешно» отступали до берегов Волги в 1941–1942 гг., демонстрируя абсолютную военную безграмотность, пока сама война не вырастила новое поколение командиров, более грамотных и более опытных, не боявшихся риска и ответственности, сумевших переломить ситуацию и одержать поистине великую Победу, приведя с триумфом российского солдата в Берлин.

Опыт прошлых войн и отношение к нему в обществе важны сейчас как никогда ранее. Мы не должны, не имеем права закрывать глаза на совершенные ошибки, обязаны уметь признавать собственные поражения. Только так возможно избежать их повторения в будущем о чем прекрасно сказано великим российским военным ученым А. Свечиным: «Любовь и уважение — чувства, которые прекрасно подделываются на житейском рынке; внимательный анализ часто откроет под ними одно лицемерие. Высоких степеней виртуозности достигает как искусство отворачиваться от действительности, так и искусство превратного ее изображения. Ложь всегда остается ложью, и никогда лучшие намерения не могут ее оправдать; но особенно обидно, когда ложь задевает такие предметы, которые дороги вашему сердцу; что может быть обиднее изображения действительно великого, когда оно разделано лубочным способом для темных, неразвитых вкусов и понятий, подмазано, подкрашено, превращено в сусального херувимчика? Если мы не будем отворачиваться от тех печальных условий, в которых пришлось действовать нашим войскам, то мы поразимся подвигам, действительно ими совершенными; мы преклонимся перед испытаниями, которые преодолел наш солдат. Лжи для этого не надо; надо только трезво смотреть на события во всей их полноте.

Наш солдат не несчастное создание; его следует и изображать в неприкрашенном виде; он как герой, существующий в действительности, имеет и должен иметь свои теневые стороны. Надо не верить в наше будущее, надо быть трусом, надо бояться и презирать действительность, чтоб отворачиваться от теневых сторон, заявлять, что у нас нет недостатков.

Гибель народа начинается тогда, когда он теряет способность смотреть в лицо действительности; когда он факты действительной жизни начинает подменять фантазией, начинает мечтать и засыпать... Забвение действительности — сон нации — это смерть».¹⁶

¹⁶ Свечин А. А. Предрассудки и боевая действительность // Хорошо забытое старое М., 1991 г., С. 136–138

Перемирие между русскими и французскими войсками под Севастополем. 1855 г. С 1855 г. перемирия, назначаемы для уборки тел погибших и оказания помощи раненым стали регулярными.

И, конечно, говоря о Чернореченском сражении, никто не имеет морального права упрекнуть русского солдата в низком моральном духе или отсутствии у него достаточной стойкости. Верность императорского солдата первой половины XIX в. долгу, отраженная в святой для него форме «Вера, Царь и Отчество», при всех недостатках военной организации Николая I и его предшественников, поистине легендарна. Одно то, что во время декабрьского восстания 1825 г. «...солдаты оказались более преданны самодержавию, чем их революционно настроенные командиры»¹⁷, говорит очень многое... Правда, доказав свою преданность императору, «николаевский солдат» получил и «николаевского генерала», которые занимали должности не

по принципу военной компетенции или опыта, а по принципу личной преданности, часто оказывавшейся не более чем придворным лизоблюдством. 4 августа 1855 г. Федюхины высоты стали настоящей Голгофой для русской пехоты, многократно доказавшей свою доблесть. К сожалению, руководили этой пехотой в большей степени бездарности, нежели военные гении, в которых так нуждалась армия во время Крымской войны.

Начиная работу над своим исследованием, я понимал, насколько тяжело будет писать о поражении. Тем более столь роковым и бессмысленном. Но в то же время мною двигали необходимость и желание рассказать о происшедшем, оставаясь максимально объективным. Говорить о победах всегда легко и приятно. Замалчивать поражения — преступно. Роль автора пишущего о них «...очень тяжелая, так как слава и блеск исторического примера говорят сами за себя, привлекая к себе читателя. Другое дело — заинтересованность читателя исследованием тех причин и недостатков, которые привели к военным неудачам. Здесь самый факт последних не прельщает честолюбивое сердце воина, и лишь красочность изложения или обычная жалость к герою повести могут заставить читателя углубиться в изучение деяний незадачливо-го полководца или же пагубной военной системы».¹⁸

По моему убеждению, сражение на Черной речке это трагическая, но одновременно знаковая страница русской военной истории, знание и осмысление итогов которой и до сегодняшнего дня не утратило своей актуальности.

У правды бесстыжие и циничные глаза, но чтобы узнать правду, нам придется заглянуть в них. Именно поэтому надеюсь, что это будет интересно читателю...

¹⁷ Вапилин Е. Г. Политические и национальные аспекты комплектования армии в XVIII – начале XX вв. // Военно-исторический журнал, № 10, 2001 г., М., С. 21

¹⁸ Шалощников Б. М., Военно-научные труды, М., 1982 г., С. 388–389

СРАЖЕНИЕ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ В ИСТОРИИ ВОЙН

«Дело на Черной будет вечным позором нашей военной истории».

Фельдмаршал князь Паскевич

Чернореченское сражение — особая страница Крымской войны. Оно не похоже ни на одно другое. Писать о нем, на первый взгляд, легче, чем об Альминском или, тем более, Инкерманском, но с другой стороны — сложнее. При всей своей ожесточенности и жестокости оно не внесло видимого вклада в военное искусство. Это признают военные историки Франции, многие российские, почти все американские. Англичане о нем стараются не упоминать вообще, что вполне объяснимо — это не их победа, на этом поле сборная Британии почти не играла.

Для популярной военной истории это сражение скорее скучное — меньше маневрирования войск, нежели в любом другом полевом сражении Крымской кампании, но одновременно — более четко выражена динамика боя. И не делать выводы из сражения — глупо. При его анализе быстро упираешься в огромное число разночтений, смысл которых диаметрален для каждой из противоборствующих сторон: приуменьшить масштабы поражения с русской стороны и, соответственно, возвеличить успех со стороны союзников.

К сожалению, отечественная военная история уделяет сражению на Черной реке недопустимо малое внимание. Это неправильно. Военные теоретики в своем большинстве, как и историки, стараются не вдаваться глубоко в детали, считая, что опыт, который можно из него извлечь, минимален. А. А. Свечин даже не выделяет его в отдельное полевое сражение Крымской войны, а считает лишь «бесмысленным», «демонстративным наступлением», «жестом отчаяния», произведенным русскими войсками только для удовлетворения амбиций «воинственных петроградских кругов».¹⁹

При всём уважением к бесспорно талантливому военному исследователю, которым является генерал Свечин, с этим нельзя согласиться, учитывая хотя бы состав и количество вовлеченных сил, а также масштабную цель, поставленную русским командованием.

¹⁹ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 69

Пехотинцы российской императорской армии под Севастополем. Рисунок сер. XIX в.

Перенос определения Свечина на современную военную терминологию можно определить цель сражения, как решение оперативной задачи. В определенной степени это был апогей Крымской кампании, соревнование умов, своеобразная «игра втемную», проигрыш которой русским командованием привел к скорому падению Севастополя. И сражение на Черной речке, и последний штурм Севастополя, вынесенный в название этой книги – суть одна операция, успешно проведенная союзным командованием.

Если взглянуть на событие со стороны противника – увидим блестящий образец подготовленной ловушки, в которую попали русские военачальники на заключительном этапе обороны Севастополя. Для союзников сражение – несомненный тактический успех, способствовавший решению стратегической задачи кампании – взятию Севастополя.

Убедившись в невозможности сломить дух и стремление к сопротивлению защитников крепости, они нанесли удар по наиболее слабому звену – полевой армии. При этом намеренно отдали первоначальную инициативу в руки русского командования, после чего, измотав противника в бесплодной попытке взятия заранее подготовленной оборонительной линии, сами перешли в наступление.

Федюхины высоты стали крымской Голгофой для русской армии. Ослабив ее, выбив инициативу, перехватив наступательный порыв, союзники сделали все для того чтобы последний штурм стал успешным.

Крупнейшее полевое сражение Крымской войны в прошлых и современных учебниках для военных учебных заведений занимает лишь несколько строк, не производится его подробный разбор. Что поделать, в нашей военной истории не очень любили предавать гласности поражения, а если и писали о них, то причины обычно списывали на проблемы существовавшего политического режима. Кстати, если быть до конца объективным, то и авторы военные не слишком жаловали Крымскую кампанию... Например, в учебнике для военных училищ «История войн и военного искусства», выпущенным Краснознаменной Военной Академией бронетанковых войск имени маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского в 1967 г. сражение на Черной речке не упоминается вообще.²⁰ Не удивительно. В книге доктора военных наук генерала В. Н. Лобова «Военная хитрость», изданной как сборник дополнительного материала для военно-учебных заведений, не упоминается вся Крымская война!²¹ В результате «...писатели невоенного звания впадали в ошибки от незнания военного искусства...».²² Примеров великое множество. Можем оставить в покое военную

²⁰ История войн и военного искусства. Учебник для военных училищ. М., 1967 г., С. 71–86

²¹ Лобов В. Н. Военная хитрость. М., 2001 г.

²² О продолжении военного образования по выходе из военно-учебных заведений, для способствования которому учреждена в С.-Петербурге военная академия // Военный журнал, № 4, СПб., 1832 г. // О долге и чести воинской в российской армии, М., 1990 г., С. 87

историографию советского периода — сейчас она несколько не в почете, но и по сей день исследователи не слишком торопятся уделять этой теме сколько-нибудь серьезное внимание.

Наследием от прошлого осталось лишь неискоренимое навязчивое нежелание признавать собственные просчеты и извлекать из них необходимые уроки. Конечно, анализировать поражения гораздо труднее, чем воспевать победы. Даже в царской России некоторые ярые патриоты «...разбирали позорные с точки зрения военного искусства события этой войны не иначе, как в духе: «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс!».²³

Не только у Крымской войны такая судьба. Когда в начале XX в. полковник Главного штаба Н. П. Поликарпов сделал анализ Бородинского сражения и обнаружил явные нестыковки непосредственно в реляции М. И. Кутузова императору, ставящие под сомнение истинное положение дел, на него обрушился такой град критики и обструкции, что это негативно отразилось на дальнейшей судьбе автора. Зато его слова о том, что при подготовке юбилейных мероприятий «...шуму относительно чествования этого юбилея много, даже очень много; предложений и проектов, в большинстве неосуществимых по их величавой помпезности и сопряженным с этой помпезностью значительным денежным затратам, имеется тоже немало»,²⁴ — остаются актуальными до настоящего времени.

Военная история России периодически напоминала не только об ошибочности, но и крайней опасности для государственной обороны такой позиции. И тому были основания. Просто скопированы под кальку со сражения на Черной речке последние действия русской армии во время русско-турецкой, русско-японской и первой мировой войны, они также повлекли неоправданно высокие потери среди личного состава, при минимальном достигнутом результате. Должные же в первую очередь усвоить трагические уроки Черной русские генералы, продолжали устилать телами героической пехоты подступы к редутам Плевны в 1877–1878 гг., высоты в ходе «...навязанного свыше»²⁵ сражения у Тюренчена в Маньчжурии в 1904 г. и затем, несчетное число раз в Мазурских лесах и болотах, в Галиции и Карпатах в 1914–1918 гг.

Казалось бы, уроки ошибок Крымской войны должны были быть непременно учтены, но стараниями генерала Драгомирова и иных его верных соратников даже в 1912 г., накануне грядущей мировой войны, русская армия продолжала сохранять в боевой подготовке войск упор на штыковые удары плотных пехотных масс.²⁶

Генерал Паскевич в письме князю Горчакову, подвергая последнего уничтожающей критике за бездарное руководство войсками на Черной речке надеялся, горькие уроки займут место в военной истории России.

Увы, этим надеждам умирающего князя не суждено было сбыться. Вышеупомянутый генерал Драгомиров, делая выводы по итогам Крымской и русско-турецкой (1877–1878 гг.) войн, казалось бы достаточно насмотревшись на груды расстрелянных с максимальной дистанции нарезной артиллерией или стрелковым оружием русских «чудо-богатырей», продолжал упорно громить тех, кто пытался хоть словом

²³ Мартынов Е. И. Из печального опыта русско-японской войны // Хорошо забытое старое М., 1991 г., С. 66

²⁴ Гаврилова Н. А. «Остаемся ... в неведении фактической стороны...» // Военно-исторический журнал, № 12, 2003 г., М., С. 48

²⁵ Мартынов Е. И. Из печального опыта русско-японской войны // Хорошо забытое старое М., 1991 г., С. 11

²⁶ Устав полевой службы, Высочайше утвержденный 27 апреля 1912 г., 1912 г., СПб., С. 224

Отражение первого штурма Севастополя 18 июня 1855 г. Фрагмент Панорамы Ф. Рубо.

обмолвиться о необходимости применять современную тактику к современному оружию, а не наоборот. Меньшим из его обвинений было обзывание таковых «огнепоклонниками», худшим — обвинение в недостойной офицера трусости.

Последующие, после описываемых событий, поколения военных России взывали к всестороннему учету и правильному пониманию уроков, пусть и трагических, Крымской кампании. Обращаясь к опыту атаки укрепленных высот, коими и были Федюхины высоты в Чернореченском бою, Свечин писал: «...При современной быстроте укрепления позиций перед нами всегда окажутся укрепленные позиции. Где теперь искать позиций, которые не были бы более или менее укреплены? Атаковать укрепленные позиции безусловно придется; брать их следует только не «горами трупов», зачастую раскидываемых совершенно бесцельно, а рядом методических, целесообразных действий.

Если армия не усвоит метода атаки укрепленной позиции, получатся результаты такие же печальные, как под Плевной или Бенсиху».²⁷

Курс военной истории в русской академии Генерального штаба спустя лишь пятнадцать лет после окончания кампании бегло касается Крымской войны, стыдливо игнорируя ее неудачный в большинстве случаев опыт.²⁸

В дальнейшем положение попытались выправить. Перед самой первой мировой войной, признавая, что опыт Крымской кампании так и не был подвергнут должному анализу на самом высоком уровне, что привело к поражению в войне с Японией, из-

²⁷ Свечин А. А. Война в горах // Хорошо забытое старое М., 1991 г., С. 148

²⁸ Гололобов А., Наша академия Генерального штаба // Военный сборник СПб., 1871 г., С. 117–130

дание Николаевской академии Генерального штаба «Сообщение о русско-японской войне» подтвердило, что «... наши вожди отразили на себе все несовершенство нашей военной системы. Наши приемы ведения войны основаны на ложном представлении об употреблении боевых сил, на представлении не имеющем ничего общего с военной наукой».²⁹

Катастрофичность неучтенного опыта отмечал Д.А. Милютин перед началом своих знаменитых, неоднозначно принятых, военных реформ. Критикуя работу созданной в 1856 г. императором Александром II комиссии «для улучшения по воинской части», «...тон в которой задавали престарелые генералы Редигер и Сухозанет»,³⁰ он говорил, что «... после бедственной Крымской войны не только ничего не было сделано для того, чтобы наши расстроенные военные силы вновь оправились и устроились, но напротив того, единственной заботой военного управления было — сокращать, упразднять, расформировывать... Общее негодование обрушилось на военное министерство, но можно ли было ожидать чего-либо другого от той системы, которой правительство следовало последние годы».³¹

В то же время, прусский генерал Мольтке, будущий начальник германского Имперского Генерального штаба, разрабатывая стратегию действий во время своих кампаний, исходил из опыта действия на полях сражений в Крыму, тщательно учитывая просчеты союзного и русского военного руководства. Все сражения были подвергнуты детальному разбору и анализу и легли в основу будущих побед Пруссии в войнах с Австрией, Данией и Францией во второй половине XIX в.

Упоминая Мольтке, нужно отметить, что это один из немногих дальновидных военачальников, который не согласился с бытовавшим тогда и часто бытующим поныне мнением, что Крымская война, особенно полевые сражения, не слишком интересны с точки зрения опыта. Наоборот, он в большей степени отверг опыт первых войн, которые вела Германия, как, например, прусско-датская война, и, в то же время, детально подверг анализу сражения кампании в Крыму. Его прогнозирование увеличения глубины сражения, в связи с возросшей эффективностью новых видов стрелкового оружия, оказалось пророческим. Мольтке использовал пример сражения на Альме для разработки новой тактики наступательного боя, успешно реализованной в войне с Францией. Парадоксально, что хотя и принято считать, что тактика англичан была безнадежно устаревшей, но именно ее немецкий военачальник взял за основу своей, так называемой «нормальной атаки». Это было обусловлено наличием у британцев более совершенного стрелкового оружия, тогда как французы имели его в значительно меньшем числе. Применительно к сражению на Черной речке, которое еще ждет нас впереди, можно отметить тактику гибкой обороны французов, рекомендованную Мольтке как один из ее перспективных способов. Суть ее состояла в изматывании противника сосредоточенным огнем стрелкового оружия и нанесении максимально возможных потерь, с последующим перехватыванием тактической или стратегической (в зависимости от условий сражения и поставленных задач) иници-

²⁹ А. Гучков, Доклад по смете военного министерства на заседании Государственной думы 27 мая 1908 г. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики., М., 2002 г., С. 369

³⁰ Национальный замысел коренной военной реформы // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики., М., 2002 г., С. 502

³¹ Национальный замысел коренной военной реформы // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики., М., 2002 г., С. 502

ативы. Мольтке выразил это короткой, но чрезвычайно емкой, актуальной и ныне фразой: «Новое оружие — новая тактика».

Немцы первыми усвоили необходимость гибкости в отношении тактических принципов войны: «В области тактики нет ничего постоянного; положения ее периодически меняются; армия, упорно придерживающаяся раз установившихся воззрений, не может считаться здоровой» — считал прусский генеральный штаб.³²

Попав в аналогичную ситуацию в 1870–1871 гг., когда 15,44 мм казнозарядные ружья немцев системы Дрейзе хоть и были значительно скорострельнее французских дульнозарядных ружей Шаспо, но 11 мм пуля последних имела более высокие баллистические характеристики, прусские военачальники в кратчайшие сроки поменяли принципы применения пехоты. В результате французы, открывая огонь на дистанцию до 1800 шагов, не могли нанести существенных потерь рассыпавшимся в цепи пруссакам, те же, в свою очередь, с дистанции менее 600 шагов просто «давили» пехоту французов за счет превосходного темпа стрельбы.³³

Таким образом, в вопросе — что было главными причинами поражений русских войск в полевых сражениях Крымской войны, в том числе и в сражении на Черной речке, ответ может быть однозначным — отсталость тактики и косность мышления большинства русских военачальников.

К сожалению, русские генералы 4 августа 1855 г. не учли того, что в дальнейшем Мольтке сделал аксиомой: «Нет более невыполнимой задачи, чем наступление по открытой местности против противника, оснащенного всеми видами оружия, в том числе мощной артиллерией и расположившегося вне этой местности». Горчаков в этот день сделал все, чтобы эту истину опровергнуть. Результат известен — тысячи трупов русских пехотинцев и никакого успеха...

Часто цитируемый мною Мольтке предупреждал, что «...отвага, самая яркая, обречена на неудачу не только перед рвом с водой, но и перед совершенно открыто развернутой боевой линией...». Увы, не могли генералы наши читать Мольтке, ибо он писал это, разбирая их ошибки. Русского же Мольтке среди них в августе 1855 г. не нашлось. Не появился он и после войны. Вот и получилось, что по справедливому замечанию известного французского генерала Негрие, «русская армия не захотела воспользоваться ни одним уроком последних войн».³⁴

Но могли ли воевать по-другому одуревшие от крепостного разврата, роскоши, уничтожения зависимых от них крестьян в своих поместьях генералы эпохи Николая I? Для них солдат оставался тем же крепостным, который волею всевышнего (или барской) был одет в мундир и превращен в великолепно вымуштрованную «боевую машину», его можно было гнать под картечь не считая. Учет потерь в русской армии был приблизителен. Из всех армий, воевавших в Крыму, хуже был учет павших разве что у турок.

Только после отмены крепостной зависимости в России появилось новое поколение офицеров, которому и принадлежит новый взгляд на военную историю. Но в полной мере уроки Крыма так и остались неувоенными и ими. Тот же Куропаткин, усердно разносивший в пух и прах тактику русской армии середины XIX в., в начале XX в. в ходе русско-японской войны во время операции на р. Шахэ потерял управле-

³² Употребление в бою полевой артиллерии по опыту русско-японской войны // Военный сборник, № 7, СПб., 1912 г., С. 105

³³ Драгунов, Евгений, Новые 9 миллиметров // Калашников № 8, СПб., 2005 г. С. 73–74

³⁴ Мартынов Е. И. Из печального опыта русско-японской войны // Хорошо забытое старое М., 1991 г., С. 41

ние войсками: «Несмотря на опыт предыдущих боев, построения боевого порядка русской пехоты во встречных боях на Шахэ продолжали оставаться слишком плотными и не могли устоять против быстро рассыпавшихся в цепи японцев. Русские батальоны выстраивались в сомкнутые колонны по-ротно, вследствие чего в стрельбе могла принимать участие только незначительная часть бойцов. Такое построение пехоты, оставшееся еще со времени Крымской войны, давало при современной силе огня огромные потери, обрекая наступление на неуспех. Оправданием для таких построений служило стремление завершить бой штыковым ударом, предпочитавшимся огню пехоты. По этому поводу очевидец сражений на Шахэ Гамильтон пишет: «Местность была открытая, видны были громадные массы русских — кавалерии, пехоты и артиллерии — в таком строю, какого я за последние годы не видел нигде, кроме парадов».

Так культивируемая Драгомировым тактика обрекала русские войска на огромные потери и военные теоретики с грустью констатировали: «Мне иногда представляется, что ребяческая бессмыслица относительно пули-дуры столь же ответственна за перенесенные Россией неудачи, как ее скверная дипломатия и неразумная стратегия, взятые вместе».³⁵

Чернореченское сражение являет классический образец неверного выбора направления действий, пример недооценки значения предварительной разведки расположения противника и собственных путей выдвижения. При том количестве кавалерии (в том числе и иррегулярной), которая находилась в распоряжении князя Горчакова, можно было не только обеспечивать себя полнейшей оперативной информацией о действиях неприятеля, но и систематически терроризировать его тыловые позиции и коммуникации. Тем более, что к тому времени уже был обобщен и, что немаловажно, рекомендован к применению войсками опыт партизанских действий 1812 г. Не спорю — партизанская война и Крымская кампания несовместимы — это действительно так. Ни о какой партизанщине, тем более в условиях Крымской войны, речи нет и быть не может. Но о громадном опыте разведывательной работы кавалерии, рейдовых, поисковых операциях и других слагаемых войны в условиях, когда этому способствовало и расположение войск и местность — просто забыли.

Для организации такой составляющей кампании была накоплена к тому времени не только база многолетнего практического опыта, но и разработана теоретическая основа. Незадолго до Крымской войны, в 1850 году, для Академии Генерального штаба полковником Вуичем был написан учебник «Малая война». Эта работа была не чем иным, как продолжением труда известного специалиста по действиям в тылу противника и его коммуникациях — генерала Д. В. Давыдова «Опыт теории партизанского действия», вышедшего в 1822 г. В ней впервые и появился термин «малая война» и ее теоретическое обоснование.

Именно во время Крымской войны у русского командования были все возможности организовать таковые действия против союзников. Но в Крыму кавалерия русской армии с упорством, достойным лучшего применения, демонстрировала примеры того, как не нужно воевать. Успехи ее были единичными и малозначительными.

Примечательно, но памятный по событиям 1812 г. Дамоклов меч «дубины народной войны» в сознании союзников имел место. В ходе кампании в Крыму «...французские генералы снова вспомнили опасность и уроки русской партизанской войны.

³⁵ Левицкий Н. Русско-японская война 1904–1905 гг., М., 2003 г., С. 297–298

Когда французское правительство попыталось развить успех англо-французских войск после взятия Севастополя и спланировать наступление вглубь России, главнокомандующий французской армией генерал Пелисье заявил, что уйдет в отставку, если ему прикажут начать маневренную войну. Он отчетливо представлял невозможность обеспечения безопасности коммуникаций на столь огромной территории, начиная от Черноморского побережья, предвидя партизанские действия русской армии. Именно поэтому война ограничилась, по выражению Ф. Энгельса, этим «закоулком России», т. е. полуостровом Крым». ³⁶

Сегодня остается лишь констатировать, что русское командование этой возможностью использования партизанской войны не воспользовалось, как и другими возможностями. С начала 30-х годов XIX в. в военном искусстве императорской России «идет процесс затухания интереса к специальным действиям». ³⁷

Понимание ошибочности этого положения дел пришло лишь после протрезвления армии, вызванного проигранной Крымской войной. В 1859 г. военный ученый генерал Н. С. Голицын забил тревогу по поводу утраты русской армией опыта организации и ведения партизанских действий в тылу противника: «Преподается ли у нас где-либо теория партизанской войны вообще и нашей русской в особенности, хоть в самых тесных размерах? ... К сожалению, нет». ³⁸

Так получилось, что этим опытом в большей степени воспользовались французы, предпринявшие в предшествующий сражению на Черной речке период ряд рейдовых операций в контролируемые русскими войсками районы Крыма и организовавшие эффективное постоянное подвижное охранение своих позиций, что способствовало своевременному оповещению о выдвижении противника. Французская кавалерия, в отличие от русской и английской, действовала напористо, активно, часто — даже агрессивно. Достаточно вспомнить ее последовавшие уже после взятия Севастополя акции под Евпаторией, одна из которых плачевно закончилась для Елисаветградского уланского полка под Кангиллом.

Тот же опыт «малой войны» с лихвой использовали, как никто другой, выкачавшие необходимое для себя из опыта этой кампании, американцы. По числу практически реализованных ими уроков Крымской войны они стоят на одном уровне с немцами, а в некоторых случаях превосходят их. В ходе Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) кавалерийский набег получил более известное и поныне входящее в военную терминологию наименование — рейд.

В русской же армии подобные действия в Крыму даже не рассматривались как возможные: «С эпохи Наполеона до Американской кампании, т. е. в течение полувека, кавалерия принимает самое ограниченное, самое невидное участие как на поле сражения, что отчасти (но только лишь отчасти) объясняется усовершенствованием огнестрельного оружия, так, в особенности на театре военных действий, в смысле стратегической деятельности кавалерии. Образцовые примеры пользования кавалерией со стратегическими целями, которые нам представляет история Наполео-

³⁶ Квачков В. В. «...фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армии». Отечественный и зарубежный опыт специальных действий в тылу противника. // Военно-исторический журнал, № 1, 2004 г., М., С. 15

³⁷ Квачков В. В. «...фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армии». Отечественный и зарубежный опыт специальных действий в тылу противника. // Военно-исторический журнал, № 1, 2004 г., М., С. 15

³⁸ Квачков В. В. «...фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армии». Отечественный и зарубежный опыт специальных действий в тылу противника. // Военно-исторический журнал, № 1, 2004 г., М., С. 15–16

Отражение первого штурма Севастополя 18 июня 1855 г. Фрагмент Панорамы Ф. Рубо.

новских войн, прошли бесследно. Прекрасное употребление кавалерии в кампании 1805, 1806, 1812 и 1813 годов было забыто современниками. Правда, что обстановка и характер некоторых войн не давали достаточно широкого поля для стратегической деятельности кавалерии: так например, обстановка Крымской войны (война преимущественно осадная и притом веденная на ограниченном пространстве), Итальянской кампании 1859 года (по характеру театра военных действий). Но если эта причина до некоторой степени и объясняет отсутствие за весь указанный период стратегической деятельности кавалерии вообще, то не было и партизанских действий в частности, если не считать несколько отдельных и притом самых ничтожных случаев партизанских действий, как, например, в польскую кампанию 1830–1831 годов...»³⁹

Сконцентрировав в Крыму «...в том числе свыше 10 тыс. бесполезной по обстоятельствам конницы»⁴⁰, русские главнокомандующие не только так и не сумели решить задачу ее боевого применения, но и приобрели очередную «головную боль» с ее обеспечением.

Сражение на Черной речке демонстрирует военную аксиому – не может считаться выигранным сражение, успех которого не развит, или, по крайней мере, не закреплен. Еще один вывод, состоящий в том, что атака укрепленных позиций, занимающих господствующие высоты с фронта равносильна попытке протаранить лбом каменную стену, также не нуждается в подтверждении...

³⁹ Гершельман Ф. Партизанская война // Военный сборник, № 8, СПб., 1884 г., С. 11–12

⁴⁰ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М.–Л., 1928 г., С. 69–70

Исследователи русского военного искусства конца XIX — нач. XX вв. справедливо считают, что весь ужас Альмы, Инкермана и Черной речки, подготовленный ослепленной плащпарадными тонкостями николаевской военной системы, искуплялся «...удивительным мужеством и стойкостью удивительных войск».⁴¹ Во всех полевых сражениях Крымской войны русский солдат «...открыто и неумело подставлял грудь неприятельским пулям, а ближайшие начальники его оказывались не вполне искусными и опытными руководителями и распорядителями боя».⁴²

Увы, несмотря на то, что «...все талантливые полководцы и военные авторитеты сходятся в общем мнении...», что «...для изучения тактического искусства необходимо тщательное изучение и исследование военной истории», которая по мнению генерала Леера «...для военного является тем же, чем лаборатория для химика, обсерватория для астронома...»⁴³, история военного искусства Крымской войны просто изобилует «белыми пятнами». То, что мы до сих пор упорно не желаем признать собственных ошибок, пытаемся найти возможность во что бы то ни стало оправдать их чем угодно — крайне опасно и гораздо более вредно для будущего. «...Великие практики всегда безжалостно уничтожали символы, потерявшие смысл, пережившие самих себя. Если нам путь к победе преграждают предрассудки и мы окажемся не в силах перешагнуть через них, то нас ждут одни неудачи и поражения».⁴⁴

Рассматривая Чернореченское сражение в контексте Крымской кампании, мы должны исходить из того, что «...война имеет свои строгие законы», пренебрегать которыми, «... хотя бы из идеальных побуждений»⁴⁵ не только ошибочно, но и опасно. События августа 1855 г. нагляднейшее тому подтверждение.

Как и любой иной труд по военной истории, разбор военных аспектов поражения русской армии на Черной речке имеет большое практическое значение. Изучение военной истории — одно из лучших средств усвоения здоровой⁴⁶ теории военного дела. По свидетельству генерала Жомини: «...критический разбор одной кампании принес ему более пользы, чем изучение всевозможных догматических сочинений».⁴⁷ Подробные и беспристрастные военно-исторические сочинения, основанные на достоверных источниках, будут надежными проводниками и красноречивыми проповедниками основных истин военной науки.

Итак, переходим к событиям августа 1855 г...

⁴¹ Симанский П. Бой при Четати // Военный сборник № 1, СПб., 1904 г., С. 56

⁴² Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный сборник, № 2, 1872 г., СПб., С. 240

⁴³ Трескин Д. Н. Курс военно-прикладной педагогики, Киев, 1909 г. // О долге и чести воинской в российской армии, М., 1990 г., С. 275

⁴⁴ Свечин А. А. Предрассудки и боевая действительность // Хорошо забытое старое М., 1991 г., С. 110

⁴⁵ Меньшиков М. Центральная цитадель нации // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики, М., 2002 г., С. 169

⁴⁶ Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный сборник, № 2, 1872 г., СПб., С. 231

⁴⁷ Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный сборник, № 2, 1872 г., СПб., С. 231

ПРЕЛЮДИЯ К БИТВЕ

«Хороший полководец не только видит путь к победе; он также знает, когда победа невозможна»

Полибий. «История», (ок. 125 г. до н.э.)

СОЮЗНИКИ: В ОЖИДАНИИ КОНЦА ДРАМЫ

К началу августа 1855 г. в Крыму установилось относительное затишье, которому предшествовал период напряженного противостояния в июне и июле. Как бы историки не ругали князя Меншикова за проваленный им первый период борьбы за Севастополь, не подлежит сомнению наличие смысла в его оценке и выборе стратегических позиций. Благодаря обдуманному действию главнокомандующего было сделано главное — Севастопольская крепость не потеряла коммуникации. Ни внутри театра военных действий, ни связывающих с материковой частью империи. Потому что «...князь Меншиков (1854 г.) стал на дороге Севастополь — Бахчисарай и тем заставил англо-французов очистить сообщение Севастополя через северную сторону...».⁴⁸

Последовавшие энергичные действия у Балаклавы и ряд малых кавалерийских дел у Евпатории и в Байдарской долине обеспечили союзникам хотя и малоинтенсивную по накалу и энергии боевых действий, но вместе с тем невероятно тяжелую зиму 1854–1855 годов.

Вдоволь испытав не себе ее «прелести», намерзшиеся и изголодавшиеся союзники стремились во что бы то ни стало избежать повторения перспективы очередной зимовки в полевых условиях. Тысячи унесенных болезнями и непогодой жизнью английских, французских, турецких офицеров и солдат служили негласным напоминанием, что очередное испытание невзгодами крымского климата может стать роковым: «...По мере продолжения Крымской кампании уныние все больше овладевало и той и другой стороной. В лагере союзников свирепствовали холера и пьянство, военные трибуналы и телесные наказания».⁴⁹

Ситуация совершенно не способствовала подъему боевого духа: «...местность в тылу боевых линий превращается в вязкую трясищу...», а «...войска для холода плохо экипированы; бараньи шкуры, крымские плащи, просторные шинели с воротником

⁴⁸ Мазюкевич М. О блокаде крепостей // Военный сборник, № 7, 1883 г., СПб., с. 123

⁴⁹ Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 341

и капюшоном придут из Франции слишком поздно. Вырубаемый на дрова лес быстро рдеет, и изобретательность людей должна заменить отсутствие средств...».⁵⁰ Положение спасало относительно неплохо, пусть и с опозданием, налаженное снабжение войск, которое удалось создать, используя морские коммуникации и созданные базы снабжения войск в Крыму.

Продолжали уносить жизни различные болезни, которыми так богата оказалась Крымская война. Офицеры и солдаты оккупационных войск в Крыму гибли не только во время сражений. Специалисты отмечают их плохое обеспечение всем необходимым, а также «большую изобретательность и расторопность по части казнокрадства» поставщиков. Процент смертности иностранных солдат от болезней был очень высок. Уже к январю 1855 г. в британских частях под Севастополем насчитывалось 23 тыс. больных, раненых и обмороженных.⁵¹

К лету 1855 г. неопределенность ситуации в Крыму вызывала все более возрастающее раздражение в политическом руководстве Англии и Франции, для которых затянувшаяся война с упорно не желавшей сдаваться Россией становилась все более дорогостоящей «забавой». Общественная огласка реального состояния британских частей в Крыму, особенно во время и сразу после зимы 1854–1855 гг., привела к отставке правительства Великобритании. Новый кабинет предпринял ряд перестановок в военном командовании и подключил целый ряд государственных и частных организаций для выхода из тупиковой ситуации. К лету 1855 г. ситуация улучшилась, но увеличение размаха боевых действий требовало новых усилий от и без того далеко не совершенной службы снабжения английской армии.

Тяжелое положение британских солдат в Крыму не раз становилось предметом обсуждения в парламенте. Так на заседании палаты общин 26 января 1855 г. депутат-радикал Ребек предложил вынести вотум недоверия правительству лорда Абердина, заявив, что «по имеющимся сведениям, в Крыму из полусотни тысяч британцев уцелело 14 тыс., из них лишь 5 тыс. здоровых». Другой депутат, лорд Статфорд, рассказал своим коллегам о посещении им одного из госпиталей в Балаклаве. По его словам, обстановка там была ужасной — грязь, спертый воздух, отсутствие чистого белья, раненые валялись на полу, одеяла передавались от умерших и заразных больных еще здоровым. Впечатление от обсуждения вопроса было настолько тяжелым, что на этом заседании депутаты 305 голосами против 148 вынесли правительству вотум недоверия и оно вынуждено было уйти в отставку.⁵²

Весной 1855 г. англичанам ценой нескольких грандиозных скандалов в прессе и последовавших за ними отставок высоких чиновников удалось кое-как наладить санитарную службу. Для французов ситуация, наоборот, усугубилась. По данным доктора Шеню только в период с 1 мая 1855 г. по 31 октября 1855 г. в армии в Крыму насчитывалось больных 85156 человек, из них умерло 12378. В госпитали Константинополя было эвакуировано 49273 человека, но и там условия были не лучше. В результате поездка в Турцию стоила жизни еще 9122 французским солдатам и офицерам.⁵³

⁵⁰ Ж. Брюнон, Ж. Маню Иностранный легион 1831–1955 М., 2003 г., С. 60

⁵¹ Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре М., 1991, С. 103–104

⁵² Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре М., 1991, С. 103–104

⁵³ Chenu, Jean-Charles. Rapport au conseil de santé des armées sur les résultats du service médico-chirurgical aux ambulances de Crimée et aux hôpitaux militaires français de Turquie, pendant la campagne d'Orient en 1854–1856–1856, Paris. 1865. P. 151

**Потери английской и французской армий от болезней в Крыму
(по данным сэра Томаса Лонгмора, главного хирурга британской армии)⁵⁴**

Боевой состав действующей армии	Четырехмесячные периоды	Умерло от болезней	Умерло от болезней на 1000 чел.
Британская армия			
31333	сентябрь-декабрь 1854 г.	2373	
	январь-апрель 1855 г.	7389	235,8
	сентябрь-декабрь 1855 г.	463	
50116	январь-апрель 1856 г.	218	4,3
Французская армия			
49150	сентябрь-декабрь 1854 г.	1857	37,7
88250	январь-апрель 1855 г.	7666	75,5
137750	сентябрь-декабрь 1855 г.	8473	61,5
125250	январь-апрель 1856 г.	17129	137,0

Основные проблемы вызвало элементарное несоблюдение норм личной гигиены. Шеню справедливо отметил, что французам пришлось расплачиваться за халатность в обеспечении медицинских подразделений, недооценку местных условий: «Природа отомстит за отрицание своих законов».⁵⁵

В итоге, у союзников из 95 515 павших в Крымской кампании на долю русского оружия пришлось 10 240 убитых и примерно столько же умерших от полученных ран. Остальные более 75 000 унесли болезни. Чтобы цифры выглядели более наглядными, французский ученый показывает, что в среднем, на каждую тысячу участников погибло в боях 34 человека, а 121 умер преимущественно от желудочно-кишечных заболеваний, главным образом тифа, холеры и дизентерии.⁵⁶

Активных военных действий в начале 1855 года стороны не вели, предпочитая ограничиваться накоплением сил, совершенствованием инженерных сооружений и артиллерийских позиций. Союзники накапливали запас, необходимый для продолжения кампании. Ими была создана мощная система батарей, позволявшая осуществлять непрерывный обстрел Севастополя. Нужно отдать должное продуманности этой системы, позволившей методично разрушать крепостные укрепления и вынуждать их защитников расходовать средства и силы на их восстановление. Не меньшего внимания заслуживает налаженная к весне система организации непрерывного тылового обеспечения войск, находящихся в передовой линии траншей и, прежде всего, на батареях. Сильно выручала проложенная от Балаклавы к передовым позициям железная дорога.

Русские, в свою очередь, продолжали совершенствовать оборону города, совершать постоянные ночные высадки силами подразделений не более батальона, с целью разрушения построенных позиций, захвата, порчи или уничтожения пози-

⁵⁴ Stanhope Bayne-Jones, M. D. The Evolution of preventive medicine in the United States Army, 1607–1939 Washington 1968 P. 90–91

⁵⁵ Chenu, Jean-Charles. Rapport au conseil de santé des armées sur les résultats du service médico-chirurgical aux ambulances de Crimée et aux hôpitaux militaires français de Turquie, pendant la campagne d'Orient en 1854–1856–1856, Paris. 1865. P. 236

⁵⁶ Chenu, Jean-Charles. Rapport au conseil de santé des armées sur les résultats du service médico-chirurgical aux ambulances de Crimée et aux hôpitaux militaires français de Turquie, pendant la campagne d'Orient en 1854–1856–1856, Paris. 1865. P. 236

Генерал Эдмон Лебеф. В 1855 г. — командующий артиллерией французской армии под Севастополем. С 1869 г. — военный министр Франции.

ционного имущества, шанцевого инструмента. В некоторых случаях силы для проведения активных действий значительно увеличивались. «Подобные атаки повторяются часто, то с одной, то с другой стороны, но повседневное существование солдат отличается такой же монотонностью, которую позже узнают бойцы 1914–1917 гг.».⁵⁷

Эти непрекращающиеся действия вскоре превратились в ведущую по ночам добровольцами с обеих сторон «малую войну»,⁵⁸ тактика которой находилась в тесном взаимодействии с системой активной инженерной обороны Севастополя, предложенной Толлебенем, значительно дополняя ее.

Неосмотрительно принявшие навязанную им выдающимся военным инженером тактику, английские и французские командующие попали в стратегическую ловушку. Но определенные уроки извлекли. Поняв, что рыть траншеи, это все-таки лучше, чем рыть могилы, союзники стали гораздо большее внимание уделять развитию системы собственных инженерных сооруже-

ний. Французы быстро продвинули свои осадные позиции почти на 200 метров к 4-му бастиону и первоначально поверили в перспективу успеха в минной борьбе, так как «...грунт представлял чрезвычайные удобства для минной войны, образуя прослойку глины между двумя каменистыми пластами; в этой прослойке можно было вести галереи без укрепления их деревянными рамами».⁵⁹

Последующее продолжение соревнования с русскими саперами убедительно показало полную несостоятельность инженерной мысли союзников: «...Французы затеяли минную борьбу как дилетанты и позволили опытным русским саперам одержать целый ряд успехов...»⁶⁰, еще раз доказав на практике, что генерал Тотлебен был не только великолепный организатор, но и «...артист-минер».⁶¹ Не менее уважительно отзывались о нем и противники, характеризуя его как человека «незаурядного», который «...олицетворяет оборону, он ее душа и вдохновение. Он работает против нас, а в нашем лагере говорят только о нем. Какой престиж должен иметь он среди тех, для кого он является наиболее солидной опорой».⁶²

Кажущийся успех в достижении 200-метрового расстояния до 4-го бастиона на деле оказался призрачным; «...англичане вперед не продвигались, так как английская армия, несмотря на присылаемые пополнения, частью вымерла и эвакуировалась, ча-

⁵⁷ Брюнон Ж, Маню Ж. Иностраный легион 1831–1955 М., 2003 г., С. 60

⁵⁸ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 64

⁵⁹ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 64

⁶⁰ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 64

⁶¹ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 64

⁶² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2004 г., С. 67

стью дезертировала; в строю осталось всего 8 тыс., на которых ложилась непосильная работа».⁶³

Не удалось союзникам поколебать дух гарнизона крепости, который, по мнению Тотлебена, наряду с отсутствием блокады, многочисленностью и правильным расположением артиллерии, а также крайней нерешительностью союзного командования, стал одной из причин, способствовавших продолжительной обороне города. К маю 1855 г. союзники наконец-то поняли, что «...война с русскими – не шутка».⁶⁴

Англичане, быстро назначили виновного за допущенные ошибки. Главный инженер Джон Бергойн был объявлен «крайним» и обвинен в потере стратегической инициативы в октябре-ноябре 1854 г., балаклавском «разгроме» и ужасах русской зимы, которые, как с удивлением узнали привыкшие к войнам в теплых регионах сыны «Туманного Альбиона», иногда случаются в России. В 1855 г. генерал был удален из Крыма по явно надуманной причине якобы медленного хода осадных работ под Севастополем.

Был существенно поколеблен и традиционный британский снобизм. Скрипя зубами англичане решились поучиться у союзников организации снабжения войск.

В январе 1855 г. герцог Ньюкасл сообщил лорду Раглану, что генерал-майор Ноллис и генерал-интендант сэр Чарльз МакЛин отправляются в Париж изучать структуру гражданского и административного департаментов французской армии. Особое внимание планировалось уделить интендантству, ответственному за наземный транспорт. В том же письме Ньюкасл предписывает Раглану выделить двух офицеров (одного от артиллерии или от инженерных войск, а второго – от интендантства) для проведения подобного исследования в Крыму. Между тем, лорд Лукан, командующий кавалерией экспедиционного корпуса, предложил создать под своим командованием полностью военизированный корпус погонщиков мулов в составе полка, разбитого на эскадроны под управлением офицеров и сержантов от кавалерии, либо конной артиллерии. В качестве мотивации для перевода предлагалось временно повышать таких военнослужащих в звании на один ранг, с последующим утверждением этого звания через два года службы.

Доклад генерал-майора Ноллиса и сэра Чарльз Маклина был представлен 5 марта 1855 г. В подробнейшем анализе всей системы управления французской армией особенно много места отводилось *Corps d'Intendance Militaire* – военному интендантству. Будучи частью французской армии, интендантство по сути являлось отдельным военизированным формированием со своим уставом, субординацией и иерархией. Комплектовалось оно кадровыми военными в звании не ниже капитана, переводимыми в интендантство из регулярной армии. Одно из управлений интендантства – Военно-транспортное управление, отвечало за военные перевозки. Оно состояло из шести эскадронов, по четыре роты в каждом, с дублированным кадровым обеспечением на случай развертывания до восьми рот в случае войны. В мирное время одна из рот каждого эскадрона постоянно находилась во Франции в качестве учебной. В целом, Ноллис и МакЛин сочли эту систему достойной подражания. Возможно именно по итогам их доклада лорд Хардинг, командующий лондонским гарнизоном, писал, что единственно возможным способом улучшить

⁶³ Свечин А. А., Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.–Л., 1928 г., С. 64

⁶⁴ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 71

ситуацию в госпитальной и транспортной службах является их реорганизация по французскому образцу.⁶⁵

Урок пошел впрок и вскоре союзникам получалось бесперебойно пополнять запасы снарядов для осадной артиллерии. Не получалось только наладить надежное подавление системы артиллерийской обороны русских. Как и при строительстве оборонительных сооружений, здесь также сыграл роль выдающийся инженерный гений генерала Тотлебена. В 1855 г. «... под Севастополем в небывалых до того времени размерах разыгралась артиллерийская борьба крепостной и осадной артиллерии, на основании которой установился для будущего принцип, что залогом быстрой осады является подавление огня крепостной артиллерии и наоборот залогом продолжительной обороны — противодействие, оказываемое осадной артиллерии крепостною; поэтому в крепостной борьбе обе стороны прежде всего направляют свои силы к тому, чтобы к началу артиллерийской борьбы не дать неприятелю перевеса, для чего скапливают возможно большее количество артиллерийских средств (орудий и снарядов), возводят возможно большее количество батарей и ведут систематический огонь. Этот основной принцип крепостной борьбы, правда, был установлен еще Вобаном, но нигде в боевой практике не получил такого яркого освещения, как именно под Севастополем. Причиной этому было обстоятельство, что Севастополь как крепость отличался слабыми преградами, но в то же время имел огромные артиллерийские запасы, потому от обороны весь центр тяжести борьбы перешел на артиллерию, чего не бывало в предшествовавших осадах крепостей, где крепостные верки обычно имели сильные долговременные преграды, но зато ограниченное по числу и снабжению вооружение. Однако, тот же Севастополь показал, что артиллерийская борьба является в крепостной войне все-таки лишь подготовительным фактором, решающее же значение у каждой из сторон имеет пехота, наносящая главный удар со стороны атаки и отражающая его со стороны обороны».⁶⁶

Французский император Наполеон III, артиллерист как и его знаменитый предок, говорил, что «крепости берет артиллерия, а пехота лишь помогает ей».

Добиваться успехов русским становилось труднее. К середине 1855 г. артиллерийские припасы крепости в значительной мере были израсходованы и гарнизону приходилось рационально использовать имеющуюся артиллерию. Поэтому своевременным стало решение провести перестановку орудий с целью достижения наибольшего эффекта от ее применения с минимальными материальными затратами. Для этого Тотлебен тщательно и продуманно расположил батареи, обустроив между ними куртины, перекрыв, таким образом, слабо защищенные участки между бастионами. На них он «...развернул главные артиллерийские позиции обороны; это было первым толчком к идее «выноса крепостной артиллерии из фортов на промежутки», идее, которой воспользовались затем и иностранные государства и которая стала основой в обороне крепости».⁶⁷

Стремление повышения эффективности борьбы с противником, путем подавления его батарей и разрушения осадных сооружений привело к выработке русскими

⁶⁵ Sweetman, John. Military Transport in the Crimean War, 1854–1856//The English Historical Review, Vol.88, №346 (Jan., 1973). P. 81–91

⁶⁶ Яковлев В. В. История крепостей, М., 2000 г., С. 153–154

⁶⁷ Яковлев В. В. История крепостей, М., 2000 г., С. 154–155

артиллеристами наиболее целесообразного способа массирования огня – маневрирования траекториями.⁶⁸

Говоря о принципе активной обороны, положенном в основу защиты Севастополя русским командованием, и о котором мы уже не раз говорили в предыдущих книгах, нужно учитывать, что он не был новым в военном искусстве середины XIX в. В Крыму его лишь довели почти до совершенства: «...обращаясь к обороне Севастополя с точки зрения военно-инженерной науки... ограничимся следующим замечанием: оборона Севастополя, если и не положила начало активных действиям гарнизона (понимая эти действия в обширном смысле; т.е. включая сюда главным образом и действия активно-оборонительные или контр-апроши), то, по крайней мере, она представляет наилучший пример разнообразнейшего и самого обширного развития этого принципа. Без преувеличения можно сказать, что в смысле обороны Севастополь (1854–1855 г.) имеет такое же значение, как Маастрихт, Флинсбург и Ат (1975–1997 г.), в смысле атаки крепостей; но для инженерной науки это значение уმაлялось тем, что последовавшее вслед за Крымской кампанией быстрое усовершенствование артиллерийских орудий поглотило внимание всех военных и заставило их, не обращаясь к урокам прошлого, ждать новых событий для указания новых правил на будущее время».⁶⁹

Новым стало то, чего не мог предвидеть даже такой великий фортификатор как Вобан. Вопреки всем правилам и традициям Севастополь не думал сдаваться. Ожесточение гарнизона, особенно моряков, казалось, имело неослабевающее стремление доказать всем, что гибель флота не означала его духовного поражения, а на суше моряки вполне компенсировали своей доблестью горечь от потери собственноручно затопленных кораблей: «На основании правил, данных Вобаном для осады крепостей, и отчасти на основании опыта прежних войн, установилось мнение, 18 дней сопротивления составляют крайний предел продолжительности сопротивления крепости. Такое общее мнение, за редкими исключениями, существовало до 1854 г., т.е. до осады Севастополя. Оборона этого города, длившаяся почти год, поистине имеет право на присвоенное ей название беспримерной. Она осязательно доказала, что сила обороны крепости зависит менее от прочности ее стен, чем от искусного расположения верков и от мужества и упорства ее гарнизона. В этом случае, искусное расположение укреплений восполняло собой недостаток прочности ограды, а мужество и должная численность гарнизона давали возможность восстанавливать разрушаемые укрепления, возводить новые (контр-апроши), и, так сказать, вести осаду против осады. Никто, серьезно относящийся к вопросу и подробно изучавший

Генерал-адъютант Павел Александрович Вревский (1809–1855 гг.). Погиб в сражении на Чёрной речке. Его считают одним из виновников поражения русской армии в этот день.

⁶⁸ Денисов А. П., Перечнев Ю. Т. Русская береговая артиллерия. Исторический очерк, М., 1956 г., С. 116

⁶⁹ Крепости и современная артиллерия//Военный сборник, 1874 г., № 9, СПб., С. 92

Генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев (1807–1870 гг.). Ранен во время отбития последнего штурма Севастополя. Вторая половина XIX в.

действия обороняющегося в Севастополе, не станет отрицать, что при этой обороне русское военно-инженерное искусство покрыло себя неувядаемыми лаврами».⁷⁰

Действительно, суть происшедшего в Крыму совсем не в патриотических эпитетах, вроде «героическая», «доблестная» и проч., которые так любят особенно современные историки, используя их иногда даже в противовес здравому смыслу. Защита Севастополя – редкий случай в военной истории, когда полевые укрепления остановили неприятеля, превратив крепость из легкой добычи в «крепкий орешек».

Работы по совершенствованию обороны велись непрерывно, в любое время года и в любых погодных условиях. В результате, в кратчайшие сроки, когда «...фортификационные постройки, возведенные даже при столь невыгодных обстоятельствах», постепенно доводились «...до такого вида, что неприятель был принуждаем отрывать против них траншеи», Севастополь стал примером фортификационного чуда, в котором «...большая часть укреплений была приведена в должный вид и вооружена артиллерией уже в то время, когда осаждающий открыл из своих стрелковых ложементов штуцерный огонь».⁷¹

Неожиданным итогом такого упорства защитников стало то, что первые признаки моральной подавленности стали проявляться не среди гарнизона крепости, что казалось бы, должно соответствовать логике ситуации, а среди осаждавших ее противников: «В январе положение англичан, бравших до того на себя половину задач под Севастополем, стало настолько трудно, что они сообщили французам, что не только не могут продвигаться вперед, но не могут и охранять занимаемое расположение, и просили французам сменить их части на правом фланге, против Малахового кургана».⁷²

Постепенно основная тяжесть ведения осадных действий переходила на плечи французского контингента.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Воюющие стороны к лету 1855 г. столкнулись с одинаковой проблемой, которую необходимо было решать как можно скорее – руководство. Проще всех разрешили сей

⁷⁰ Крепости и современная артиллерия // Военный сборник, 1874 г., № 9, СПб., С. 91–92

⁷¹ Мазюкевич М. Временные укрепленные лагеря // Военный сборник, 1880 г., № 11, СПб., С. 69

⁷² Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.–Л., 1928 г., С. 64

ребус британцы. По крайней мере, без сильных интриг. Естественная смерть Раглана потребовала замены командующего и они быстро сделали выбор — как всегда неудачный. Теперь нужно было принимать новое решение и никто не хотел повторной ошибки: «... британское правительство не могло найти достойной кандидатуры для замены Раглана. Временно исполняющим обязанности командующего был назначен генерал Симпсон, от всей души ненавидевший этот пост. «На меня тяжким бременем ложится общение с союзниками, — докладывал он в Лондон. — Никто не мог выполнить эту работу лучше моего покойного командира. Я искренне уверен в том, что на этой должности нужен не такой человек как я... Считаю необходимым просить о моей замене на этом посту». Но откуда было взять другого генерала? Ходили слухи о том, что следующим командующим станет лорд Хардиндж. Адмирал Хьюстон-Стюарт писал по этому поводу лорду Панмору: «Они кажется склоняются к кандидатуре Хардинджа. Я думаю (чтобы не сказать надеюсь), что такое назначение не состоится... По-моему, сейчас более чем когда-либо, стало очевидным как Англии не хватает такого человека как лорд Раглан. Эта потеря оказалась невосполнимой».⁷³

Дивизионный генерал Эрбиллон (Emile Herbillon). Во время сражения на Чёрной реке командовал французскими войсками.

Бездарность Симпсона вскоре стала реальностью. Ответственность давила на генерала тяжким грузом, и всего за несколько недель он постарел на несколько лет.

Его отношения с французами не стали лучше, чем при Раглане: «... Все знали, что французы совершенно не считаются с мнением генерала Симпсона. Англичане, сидя в тесных траншеях и пытаясь побороть страх, были согласны с союзниками. Впоследствии офицеры вспоминали, что все боялись повторения 18 июня».⁷⁴

Правда, у самих французов все тоже было далеко от совершенства. Существенное влияние на развитие ситуации в Крыму оказала замена генерала Канробера, оказавшегося не лучше своего предшественника — «постоянно путавшего тактику со стратегией» маршала Сент-Арно. Канробера сменил более напористый и энергичный генерал Пелисье.⁷⁵ Замена приветствовалась офицерами французского контингента. Новый командующий олицетворял боевой дух армии, в которой считали, что Канробер обладая «...такими заместителями, как Пелисье, Боске ... может сегодня предпринять все».⁷⁶

Эта ротация для французов была необходимой, так как сосредоточив основные усилия на позиционной борьбе под Севастополем, Канробер, самый слабый из французских командующих,⁷⁷ неумышленно оказался втянутым в искусно навязан-

⁷³ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 341

⁷⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 342

⁷⁵ Walters, Travis. D., Military Genius in the Crimean War // The War Correspondent., Vol. 22 Number 3, October 2004, P. 44

⁷⁶ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 65

⁷⁷ Walters, Travis. D. Military Genius in the Crimean War // The War Correspondent., Vol. 22 Number 3, October 2004, P. 44

Чоргунский мост-акведук. Построен в 40-е гг. XIX в. по инициативе адмирала М.П. Лазарева. Являлся частью самотечного водопровода длиной 18 км, подававшего воду в сухие доки Лазаревского Адмиралтейства в Севастополе. Рисунок Л.Ф. Лагорио.

ный ему русскими план стратегической обороны. Для русских смысл действий, после ряда неудачных полевых сражений (Альма, Инкерман, Евпатория), сводился к тому, чтобы тщательно дозировать свои усилия, для чего необходимо было «... возможно ограничивать наши территориальные потери и заставлять продвигаться неприятеля не церемониальным маршем, а выполняя ряд крупных оперативных работ — производя перегруппировки, подтаскивая на передовые линии сотни тысяч пудов боевых припасов.... Позиционный фронт легко создается в том случае, если одна из враждующих армий представляет перевезенный из-за моря десант (Севастополь 1854–1855 гг.)».⁷⁸

Заняв пост главнокомандующего, Пелисье взвалил на свои плечи и груз руководства общими действиями союзных войск в Крыму.

К слову сказать, Канробер не стал единственным, кому стойкость Севастополя стоила должности. Адмиралы Дандас и Гамелен, не сумевшие в полной мере использовать все выгоды от господства союзного флота на море, вынуждены были сдать командование: первый адмиралу сэру Лайонсу, второй — адмиралу Брюа.⁷⁹

⁷⁸ Свечин А. А. Стратегия // Военный вестник М., 1927 г., С. 34

⁷⁹ Кириллов П. Синоп: победа и поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, № 2, 1999 г., С. 14

Смена командующих не улучшила положение в союзных штабах. Англичане и французы продолжали тихо и с уважением ненавидеть друг друга, считая исключительно «заклятых друзей» виновными в том положении, в котором они оказались.

Но и это было не самым страшным. В августе 1855 г. французские военные мало того что считали, что их английские союзники ни на что больше не годятся. Они уже не были согласны с планами собственного командующего — Пелисье и видели новую кандидатуру на этот пост в прибывшем недавно в Крым генерала Ниеле: Император, разделявший эту точку зрения, решил отправить Пелисье в отставку за то, что тот настаивал на продолжении боевых действий. Письмо об отставке Пелисье было уже на пути в армию, когда его сторонникам удалось переубедить императора и перехватить этот приказ буквально в последний момент.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ПРОБЛЕМУ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВОЙНЫ

В своем стремлении коренным образом изменить ситуацию, не допустить дальнейшего бесконечного затягивания военных действий в Крыму и удержать инициативу, союзники начали переориентировать центр тяжести на операции вне линии осадных позиций. Пелисье, реально осознавая, что «...в новых условиях незачем терять время и средства на осаду Севастополя, сохранявшего свободные сообщения...», решил принять новую стратегию сокрушения: «...атаковать русскую живую силу — полевую армию, уничтожить или отбросить эти 50–60 тыс., перерезать сообщения Севастополя...».⁸⁰

Он обратил свой взгляд в сторону от осадных работ, на циркумвалационную линию вокруг крепости, которая к тому времени перестала быть таковой по своей сути. Изоляции гарнизона и нарушения связи его с внешним миром, предотвращения возможности снабжения Севастополя всем необходимым для выдерживания длительной осады она не выполняла. По мнению Джеймса Мортон, одного из создателей системы укреплений береговой обороны США, взявшего для этого многое из опыта Крымской войны: «...циркумвалационные линии союзников под Севастополем были построены с единственной целью: ограждения армии от нападения русских, то есть сугубо оборонительными».⁸¹

Еще один из американских военных, генерал федеральной армии периода Гражданской войны (1861–1865 гг.) Джордж Мид, считал, что кампания под Севастополем, в которой союзникам не удалось перерезать пути снабжения русских войск, была «длительным процессом полуосады», грозившим затянуться бесконечно долго.⁸²

Важным для определения дальнейшего хода вооруженной борьбы в Крыму оказалось мнение императора Наполеона III, небезосновательно опасавшегося дальнейшего затягивания войны и как результат, что «...осада Севастополя может превратиться в многолетнюю Троянскую войну».⁸³

⁸⁰ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М. – Л., 1928 г., С. 65

⁸¹ James St. Morton. Memoir On The Dangers and Defences of New York City. Washington, 1858, P. 72–73

⁸² Маль Кирилл. Гражданская война в США 1861–1865, М., 2002 г., С. 406

⁸³ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М. – Л., 1928 г., С. 65

Перенос основных усилий союзных войск на территорию вне осадной линии мог привести к разрыву сообщений и соприкосновений крепости с полевой армией, при отсутствии которых Севастополь «...не продержится и в течение недели».⁸⁴

Такое изменение характера боевых действий могло, по мнению французского императора, полностью использовать наметившийся перевес сил союзников, которые постоянно пополнялись. Образованный артиллерист, автор нескольких книг по теории артиллерии, в том числе довольно интересной работы «История орудий используемых современными армиями» (1849 г.), Наполеон III весьма оперативно реагировал на ситуацию в Крыму. С начала 1855 г. он категорически запрещал любые второстепенные действия. Для наблюдения и контроля им был послан в Крым генерал-адъютант военный инженер Ниель, которого, как выше говорилось, император был не против увидеть на посту главнокомандующего. Прибытие этого выдающегося военного специалиста имело большое значение: «Его роль, достаточно серьезная, хотя совершенно неопределенная, состоит в том, чтобы следить за всем весьма тщательно и отчетываться прямо перед французским правительством».⁸⁵ Ниель стал одним из тех, кто создал условия, приведшие к поражению русской армии на Черной речке.

Англичане рассуждали почти аналогично, с той лишь разницей, что, по их мнению, «...всякое углубление внутрь полуострова, атака неведомых позиций, маневрирование при отсутствии кавалерии и обозов, являлось авантюрой».⁸⁶ В свою очередь они предложили провести ряд экспедиций в города на побережье Черного и Азовского морей, что могло не только усугубить положение русских, лишив их нескольких баз, но и перережет важные артерии снабжения. В данном случае, традиционным для британцев способом было ведение боевых действий против прибрежных баз с использованием силы собственного флота.

Французский вариант, таким образом, предполагал сокрушение русских, а английский – их измор. Одинаковым в обоих случаях было перенесение действий за пределы Севастополя. Признаем, что при всех присущих внезапным планам недостаткам, оба оказались достаточно эффективными по полученным результатам.

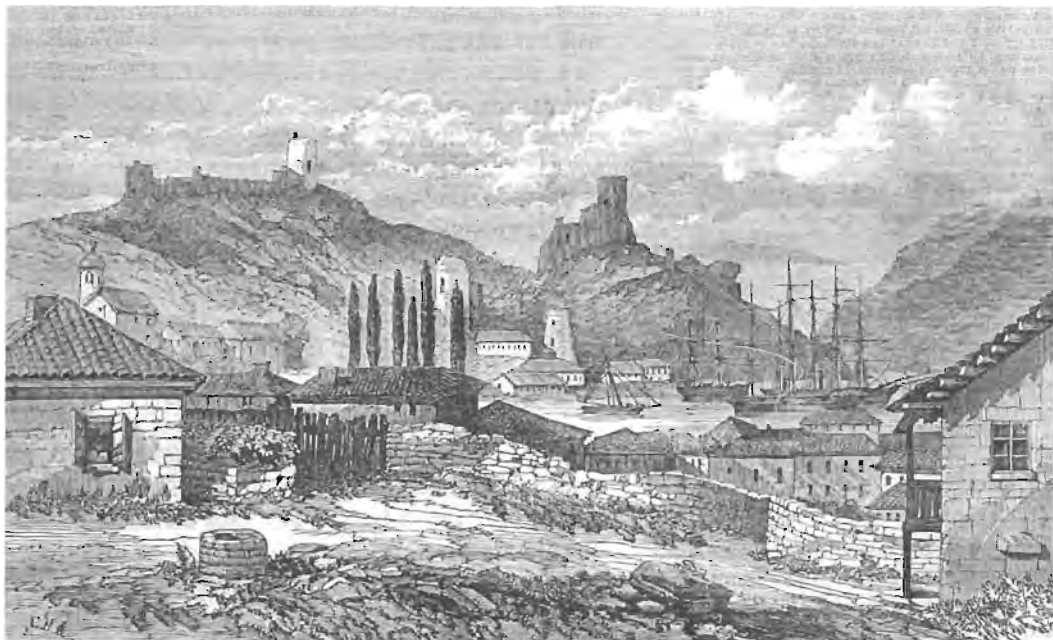
Вскоре англичане предприняли экспедиции в Керчь, Бердянск, Геническ, Таганрог, Ейск и Мариуполь. Правда с последним не обошлось без очередного курьеза.

Первое нападение на него было совершено союзной «Летучей эскадрой» в составе 18 судов, 24 мая 1855 г. Город бомбардировался с 9 до 13 часов. Было сожжено, разрушено и повреждено 20 домов и амбаров; в порту, на бирже английским десантом поджигателей истреблены все заведения (амбары, склады, торговые конторы). Но оказалось, почти все они принадлежали иностранцам, в том числе французам, австрийцам и тем же англичанам. То что англичане сожгли амбары, принадлежавшие их соотечественникам, никого не трогало – сами разберутся. Но уничтожение ими австрийского, французского имущества... Ближайшая телеграфная станция находилась тогда в Кременчуге так, что через пять дней газеты, прежде всего Вены, а также Парижа, и Лондона, сообщили своим читателям пренеприятнейшую весть: англичане используют войну для подрыва торговли своих европейских партнеров. С таким трудом сколоченный против России союз извечных врагов – Англии и Франции, грозил дать трещину с непредсказуемыми последствиями. И все это на фоне прова-

⁸⁴ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.–Л., 1928 г., С. 65

⁸⁵ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2004 г., С. 66

⁸⁶ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.–Л., 1928 г., С. 66

Балаклавская бухта в 1855 г. Английский рисунок сер. XIX в.

ла штурма Севастополя и перспективы затяжки войны. В эти дни телеграф между тремя европейскими столицами работал более оживленно, чем обычно. В результате потерпевшим владельцам было обещано возмещение убытков. А поскольку в Мариуполе много еще было жилых домов, контор и складов иностранцев, то во избежание повторения скандала, союзники сделали самое простое — больше их корабли к Мариуполю не подходили. Мариупольцы могли видеть время от времени дымы на горизонте, иногда одно-два судна показывались вдаль, но и только. И в то же время, как следует из хроники, беспощадно бомбардировались Бердянск, Таганрог, в огне было все побережье Азовского моря.⁸⁷

Действовали союзники по привычке. Как разбойники. С дымом горящих приморских городов окончательно рассеялся образ мифический «рыцарской войны». Тотлебен, как бы он ни был лоялен к французам, отметил однозначно: «...Взятие Керчи и безбожное поведение союзников произвели на меня такое тяжелое впечатление, что мне и в голову не могло придти заговорить с французами во время перемирия о Керчи и о благородном поведении французского флота. Moniteur сочинил обо всем от первой до последней строчки».⁸⁸

Но война всегда цинична. То, что одни называют разбоем, другие определяют как военный успех. Как бы не подвергали англо-французские рейды критике современные исследователи, называя «пиратскими» и «негуманными» — в основном цели ими были достигнуты. За две недели были уничтожены или захвачены до 500 рус-

⁸⁷ Дубровин В. Азовская тайна Крымской войны // Military Крым. № 12. Симферополь, 2009 г. С. 16–19

⁸⁸ Шильдер Н. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Том 1. СПб, 1885 г. Приложение к главе 5-й. С. 49–87

Полковник Александр Александрович Бельгард – командир Украинского пехотного полка. Убит в сражении на Чёрной реке.

ских торговых судов. Были потеряны «...запасы продовольствия на стотысячную армию на срок четырех месяцев; небольшая часть этих запасов досталась союзникам. Наши войска в Крыму с этого момента были обречены на сокращенный, голодный паек...».⁸⁹

Не будем здесь детально рассматривать Азовскую кампанию, хотя там есть немало интересного. Надеюсь, это станет темой отдельной книги.

РУССКИЕ: В ОЖИДАНИИ РАЗВЯЗКИ

У русских войск к началу лета 1855 г. далеко не все и не всюду было хорошо. Положение обороняющихся становилось тяжелее с каждым днем. Вне осадной линии, особенно после сражения у Балаклавы и тяжелейшего кровопролитного сражения при Инкермане в 1854 г., командование более не рисковало предпринимать каких-либо активных действий, тем более против

значительно пополнившего свои силы союзного контингента. Этим не преминуло воспользоваться союзное командование, шаг за шагом начав диктовать свои условия ведения боевых действий: «Начиная с конца апреля 1855 г. инициатива военных действий под Севастополем принадлежит союзникам. В результате мощных наступлений они захватывают одно за другим полевые укрепления, сооруженные русскими с внешней стороны их оборонительной линии, и отбрасывают противника за основной защитный пояс крепости».⁹⁰

Реалии войны потребовали от русского командования укрепления новой потенциальной операционной линии в случае взятия союзниками Севастополя. Началось создание нового укрепленного комплекса на базе Николаева в 1855 г. Географическое его положение было на новом вероятном направлении действий противника: «Временный лагерь, построенный у Николаева во время войны 1854–1855 гг., в предположение наиболее вероятных дальнейших действий неприятеля, представляет интересный пример в том отношении, что в этом случае, пользуясь огромными средствами Николаевской корабельной верфи, в течение шести месяцев была выстроена столь сильная оборонительная линия, что могла бы выдержать продолжительную осаду».⁹¹

7 июня союзники, хотя и ценой больших потерь, взяли Камчатский люнет, Вольнский и Селенгинский редуты. Это еще одно из масштабных и интереснейших многодневных сражений Севастопольской обороны, которое, надеюсь, в ближайшее время будет подвергнуто детальному исследованию.

⁸⁹ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М. – Л., 1928 г., С. 67–68

⁹⁰ Брюнон Ж, Маню Ж. Иностраннный легион 1831–1955, М., 2003 г., С. 61

⁹¹ Мазюкевич М. Временные укрепленные лагеря // Военный сборник, 1880 г., № 11, СПб., С. 69

Следом русскими были потеряны позиции в районе кладбища — перед правым флангом крепостной линии обороны. В обоих случаях, по мнению Свечина, князь Горчаков «...почти сознательно отказался от расходования резервов на передовые позиции Севастополя... Между тем, если бы он затянул борьбу на этих пунктах, Пелисье, которым был очень недоволен Наполеон III, был бы смещен, в рядах союзников началось бы разложение. Моральное состояние войск коалиции в Крыму, в частности англичан, по воспоминаниям командира 46-го пехотного полка было к августу 1855 г. упадочным».⁹² Уступчивость же Горчакова, вытекавшая из его пессимистического настроения, только усилила позицию Пелисье. «Горчаков жалел расходовать войска на защиту географических пунктов и берёг их для решительного полевого боя, что при сложившихся условиях войны было неправильно».⁹³

Эти бои наглядно демонстрировали насколько гарнизон города измотан месяцами обороны.

Понимал это и противник: «...В самом Севастополе эйфория, овладевшая русскими после победы 18 июня, сменилась долгими днями отчаяния. 13 июля от полученных тремя днями ранее ран умер адмирал Нахимов. Тотлебен тоже был ранен и отправился на лечение в свое имение в Бельбеке. Когда в городе не стало этих людей, начал угасать и боевой дух гарнизона и населения. Оборонительные укрепления сохранили свою мощь, но многие городские здания, в том числе и жилые дома, лежали в руинах. Шли приготовления к эвакуации населения и отступлению армии на Перекоп».⁹⁴

В некоторых батальонах, толком и не побывавших на бастионах, численность личного состава была меньше штатной на 150–200, часто еще меньше, человек. Так, один из батальонов Муромского полка насчитывал 7 июня 1855 г. в строю не более 450 офицеров и нижних чинов, а в 3-м батальоне Полтавского полка подполковника князя Урусова — не более 500.⁹⁵ В частях, находившихся на оборонительной линии, эти цифры были еще более удручающими. На батареях ситуация была близкой к критической.

При всем этом, людской поток шел в Крым. В течение 1854 и первой половины 1855 гг. в дополнение к 6-му корпусу туда были перемещены 3-й, 4-й и часть 5-го.

Правда, фельдмаршал Паскевич постоянно высказывался против направления в Крым войск сверх необходимого (император прислушался к его мнению). Такая предосторожность обуславливалась как трудностями снабжения, так и угрозой высадки вспомогательного десанта для изоляции русских войск, а также вероятной угрозой

Генерал князь М.Д. Святополк-Мирский. В 1855 г. — полковник, командир батальона в Одесском егерском полку. Ранен в сражении на Чёрной реке.

⁹² Colin Fredrick Campbell Letters from Camp to his relatives during the siege of Sebastopol London 1894, P. 291

⁹³ Свечин А.А., Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 68

⁹⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 340

⁹⁵ Описание обороны города Севастополя под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 176

со стороны Австрии. В 1855 г., уже после смерти Николая I, в Крым направился и 2-й корпус, а для охраны коммуникаций в районе Перекопа — часть Гренадерского корпуса. Таким образом, летом 1855 г. в Крыму находилась основная часть действующих войск, имевшихся в России накануне войны.⁹⁶

Сосредоточение такой массы войск неизбежно усугубило весь букет проблем, связанных с обеспечением. Стал ощущаться дефицит всех видов материально-технического снабжения, в первую очередь продовольствия и боеприпасов. Техническая отсталость, неразвитость коммуникаций и, в первую очередь, их состояние, привели к усложнению положения русской армии. Вопрос состояния стоял особо и не выдерживал никакой критики. Во всяком случае, в такой форме о нем говорили едва ли не все, кто в той или иной степени пытался осветить проблему снабжения гарнизона Севастополя в 1854–1856 гг. Крымская война в мировой военной истории стала одной из первых, в которой увеличение операционной линии привело к увеличению трудностей подвоза запасов. До нее подобные проблемы возникали лишь у наполеоновских войск в 1812 г.

Свечин писал: «Трудности русской армии вытекали из условий гужевого транспорта. Выхода из них следовало бы искать в замощении или шоссировании важнейших путей, или в прокладке участка железной дороги; но на такие капитальные меры не пошли. Мы, впрочем, проложили 4-ю грунтовую дорогу, насыпав огромную гать через Сиваш посередине между Перекопом и Чонгарским полуостровом. Вследствие топливных затруднений и слабой распорядительности, хлебопечение в Крыму организовать не удалось. Вместо муки подвозились ржаные сухари, плесневевшие в течение длительной перевозки. «Тюря» из вскипяченных в котлах сухарей составляла основное довольствие защитников Севастополя. Удалось организовать выдачу большого количества хрена, который спасал солдат от цинги.

Необходимость проталкивать большие грузы к Севастополю привела к повышению стоимости гужевого транспорта. Лошади падали от бескормицы. Цена перевозки дошла до 1–2 коп. с пуда-версты; таким образом, транспорт, расходы на который представляли одну из важнейших слагаемых стоимости войны, обошелся нам в 50 раз дороже, чем он стоил бы при наличии железной дороги».⁹⁷

Поясняя: Свечин недаром говорит, о значении возрастания цен на перевозки. Увы, на войне бесплатно только умирают, за все остальное приходится платить. При этом немало. Постепенно кампания в Крыму становилось слишком дорогостоящим занятием для России.

Кровеносные артерии войны — коммуникации, по которым проходило снабжение войск в Крыму, находились в состоянии катастрофическом. Доставка продовольствия «...была сопряжена с невероятными затруднениями и обходилась необыкновенно дорого, потому что путей сообщения было мало, и они находились в самом плачевном состоянии. В продолжение почти двух лет, 200 тысячная армия была сосредоточена на небольшом пространстве, отделенном от внутренних хлеботорных губерний трехсотверстным степным пространством, на котором существовала лишь одна, и то грунтовая, дорога. Все, что можно было сделать для улучшения коммуникационной линии — заключалось в устройстве с огромными усилиями и издержками, шоссе между Симферополем и Севастополем. Все предметы первой необходимости надо

⁹⁶ Кухарук А. Мнимый больной // Родина М., 1995 г., № 3–4, с. 26

⁹⁷ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.–Л., 1928 г., с. 63–64

было подвозить в армию издалека: сперва за 300 верст, а потом, по мере истощения ближайших к театру войны местностей — за 600 верст и, наконец, за 900 верст. Эти дальние подвозы почти все время должны были производиться во время страшной распутицы, так как борьба в Крыму происходила в самое неблагоприятное время года: две осени, две зимы, две весны и только одно лето. Вследствие этого, медленность доставки была необыкновенная. Обывательские подводы с провиантом проходили 130 верстное расстояние от Перекопа до Симферополя в месяц времени и даже более, т.е. делали около четырех верст средним числом в день. На почтовых, по казенной надобности, приходилось употреблять на тот же переезд 10 дней, т.е. по 13 верст в сутки. Эти факты могут дать понятие о том, по какой невылазной грязи проходила наша единственная коммуникационная линия.

Ситуация была парадоксальной. Во время Крымской войны армия наша не могла воспользоваться громадными запасами хлеба, находившимися под рукой — в портах Азовского моря, единственно потому, что запасы эти были в зерне, а перемолоть его местными средствами было невозможно. Пришлось подвозить в войска муку из Екатеринославской, Воронежской, Харьковской и Курской губерний, а громадные запасы, которые могли бы вполне обеспечить продовольствие армии, пролежали под рукой даром».⁹⁸

Свою лепту добавили и те самые разбойничьи рейды неприятельского флота, парализовавшие попытки снабжения войск из портов приморских городов.

Для союзников морской путь снабжения войск в Крыму обходился значительно дешевле и позволял быстрее доставлять припасы на позиции под Севастополем из лондонских арсеналов, чем русским удавалось поставлять вооружение из центральных областей империи. Построенная в марте 1855 г. железная 22-километровая дорога из Балаклавы к Севастополю содействовала в немалой мере преодолению трудностей первого этапа, когда солдатам приходилось на своих спинах тащить все необходимое к траншеям и на батареи, о чем они с ужасом вспоминали спустя многие годы после окончания войны.

Кстати, вопреки общепринятому мнению, английская железная дорога не была первой в Крыму. Первый стук колес по стыкам рельс в Севастополе услышали еще в 1843 г., когда подрядчиком, отставным мичманом Д.К. Волоховым, была проложена дорога с конной тягой. Ее протяженность составляла около 1 км. Использовалась для транспортировки грунта при строительстве Адмиралтейства на Корабельной стороне.

В дополнение ко всем традиционным бедам русских войск, связанным с войной, на путях снабжения воцарилась невиданная коррупция, казнокрадство и воровство, усу-

Генерал М. Д. Горчаков в Севастополе. 1855 г.

⁹⁸ Глазенкамф М. Продовольствие войск в мирное и военное время русской и иностранных армий // Военный сборник, № 9, 1875 г., СПб., С. 273

«Трактирный» мост. Фото 1900 г.

гублявшие и без того сложные проблемы снабжения все более увеличивавшейся войсковой группировки. Этот разгул «чиновничьего братства» был не менее противника опасен для Крымской армии и приносил ей не меньше, если не больше, страданий, чем артиллерийские обстрелы крепости с моря и суши.

Позволю процитировать Керсновского: «Злоупотребления в интендантской части превзошли все наблюдавшиеся до сих пор. „Начиная от Симферополя, — пишет один из севастопольцев, — далеко внутрь России, за Харьков и за Киев, города наши представляли одну больницу, в которой домирало то,

что не было перебито на севастопольских укреплениях. Все запасы хлеба, сена, овса, рабочего скота, лошадей, телег — все было направлено к услугам армии. Но армия терпела постоянный недостаток в продовольствии; кавалерия, парки не могли двигаться. Зато командиры эскадронов, батарей и парков потирали руки... А в Николаеве, Херсоне, Кременчуге и других городах в тылу армии день и ночь кипела азартная игра, шел непрерывный кутеж, и груды золотых переходили из рук в руки по зеленому полю. Кипы бумажек, как материал удобоносимый, прятались подальше. Даже солома, предназначенная для подстилки под раненых и больных воинов, послужила источником для утолщения многих карманов...“. Разгул глубокого тыла, где шампанское лилось рекой, был умопомрачителен. В этом отношении, как в очень многих других, Восточная война явилась как бы прототипом войн, веденных Россией впоследствии».⁹⁹

Проблема тыла — хроническая болезнь Российской империи в любой из войн, которые она вела. Сегодня можно, приподняв саван стыдливости, с уверенностью говорить, что Россия проиграла сражения не в Крыму, она проиграла их на собственных дорогах, а армия собственных чиновников оказалась более опасной, более беспощадной и жестокой, чем союзные войска. Если и нет такого памятника, актуального, кстати, и в настоящее время, то его, наверное, необходимо установить на дороге от Симферополя к Севастополю — памятника коррупции, как напоминание о том, сколь зависит безопасность государства от бессовестного разгула облаченных разными степенями власти «слуг народа».

В этих драматических условиях руководители обороны пытались всеми силами поддерживать боевой дух войск. Прибегали иногда к самым неожиданным формам массового стимулирования. Тотлебен писал в своем дневнике: «...Великий Князь прислал мне 144 нагрудника для моих саперов, с надписью: „Молодцам саперам“. Я роздал их, в виде награды, храбрейшим от имени Его Высочества; они теперь на бастионах щеголяют».¹⁰⁰

Упорство и ожесточение с которым сражались русские при Инкермане и Балаклаве, массовый героизм защитников севастопольских бастионов, совершенно правиль-

⁹⁹ Керсновский А. А. История русской армии, в 4-х томах, Т. 2, 1999 г., М., С. 160

¹⁰⁰ Шильдер Н. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Том 1. СПб, 1885 г. Приложение к главе 5-й. С. 49–87

но избранная ими тактика активной обороны города, приводила англо-французское командование в состояние, близкое к отчаянию. Оно прекрасно понимало, что затягивание войны еще на год может привести к самым непредсказуемым результатам в развитии ситуации на театре военных действий.

СОЮЗНИКИ ЛЕТОМ 1855 г. ИТАЛЬЯНЦЫ В КРЫМУ

К августу 1855 г. войска союзников в Крыму находились под влиянием неудачного июньского штурма, стоившего им огромного числа совершенно напрасных жертв. Особенно это сказалось на состоянии английских солдат и офицеров, которые кроме общей психологической и физической усталости начали сомневаться в перспективах затеянного правительством предприятия. Священник Морской бригады Келли писал, что в военной среде появилось непонимание необходимости затягивания войны, слишком дорого обходившейся Великобритании. Но отдадим должное мужеству солдат Англии, с упорством и каким-то свойственным только им фатализмом переносившим тяготы судьбы, выполняя свой скорбный долг в окопах и на батареях у стен Севастополя.¹⁰¹

Союзники быстро осознали, что для продолжения войны в Крыму, а тем более изменения ситуации в свою пользу, необходимо менять тактику. «...К несчастью, в этом мире не все идет по воле наших желаний. Теперь нужно отказаться от прямой атаки. Есть комбинация, которая должна обеспечить счастливый исход кампании; но нужно прибытие больших войсковых подкреплений, нами ожидаемых. Русские, это следует признать, ведут прекрасную оборону. С ними операция осады — нелегкое дело».¹⁰²

Воодушевленные достигнутыми, пусть и ценой немалых жертв, результатами весенних боев за передовые позиции под Севастополем, союзники решились на новый штурм города.

Я не ставлю задачей описание этого кровопролитного боя, закончившегося полным провалом. Наиболее значительным последствием штурма стало осознание командованием англо-французского контингента необходимости коренного изменения характера ведения военных действий в Крыму и прилегающей акватории Черного моря. То, что вначале только подразумевалось, в июле-августе 1855 г. стало неуклонно воплощаться в реальность.

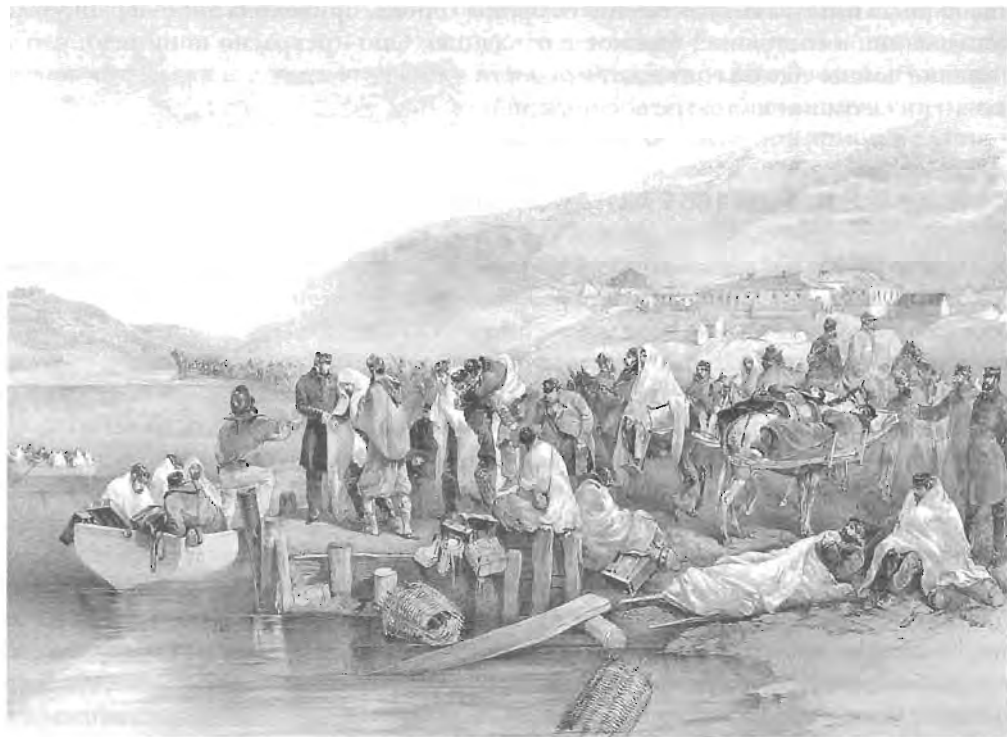
Одним из наиболее значимых для союзников событий стало прибытие в Крым сардинского военного контингента.

В лице прибывшей на театр военных действий в Крым сардинской (пьемонтской) армии русские получили в 1855 г. серьезного противника, по боевым качествам совершенно не уступавшего, а по некоторым параметрам и превосходившего ставшего привычным для них противника — англо-франко-турецкий контингент.

После поражения в войне с Австрией в 1848–1849 гг., в котором итальянский солдат, несмотря на неблагоприятный исход общего хода кампании, продемонстрировал великолепные качества, армия Сардинии была реформирована в соответствии с современными принципами ведения боевых действий. Солдаты и офицеры ее отличались высоким патриотизмом и видели в своем участии в Крымской войне

¹⁰¹ Kelly. Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 363–364

¹⁰² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2004 г., С. 71

Эвакуация раненых из Балаклавы. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

возможность решения государственных проблем, в том числе и, прежде всего, перспективы объединения Италии. Хотя, с другой стороны, участие итальянских солдат в Крымской войне некоторые политики прошлого века считали авантюрой политики Кавура, не принесшей своих результатов и ничего не давшей Италии, а саму войну крайне непопулярной:¹⁰³ «...Войска сардинские были воспитаны в истинно военном духе; нижние чины были выносливы, трезвы, расторопны и скромны, а офицеры отличались усердием к службе и преданностью долгу; несмотря на свой энтузиазм».¹⁰⁴

Сардинская армия состояла из войск действующих, резервных и милиции, называвшейся национальной гвардией, в комплексе представлявших цельную, хорошо управляемую структуру: «...организация сардинской армии представляла стройную систему, причем особенного внимания заслуживали многочисленные резервные войска и учебные части».¹⁰⁵

Действующая армия имела в своем составе пехоту, кавалерию, артиллерию, инженерные и обозные войска.¹⁰⁶ Общая ее численность в военное время могла достигать 80 тыс. человек. В пехоте, кавалерии и артиллерии были резервные части (до 38

¹⁰³ Муссолини Бенито. Мемуары 1942–1943 гг., М., 2004 г., С. 181–182

¹⁰⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856, в 2-х томах, Т. 1, СПб., 2002 г., С. 604

¹⁰⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856, в 2-х томах, Т. 1, СПб., 2002 г., С. 604

¹⁰⁶ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856, в 2-х томах, Т. 1, СПб., 2002 г., С. 602

тыс.), предназначенные для восполнения потерь во время войны. Они насчитывали 21 полк в пехоте, 8 – в кавалерии и 2 – в артиллерии.

Энгельс хорошо отзывался о подборе солдат в этой армии. Говоря об их внешнем облике, физических данных, униформе, он утверждал, что они производят впечатление лучшее, чем многие другие европейские армии. Сардинская армия по своей обученности, организованности и дисциплине личного состава не уступала лучшим армиям середины XIX в., а по некоторым позициям превосходила их. Горький, но достаточный военный опыт был получен во время войн 1848 и 1849 гг. Он был проанализирован, переработан и воплощен в новом Уставе 1853 г. Прусский генерал Виллизен высоко оценивал итальянцев во время этих кампаний.

Система организации военной службы и комплектования армии напоминали французскую. Сама служба была обязательной для всех граждан государства «...без различия сословий и образования»,¹⁰⁷ в то же время, по системе призывов на военную службу и во многом другом строилась по образцу и подобию армии Пруссии. Но, в отличие от немецкой армии, в сардинской гражданам разрешалось, как и во Франции, использовать для замещения исполнения своих обязанностей других лиц. Призыву подлежали граждане, достигшие возраста 20 лет. Срок службы составлял 8 лет. В армии было очень сильно влияние церкви. Среди офицеров, несмотря на утверждение английских газетных корреспондентов из Крыма «... что, почти все пьемонтские офицеры – по происхождению дворяне», многие вышли из солдатской среды, заслужив свои эполеты личной храбростью на полях сражений. Для получения офицерского звания они должны были пройти двухлетний курс обучения в военном училище.

26 апреля (8 мая) 1855 г. сардинский корпус под командованием генерал-лейтенанта Альфонсо Ла-Мармора высадился в Крыму. Это была внушительная сила.

Командующий – генерал-лейтенант Альфонсо Ферреро де ла Мармора

Начальник штаба – подполковник Петити ди Рорето

Начальник артиллерии – полковник Вальфар Ди Бонзо

Начальник инженерных войск – майор Серра

Начальник интендантской службы – генерал-майор Де Каверо. (до 17.08)

Начальник стрелков – подполковник Де Сент Пьерре

Начальник медицинской службы – доктор Комисетти

Временный кавалерийский полк – полковник Де Савори

Временный артиллерийский батальон – майор Маработто

Временный саперный батальон – майор Серра

Первая дивизия – генерал-лейтенант Джовани Дюрандо

Начальник штаба – майор Авогардо Ди Казанова

2-я временная бригада – генерал-майор Фанти

2-й временный полк – подполковник Беретта

1-й батальон (из 3-го пехотного полка) – майор Джиббоне

2-й батальон (из 4-го пехотного полка) – майор Джаравелли

3-й батальон (из 5-го пехотного полка) – майор Брижноне

4-й батальон (из 6-го пехотного полка) – майор Реджис

2-й батальон берсальеров – майор Бонарделли

7-я полевая артиллерийская батарея – капитан Мелли

¹⁰⁷ Зайончковский А. М. Восточная война 1853 – 1856, в 2-х томах, Т. 1, СПб., 2002 г., С. 604

Прощание с умершим главнокомандующим английской армией в Крыму генералом лордом Рагланом. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

3-я временная бригада – полковник, позднее генерал-майор, Киалдини
 3-й временный полк – подполковник Деросси
 1-й батальон (из 7-го пехотного полка) – майор Лонжони
 2-й батальон (из 8-го пехотного полка) – майор Корте
 3-й батальон (из 13-го пехотного полка) – майор Балено
 4-й батальон (из 14-го пехотного полка) – майор Берберис
 3-й батальон берсальеров – майор Бертаделли
 10-я полевая артиллерийская батарея – капитан Куажлиа
 2-я дивизия – генерал-лейтенант Ардиго Тротти, сменил 7 июня умершего генерал-лейтенанта Ферреро Делла Мармору
 начальник штаба – майор Поррино
 4-я временная бригада – генерал-майор Ди Монтевеччо
 Формально сардинцы имели собственное командование, но административно подчинялись английскому главнокомандующему. Изначально итальянцы расположились у Балаклавы. Место для главной квартиры Ла-Мармора выбрал в Кадыкое, где над своим домом вывесил огромный национальный флаг с гербом Сардинии.
 Несмотря на тщательную подготовку экспедиционного корпуса, итальянцы в кратчайший срок познали все «прелести» жизни в Крыму. С «болезнями» английской системы тылового обеспечения сардинский контингент познакомился благодаря помешанным на бюрократии британским военным чиновникам.
 «Блестяще» организованное английскими союзниками снабжение под Севастополем привело к тому, что в скором времени почти 50% сардинских солдат были больны. Недостаток витаминов в рационе вызвал массовое поражение личного состава куриной слепотой, которую окрестили «военной слепотой». Этого недуга смогли избежать лишь офицеры, имевшие возможность приобретать в магазинах Балаклавы необходимые дополнительные продукты питания, пусть и по баснословным ценам.

Нужно признать, что к этому времени сами англичане, ценой невероятных усилий и скандалов на правительственном уровне, сумели частично избавиться от проблем начального периода войны. По мнению историка военной медицины из США полковника Роберта Андерсона, опиравшегося на данные главного хирурга британской армии сэра Томаса Лонгмора, опубликованные в 1883 г., усиленное внимание английской военной администрации к состоянию медицинского обеспечения войск сыграло свою роль. Английский контингент в значительной мере стал менее подвержен заболеваниям. Однако резко возросло число больных среди французов и только что прибывших сардинцев.¹⁰⁸

20 мая, во время первого смотра сардинских войск, которых к этому дню прибыла половина, в строю насчитывалась лишь 4226 человек при 250 лошадях. Но несмотря на это, с 25 мая итальянцы начали выполнять собственные боевые задачи.

Отбросим разговор о политической составляющей, побудившей правительство этого итальянского государства вступить в войну на стороне ведущих европейских держав. Несомненно, что она имела вполне объяснимые (для сардинских солдат и офицеров, естественно) основания. Можно сказать, что они были более мотивированы в этой войне, чем солдаты любой из другой армий союзного контингента. Именно эта мотивация в предстоявшем сражении на Черной речке являлась причиной высокого боевого духа итальянских частей, стремившихся своим участием в Крымской войне решить цели государственного объединения своей родины.

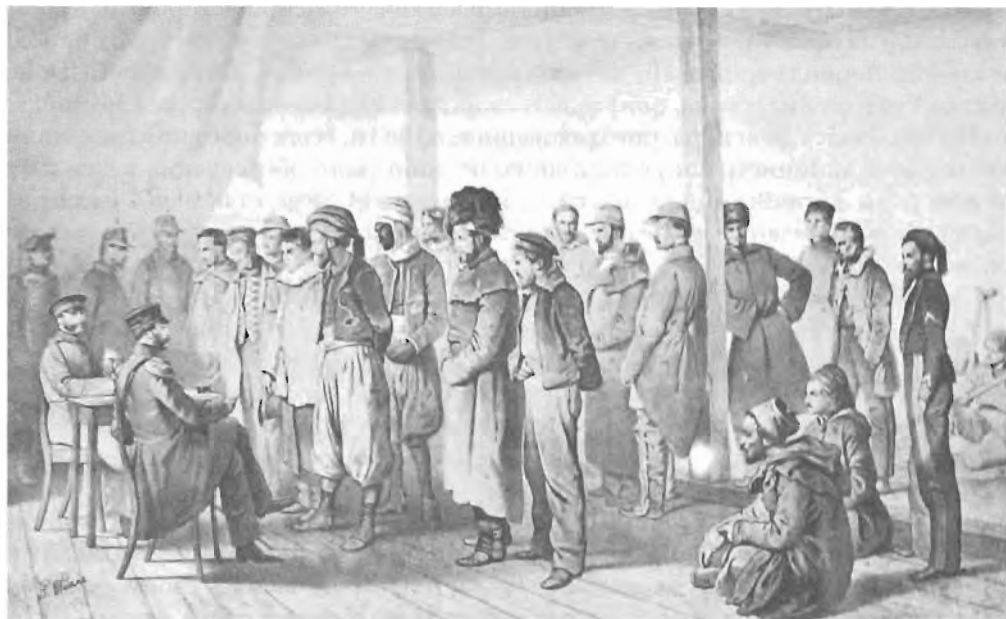
УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ СОЮЗНЫХ ВОЙСК

По мере прибытия в Крым подкреплений союзники начали медленно, но упорно и безостановочно расширять свои позиции. При этом продвигали работы не только в сторону крепости, но и в восточном направлении, достигая этим прежде всего возможность вести осадные действия, не опасаясь удара русской армии, находившейся вне циркумвалационной линии, но постоянно угрожая ей. Особенно это стало очевидным весной, «... когда ...прибыли новые французские дивизии и вместо того, чтобы противопоставить их неприятелю внутри Крыма, как мы все предполагали, подкрепление было употреблено для расширения фронта атак. Нам стало слишком тесно на плато. На этом основании 1-я и 2-я дивизии 2-го корпуса, а также вся наша кавалерия и артиллерия резерва под командованием генерала Канробера снова спустились в долину. Кавалерия, двигаясь во главе, пересекла Трактирный мост и, следуя по большой дороге, вышла на возвышенности, в то время как пехота преодолела склоны с фронта. Русские, застигнутые врасплох и, впрочем малочисленные, бежали в полнейшем беспорядке, не успев унести наибольшую часть имущества и ограничившись тем, что послали в нас несколько ружейных выстрелов».¹⁰⁹

С этого времени, ставшие вскоре Голгофой для русской пехоты Федюхины высоты, начали оформляться союзниками в оборудованные позиции. Нужно отдать должное грамотному использованию местного естественного природного комплекса непри-

¹⁰⁸ Anderson Robert S. Colonel The Evolution Preventive Medicine in United States Army

¹⁰⁹ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854 – 1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 134

Опрос пленных солдат союзных армий в Севастополе. Рисунок В. Тима. 1855 г.

ятельскими саперами. Им удалось превратить его в препятствие, пусть и не абсолютно непроходимое, но с фактом наличия которого приходилось считаться, особенно при попытке атаки направленной на восточные или юго-восточные склоны высот: «...Французские войска остались на высотах между дорогой и Шулиу до полудня, затем удалились и стали лагерями. Пехота... заняла два Федюхиных холма на севере от Бахчисарайской дороги; конные войска стали биваком почти на краю того места, где была знаменитая Балаклавская атака, в то время как пьемонтцы занимали Чоргун и растягивались по возвышенностям слева от Кретзен и Черной (Гасфортовых высот). Федюхины горы были необходимы союзникам и для доминирования над Байдарской долиной, которая представляла собой пространство, способное прокормить кавалерию.

В тот же день, из страха перед контрнаступлением русских, было заложено предмостное укрепление у Трактирного моста, а вода из Шулиу снова пущена в канал.

Этот канал, перекрытый нами, когда после Альмы мы спустились в долину Черной, нес в Севастополь почти всю потреблявшуюся там воду. После того как его перекрыли, русским пришлось отправляться за водой к Бельбеку, поскольку колодцы и фонтаны внутри города обеспечивали столь огромные потребности лишь в незначительной степени».¹¹⁰

Наращивая в течение первой половины 1855 г. силы полевой артиллерии в Крыму, французы, вновь прибывающие батареи устанавливали на Федюхиных высотах и в их районе.

¹¹⁰ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 134

Французская артиллерия под Севастополем в 1855 г.

Соединение	Батарей	Орудий	Личный состав	Конных батарей	Конных орудий	Личный состав	Обслуживание	Всего личн.состава
1-й корпус	9	54	264	1	9	24	154	442
2-й корпус	8	48	240	2	12	48	178	466
Резервный корпус	8	48	240	2	12	48	149	437
Кавалерия				2	12	52	149	52
Главный резерв	4	24	96	2	12	48		144
Осадный мобильный парк							626	626
Всего	29	174	840	9	54	220	1127	2 071
Прибыло к 1855 г.	9	54						
Всего к 1855 г.	38	228						

Как и французы, сардинцы, заняв примыкающие к Федюхиным и оставленные русскими высоты, в короткий срок превратили их в позиции собственной артиллерии. Они были устроены с возможностью ведения флангового огня на случай лобовой атаки русскими французских позиций. Решение оказалось предусмотрительным и уже скоро эти батареи оказали существенную помощь союзникам в отражении наступления.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ: ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО УДАРА

*«Лучшее средство ни на что не решиться – это
собрать военный совет»*

Наполеон

СТОЛИЧНЫЙ ГОСТЬ

В решении русского командования об очередном намечающемся полевом сражении с противником преобладал скорее политический, а не военный замысел. Это уже не мое заключение, это – общепринятая аксиома, с которой трудно не согласиться. В решении скорее ощущались изменения, связанные с недавней сменой власти на престоле Российской империи, чем сложившаяся действительная ситуация на театре военных действий в Крыму.

При планировании операции в большей степени учитывалось хитросплетение дворцовых интриг, а не реальная военная польза, которую она могла принести. Было понятно, что мысль о необходимости нанесения удара по союзным войскам рождалась в Петербурге, на месте требовалось лишь реализовать ее, нужны были исполнители. Несомненно, что именно политическая составляющая планирования, которая в результате грубейших тактических просчетов привела к стратегическому поражению, была превалирующей над военным смыслом.

Определенную роль в грядущих событиях сыграло прибытие в Севастополь генерал-адъютанта Павла Александровича Вревского, командированного из Петербурга еще июне месяце, для того чтобы «...собрать на месте сведения, в которых нуждалось военное министерство, и войти в личное соглашение с главнокомандующим по поводу различных вопросов, касающихся продовольствования и подкрепления вверенной князю Горчакову армии».¹¹¹ На его деятельности и выводах, сделанных за время короткого пребывания в Севастополе, последних дней его жизни, остановимся ниже.

Мнения, высказываемые о бароне современниками и сегодняшними исследователями различны. Амплитуда колебаний невероятно широка. Одни, как, например, В.Н. Борисов, считают его высокообразованным человеком, имеющим громадный военный опыт, многократно награжденным и облаканным самодержцем. Бесспорно, все это так. «Энергичный, неутомимый, в высшей степени деятельный, он спра-

¹¹¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., С. 245

ведливо снискал себе уважение и признательность высших властей за его способности администратора». ¹¹²

Современники превозносили его организаторский талант: «... с редкой способностью не только как генерала, но и превосходного администратора, ту теплоту сердца, при необыкновенно очаровательном уме, которое соделывают людей, одаренных сими качествами чрезвычайно всегда симпатичными». ¹¹³

Но будем объективны: как бы мы не сожалели о смерти Вревского, мы должны помнить, что именно его стараниями (равно как деятельностью, так и бездеятельностью) русские войска угодили в кровавую западню Черной речки, в которой «на мясо» пошли не самые плохие армейские части Российской армии. Его военный опыт, о котором с таким пафосом пишет вышеупомянутый автор, не более чем опыт командировок на театры локальных военных конфликтов, а его военное образование не имело продолжения и свелось к стремлению максимально приблизиться к императорскому двору. Лично несомненно храбрый, он в своей военной карьере много участвовал, но почти не командовал.

Генерал Павел Вревский, воспитанник школы гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, сделал блистательную военную карьеру. Воевать он начал в девятнадцать — в Турецкую кампанию 1828 г. в Болгарии. В первом же бою, при штурме крепости Варна, получил он свое первое ранение — пулю в живот. В 1830–1831 гг. принимал участие в подавлении Польского восстания и взятии Варшавы, воевал в Черногории, где под ним была убита лошадь, служил на Кавказе, «принимая участие в разных экспедициях и делах с горцами», где был ранен пулей в правую ногу. Там Вревский состоял начальником конно-горской милиции (отрядов, сформированных из местного населения), отличался большим личным мужеством и, как вспоминают современники, всегда был впереди войск. Павел Александрович был дружен с армейским капитаном Львом Пушкиным, братом прославленного поэта.... «Боевая кавказская жизнь, — характеризует Вревского современник, — прямо соответствовала рыцарскому характеру молодого воина. Притом и служба была ему не мачеха, а мать: в короткое время он получил два чина за отличие». В 1838 г. блестящего боевого офицера (ему 28) переводят в Петербург — в военное министерство. Несомненно, начальники, помимо его воинской доблести, различили в нём и незаурядные административные способности. В министерстве он характеризуется как «энергичный, неутомимый, в высшей степени деятельный». В 37 лет Вревский произведен в генерал-майоры, вступил в должность директора канцелярии военного министерства и назначен в свиту Его Императорского Величества Николая I. ¹¹⁴

В свитской карьере барон преуспел. Стратегия ожесточенных дворцовых сражений стала ему более знакомой и привычной, чем рутинная тактика полевых действий. Потому будем немного циничны: отделим несомненный патриотизм и доблесть «отца солдат» Вревского, от его не меньшего стремления «слути царя» угодить самодержцу, при этом не считая, сколько человеческих жизней для этого потребуется.

20 июля 1855 г. император, основываясь на информации, получаемой из Севастополя и расчетах, сделанными Вревским, на которых мы ниже остановимся, писал

¹¹² Борисов В. Н. Генерал-адъютант П. А. Вревский: «Суждено мне пасть солдатам...» // Историческое наследие Крыма, № 15, Симферополь, 2006 г., С. 47

¹¹³ Вревский Б. А. Смерть барона Павла Вревского 1855 г. // Русская старина, Том. XV, СПб., 1886 г., С. 221–222

¹¹⁴ Вревские и их войны (<http://www.mywebs.su/blog/people/8269.html>)

Французские позиции под Севастополем. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

князю Горчакову: «Ежедневные потери неодолимого Севастопольского гарнизона все более и более ослабляющие численность войск ваших, которые едва заменяются вновь прибывающими подкреплениями, приводят меня еще более к убеждению, выраженному в последнем письме, в необходимости предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне, могущей иметь, наконец, пагубное влияние на дух гарнизона.

В столь важных обстоятельствах, дабы облегчить некоторым образом лежащую на вас ответственность, предлагаю вам собрать из достойных и опытных сотрудников ваших военный совет. Пускай жизненный вопрос этот будет в нем со всех сторон обсужден, и тогда, призвав на помощь Бога, приступите к исполнению того, что признается выгоднейшим».¹¹⁵

Арифметика Вревского была простой и потому действительно убедительной. Он докладывал военному министру, что только за 9 дней с 13 по 21 июля 1855 г. лишь от неприятельских выстрелов гарнизон Севастополя потерял 2261 человека. К ноябрю число убитых и раненых могло дойти до 30 000. Крепостные бастионы постепенно превращались в гигантскую мясорубку с невероятной жадностью перемалывающей уже не сотни — тысячи солдат и матросов, офицеров, адмиралов и генералов, простых обывателей города. К этому времени были уже убиты наиболее влиятельные и

¹¹⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 139

авторитетные организаторы обороны города: адмиралы Корнилов, Истомин и Нахимов. Прибывающие офицеры не знали обстановки и нужно было время, чтобы им «...приучаться к своей новой деятельности».¹¹⁶

Основываясь на своих расчетах, Вревский «...полагал необходимым, по прибытию ожидаемых подкреплений, не отлагая далее, предпринять что-либо решительное, дабы во что бы то ни стало выйти наконец из того тяжкого положения, которое гарнизон Севастопольский выдерживал уже более десяти месяцев».¹¹⁷

Логика элементарная. Вревский подсказывал выход из положения, в котором находились русские войска под Севастополем к тому времени. Все понимали, что группировка своих сил настолько велика, что Крым неприятелю уже никак не взять. Но и Севастополь становился «черной дырой» в которую улетают деньги, люди, продукты и порох... При этом с каждым месяцем дыра эта становится все прожорливее и прожорливее. Поэтому оставалось или победить, что было совсем маловероятно, или уйдя из крепости, не дать союзникам открыть еще одну операционную линию — на Перекоп.

Решили попробовать сначала победить: «...беспорный и блестящий успех русской армии при отражении штурма 6 (18) июня не очень окрылил царя, а упорно продолжавшиеся в июне и июле бомбардировки Севастополя заставили его окончательно стать на такую точку зрения: севастопольский гарнизон систематически истребляется, и пополнения не могут вполне покрывать эти потери, — сдать Севастополь все равно придется. Так не лучше ли хоть дать решительный бой, выйти в поле и попытаться сделать то, что не удалось при Инкермане, т.е. сбросить неприятеля с окрестных высот и заставить его снять осаду».¹¹⁸

В этом решении чувствуется господствовавшее в европейской военной мысли влияние А. Жомини, привлекавшегося к планированию операций Крымской войны, бесосновательно утверждавшего, что победу над противником следует достигать не маневрированием, а решительным сражением. Военные труды этого мыслителя еще к началу Крымской войны утратили свое значение и перестали быть сборниками передовых идей в военном искусстве. Скажем так: к войнам начала века он не успел, а к середине XIX в. безнадежно опоздал. Однако слепое преклонение перед его идеями не только сохранялось, но иногда и доминировало в русской военной мысли. Отсюда и неуклюжесть в маневрировании русской армии, постоянное упреждение ее замыслов неприятелем. К слову сказать, увлекшиеся воззрениями Жомини французы, особенно Наполеон III, поплатились за это под Седаном в 1870 г., когда пытались, сосредоточив в одном месте крупную группировку войск, в генеральном сражении сокрушить постоянно маневрирующих пруссаков.¹¹⁹

Интересно, что почти все, причастные в той или иной степени к разработке замысла грядущего сражения, впоследствии дружно утверждали, что заранее не верили в его успех. Однако это не помешало им своей волей обречь на героическую, но бессмысленную смерть тысячи своих соотечественников.

Откажемся от названия их действий «преступными». Подобное слишком громко и не соответствует истине. Они действовали как могли и как умели. Это было системой. Отсутствием принципиальности и нежеланием идти против воли лица, прибли-

¹¹⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 245

¹¹⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 245–246

¹¹⁸ Тарле Е. В. Крымская война, в 2-х томах, т. 2, М., 1950 г., С. 466

¹¹⁹ Тиморин А. А., Думби Ю. Ф. Неудачная книга на важную тему // Военно-исторический журнал, № 11, 2001 г., С. 62–63

женного к императорскому престолу, они подписали приговор и обрекли на напрасную гибель тысячи солдат и офицеров; некоторым из них это безволие, замешанное на угодничестве, тоже стоило собственной жизни. Возразить воле самодержца хватило характера лишь немногим. Тем более, уже не нужно было переубеждать главнокомандующего — что делать. Было ясно, что «...обороняющемуся оставалось только принять против союзников какие-либо решительные меры, чтобы выйти из того затруднительного положения, в котором застал нас одиннадцатый месяц обороны, или же добровольно очистить Южную сторону Севастополя, чтобы сосредоточить армию для действий в поле».¹²⁰

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Итак, обстановка требовала решительных действий. Но как, где и какими силами? Нельзя бросаться в крайность, сваливая всю вину на главнокомандующего, утверждая, что Горчаков — единственный автор этого провалившегося мероприятия. Более того, как раз именно он изначально сомневался в перспективах сражения. Успешно отраженный штурм дал ему повод для некоторого энтузиазма и определенного воодушевления, плодом которых и стала идея нового сражения вне крепостной линии (а вдруг победим?). Но спустя некоторое время реальность осознания обстановки возобладала. В записке князя от 14 (26) июля 1855 г. подтверждаются его опасения. «...Обратиться к наступлению, т.е. совокупному штурму укрепленных позиций Сапун-горы, от Черной речки и неприятельских апрошей, от восточной стороны Севастополя без значительного численного превосходства — дело крайне опасное: отбитие подобной атаки может повлечь за собой непосредственное падение Севастополя».¹²¹ 17 июля эти доводы излагались Горчаковым в письме на имя военного министра. Смысл их был один — без усиления численности крымской группировки войск всякое движение вперед губительно для крепости и может привести к разгрому военной группировки в Крыму. «Было бы просто сумасшествием начинать наступление против превосходного в числе неприятеля, главные силы которого занимают, кроме того, неприступные позиции. Первый день я бы двинулся вперед; второй я бы отбросил неприятельский авангард и написал бы великолепную реляцию; третий день я был бы разбит, с потерей от 10 до 15 тысяч человек, и четвертый день Севастополь и значительная часть армии были бы потеряны».¹²²

Но мысль Горчакова, высказанная им в минуту подъема после успешно отбитого штурма неприятеля, к тому времени дошла до императора и без опасения навлечь на себя высочайший гнев, отказаться от нее было уже невозможно. Бесконечно критикуя главнокомандующего, многие исследователи не утруждают себя мыслью стать на его место и войти в его положение — очень и очень непростое. Более того, оно настоятельно требовало какого-либо действия. По рассуждению главнокомандующего, оптимальной могла стать демонстрационная операция значительными силами, которая в случае успеха переходила в активную наступательную, а в случае неудачи, не приводила к значительным потерям. В то же время она могла обеспечить (по мне-

¹²⁰ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., С. 244

¹²¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., С. 246

¹²² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., С. 244–245

На английских позициях под Севастополем. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

нию Горчакова) создание угрозы флангу союзников и таким образом заставить их отказаться от ближайших акций против Севастополя, давая гарнизону передышку. О том, что такие действия готовы были развернуться в ближайшее время, факты свидетельствовали неумолимо: «Близость союзников к Малахову кургану и 2-му бастиону, к которым они подошли на расстояние около 50 саж., устройство ими против двух этих главных пунктов атаки сильных батарей, между тем как с нашей стороны не были приняты своевременно надлежащие меры для уравнивания артиллерийской борьбы, делали сомнительным исход ожидаемого в Севастополе пятого бомбардирования».¹²³

Принятие решения о новом наступлении стимулировалось прибытием в Крым 4-й и 5-й пехотных дивизий, усиливших крымскую группировку примерно на 22000 человек, а также ожидаемым приходом в конце августа 17-ти дружин Курского ополчения (13000).¹²⁴ С одной стороны, это усиливало силы русских в Крыму, с другой — и так «на ладан дышащая» система снабжения не позволяла содержать на полуострове столь значительные силы долгое время и они должны были быть употреблены в дело в ближайшие сроки. Этот временной отрезок ограничивался наступлением осенней погоды, когда солдат, ополченцев кормить стало бы попросту невозможно. Учитывая начавшееся активное рейдерство союзного флота в Черном и Азовском морях, не исключена была и возможность вымирания.

Это не преувеличение. Осень в Крыму еще не наступила, а ко всем накопившимся проблемам добавился «...ощущавшийся уже недостаток сена», который «... не позво-

¹²³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 243

¹²⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 244

лил бы до зимы содержать и уменьшенное число лошадей».¹²⁵ В случае дальнейшего пассивного ведения военных действий, русским войскам угрожал призрак весьма бедственного существования и даже, как говорилось выше, голода.

В этих условиях необходимость что-либо предпринять поделила руководителей обороны Севастополя на сторонников и противников активных действий. Учитывая столичные веяния, последних было меньшинство. Однако и среди них, единственный или один из тех немногих, кто изначально был категорически против наступательной операции, видел ее не только бесперспективность, но и трагические последствия, был генерал Остен-Сакен, который после гибели Нахимова полностью утратил веру в возможность отстоять Севастополь. Конечно, он допускал еще, что возможно продолжение отчаянной, безнадежной обороны. Но надеяться на победу над неприятелем, при немедленном открытом нападении на него, считал нелепым.

Надеясь переубедить князя (а возможно обезопасить себя от императорского гнева впоследствии) он, «...совершенно убежденный в неминуемом проигрыше затеваемого дела, подал Горчакову об этом 26 июля особый доклад».

Считаю нужным оговориться: мнение Остен-Сакена было обоснованным. Тарле напрасно упрекает его в отсутствии твердости: «...генерал Осен-Сакен орлом не был». Генералу как раз и не было острой необходимости быть «орлом». В его функциональные задачи не входило «парение» над бастионами и батареями. Судя по всему, знаниями действительной обстановки начальник гарнизона Севастополя владел достаточно. Понимание ситуации и умение спрогнозировать ее дальнейшее развитие привело к тому, что он оказался единственным, кто посмел заявить мнение, по своей сути не совпадающее не только с волей главнокомандующего, но и решением императора. Явление по тем временам чрезвычайное. Но и Остен-Сакен не настолько был скуден умом, как многие годы преподносился его образ. Недаром современники отзываются о генерале совсем не так, как известный советский ученый-историк. По воспоминаниям Тотлебена «...говоря о порядке в Севастополе, нельзя не упомянуть то, что с вступлением в начальствование над севастопольским гарнизоном генерал-адъютанта Остен-Сакена, там приняты были некоторые меры к установлению полного внутреннего порядка, а то со времени смерти Корнилова в общем управлении гарнизоном не было единства. В числе этих мер мы встречаем установление порядка относя раненых с оборонительной линии и подачи им первой помощи; кроме того, было сделано расписание числа рабочих с каждого отделения и указано, чтобы рабочие наряжались не отдельными командами, а по возможности, целыми ротами, со своими ротными командирами и офицерами».¹²⁶

При детальном знакомстве оказывается, что и характер у Остен-Сакена был совсем не такой, каким кажется после чтения сочинения Тарле. Генерал был первым, кто отстаивал свое мнение перед князем Меншиковым, не слишком задумываясь о собственной репутации в глазах искусного царедворца. Участники описываемых событий положительно характеризуют его, говоря: «... Сакен человек способный, крайне самостоятельный, с известной военной репутацией, не мелкая сошка в военной иерархии и не позволит играть собой, как пешкой».¹²⁷

¹²⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 245

¹²⁶ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник № 3, 1895 г., СПб., С. 31

¹²⁷ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник № 3, 1895 г., СПб., С. 41

Лагерь британской кавалерии под Севастополем. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

Не кажется ли теперь читателю, что перед нами личность, чей вклад в оборону Севастополя был явно задвинут в тень в угоду политическому строю, доминировавшим в этой связи взглядам на роль личности в Крымской войне среди советских историков. А мы, вместо трезвой оценки с позиции сегодняшнего дня, зачастую продолжаем на этих взглядах основываться.

Ну а то, что этот человек был глубоко религиозен, наверное, не самое худшее качество. Ведь наверняка, он молился за победу русского, а не вражеского оружия. Тем более, что религия имела огромное значение по воздействию на солдатские и матросские души.

Во время обороны Севастополя «...на каждом бастионе, где-нибудь в углу, помещались образа, и перед ними день и ночь горело множество свечей. Картина эта, особенно ночью, во время страшной трескотни, растерзанных трупов, вздохов изуверченных страдальцев, как-то особенно действовала успокоительно...

Каждую субботу и в воскресенье являлся на бастион священник служить вечерню и обедню...».¹²⁸

Военное духовенство отвечало за «дух» армии. В сложнейшей обстановке Крымской войны оно вело себя достойно своего призвания. Об этом говорят следующие факты. Иеромонах Иоанникий Добротворский с первых дней осады Севастополя постоянно был в траншеях, ежедневно обходил батареи с крестом в руках, вдохновляя солдат на подвиги. В ночь со 2 на 3 марта 1855 г. в составе одного из батальонов Камчатского полка участвовал в ожесточенном бою, ободряя своим словом и примером солдат, тут же напутствовал умирающих, утешал и перевязывал раненых. Среди трупов вражеских солдат пастырь усмотрел офицера, притворившегося мертвым,

¹²⁸ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник № 3, 1895 г., СПб., С. 31

которого пленил и сдал военному начальству. За отличие и мужество иеромонах был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Нередко полковым священникам приходилось брать на себя обязанности, выходящие за рамки их пастырской деятельности. 22 сентября 1854 г. на Николаевскую артиллерийскую батарею под огнем врага прибыл священник Очаковской церкви Судковский. Он «...под выстрелами благословлял каждого» и сам принимал участие в зарядании орудий после гибели расчета.

Немало военных пастырей сложило свои головы при обороне Севастополя напутствуя умирающих, погребая убитых, при совершении богослужений на бастионах и в лазаретах, при оказании помощи раненым и больным.

Считаю, что обвинять Сакена в отсутствии у него доблести не только безосновательно, но и несправедливо. Внимательно ознакомившись с докладом Сакена, признаем: ход мыслей севастопольского коменданта взвешен и логичен. Он ни в коем случае не считает сражение в поле авантюрой и даже считает, что при правильном выборе направления нанесения удара оно может иметь успех. Более того, он предлагает это направление, справедливо считая его наиболее оптимальным. Генерал исходил из того, что наиболее слабым местом неприятельских позиций являются Федюхины высоты, но попытка атаковать их с фронта сопряжена с величайшим риском. Риск этот заключался, прежде всего, в вероятной перспективе превратиться из атакующего в атакуемого и притом с различных направлений. «...Неприятель занимает сосредоточенное положение на господствующей местности и в продолжение десяти месяцев не переставал укреплять свои позиции. Поэтому он может по произволу бросить в любую точку почти все свои силы, так как даже при совсем слабых заслонах эти укрепленные позиции русские не смогут взять иначе, как штурмом, с огромными потерями». По мнению Осен-Сакена было более целесообразным «...провести наступление на Чоргун и Байдарскую долину, но никак уж не на Федюхины высоты».

Свои выводы генерал делал не просто на основании собственных домыслов. Он делал выводы и прогнозировал развитие ситуации вокруг крепости прежде всего из того, что все предыдущие предпринятые попытки русской армии деблокировать Севастополь закончились провалом. Вполне вероятно, что именно после этих бесплодных усилий, адмирал Нахимов «...по мнению многих участников героической обороны, считал себя виновным в катастрофическом положении Черноморского флота и его базы».¹²⁹

Таким образом, двигала Осен-Сакеном не забота о собственной репутации и беспокойство о судьбе его генеральских эполет, а трезвая оценка обстановки. Как показал дальнейший ход событий – он оказался полностью прав. Влиятельные сторонники Горчакова, уже после проигранного сражения, попытались сделать Сакена едва ли не одним из виновников катастрофы. Например, князь Барятинский, всячески угождая именитому патрону, утверждал, что основным виновником является не Горчаков, который, по его словам, «...не хотел дать»¹³⁰ сражение, а другие люди. По словам князя Одоевского «...князь Анатолий Барятинский весьма защищает Горчакова; он видел диспозицию сражения, которого тот, впрочем, не хотел дать, но уступил

¹²⁹ Кириллов П. Синоп: победа и поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, № 2, 1999 г., С. 14

¹³⁰ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского) // Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 330

Ночь на английской батарее под Севастополем. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

лишь настоянию Вревского и Сакена, который уверял, что Севастопольский гарнизон скучает, что необходимы диверсии».¹³¹ Признаем, подобное обвинение не имеет под собой никакого основания и не выдерживает никакой критики. Понятно, на погибшего Вревского можно списать многое, но обвинять Сакена — бессмысленно.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

В противоположность Сакену, находясь под постоянным давлением Петербурга, Горчаков понимал, что дальнейшее пассивное ведение боевых действий может обернуться для него императорским неблаговолением и крахом карьеры. Такая перспектива его, естественно, не устраивала. Постепенно, но все более и более уверенно, он склонялся к необходимости предпринять что-либо хоть и бесполезное, но решительное и, самое главное, не идущее вразрез с императорским пожеланием.

Осознавая всю тяжесть и опасность дальнейшего затягивания ситуации, князь решает на наступление. Крымская кампания чрезвычайно богата интригами, особенно когда требовалось назначить виновных или свести личную ответственность к менее опасной коллегиальной.

Сражение на Черной речке не исключение. Чтобы переложить на всех груз ответственности князь, понимая всю рискованность предприятия, собирает военный

¹³¹ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 330

Французские осадные работы под Севастополем. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

совет, который состоялся 29 июля 1855 г. на квартире начальника гарнизона генерала Остен-Сакена в 10 часов утра. Горчаков, не решаясь в одиночку принять решение о начале наступления, считает нужным подстраховать себя на случай неудачи. Это было возможно с помощью коллегиального согласования плана действий.

Основными действующими лицами стали присутствовавшие на совете: генерал Остен-Сакен (командующий 4-м пехотным корпусом), начальник штаба гарнизона генерал князь Васильчиков, полковник Козлянинов (начальник штаба 4-го корпуса), командированный императором в Крым генерал-адъютант барон Вревский (без права голоса), генералы Коцебу (начальник штаба Горчакова), Сержпутовский (начальник артиллерии), Бухмайер (начальник инженеров), Бутурлин (генерал-квартирмейстер), Ушаков (дежурный генерал штаба), Затлер (генерал-интендант), Крыжановский (офицер штаба артиллерии), Липранди (командующий 6-м пехотным корпусом), Хрулев и Семякин (начальники оборонительных линий), полковники Исаков и Козлянинов (офицеры штаба) и несколько других офицеров различных служб штаба.¹³² Остальным генералам было предложено подать свои мнения в письменном виде. Таковыми были генералы Реад (командующий 3-м пехотным корпусом) и Веймарн (начальник штаба 3-го пехотного корпуса).

Решение о переносе акцента действий в полевую армию было принято, как это ни парадоксально, обоими императорами – Александром II и Наполеоном III. Почти в одни и те же временные отрезки оба отправили в Крым своих доверенных лиц – влиятельных придворных чиновников, наделенных особыми полномочиями. Задачей обоих был поиск наиболее рационального изменения балансирующей ситуации на театре военных действий в свою сторону. Таковыми стали генерал Ниель у францу-

¹³² История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хруцова. СПб., 1888 г. С. 119–120

зов и генерал-адъютант барон Вревский у русских, с той лишь разницей, что первый приготовил (или, по крайней мере, способствовал приготовлению) западню для русской полевой армии на Черной речке, а второй, будучи «самым влиятельным лицом в числе сторонников наступательных действий»,¹³³ сделал все, чтобы она в нее попала.

Вернемся к военному совету у князя Горчакова. Ход его наглядно продемонстрировал пророческое высказывание погибшего в начале кампании адмирала Корнилова: «Недостаток размышлений наших генералов губит нашу армию».¹³⁴

Собрав полномочный круг, командующий коротко обрисовал сложившуюся ситуацию, которая не могла, по его разумению, внушать оптимизм. Положение гарнизона в городе действительно было затруднительным. Особую тревогу вызывало снабжение войск, изо дня на день становившееся все хуже и хуже. Молох войны требовал постоянной подпитки. Но резервы не были безграничными. О том к чему могло привести такое положение дел, мы выше уже говорили.

Горчаков, соглашаясь с Сакеном, отметил, что еще месяц-два и снабжение остановится, а основным блюдом личного состава кавалерии станет конина, поскольку сена для лошадей может хватить лишь до 15 октября. Даже если число лошадей уменьшится в половину — сена хватит лишь до половины января.

Своим вступлением в доклад Горчаков обозначил время, до которого, по его мнению, гарнизон крепости сможет сохранять способность обороняться, пусть даже на пределе человеческих возможностей. О том что будет далее, князь воздержался говорить подробно.

Затем последовала постановка главного вопроса: «...настало время решить неотлагательно вопрос о предстоящем нам образе действий в Крыму: продолжать ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать и не видя впереди никакого определенного исхода, или же немедленно по прибытии войск 2-го корпуса и Курского ополчения перейти в решительное наступление? Вопрос этот предлагаю на ваше обсуждение и в дополнение оно, если мы не должны более оставаться в пассивном положении, то 1) какое действие предпринять? 2) в какое время?».¹³⁵

Горчаков дипломатично подталкивал собравшихся к поддержке замысла, который лично для него был окончательно решенным делом. Дело даже не в том, что он чувствовал на себе давление воли императора. Возможно, он ощущал в себе преемственность славы фельдмаршала Кутузова, доверительно сообщая генерал-адъютанту Вревскому, что «...это наступательное движение необходимо также и для удовлетворения общего мнения России, точно так же, как Бородинское сражение было необходимо прежде отдачи Москвы».¹³⁶

Действительно, сдать город по примеру оставления Москвы, а потом, собрав силы, разгромить неприятеля — чем не путь к всенародной славе. Только вот такие планы, как показывает история войн, требуют с одной стороны, гениального стратегического предвидения, а с другой — четко выстроенной системы управления войсками. Второго в штабе Крымской армии не было никогда, а первым Горчаков как-то и не страдал. Проблема падения Севастополя была для него решенной, стоял лишь вопрос о

¹³³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 245

¹³⁴ Эшкфут С. «Действовать и не быть пешкой на белом свете...» // Родина М., 1995 г., № 3—4, С. 44

¹³⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 248

¹³⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 501

максимально почетном мнении об этом событии в столичных кругах и обязательно его личной роли в нем. Все остальное было делом времени...

Для окончательного воплощения задуманного требовалась лишь поддержка голосов тех, кто согласится стать соучастниками и готов будет рискнуть принять на себя гнев самодержца в случае неудачи. Вот только называть точки зрения участников совета решительными было бы ошибочным: «Мнения были более или менее неопределенные».¹³⁷

Против очередной попытки деблокады крепости высказались: генералы Хрулев (или вытеснение союзников с Сапун-горы, или оставление города и переход на Северную сторону с одновременным началом активных действий); Семякин (наступление на Чоргун и уход на Северную сторону, создавая угрозу флангу союзников); Ушаков (продолжение пассивной обороны города, ожидая прибытия подкреплений, начав активные действия не ранее ноября 1855 г.).

Наиболее категоричен был Хрулев. Его позиция отличалось прямолинейностью (но сомнительной правильностью). Генерал предлагал «...сосредоточить все войска, решительно атаковать неприятеля, припереть к морю и тем окончить крымскую войну. Коротко и ясно!».¹³⁸

Генерал-лейтенант Семякин постарался максимально аргументировать свое мнение. Суть его точки зрения сводилась в убеждении ошибочности и бесперспективности дальнейшего пассивного состояния и, одновременно, на риске, который стоял за необдуманными действиями.

«Неприятель приблизился уже на многих пунктах на весьма близкое расстояние к нашим веркам, и настолько, что после продолжительной и усиленной бомбардировки какой-либо части оборонительной линии атака его может быть даже успешною, несмотря на несомненное самоотвержение, с которым войска будут защищаться. Результатом успешной атаки будет потеря Севастополя и большей части гарнизона.

Для перехода в наступательное состояние представляется два способа.

А) атаковать неприятеля из крепости;

Б) атаковать его со стороны Черной речки.

Но оба эти способа трудно исполнить и не принесут существенной пользы».¹³⁹

Нужно отдать должное прозорливости генерала, в своем мнении он предопределил возможное развитие событий после предпринятой русскими атаки Федюхиных высот: «...несколькодневное отсутствие войск от Севастополя и его ослабление подвергает город величайшей опасности; союзники, одновременно с делом на Черной речке, могут атаковать и даже взять его, ибо значительные силы так близко расположены, что противник в несколько часов может сосредоточить их, тогда как наши, будучи заняты делом в отдаленности, не будут и знать о происходящем под Севастополем, а тем более не будут в состоянии подать городу какую-либо помощь».¹⁴⁰

¹³⁷ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 334

¹³⁸ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 334

¹³⁹ Сборник рукописей, представленных Е. И. В. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Т. 3, СПб., 1873 г., С. 215–219

¹⁴⁰ Сборник рукописей, представленных Е. И. В. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Т. 3, СПб., 1873 г., С. 215–219

В русской минной галерее. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

Семякин предположил возможное действие в направлении Чоргуна, но даже в данном случае предостерегал о его незначительной выгоде для русских: «...демонстрация на Чоргун ...может удержать его от штурма на некоторое время, и то лишь до разъяснения наших намерений, а затем союзники с еще большею настойчивостью будут действовать против Севастополя».¹⁴¹

Кстати, мнение Семякина не сильно интересовало Горчакова. По воспоминаниям Остен-Сакена ситуация с попыткой Семякина высказать свою точку зрения была несколько анекдотичной: «Генерал Семякин сказал князю: „Ваше сиятельство, у меня есть и другое мнение (вынимая бумагу). Прикажете прочесть?“ „Нет, — отвечал князь, — оставайтесь при прежнем вашем мнении“».¹⁴²

Особо стояло мнение генерала Липранди, «виновника единственной победы при Балаклаве», который хоть и высказался за наступление, но предложил иное его направление, считая бессмысленной атаку непосредственно Федюхиных высот. Тарле ссылается на генерала Богдановича, отнесшего Липранди к числу тех, кто высказался за наступление, — это не совсем правильно. Тотлебен обращает внимание на предложение им альтернативного направления — со стороны Чоргуна и только после достижения контроля над Чоргунской долиной решать направление дальнейших действий, подразумевая под этим возможность атаки Сапун-горы. Думаю, что такая

¹⁴¹ Сборник рукописей, представленных Е. И. В. государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Т. 3, СПб., 1873 г., С. 215–219

¹⁴² Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 341

точка зрения заслуживает особого внимания, учитывая что последовавшие события в значительной мере подтвердили ее правильность.

После успешного «дела при Балаклаве» в октябре 1854 г. имя генерала Липранди стало популярным не только в России, но и среди противников. В феврале 1855 г. английская газета «London-News» писала что, оно «...стало известным большей части наших читателей. О прежнем его воинском поприще мы знаем весьма мало. В ряду русских генералов, достигших известности в настоящую войну, генерал Липранди занял высокое место».¹⁴³

Зная условия местности и принимая в расчет изменившуюся ситуацию, Липранди был против плана князя Горчакова. Ему, как никому другому, были понятны последствия оставления добытых в сражении при Балаклаве позиций. Он, «... вполне сознавая несбыточность подобного мероприятия, по положительной невозможности такого движения, неоднократно восставал против взгляда князя, но глас его был гласом вопиющего в пустыне. Если бы союзные генералы действительно решились на подобное предприятие, то их следовало непременно допустить до этого, ибо в этой местности, отдалясь от единственного своего базиса, флота, они погибли бы все, при благоразумном нашем натиске на Комары и на другие ущелья, которые должны были их совершенно запереть в теснинах. Но такого безрассудства со стороны союзных генералов ожидать было невозможно. Как бы то ни было, обеспечив таким образом насколько было возможно тыл своего расположения, неприятель стал энергично вести атаку на полуразрушенные верки Севастополя.

Имея в своем распоряжении Федюхины горы, можно было расположить на них тысяч до тридцати наших войск и значительно охладить энергию насевших на Севастополь союзников.

Но теперь, когда Федюхины горы нами были оставлены, для того чтобы приостановить успехи союзников, становилось необходимым предварительно овладеть ими».¹⁴⁴

На военном совете Липранди сделал все возможное, чтобы отклонить план князя и был, пожалуй, единственным, кто резко вступил в полемику с бароном Вревским, на что, при всей своей принципиальности, не решился даже Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен: «На совещании в инкерманском домике генерал-адъютант князя Горчакова генерал Вревский, возражая Павлу Петровичу..., сказал: «Это не мирные маневры, ваше превосходительство, где ваш расчет мог бы быть верен».¹⁴⁵ Ответ генерала Липранди был крайне резким, но не стал убедительным.

Нужно признать, что у генерала Вревского нашлось немало сторонников, которые на первое место ставили «...необходимость удовлетворить требованию общественного мнения России, ожидавшего от армии нового усилия для отражения союзников и освобождения Крыма от неприятельского нашествия»¹⁴⁶, нежели военную состоятельность. Те же, кто понимал бессмысленность готовящегося предприятия, в основной массе предпочли молчать, будучи более обеспокоенными за свою будущую карьеру, чем за судьбы армии. В этой обстановке, осознание Липранди несбыточности

¹⁴³ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 324

¹⁴⁴ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 330

¹⁴⁵ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 330

¹⁴⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 246

Английские осадные работы под Севастополем. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

подобного мероприятия «...по положительной невозможности такого движения», оставалось «гласом вопиющего в пустыне».¹⁴⁷

И все-таки наиболее категоричным и последовательным противником плана, предложенного главнокомандующим, остался Сакен. «...Он повторил свои соображения, которые высказал еще до совета генералу Горчакову и представил новые. У русских как в Севастополе, так и в полевой армии (у р. Черной) есть 90 000 штыков, у неприятеля 110 000–120 000, и, кроме того, он ожидает подкреплений. „Очевидно, что с какой бы стороны не предпринять наступление, с Сапун-горы или Севастополя, перевес всегда останется на стороне противников“. Если даже, после тяжких потерь, русским удастся соединенными силами гарнизона Севастополя и полевой армии занять Сапун-гору, то неприятель, узнав о выходе гарнизона из города, в тоже самое время займет Севастополь и, во всяком случае, на другой же день атакует со свежими силами и разобьет ослабленное и утомленное русское войско. Еще хуже будет, если начнет наступление не полевая армия, а гарнизон. По мнению Остен-Сакена, если даже „в счастливейшем случае“ гарнизону удастся овладеть Камчатским люнетом, 24-пушечной батареей „Викторией“ и Зеленой горой, то и тогда, на другой же день, расстроенные войска наши, утомленные боем и ночной работой, голодные с перебитыми начальниками, имея артиллерию, может быть, наполовину, должны будут на следующий день принять общее сражение со свежими неприятельскими войсками, сосредоточенными в продолжение ночи. Нетрудно предвидеть последствия. Можно даже ожидать, что неприятель внесен будет в Севастополь на плечах наших».¹⁴⁸

¹⁴⁷ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 330

¹⁴⁸ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского) // Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 335

Сакен не отрицал возможности давления на левый фланг неприятеля. Но считал необходимым и первоочередным точное определение направления основных действий. По его мнению, только овладение Чоргуном давало армии небольшое преимущество над союзными войсками: «Овладение Чоргуном, лежащую перед ним горю, на левом берегу Черной речки, и Байдарской долиной, заключит неприятеля на прежнее тесное свое пространство, и если он не окончит действий своих в Крыму занятием южного Севастополя, то может предпринять два способа действий:

Наступлением на нас большею частью сил своих с Сапун-горы.

Высадкою на Каче, или ближе к Евпатории, для действия на фланг и тыл наших сообщений. В обоих случаях, оставляя грозное свое, укрепленное природой и искусством, местоположение, он действует в нашу пользу, уравнивая бой».¹⁴⁹

Подводя итог своему решению, Сакен сделал неутешительный вывод: «...Со стесненным сердцем и глубокой скорбью в душе я, по долгу совести, присяги и убеждению моему, избирая из двух зол меньшее, должен произнести: единственное средство — оставление Южной стороны Севастополя. Невыразимо больно для сердца русского решиться на крайнюю ужасную меру... она глубоко огорчит гарнизон... В продолжение многих месяцев отгакивал я эту невыносимую мысль. Но любовь к отечеству и преданность к престолу превозмогли чувство оскорбленного народного самолюбия и я, скрепя сердце, произнес роковую меру».¹⁵⁰

Интересно, что когда Сакен понял, что его никто не поддерживает и, молча просидев до конца совещания, по его завершению вышел из помещения, к нему подошел начальник штаба главнокомандующего генерал Васильчиков и тихо произнес по-французски: «Удивляюсь вашему самоотвержению; я хотел сказать то же самое, но у меня не хватило духу».¹⁵¹

Вторым человеком, категорически высказавшимся против наступления на Федюхины высоты, стал Тотлебен, но на совете он отсутствовал и потому его мнение Горчаков выслушал отдельно. Эдуард Иванович понимал, что уставший от постоянного напряжения гарнизон уже не сможет противостоять штурму и «...с открытием общего огня с осадных батарей атакующий приобретет над нами полный перевес».¹⁵² То что неудачная атака несомненно повлечет за собой ответный штурм, было совершенно ясно. Но чтобы не прекращать активную оборону и отбить желание противника приближаться к русским передовым линиям, Тотлебен решительно высказался против выбранного военным советом направления и предлагал произвести атаку непременно внезапно, большими силами, между Килен-балкой и Лабораторной, последовательно овладевая Воронцовской высотой, Камчатским люнетом, редутами Виктории. Горчаков внимательно выслушал инженера. Однако слушать и прислушиваться — вещи совершенно разные.

Если действительно прислушаться к предложению Остен-Сакена (и других, мысливших с ним одинаково), у Горчакова было два оптимальных варианта дальнейших

¹⁴⁹ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 337–338

¹⁵⁰ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 337

¹⁵¹ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 338

¹⁵² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 244

Лагерь английского 97-го пехотного полка в Крыму. Фото Дж. Робертсона. 1855 г.

действий: согласиться с начальником гарнизона и оставить Севастополь, или не согласиться, оставаться в городе, продолжая защищать его, не предпринимая никаких активных действий. Первый вариант был отмечен сразу. Остен-Сакен вспоминал, как после его доклада «...князь Михаил Дмитриевич, с выражением неудовольствия, сказал: «не оставлю».¹⁵³ Второй вариант даже не рассматривался: это был самый простой способ навлечь на свои головы гнев самодержца. В условиях затянувшейся войны подобное грозило большими неприятностями. Потому Горчаков выбрал третий вариант, который, как становится теперь ясно, был вне обсуждений: атаковать союзников и притом атаковать в наиболее рискованном направлении.

Ненавязчиво, но настойчиво предлагаемый императором план, был скорее выгоден союзникам, но ни в коем случае не русским. Многие современники и известные военные теоретики в своих трудах поддерживают полностью или во многом именно вариант, предложенный Остен-Сакеном. К августу 1855 г. «...превосходство неприятеля в огне становилось настолько чувствительным, мы несли столь огромные потери, что самым благоразумным решением с нашей стороны было бы — очистить Южную сторону Севастополя, где приходившие части толклись как в ступке и уничтожались. После потери передовой позиции Горчаков готов был эвакуировать Севастополь; но после отбитого штурма провести такое решение было невозможно; отбитый штурм позволил правительству и русскому обществу выдвинуть требование — защищать Севастополь до конца. Как ответ на донесения Горчакова о нашей беспомощности в разыгрывавшемся материальном состязании, из Петербурга был прислан генерал Вревский с директивой — настоять на переходе в наступление по-

¹⁵³ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 341

Мак-Магон (Mac-Mahon) Мари-Эдм-Патрис-Морис — дивизионный генерал. Отличился при штурме Севастополя, где его дивизия взяла Малахов курган. В 1873 г. был выбран на пост президента Французской Республики.

левой армии против Балаклавы, на тылы союзников, чтобы попытаться решительным ударом заставить союзников снять осаду.

Горчаков понимал всю несбыточность этих чаяний; помимо 50 тыс. гарнизона Севастополя, он располагал всего 70-тыс. армией, а союзники имели до 200 тыс., располагались на чрезвычайно сильных от природы позициях, основательно укрепленных. Но чтобы не вступать в открытый конфликт с высшим начальством, он решил, для удовлетворения воинственных петроградских кругов, произвести 16 августа демонстративное наступление на Черной речке». Это мнение А. Свечина. Пожалуй, во многом с видным военным теоретиком можно и согласиться.¹⁵⁴

Нужно отметить, что уже давно левый фланг привлекал внимание Горчакова: «...Князь, вследствие свойства местности занимаемого им пространства, представлявшего на левом фланге несколько совершенно закрытых дефилей, постоянно опасался обхода своего левого фланга и сосредоточил все свое внимание на этой оконечности, усиливал ее войсками своего правого фланга в совершенный ущерб последнему. Союзники скоро поняли исключительность взгляда князя Горчакова 1-го: в июне атаковали его правый слабо защищенный фланг, заставили горсть войск отступить почти без выстрела и,

завяв большую часть позиции, отбитой так славно 13 октября, обеспечили таким образом тыл корпуса осаждавшего Севастополь. Пользуясь ошибочным взглядом князя на возможность быть обойденным со своего левого фланга, неприятель старался укрепить его в этой мысли. С оставленной нами позиции при селении Комары союзники получили возможность проникать в Байдарскую долину, откуда и начали как-бы дразнить нас, угрожая обходом, и, чтобы еще более утвердить князя в этом мнении, стали прокладывать дороги».¹⁵⁵

Главнокомандующий был достаточно образованным военным, чтобы не понимать ничтожно малую перспективу навязываемого ему свыше решения. Более того, по мнению Тарле, он был сам убежден в грядущей неминуемой катастрофе, о чем мы выше уже неоднократно упоминали. Как опытный царедворец, с целью отвлечения императорского гнева, 3 августа 1855 года он пишет военному министру: «...Я иду на неприятеля, потому что если бы я этого не сделал, то Севастополь все равно был бы через очень короткое время потерян. Неприятель действует медленно и обдуманно, он собрал сказочную массу снарядов..., — это видно даже невооруженным глазом. Неприятельские апроши сдавливают нас все более и более, и в Севастополе уже нет

¹⁵⁴ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М.—Л., 1928 г., С. 69—70

¹⁵⁵ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 329—330

ни одного непоражаемого места, пули свищут на Николаевской площади. Не следует обманываться, я иду на неприятеля в отвратительных условиях. Его позиция очень сильна, на его левом фланге почти отвесная и очень укрепленная Гасфортова гора, по правую руку Федюхины горы, перед которыми глубокий наполненный водой канал, через который можно будет перейти только по мостам, наводимым под прямым огнем неприятеля. У меня 43 тысячи человек; если неприятель здравомыслен, он противопоставит мне 60 тысяч. Если, — на что надеюсь мало, — счастье будет мне благоприятствовать, я позабочусь извлечь пользу из своего успеха. В противном случае нужно будет подчиниться божьей воле. Я отступлю на Мекензиеву гору и постараюсь эвакуировать Севастополь с возможно меньшим уроном. Я надеюсь, что мост через бухту будет вовремя готов и что это облегчит мне задачу. Благоволите вспомнить обещание, которое вы мне дали, — оправдывать меня в нужное время в должном месте. Если дела примут худой оборот, в этом вина не моя. Я сделал все возможное. Но задача была слишком трудна с момента моего прибытия в Крым».

В этом письме явственно просматривается предпосылка надвигающейся беды. Ведущий массы войск в сражение полководец более озабочен не судьбами людей, готовых безропотно выполнить его приказ, верящих ему, а личной безопасностью, ради которой он безрассудно бросает их в предприятие, от которого сильно пахнет авантюрой. Не имея веры в успех, Горчаков понимает, что «...будет разбит и что значительная часть армии... без всякой пользы для дела, усет тысячами своих трупов Федюхины высоты и подножие Сапун-горы».

Тарле обращает внимание на желание многих участников военного совета откеститься от одобрения плана главнокомандующего: «...на роковом военном совете 29 июля 1855 г. генералы указывали, что всякое сражение в тылу неприятельской армии опасно, что Федюхины горы, которые надлежало атаковать, неприступны, что наши переправочные средства неудовлетворительны, а берега Черной речки очень топкие, что дальнобойных орудий для обстрела неприятельских позиций у нас мало...».¹⁵⁶

Одним из аргументов, повлиявшим на утверждение штабом главнокомандующего, и, в первую очередь, непосредственно самим Горчаковым, решения атаковать позиции неприятеля на Федюхиных высотах, было существенное усиление военной группировки русских войск в Крыму во второй половине лета 1855 г.: «... 4-я и 5-я пехотные дивизии прибыли в последних числах июня 1855 года в состав Крымской армии и были поставлены на позиции при р. Каче впереди Бахчисарая.

Эспинас (Espinasse), Эспри-Шарль-Мари (1815–1859 гг.). В 1855 г. — дивизионный генерал. Участвовал в сражении на Чёрной речке и последнем штурме Севастополя. Погиб в сражении при Мадженте 4 июня 1859 г.

¹⁵⁶ Тарле. Е. В. Крымская война, в 2-х томах, т. 2, М., 1950 г., С. 474

После боя. Уборка раненых и убитых французскими русскими солдатами.

Прибытие этих двух свежих дивизий, горевших желанием вступить в бой, решило Главнокомандующего Армиею подействовать на правый фланг общей неприятельской позиции, занимавшей Федюхины и Гасфортову горы, вероятно с целью отвлечь, хоть несколько, силы союзников от Севастополя».¹⁵⁷

Похоже, лавры успешной Балаклавы, выигранной Меншиковым, не давали Горчакову покоя и он надеялся на повторение «... дела 13 октября; но удобное для этого время было уже упущено. Павел Петрович, зная хорошо местность, об атаке которой шла речь, употреблял все свое усилие и приводил всевозможные доводы, чтобы отклонить дело, имевшее все шансы против себя... Результатом этого совещания было решение открыть действие на левом фланге, т.е. с одной стороны у деревни Шули, а с другой на Гасфортову гору, и уже впоследствии предпринять что-нибудь против Федюхиных высот».¹⁵⁸

Таким образом, военный совет еще не начинался, а личное мнение Липранди не играло

абсолютно никакой роли и никак не могло повлиять на решение главнокомандующего, упорно совершающего очередную, но едва ли не самую грандиозную ошибку в Крымской войне. Американский военный историк капитан Улоуер Тревис в своей статье «Военный гений в Крымской войне» справедливо считает, что союзное командование, как и русское, тоже совершало ошибки, но в отличие от последнего они не носили характер роковых.¹⁵⁹

Наверное Черная речка — наилучшее тому подтверждение.

¹⁵⁷ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 1

¹⁵⁸ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 330

¹⁵⁹ Walters Travis D., *Military Genius in the Crimean War* // *The War Correspondent*, Vol. 22 Number 3, October 2004, P. 45

РУССКИЙ ПЛАН СРАЖЕНИЯ

«Но у нас была и сильная сторона: мы не боялись умирать и лишь просили указать нам для того точное место»

Генерал А. Н. Куропаткин

Горчаков в своих комментариях сжато дает замысел сражения, не вдаваясь в его детали, справедливо понимая, что именно эти детали могут быть использованы как обвинение его самого в бессмысленном истреблении людей. Тем более, что благодаря его пассивности, равно как пассивности предшественника — князя Меншикова, достигнутый ранее, во время Балаклавского сражения, успех, когда были взяты Федюхины и прилегающие к ним высоты, был сведен на нет оставлением их русскими войсками и последующим занятием сначала французами, а потом сардинцами с последующим укреплением.

В первую очередь были определены ключевые фигуры, которые должны были сыграть главные роли (после самого Горчакова, естественно). Таковых было двое.

«... Главная роль в диспозиции предназначалась двум генералам: Реаду и Липранди. Реад должен был со своими двумя дивизиями стать около Федюхиных высот, завязать артиллерийский бой, но не атаковать эти горы без специального, особого приказа от Горчакова. А генералу Липранди было приказано овладеть высотами близ Чоргуна. Дальше Горчаков предполагал двинуть пехоту обеих реадовских дивизий на подкрепление Липранди, а против Федюхиных высот оставить артиллерию Реада, которая и должна была продолжать обстрел, но отнюдь не делать попыток овладеть Федюхиными горами».¹⁶⁰

На первый взгляд все правильно. Если внимательно посмотреть на карту, можно обнаружить, что направление действий русских войск во многом совпадает с событиями сражения 25 октября 1854 г. Тогда, заняв ряд господствующих высот, русские, исполнив задуманное, не стали развивать достигнутый ими успех. Предприняв несколько весьма вялых кавалерийских атак, выпадающих из плана сражения, они отошли практически на исходные позиции в район Федюхиных высот, а со временем уступили их неприятелю, отойдя на Инкерманские высоты. В полной мере воспользовавшись сложившейся ситуацией, французы заполнили их своими войсками

¹⁶⁰ Тарле Е. В. Крымская война, в 2-х томах, т. 2, М., 1950 г., С. 476—477

Английские солдаты – инвалиды Крымской войны. Фотография сделана в 1858 г. во время посещения госпиталя королевой Викторией.

и обустроили, получив, таким образом, еще один дополнительный пояс прикрытия собственных тыловых позиций.

Прибывший в скором времени сардинский воинский контингент прочно обосновался на горе Гасфорта, блокируя последний возможный путь обхода неприятеля для русских войск. Теперь успех полевого сражения мог быть достигнут лишь при условии, что русские войска, связав боем французов на Федюхиных высотах, сумеют обойти сардинские позиции через Чоргун и выйти на направление Камары и далее на Балаклаву. В этом случае, даже если неприятелю удастся перебросить резервы, то он в первую очередь будет вынужден направить их на Федюхины высоты, которые будут под постоянным артиллерийским обстрелом.

Замысел содержал в себе некоторый разумный фактор, заключающийся в отвлечении противника от истинного направления главного удара. Можно предположить, что в плане русского командования действительно присутствовал демонстрационный удар с приковыванием к себе основных неприятельских сил и последующее связывание их боем. Эта роль отводилась генералу Реаду и войскам его корпуса.

Реад Николай Андреевич – генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного Совета. Происходил из дворян Смоленской губернии. Родился в 1793 г. Получил домашнее образование, был определен унтер-офицером в Лейб-гвардии Преображенский полк. 3-го апреля 1808 г. был переименован в подпрапорщики, а в 1810 г. – произведен в прапорщики и переведен в Корпус инженеров путей сообщения на правах инженера 3-го класса, в каковом звании и был произведен в 1811 г. в капитаны.

Свою военную деятельность начал в Отечественную войну 1812 г. Состоя в резерве Корпуса инженеров путей сообщения, участвовал в первый раз в деле против французов 15 июня 1812 г. при Витебске и за храбрость получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом. Принимал участие в прикрытии отступления русской армии от Витебска, участвовал в сражении при деревне Орлове, в нескольких перестрелках с французами, а также был в прикрытии батарей при Смоленске.

При переправе русских войск через Днепр проявил распорядительность. Отличился в сражении при Вязьме. Участвовал в Бородинской битве, после которой он был произведен, «за боевое отличие», в майоры, оставаясь по-прежнему в передовом отряде действующей армии. Затем принимал участие в делах при Воронове, Боровске, Тарутине и под Красным.

За оказанное в этих делах мужество был произведен в подполковники, а когда в 1813 г. русская армия перешла в наступление — участвовал в штурме Дрездена, при селении Оберсвальде принимал участие в поражении армии Наполеона.

Мужество и примерная храбрость, которые проявил он в этих боях, а особенно в сражении под Лейпцигом, были отмечены награждением его орденом Св. Анны 2-й ст. и саблей с надписью «за храбрость». В 1814 г. за отличные действия во всех сражениях, как выпадавших на долю авангарда, так и в качестве строевого офицера, принимавшего на себя различные опасные поручения и производившего рекогносцировки, так и исполнителя в нужных случаях обязанностей инженерного офицера, был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Прусским орденом Pour le mérite. За время пребывания в Париже, как и большинство русских офицеров, увлекся мазонством и поступил в число членов одной из масонских лож, а впоследствии, по возвращении в Россию, даже состоял членом одного из тайных обществ. Однако не принимал деятельного участия в собраниях общества и планах его членов, а потому избежал участи, постигшей его товарищей после 14 декабря 1825 г. В декабре 1824 г. был произведен в полковники и назначен командиром Ольвиопольского гусарского полка. За прекрасное командование им был назначен в 1828 г. флигель-адъютантом к императору Николаю I.

Во время войны с Турцией (1828–1829 гг.) сопровождал царя в его поездках по Югу России.

В 1831 г. принимал участие в подавлении Польского восстания. Отличился в генеральном сражении под Прагой, во время которого поляки потерпели полное поражение. За это был произведен в генерал-майоры с оставлением в занимаемой должности командира полка (1831 г.). 23-го марта два эскадрона его полка под его командованием близ Гарвалина встретили отряд повстанцев, атаковали его и обратили в бегство.

В 1840 г. произведен в генерал-лейтенанты.

В Венгерской компании (1848–1849 гг.) находился в составе армии и совершил переход через Карпаты, но во время этого движения он заболел и должен был вернуться в Россию. Вскоре (1851 г.) был назначен состоять при главнокомандующем корпусом с оставлением по кавалерии.

В феврале 1852 г. приехал в Тифлис и с первых же месяцев своей службы приобрел полное расположение и доверие главнокомандующего на Кавказе князя М. С. Воронцова. В 1853 г. произведен в генералы от кавалерии. В 1854 г. вступил в командование Кавказским корпусом и войсками к нему прикомандированными, на правах командира Отдельного корпуса.

Зуавы прощаются с погибшим в траншеях офицером полка. Французский рисунок.

В 1855 г. вместо князя Воронцова, окончательно оставившего Кавказ, был назначен генерал от инфантерии Н. Н. Муравьев 1-й, а Реад был назначен командиром 3-го пехотного корпуса.

В этой должности погиб в сражении на Черной речке 4 августа 1855 г.

По отзывам Остен-Сакена, князя Паскевича и других, Реад был светлой личностью, в высшей степени правдивым человеком, имевшим все данные военачальника.

Начать предполагалось рано утром. В диспозиции, данной войскам на 4 августа, было сказано: «Войскам быть на местах к 4 часам пополудни. Генерал Липранди атакует Телеграфную гору, а генерал Реад в одно и то же время открывает артиллерийский огонь по Федюхиным высотам, давая тем возможность удержаться на Телеграфной горе».¹⁶¹

Основной удар должен был приходиться на наименее укрепленную (по мнению русского командования) оконечность правого фланга внешней линии укреплений союзников, занятую сардинцами или на стыке позиций союзных войск. Судя по всему, князь Горчаков не планировал развивать успех, даже если бы таковой и был достигнут. Липранди не имел точных указаний на действия в случае, если его атака окажется успешной. Конечной его целью было лишь взятие г. Гасфорт и затем ожидание новых указаний.¹⁶²

¹⁶¹ Красовский И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 годов. Дело на Чёрной речке 4 Августа 1855 года и князь Михаил Дмитриевич Горчаков // Русский архив, 1874. Кн. 2. Вып. 7. СПб. 207–208

¹⁶² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 270

В этом случае направление главного удара становится расплывчатым, неконкретным. Это позволяет склониться к мнению, что главнокомандующий более полагался на обстоятельства и их развитие. Можно лишь предположить, что все же, как основное направление последующих действий, если таковые последуют, он в большей степени считал перспективным именно против сардинских позиций. В пользу имевшегося намерения о направлении удара через левый фланг говорит и то, что Горчаков после начала обстрела высот артиллерией Реада планировал лично прибыть именно к Липранди.

Н. И. Красовский в своем письме 5 октября 1869 г. к генерал-адъютанту Тотлебену по поводу сражения на реке Черной ссылается на тот факт, что «В диспозиции, данной на 4 августа, которую я своею рукою переписал раз пять, было сказано: «Войскам быть на местах к 4 часам пополудни; генерал Липранди атакует Телеграфную гору, а генерал Реад в одно время открывает артиллерийский огонь по Федюхиным высотам, давая тем возможность удержаться на телеграфной горе. Главнокомандующий первоначально будет на батарее, снаряженной морскими орудиями, или иначе — на редуте, а потом переедет к Липранди, где и решит дальнейший исход дела».¹⁶³

Красовский справедливо считает, что «...командующий предполагал, смотря по тому, что окажется более удобным, — или атаковать Федюхины высоты, или Гасфорта гору, или, наконец, ограничиться одним усиленным обозрением».¹⁶⁴

Понятно, что прибыть на второстепенный участок в решающий момент, когда необходимо было принятие оптимального решения, Горчаков себе позволить не мог. В ответственный момент сражения путь передачи команд и получения обратной информации от частных начальников должен быть кратчайшим. Расположение штаба на левом фланге лишний раз свидетельствовало в пользу мнения, что Горчаков склонялся избрать основным направлением действий именно на этом участке. Но, опять таки, та самая расплывчатость формулировок диспозиции («...где и решит исход дела...», например) свидетельствует, что главнокомандующий решил на сражение, не имея четкого плана действий.

В пользу выбора им направления удара через сардинские позиции и предположительно последующие действия в случае наметившегося успеха можно обнаружить в письме князя Горчакова военному министру от 5 августа 1855 г. Главнокомандующий говорит, что «...Первоначальное намерение мое заключалось в том, чтобы по овладении высотами впереди Чоргуна, основательно обозреть позицию сардинцев близ Черной, атаковать затем Гасфорта высоты и двинуть пехоту Реада как первое подкрепление войскам Липранди, оставив артиллерию Реада против Федюхиных, под прикрытием части моей кавалерии. Все это было объяснено генералу Реаду, но я ему предписал также быть готовым атаковать Федюхины высоты, когда я ему это прикажу, в том случае, если Гасфортовы высоты будут мною найдены слишком сильно занятыми. В этом случае пришлось бы поддерживать Реада войсками Липранди с главным резервом».¹⁶⁵

¹⁶³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 501

¹⁶⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 501; Красовский И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 годов. Дело на Чёрной реке 4 Августа 1855 года и князь Михаил Дмитриевич Горчаков // Русский архив, 1874. Кн. 2. Вып. 7. СПб. 207–208

¹⁶⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 504

В докладе императору Горчаков конкретизирует свой замысел: «Намерение мое было, при ближайшем осмотре позиции сардинцев, после сбития их авангарда, или провести на них атаку пехотою генерала Липранди, поддержанной пехотой генерала Реада и резервами, оставя против Федюхиных гор одну артиллерию с прикрытием сильной кавалерии...».¹⁶⁶

Итак, главное — левый фланг. В случае удачи — наступление в обход левого фланга союзников. А дальше? Балаклава? Увы, что делать дальше, Горчаков не знал. Потому и колебался в определении: кому из двух генералов отдать главную роль, а кому лишь вторую.

Конечно, взятие Балаклавы было невозможным. Или, по крайней мере, маловероятным. Англичане и французы после успеха Липранди в октябре 1854 г. сделали все возможное, чтобы не допустить потери одной из своих главных баз снабжения в Крыму. Но даже при выходе на линию Федюкиных высот и закреплении на них, русские вынуждали союзников к таким действиям, которые приводили к изменению осадной линии, изменению тыловых коммуникаций и, в идеальном варианте, совершенно для них невыгодному затягиванию кампании.

Но в отличие от 25 октября 1854 г. передовые позиции доверили защищать не несчастным туркам, обреченным союзниками на гибель без поддержки. Нужно понять, что к августу 1855 г. циркумвальной линией союзников достигла своего совершенства. От Севастополя до Балаклавы она прикрывалась уже двумя оборонительными линиями, способными без затруднений выдержать удар русской армии. Первая из них проходила по линии Федюкиных высот, вторая — по Сапун-горе. В случае опасности на любую из них могли быть в кратчайшие сроки переброшены резервы.

Но вернемся к плану русских. Для его выполнения Горчаков принял решение разделить войска на две части — левый и правый фланги, командование которыми было поручено соответственно генералам Реаду и Липранди, как мы говорили выше — основным действующим лицам грядущей драмы. В свою очередь задачи получала каждая дивизия, подчиненная этим начальникам.

Правый фланг генерала Реада составляли внушительные силы, объединившие пехоту, артиллерию и кавалерию.

7-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Ушаков):

Смоленский пехотный полк (3 батальона, 1654 чел.), Могилевский пехотный полк (3 батальона 1387 чел.), Витебский егерский полк (3 батальона, 1603 чел.), Полоцкий егерский полк (3 батальона, 1718 чел.).

Артиллерия: 8-я артиллерийская бригада:

Батарея №3 батарея (12 орудий), легкая №3 батарея (6 орудий), легкая №4 батарея (8 орудий), легкая №5 батарея (8 орудий).

12-я пехотная дивизия (генерал-майор Мартинау):

Азовский пехотный полк (4 батальона, 2080 чел.), Украинский егерский полк (4 батальона, 1990 чел.), Одесский егерский полк (4 батальона, 1960 чел.).

Артиллерия: 14-я артиллерийская бригада:

Батарея №8 батарея (12 орудий), легкая №3 батарея (6 орудий), легкая №4 батарея (6 орудий).

2-й стрелковый батальон (619 чел.).

¹⁶⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 508

Офицеры зуавов гвардии. У многих на груди медали за Крымскую войну. 1856 г.

Рота 2-го саперного батальона (1290 чел.).

Уланский Ея Императорского Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны полк (943 чел).

При нем: конно-легкая № 26 батарея (4 орудия).

Донской казачий № 87 полк (6 сотен, 849 чел.).

Всего в составе: 25,5 батальонов, 8 эскадронов, 6 сотен, 62 орудия, 14833 чел.

По диспозиции с наступлением сумерек 3 августа войска Реада должны были спуститься с Мекензиевых гор и стать в резервном порядке правее дороги на высоте у нового редута. С рассветом 4 августа 7-я и 12-я дивизии перестраивались в боевой порядок и «... имея конницу в резерве, должны были двинуться к р. Черной и, обстреливая Федюхины высоты, приготовиться форсировать переправу через р. Черная.

Для переправы через Черную и атаки Федюхиных высот Реад должен был ожидать приказа главного командующего, а овладев Федюхиными высотами, выстроить боевой порядок фронтом частью к Сапун-горе, частью к стороне неприятеля; после боя предписывалось укрепиться на занятых позициях».¹⁶⁷

Реад превращался в своеобразный щит для действующего юго-восточнее Липранди, принимая на себя удары подходивших союзных резервов, но предоставляя тому возможность безнаказанно громить сардинцев. В этом случае Реад должен был хотя бы одной дивизией перейти через Черную. Действительно, 7-я пехотная дивизия генерала Ушакова по плану атаковала северо-западные склоны Федюхиных высот. Наличие у нее заранее приготовленных переходных мостков лишний раз свидетель-

¹⁶⁷ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 141–142

Зуавы гвардии после возвращения из Крыма.

ствуется о том, что задача для нее не ограничивалась одним лишь выходом к берегу реки и нудной перестрелке с занимавшим противоположную сторону противником.

12-я дивизия генерала Мартинау, выйдя к мосту через Черную («Трактирный мост») непосредственно перед высотами, разворачивалась и осуществляла демонстрацию главного удара. Спорным является вопрос: получали ли Реад или, соответственно от него Ушаков и Мартинау, приказ атаковать склоны высоты непосредственно перед своими войсками? С Ушаковым все более менее ясно. Без перехода через Черную его присутствие на поле боя вообще теряло смысл — слишком уж далеко он от него оказывался. С Реадом сложнее.

Можно предположить, исходя из дальнейшего развития событий, что такой приказ Реадом все-таки был получен. Генерал Зайончковский косвенно подтверждает, что у него все-таки было задачей занятие высот.

Это помогает объяснить ставшие роковыми и гибельными действия этого пожилого генерала. Видно не зря перед сражением он, как утверждает Тарле, убивался, предчувствуя собственную смерть. Очевидно Реад понимал, сколь трудно будет его войскам сдерживать неприятеля, который непременно обрушится на него всем силами. Союзники утверждают, что в найденных после сражения документах, находившихся при теле убитого Реада, ими была обнаружена диспозиция для корпуса, оцененная ими крайне низко. Они правы — следуя ей, войска Реада пришли туда, где их ждали — в кровавую мясорубку Федюхиных высот.

Левый фланг под командованием Липранди включал:

Левый отряд

6-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Бельгард):

Низовский егерский полк (4 батальона, 2353 чел.), Симбирский егерский полк (4 батальона, 2346 чел.).

12-й пехотная дивизия:

Днепровский пехотный полк (4 батальона, 2010 чел.),

Артиллерия. 6-я артиллерийская бригада:

Батарейная № 4 батарея (12 орудий), легкая № 6 батарея (8 орудий), легкая № 8 батарея (8 орудий), взвод горной артиллерии (2 орудия).

Правый отряд

17-я пехотная дивизия (генерал-майор Веселитский):

Московский пехотный полк (4 батальона, 1753 чел.), Бутырский пехотный полк (4 батальона, 1696 чел.), Лейб-егерский Бородинский Его Величества полк (4 батальона, 1855 чел.), Тарутинский егерский полк (4 батальона, 1858 чел.).

Артиллерия. 16-я артиллерийская бригада:

Батарейная № 1 батарея (12 орудий), легкая № 2 батарея (8 орудий).

17-я артиллерийская бригада:

Батарейная № 8 батарея (8 орудий).

7-я артиллерийская бригада:

Батарейная № 1 батарея (12 орудий).

3-й стрелковый батальон (650 чел.), 6-й стрелковый батальон (300 чел.), рота 3-го саперного батальона (140 чел.), рота 6-го саперного батальона (152 чел.), Греческий легион Императора Николая I (500 чел.), Казачий № 9 (Фомина) полк (2 сотни, 276 чел.).

Всего в составе: 30,5 батальонов, 2 сотни, 1 легион, 70 орудий, 15 889 чел.

Войска Липранди были разделены на два отряда (левый под командованием генерала Бельгарда, правый — непосредственно самого Липранди), действовавших по своим направлениям.

Бросается в глаза увеличенное число пушек на левом фланге. Маловероятно что это случайно, слишком уж скрупулезно относились к использованию этого рода войск в середине XIX в. А расположение кавалерийского резерва за этим отрядом только подтверждает догадку, что именно там русские войска должны были преодолевать позиции противника. Наиболее удобное дефиле, которое выходило непосредственно в долину, находилось рядом — между южными скатами Федюхиных высот и северными горы Гасфорт.

Но, как говорилось выше, истинное направление главного удара было неконкретным, уже самым сумбурным планированием поставленным в зависимость от обстоятельств, а последовавшая в ходе сражения непрерывная перетасовка сил князем Горчаковым, свидетельствовала о его колебаниях в определении такового.

Можно лишь предположить, что в случае успеха на этом фланге, сконцентрированная здесь артиллерия огнем прокладывала дорогу пехоте, а та, в свою очередь, закрепившись на местности, обеспечивала ввод в бой кавалерии резерва. Собственная кавалерия генерала Липранди была малочисленной и была представлена лишь 2 сотнями казаков 9-го казачьего полка. Да и не нужна она была ему. Зато артиллерию «герой Балаклавы» применил искусно.

Левый фланг русской армии должен был наступать через Чоргун в направлении г. Гасфорт. Успех его действий зависел от того, насколько надежно свяжет боем неприятеля пехота и артиллерия Реада, а в идеальном варианте и то, насколько ей удастся оттянуть на себя и возможные к подходу резервы французов.

До начала сражения войска Липранди должны были выдвигаться следом за дивизиями генерала Реада: «Правая колонна, спустившись с горы, должна была построить резервный порядок левее большой дороги и на высоте большого редута, а левая скрытно расположиться на ночь на Мокрой луговине.

С рассветом 4 августа Липранди предписывалось атаковать Телеграфную гору, а Бельгард, выдвинув одну батарею для обстреливания Телеграфной горы, а другую

Бригадный генерал Клер. Во время сражения на Чёрной речке — командир 2-й бригады 1-й пехотной дивизии. Рисунок Дж. Кадогана. 1855 г.

для обстреливания долины Чоргуна и Гасфортовой горы, должен был быстро наступать к Чоргуну. Заняв Телеграфную гору, Липранди ждал приказа для переправы и атаки Гасфортовых высот».¹⁶⁸

Резервные войска (около 18 тыс. человек) располагались на Инкерманских высотах в районе Нового редута.

В состав главного резерва (генерал Шепелев) были включены:

4-я пехотная дивизия:

Белозерский пехотный полк (4 батальона, 2773 чел.), Олонецкий пехотный полк (4 батальона, 2480 чел.), Шлиссельбургский егерский полк (3 батальона, 1091 чел.), Ладужский егерский полк (4 батальона, 2281 чел.).

При них 4-й артиллерийской бригады: батарея № 2 батарея (8 орудий).

5-я пехотная дивизия (генерал-майор Вранкен):

Архангелогородский Его Высочества Великого Князя Владимира Александровича пехотный полк (4 батальона, 2566 чел.), Вологодский пехотный полк (4 батальона, 2566 чел.), Костромской егерский полк (4 батальона, 2450 чел.), Галицкий егерский полк (4 батальона, 2531 чел.).

При ней 5-й артиллерийской бригады:

Батарея № 3 батарея (12 орудий), легкая № 4 батарея (8 орудий), легкая № 5 батарея (8 орудий).

Две роты 2-го саперного батальона (240 чел.).

«...главный пехотный резерв генерал-лейтенанта Шепелева, силой 30½ батальона и 36 орудий – всего 18968 человек и 36 орудий, должен был 3-го прибыть с Бельбека на Мекензиеву гору, а 4-го за 2 часа до рассвета выступить и стать за войсками Реада».¹⁶⁹

В состав артиллерийского резерва (полковник Челокаев) были включены:

9-й артиллерийская бригада:

Батарея № 4 батарея (12 орудий), легкая № 6 батарея (8 орудий), легкая № 7 батарея (8 орудий), легкая № 8 батарея (8 орудий).

10-я артиллерийская бригада:

Батарея № 1 батарея (12 орудий), батарея № 2 батарея (12 орудий).

А также:

Конно-батарея № 24 батарея (8 орудий).

Донская конно-батарея № 11 батарея (8 орудий).

«... артиллерийский резерв полковника Челокаева (76 орудий) должен был следовать и располагаться за пехотным резервом».¹⁷⁰

Главный кавалерийский резерв (генерал от кавалерии Щабельский) составляли 1-я бригада 1-й драгунской дивизии и 2-я бригада 2-й драгунской дивизии:

Лейб-драгунский Его Величества полк,

Его Императорского Высочества Князя Константина Николаевича драгунский полк,

Его Высочества принца Эмилия Гессенского драгунский полк,

Рижский драгунский полк,

Пикинерный дивизион Финляндского драгунского полка,

¹⁶⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 142–143

¹⁶⁹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 143

¹⁷⁰ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 143

Новомиргородский уланский полк,
Донской казачий № 61 полк,
Уральский казачий № 1 полк,
Конно-батарейная № 21 батарея,
Конно-легкие №№ 22, 23, 26 батареи.

Кавалерийскому резерву предписывалось: «... главный кавалерийский резерв генерала от кавалерии Щабельского в 50 эскадронов, 9 сотен, 8195 человек и 28 орудий, должен был по выступлении с Бельбека следовать до с. Шули за колонной генерала Бельгарда и расположить 34 эскадрона левее артиллерийского резерва, а 16 эскадронов должны остаться у с. Шули».¹⁷¹

Таким образом, общий резерв являлся скорее вторым эшелоном и должен был быть введен в сражение за первым (в нашем случае войсками генералов Реада и Липранди). В устоявшихся канонах полевой тактики середины XIX в. доминировало мнение, что общий резерв был не столько резервом, сколько частью боевого порядка, оставленной в распоряжении старшего начальника, действия которой должны были решить исход сражения. Например, как Минский полк в Альминском сражении, выдвинутый князем Меншиковым для действий во фланг наступающей французской пехоте.

Судя по значительной артиллерии, выведенной в резерв, сопоставимой с артиллерией первой линии, Горчаков действительно рассчитывал сразу после занятия Федюхиных и прилегающих к ним высот укрепить их, обустроив батареи. После чего нависнуть над тыловыми позициями союзников, создавая им серьезные проблемы, имея возможность не только обстреливать их, но и воздействовать на коммуникации.

Серьезным было прикрытие войск. «...Для охранения левого фланга предназначались 6 батальонов, 18 эскадронов и сотни и 12 орудий генерал-майора Миттона. Отряд этот, скрытно сосредоточившись у с. Кучки, должен был посылать разъезды по всем направлениям; для обеспечения тыла к с. Ени-Сала был выслан отряд из 14 эскадронов и сотни при 4 орудиях под начальством генерал-майора Халецкого; наконец, для прикрытия с востока северной части Севастополя и для демонстрации к нижней части р. Черной и к Сапун-горе был назначен отряд генерал-майора Попова-первого силой в 6 ½ батальона, 3 сотни и 16 орудий».¹⁷²

Всего для действий против союзников предназначалось 47 622 штыка, 10 263 сабли, 224 пеших и 48 конных орудий.¹⁷³

При всех возможных разночтениях диспозиции можно утверждать, что по общему для всех плану предстоящего сражения предполагалось, связать боем основные силы союзников, заставив их убедиться в намерении русских атаковать в направлении Федюхиных высот. После чего Реад перебросит часть войск на левый фланг к Липран-

Дивизионный генерал Ниель (Niel). С 1855 г. — начальник военных инженеров в Крыму.

¹⁷¹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 143

¹⁷² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 144

¹⁷³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 144

Дивизионный генерал Франсуа Сертен Канробер, будущий маршал Франции. Во время Крымской войны командовал 1-й дивизией, затем, после смерти маршала Сент-Арно, принял командование над французской армией в Крыму.

ди, который двинется в обход, одновременно атакуя позиции сардинцев. Остальные войска (главным образом дивизии Ушакова и Мартинау с артиллерией) будут удерживать Федюхины высоты, отражая атаки подходящих резервов неприятеля с западного и северо-западного направлений.

Подобная тактика уже использовалась русскими в кампании, правда не совсем удачно. Нечто аналогичное предполагалось при Инкермане в ноябре 1854 г. Однако в силу ряда причин (погодные условия, темное время суток и конечно традиционная слабость организации управления войсками) она не приводила к успеху. Американский военный наблюдатель в Крыму майор Мак Клеелан считал, что нерешительность и пассивность П.Д. Горчакова, наносившего отвлекающий удар, позволила французскому генералу Боске разгадать замысел русских и перебросить часть своих сил на помощь британцам.

К сожалению, шаблонность планирования операций в Крыму стала проблемой русского командования. В предугадывании вероятных действий «очередного» князя Горчакова и его штаба у союзного командования больших затруднений не возникало.

Операция планировалась не на один день, предполагая закрепление войск на захваченном рубеже: «Для того чтобы войска не нуждались в первое время в подвозе продовольствия, князь Горчаков приказал всем людям иметь с собою четырехдневный запас сухарей, по фунту вареного мяса на человека, манерки наполненные водою; для лошадей же предписывалось иметь запас фуража по положению. Этим распоряжением устранялась необходимость иметь при войсках артельные повозки, дозволя ограничиться только патронными и зарядными ящиками».¹⁷⁴

Заняв высоты, русские войска должны были немедленно начать инженерное их оборудование и обустройство на них, для чего «... войскам было приказано взять с собою шанцевый инструмент».¹⁷⁵

Это важно: для простой разведки боем нет необходимости нагружать и без того перегруженные оружием и четырехдневным запасом продуктов питания войска еще и кирками с лопатами.

Плох или хорош был предполагаемый замысел можно судить по субъективному мнению пьемонтского генерала Ла Марморя, писавшего после сражения: «Что касается русских, то их диспозиция с восходом солнца была многообещающей и впечатляющей. Мощные атакующие колонны, продвигались неустрашимым маршем. Но они были слишком громоздки и глубоки, да и очень был удален резерв, чтобы их

¹⁷⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 270

¹⁷⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 270

вовремя поддержать. К тому же замысел боя их Главнокомандующего, как свидетельствует боевой приказ, найденный при убитом генерале Реаде, был далек от совершенства. Исход сражения оказался для русских более фатальным, чем следовало ожидать».¹⁷⁶

Кстати, этот приказ французские исследователи сделали своеобразным компроматом на Гурчакова, неоднократно указывая, что слова главнокомандующего после сражения разнятся с предписаниями для войск, изложенными на бумаге.

Признаем, что справедливо отмечал итальянский генерал несовершенство организации и планирования сражения. Все ошибки российской военной системы проявлялись как на лакмусовой бумаге. Опять не соответствующая местности тактика, громоздкость построений, отсутствие четкой системы управления. То, что он именует удаленными резервами, очевидно относится к вводимым в бой по частям русским дивизиям. Оговорюсь, понятие «введенные по частям» относится, прежде всего к 5-й дивизии.

12-я и 7-я дивизии атаковали Федюхины высоты совместно, но не скоординировано.

Достигнутое Гурчаковым и Реадом численное превосходство не могло привести к успеху, по причине создания его в том месте, которое давало противнику возможность своевременного усиления войск. С точки зрения военной науки уже одно это является грубейшим стратегическим и тактическим просчетом.¹⁷⁷

Сардинский берсальер. Рисунок с натуры полковника В. Декинса (W.G. Dawkins) из Колдстримского гвардейского полка. 1855 г.

ДЕЙСТВИЯ СО СТОРОНЫ КРЕПОСТИ

У этого отряда задача была не менее ответственной, чем у отрядов главных сил. Ему предстояло обеспечить взаимодействие всех войск, назначенных к сражению, с крепостью. Поддержка действиям в район Черной речки со стороны гарнизона крепости была затруднительной, усложняя ситуацию и помимо полевых войск главнокомандующий «... предполагал в случае успеха привлечь к сражению защитников Севастополя. Сильная и своевременная вылазка могла бы довершить поражение союзников».¹⁷⁸

Потому для поддержки наступательных действий на Федюхиных высотах еще один удар планировался со стороны Севастополя. В день сражения готовилась большая вылазка гарнизона против осадных позиций в районе Корабельной стороны. К этой акции привлекались значительные силы — около 20 000 человек из

¹⁷⁶ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 91

¹⁷⁷ Лиддел Гарт, сэр Бэзил Генри, Стратегия не прямых действий, М., 1957 г., С. 375–376

¹⁷⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 144

состава 11-й, 14-й, 8-й и 9-й дивизий. Командование этими войсками было поручено генерал-лейтенанту Хрулеву. Начать ее предписывалось спустя 8 часов после получения известия от князя Горчакова. Для действий против союзников со стороны крепости выделялись силы, численно сравнимые с задействованными непосредственно в районе Федюхиных высот: «...одновременно с атакой нашими войсками позиций союзников на Черной речке 4-го (16 августа) 1855 г. предполагалось для отвлечения внимания провести сильную вылазку со стороны Севастополя. Князем Горчаковым поручено было полковнику Менькову, как хорошо знакомому с Севастополем, составить предложение о вылазке из города при различных условиях и в десяти отдельных вариантах».¹⁷⁹

По замыслу, предполагаемые действия гарнизона совпадали с предлагаемым генералом Хрулевым планом. Получив приказание, последний начал действовать со свойственным его темпераменту воодушевлением: «Прислано приказание приготовить войска для вылазки во время сражения 4-го августа в случае успеха на Федюхиных высотах, на что будет дан телеграфический сигнал, без которого вылазки не начинать. Весь день и всю ночь мы писали, не доверяя писарям, условные сигналы, диспозиции и инструкции; Хрулев каждому начальнику втолковывал план действия. Тяжел был всем этот вечер, смутное ожидание чего-то важного, решительного, тревожило всех, никто не спал».¹⁸⁰

По разработанному Хрулевым планом действий, со стороны крепости привлекались войска численно значительные и разделенные на несколько отдельно действовавших отрядов (колонн).

Правая колонна, под командованием самого Хрулева, должна была идти по Киленбалке. Вторая колонна, под командованием генерал-лейтенанта Павлова, начинала движение от каменоломен. Одновременно обойдя и атаковав с тыла Камчатский люнет, колонны совместно атаковали редут Викторию, стараясь открыть дорогу на Инкерман. Дело было сложное, надеялись на войска, где «...в солдатах горел геройский дух, нельзя было сомневаться в успехе».¹⁸¹

Полковник Меньков детально разработал план действий со стороны Севастополя во фланг союзным войскам, одновременно с началом действий войск князя Горчакова на Черной речке.

Предполагалось задействовать в них следующие войска:

8-я пехотная дивизии (генерал-майор князь Урусов): Пехотный графа Дибича-Забалканского полк (2 батальона, 1325 чел.), Полтавский пехотный полк (2 батальона, 1052 чел.), Алексопольский егерский полк (4 батальона, 1673 чел.), Кременчугский егерский полк (4 батальона, 2171 чел.).

9-я пехотная дивизии (генерал-лейтенант Лисенко): Севский пехотный полк (4 батальона, 1366 чел.), Елецкий пехотный полк (4 батальона, 2061 чел.), Егерский князя Горчакова полк (2 батальона, 1893 чел.), Егерский князя Варшавского полк (2 батальона, 904 чел.).

10-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Семякин): Екатеринбургский пехотный полк (2 батальона, 1617 чел.), Тобольский пехотный полк (4 батальона, 1524 чел.),

¹⁷⁹ Зайончковский А. Страница из истории Севастопольской обороны (из записок генерал-лейтенанта Менькова)//Военный сборник, № 10, 1896 г., СПб., с. 205

¹⁸⁰ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник №9, СПб., 1905 г., с. 43

¹⁸¹ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник №9, СПб., 1905 г., с. 44

В осаждённом Севастополе. Рисунок К.Н. Филиппова. 1862 г.

Томский егерский полк (4 батальона, 1465 чел.), Кольванский егерский полк (2 батальона, 1528 чел.).

11-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Павлов): Селенгинский пехотный полк (2 батальона, 1571 чел.), Якутский пехотный полк (2 батальона, 1584 чел.), Охотский егерский полк (2 батальона, 1884 чел.), Камчатский егерский полк (2 батальона, 1518 чел.).

15-я резервная пехотная дивизия (генерал-майор Липский): Модлинский пехотный полк (3 батальона, 1162 чел.), Прагский пехотный полк (3 батальона, 1386 чел.), Люблинский егерский полк (3 батальона, 1691 чел.), Замосцкий егерский полк (3 батальона, 1500 чел.).

4-й стрелковый батальон (407 чел.).

Таким образом, выделенные силы доходили до 57 батальонов, насчитывавших в своих рядах 31 245 человек. Для их поддержки Севастопольская артиллерия выделяла 45 орудий.¹⁸²

На оборонительной линии Севастополя оставались 14 и 16-я дивизии (генерал-лейтенантов Моллера и Ренненкампа соответственно), а также 6 резервных батальонов.

Войска, предназначенные для действий со стороны города, сосредотачивались за второй оборонительной линией, сзади Корниловского бастиона. С началом ата-

¹⁸² Зайончковский А., Страница из истории Севастопольской обороны (из записок генерал-лейтенанта Менькова)// Военный сборник, № 10, 1896 г., СПб., С. 205–206

ки они должны были начать движение слева и справа Малахова кургана, от батареи Жерве и из-за оборонительной стенки между бастионом Корнилова и бастионом №2.

Направление атаки — между Киленбалкой и Доковым оврагом. Цель атаки — овладеть Камчатским укреплением с прилегающими к нему траншеями, затем продолжать наступление к редуту Виктория и взять его. После овладения Камчатским люнетом часть силы приступает к разрушению и его, и прилегающих участков инженерных работ союзников.¹⁸³

Значение, придаваемое действиям со стороны города было таковым, что помимо столь значительного числа войск привлекаемых к ним, предписывалось даже в случае неудачных действий со стороны Черной речки в направлении (что важно!) Федюхиных высот и Сапун-горы главных сил Горчакова, гарнизон крепости должен был продолжать атаку на следующий день. По сути, предполагалось второе, связанное с главным сражение.

В случае начала этих действий для их поддержки предназначалась вся артиллерия правой оборонительной линии и третий бастион, которые должны были производить «...сильный огонь по неприятельским батареям, в особенности ... по батареям английской атаки на Зеленой горе, дабы лишить врага возможности действовать по наступающим войскам».¹⁸⁴

Полковник Меньков не конкретизирует происшедшее в день «несчастливого» Чернореченского сражения, вероятно просто не видя в этом смысла. Все равно, по каким-то неведомым обстоятельствам, главнокомандующий так и не принял этого решения. По видимости, это произошло по причине, уже случившейся к тому времени катастрофы.

Причин, по которым действия гарнизона не поддержали действия полевых войск в районе Черной речки несколько и не все они убедительны. Во всяком случае, некоторые из защитников Севастополя традиционно рассматривали явную пассивность, как одну из роковых ошибок, а в некоторых случаях и как деяние, граничащее с предательством: «Так дожили мы и до 3-го августа, об котором с грустью услышали мы Севастопольцы и страшно жалели, что не могли участвовать в деле и пособить своим родным товарищам русским, да еще дивизии своего корпуса, которая все время была как будто чужая и отдалялась от нас. Ей раз случилось хорошо подраться с неприятелем и перевес был на нашей стороне, но тут вышло как будто не по-русски, два генерала не умели дружно отстоять даже того, что было уже взято русскими, это Федюхины высоты за Черною. Историки разыщут, а воины, бывшие в деле этом, расскажут и откроют как все это было, за что там пропало столько свежего и славного нашего войска».¹⁸⁵

¹⁸³ Зайончковский А. Страница из истории Севастопольской обороны (из записок генерал-лейтенанта Менькова)// Военный сборник, № 10, 1896 г., СПб., С. 205–206

¹⁸⁴ Зайончковский А. Страница из истории Севастопольской обороны (из записок генерал-лейтенанта Менькова)// Военный сборник, № 10, 1896 г., СПб., С. 205–206

¹⁸⁵ Воспоминания Севастопольца с 1854 по 1856 г. // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 32

АНАТОМИЯ ПОЛЯ БИТВЫ

«Военачальник должен обладать превосходным знанием тех мест, где он собирается вести войну»

Никколо Макивелли, «Рассуждения» (1517)

Когда Горчаков, называя условия наступления «скверными», он не ошибался и ничуть не лукавил, преувеличивая истинное положение дел.¹⁸⁶

Местность, на которой должно было разыгаться заключительное сражение Крымской войны, совершенно не соответствовала условиям для ведения наступательных действий русских войск против союзников на широком фронте. Наибольшую проблему создавало то, что рубеж развертывания в боевые порядки находился в простреливаемой стрелками и артиллерией французов зоне. Отсюда выходило, что то, для чего всяческая суетливость была не только излишней, но и губительной, придется выполнять под сильнейшим огнем.

Но не все было так плохо. Грамотное использование рельефа местности позволяло вести успешные действия против флангов обороняющихся. Это был плюс, важный, хотя не решающий.

Французский офицер Шарль Боше так описывал местность: «...Невозможность действовать с этой стороны нам показана наглядно. Черная заболочена, протекает по лесистому и слишком неровному полю. Прежде чем достичь Севастопольской бухты, она проходит по узкой долине; один из берегов ее, окаймленный обрывистыми горами, принадлежит нам, а другой — со столь же значительным препятствием — укреплен и защищается русскими».¹⁸⁷

Грядущие события должны были свершиться в красивейшей части Крымского полуострова, которую сама природа создала для жизни, но никак не полем массового истребления людей: «За Балаклавой по обе стороны дороги виднеются хутора и виноградники, большею частью принадлежащие балаклавским грекам, потом греческая деревня Комары и наконец перед глазами расстилается знаменитая Байдарская долина. Паллас считает ее обширнейшею и прекраснейшею из всех долин Кавказа и Крыма, действительно, она обширна (16 верст длины и 8 ширины) и грандиозно обставлена правильною цепью гор...».¹⁸⁸

¹⁸⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 255

¹⁸⁷ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2004 г., С. 70

¹⁸⁸ Погосский А. Ф. Из заметок проезжего. Воспоминания // Крымский архив, № 9, 2003 г., Симферополь, С. 20

Военная дорога между Севастополем и Симферополем во время Крымской войны. Рисунок К. Н. Филиппова. 1862 г.

Предполагаемое поле сражения включало в себя обширное пространство долины реки Черной и северных скатов Федюхиных высот. Это были три отдельных возвышенности, примыкающие непосредственно к реке и разделенные долинами. Высоты представляли ряд разновысоких холмов, с глубокими впадинами между ними. Приблизительно в 80–100 метрах от их основания протекала Черная речка: «...Федюхины горы, довольно крутые со стороны Черной речки, были отлоги по направлению к Балаклаве, составляли правый фланг общей позиции армии союзников. Правее этих гор была гора Гасфортова, командующая над ними, левее этих гор была Сапун-гора, на которой была расположена часть неприятельской армии, облегающая Севастополь».

Федюхины горы разделялись довольно глубокими лощинами на три отдельные части. Между 1-ю и 2-ю из этих гор (считая от Гасфортовой) пролегла дорога с Мекензиевой горы в Балаклаву. На этой дороге были каменные мосты через водопроводный канал и через Черную речку».¹⁸⁹

Тремя доминирующими над местностью возвышенностями были «...на правом фланге — Гасфортова высоты, в центре — группа Федюхиных высот, и на левом фланге — недоступные обрывы Сапун-горы».¹⁹⁰

Река Черная протекала с юго-востока на северо-запад, извиваясь по межгорным долинам горы Гасфортова, Федюхиных высот, Сапун-горы с одной стороны и Телеграфной горы, Инкерманских высот с другой. Наибольшая ширина ее достигала 30

¹⁸⁹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С. 7–8

¹⁹⁰ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 256

метров. Глубина не была большой, позволяя коннице беспрепятственно переходить через нее. Пехоте это было сделать тяжелее, учитывая дно с многочисленными ямами более человеческого роста. Для форсирования реки пехотные порядки были вынуждены расчленять свои ряды и заново строиться на противоположном берегу, теряя драгоценное время и нарушая организацию. При условии близости противника, это было важным фактором, способным повлиять на ход и исход сражения. Таким образом, не являясь по сути серьезной преградой, река все-таки вносила определенные коррективы в планирование.

Еще одним препятствием был шедший параллельно реке ирригационный канал с укрепленными берегами шириной от 2,5 до 3 метров и максимальной глубиной до полутора метров: «... канал, проложенный у подножия возвышенностей на правом берегу, удерживается на уровне почти горизонтальном; поэтому он пересекает Черную по мосту-акведуку. Затем он следует вдоль реки, проходит через овраг Килен-балки по краю бухты по очень высокому мосту и наконец расходит по разным кварталам Севастополя».¹⁹¹

После устройства на нем французскими саперами заграждений, благодаря которым, как вспоминал французский офицер-зуав: «... если мы и пустили воду в канал, то лишь для наших собственных нужд, а не для того, чтобы ею пользовались русские», вода не пошла далее прудов, находившихся у подножия Федюхиных высот.¹⁹²

По мнению Тотлебена, оценивавшего местность с точки зрения военного инженера: «...Хотя Черная речка, имеющая на всем протяжении от Чоргунского ущелья до устья глубины от 1 до 4 саж., ширины и от 2 до 6 фут. Глубина не могла представить сама по себе серьезного препятствия для атакующего, будучи независимо от имевшихся на ней двух мостов, местами проходима вброд, — но, тем не менее, все эти местные препятствия приобретали весьма серьезное значение от близости высот, которые командовали ими на левом берегу Черной».¹⁹³

Преодолеть и реку, и канал нужно было под огнем французских стрелков и артиллерийским обстрелом. В данном случае время, необходимое для свертывания и развертывания измерялось не минутами, а человеческими жизнями. Способы для сокращения и того и другого были. Во-первых, максимальное расчленение боевых порядков, во-вторых — наличие подручных средств ускоряющих преодоление преград, притом в значительном числе. И то и другое русским командованием учитывалось.

Местность более благоприятствовала обороняющимся, нежели атакующим. Например, более пологие склоны по направлению к Балаклавской долине в полной мере способствовали беспрепятственному подходу резервов союзников и, как показал ход будущего сражения, дали им возможность оперативно перебрасывать их в нужное место.

И на реке, и на канале имелось несколько мостов. Наибольшим был называемый французами Трактирный (Pont de Traktir), сделанный из камня. Через него проходила дорога из Балаклавы на Симферополь. Свое название он получил от существовавшего до конца 1855 г. на правом берегу реки Черной трактира. Хотя согласно логике

¹⁹¹ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 134

¹⁹² Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 135

¹⁹³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 256

Английский транспортный корпус в Крыму. Рисунок О. Нори. 1855 г.

обороны, французам следовало его уничтожить, они этого не делали. Вероятно, его использование для них было важным и они предпочли сохранить сооружение.

Второй мост находился восточнее Чоргуна на дороге, ведущей от Балаклавы к Мекензиевым горам.

Ближе к югу местность становилось гораздо более пересеченной, а местами труднопроходимой. «Близ впадения в Черную речек Шули и Варнутки, у д. Чоргунь, Телеграфная гора образует вместе с высотами Гасфорта тесное скалистое ущелье, выходя из которого р. Черная течет уже до впадения в Большую бухту по обширной долине, занимающей до 9 верст длины, имея местами против уступов Мекензиевых высот до 1 ½ версты ширины».¹⁹⁴

¹⁹⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., с. 256

СИЛЫ СОЮЗНЫХ ВОЙСК

«Что бы я замыслил, если бы оказался на месте противника?»

Фридрих II Великий, «Общие принципы войны» (1748 г.)

Беспокойство, вызванное все чаще появлявшимися признаками грядущего сражения, союзники начали ощущать в конце июля — начале августа 1855 г. Информация, получаемая визуальным наблюдением, свидетельствовала, что в гарнизоне идет активная подготовка к действиям. Шарль Боше, находившийся в день сражения в штабе генерала Боске, прямо утверждает об осведомленности французского командования о планах Гочакова от уже ставшего традиционным ее источника — перебежчиков: «Задолго мы были предупреждены (перебежчиками), что нас будут атаковать, и в течение трех ночей мы почти не спали. Наконец, 16-го утром русские воспользовались часто стелющимся в долинах туманом, чтобы собраться в большие массы за Черной и снова начать нападение, уже испытанное со столь малым успехом при Инкермане».¹⁹⁵

Перебежчики с русской стороны в один голос утверждали, что в Крым уже прибыли несколько гвардейских частей и на середину августа намечено общее большое наступление с целью разгрома экспедиционных сил коалиции. В реальности никакой гвардии в Крыму не было. Единственными, кто мог в ближайшее время потенциально представлять угрозу союзникам, были войска Гренадерского корпуса. Но и те не планировалось в ближайшее время перебрасывать за Перекопский перешеек в Крым, ограничив их задачу, как говорилось ранее, блокированием пути в континентальную часть России и охраной коммуникаций.

Гвардия действительно начала «Севастопольский поход» еще в сентябре 1854 г. Так Лейб-Гвардии Семеновский полк, выйдя из Санкт-Петербургской губернии, почти полтора года провел на марше, и, не дойдя до конечной точки похода, вернулся обратно, в связи с окончанием боевых действий. Чинам полка в срок службы это мероприятие засчитали исходя один месяц за два.

Продумав ситуацию и оценив собственную позицию, маршал Пелисье без труда определил наиболее вероятное направление возможных активных действий рус-

¹⁹⁵ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 86

ской армии – район Чоргуна, мост через Черную и далее на Севастополь. Чтобы подтвердить свои предположения, начали усиленное наблюдение. Для этого французский главнокомандующий назначил усиленные полевой и конной артиллерией (2 батареи) два батальона пехоты и 20 эскадронов кавалерии под общим командованием генерала Алонвиля.¹⁹⁶ Их задачей было постоянное патрулирование Байдарской долины и прилегающей к ней местности. Для уставших от обыденности повседневной лагерной жизни французских солдат это было событие, внесшее некоторое разнообразие в их монотонное существование в Крыму. Попутно пополняли запасы фуража. По крайней мере, так считал личный состав Иностранного легиона, которому действия в составе «...колонны, посланной в Байдарскую долину «за капустой»... в обыденных условиях осады даже доставили удовольствие».¹⁹⁷

Алонвиль не только «хозяйничал в Байдарской долине», вытесняя оттуда русских фуражиров, но и вел постоянную разведку близлежащей местности. Его отряд решал две задачи.

Первая – роль передовых постов. В случае обнаружения значительных русских сил, выделенным войскам требовалось завязать с ними бой и задержать их движение, вынудив к развертыванию в боевые порядки. Одновременно – проинформировать командование о создавшейся угрозе. Основные силы союзников, уже предупрежденные о направлении движения неприятеля, начинали движение и концентрацию главных сил для нанесения ответного удара по русским. Предполагалось, что с помощью Алонвиля станет очевидным и направление главного удара.

Второй, не менее важной задачей этого отряда, было обеспечение пополнения запасов продовольствия и фуража.

«В Байдарской долине генерал Аллонвиль собрал фуражу достаточного для прокорма более чем двадцать тысяч лошадей в течение сорока дней и когда все луга были выкошены, перешел Черную и расположился вдоль долинки, находящейся напротив Байдарской долины.

На этой позиции он находился очень на виду и вынужден был организовать охрану самым тщательным образом, чтобы в случае серьезной атаки иметь возможность отойти за Черную и соединиться с сардинцами, которые, владея господствующими краями долины, прикрыли бы его отступление по Воронцовской дороге».¹⁹⁸

Действия в долине были характерны постоянными стычками между передовыми отрядами союзных войск и русской иррегулярной кавалерией, которые хоть и не были масштабными по размаху, но и не были эпизодическими. Но были и исключения, когда противники, находясь на удалении менее ружейного выстрела, выбирали для стрельбы одни и те же цели. Стороны заключали между собой неофициальное перемирие, когда речь заходила, например, об охоте на водившуюся в округе в изобилии самую разнообразную дичь. В некоторых случаях старались не мешать друг другу, а в некоторых и охотились вместе.

Однако подобная идиллия не делала их друзьями и не могла остановить войны, которая к тому времени всем казалась безнадежно затянувшейся. Появление новых

¹⁹⁶ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 256

¹⁹⁷ Брюнон Ж. Маню Ж. Иностраннный легион 1831–1955 М., 2003 г., С. 63

¹⁹⁸ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 135

действующих лиц не приближало в обозримое время завершение грандиозного спектакля на театре военных действий. После прибытия в Крым сардинского экспедиционного корпуса, его личный состав также был привлечен к выполнению этой задачи перед своими позициями у горы Гасфорт. Эти превентивные меры оказались совершенно нелишними.

Все шло к тому, что союзники опережали русское командование, которое еще только начинало задумываться над планированием очередного полевого сражения. Предполагаемое Горчаковым операционное направление действий уже было предугадано почти точно. Противник ждал наступления и готовился к нему. Дело оставалось за малым — заставить русских действовать по французскому сценарию.

Информированность союзников о планах русского командования и подготовке к противодействию им неоднократно упоминает командующий сардинским военным контингентом генерал Ла Мармора: «Для нас это был отличный день и случай, который русские нам предоставили, был как нельзя кстати. Действительно, нам было известно, что русские готовятся к наступлению. Боевой приказ Горчакова после неудачного штурма Корабельной стороны свидетельствовал об этом, как и участвовавшие русские рекогносцировки, которые я также учитывал. Они указывали на активно ведущуюся подготовку, но я не решался поверить в то, что русские выберут приоритетным направлением наступления на наши позиции».¹⁹⁹

Догадаться о готовящемся было несложно — слишком много признаков прямо или косвенно указывали на подготовку русских к очередной кровавой затее. В течение июля-августа усилилась активность русской кавалерии в районах, прилегающих к циркумвалационной линии. Казалось, русские усвоили уроки по использованию кавалерии и стали применять ее по прямому назначению — разведке местности.

Французы, принявшие на свои плечи от англичан защиту правого фланга осады, понимали, что опасность для них действия в направлении Федюхиных высот могут представлять лишь при их скоординированности и поддержке со стороны гарнизона крепости. Но к августу 1855 г. они уже имели достаточно времени убедиться в невозможности подобного. Среди них небезосновательно бытовало мнение, что «...русская армия была неспособна согласованно использовать имеющиеся большие силы».²⁰⁰

Неприятель постепенно привык, что у русских, как правило, в решающий момент не срабатывал один из решающих элементов, определяющих успех сражения — взаимодействие.

Генерал-лейтенант граф Н. Адлерберг. В 1855 г. — генерал-майор, военный губернатор Симферополя и Севастополя. Участвовал в сражении на Чёрной реке.

¹⁹⁹ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 90

²⁰⁰ Le Saint L. Crimée et Italie, Limoges, 1867, P. 65–66

Сардинские войска в сражении на Чёрной речке. 1855 г.

И все же, ожидая нападения со стороны Мекензиевых высот, союзники до конца не могли поверить в его возможность. Уж больно бесперспективным и более того — явно глупым, виделось оно им со всей очевидностью. Адьютант Боске капитан Фэй утверждал в своих воспоминаниях, что французы с недоверием относились к сообщениям перебежчиков о готовящемся ударе на Черную речку: «Мы не могли в самом деле верить, чтобы неприятель предпринял атаку наших линий на Черной, где ему конечно нельзя было рассчитывать на решительный успех; он мог воспользоваться ночью и густым туманом для незаметного приближения к нашим линиям, в то время весьма растянутым; он мог даже овладеть ими при первом ударе, так как от него зависело бросить многочисленные батальоны на избранный им пункт; но для него было немыслимо сбить нас с позиции».²⁰¹

Хотя и не до конца верили, но готовились основательно. В пользу чего говорит генерал Лебрюн, бывший в это время офицером французского штаба. По его воспоминаниям, наибольшее беспокойство вызывало незнание французами сил русских, которые могли участвовать в наступлении.

Теперь все зависело от дивизионного генерала Эрбильона, он командовал войсками резервного корпуса, которым предстояло встретить предполагаемый удар русских. Посмотрим на этого человека внимательнее. Своей ролью в ближайшее время он этого вполне заслужил.

Дивизионный генерал Эмиль Эрбильон (Herbillon). В 1855 г. — командир резервного корпуса французской армии и командир 1-й пехотной дивизии.

²⁰¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 271

Родился 23 марта 1794 г. в Шалони в Шампани. Первоначально не собирался идти по военной стезе, предпочтя делать карьеру на гражданской службе. Но военные события Наполеоновских войн заставили его поступить добровольцем в армию. В составе одной из частей легкой пехоты Императорской гвардии участвовал в сражении при Ватерлоо. После поражения Наполеона был уволен из армии, но уже в 1820 г. восстановлен в звании лейтенанта. Служил у генерала Бюжо в Северной Африке. В 1841 г. — подполковник в 62-м полку линейной пехоты. В 1846 г. — полковник и командир 67-го полка линейной пехоты. В 1848 г. назначается командующим французскими силами в Кабилии.

В 1851 г. вернулся во Францию. Участвовал в Крымской войне. Французы считают именно его победителем сражения у Трактирного моста, как они именуют сражение на Черной речке.

После войны вошел в состав Консультативного комитета пехоты. В 1859 г. назначен военным командующим в Генуе. Умер в 1866 г. в Париже.

Эрбильон начал действовать с энергией выдающегося организатора. Не имея полной информации, он, командир опытный и предусмотрительный, ежедневно проводя совещания с офицерами, основное внимание уделял двум вещам: артиллерии и резервам. Планирование проводилось ежедневно.²⁰² Но при этом, зная что удар неминуем и будет сильным, никакая сильная оборонительная линия не сооружалась.

Важная деталь. Можно сказать, самая значимая в предстоящих событиях. Если бы французы заранее обустроили свои батареи на Федюхиных высотах, то они в лишний раз смогли бы продемонстрировать силу своих позиций. Установив открыто лишь три, они вселили в русских, считавших, что их ждет встреча с незакрепленной толком пехотой и несколькими неукрепленными батареями, уверенность в грядущем успехе.

Да и основные силы, расположенные непосредственно на самих Федюхиных высотах, не были многочисленными, создавая скорее иллюзию сильной обороны. Часто приводимый в противовес этому утверждению Берг в своих «Корреспонденциях...» неправ, утверждая о многократном превосходстве союзников над русскими. Более того, утверждая, что был участником сражения, он причислил к противнику еще и мифических испанцев (!), правда потом поправился...

В результате повседневной кропотливой работы за несколько дней до событий 4 августа, Эрбильон был готов к любым возможным действиям, предусмотрев все возможные варианты развития событий.²⁰³ Он держал в постоянном напряжении подчиненных, не давая им расслабиться ни на минуту.²⁰⁴ Постепенно бдительность у французов превращалась в манию.

О численности союзных войск информация разнится. Притом не только у русских исследователей, по понятным причинам склонным к завышению этой цифры, но и у французских и английских. Чаще всего ограничиваются числом 18 тысяч, вводя в эту цифру всех, кто по тем или иным причинам находился в районе Чернореченской долины и Федюхиных высот, и не принимая во внимание их участие или неучастие в сражении.

²⁰² Le General Lebrun. Souvenirs des Guerres de Crimée et D'Italie. Paris, 1889, P. 89

²⁰³ Bazancourt, Cesar Lecat. L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 386

²⁰⁴ Le General Lebrun. Souvenirs des Guerres de Crimée et D'Italie. Paris, 1889, P. 89–91

По данным Лебрюна (а судя по их преподнесению они заслуживают доверия) к 4 августа 1855 г. в распоряжении французского командования на Черной речке имелись следующие силы:

Пехота.

2-я Дивизия генерала Камю (2-й корпус генерала Боске) с двумя батареями артиллерии.

1-я бригада (бригадный генерал де Вимпфен):

Полк алжирских стрелков (полковник Розе), 50-й полк линейной пехоты (полковник Гранчетт), 3-й полк зуавов (полковник де Поле).

2-я бригада (бригадный генерал Верже):

3-й батальон пеших егерей (майор Женне), 82-й полк линейной пехоты (полковник де Кастаньи), 6-й полк линейной пехоты (полковник Гозе).

Всего: 6384 чел.

1-я дивизия (резервный корпус генерала Эрбилона, под его же командованием) с двумя батареями артиллерии.

1-я бригада (бригадный генерал Сенсье):

14-й батальон пеших егерей (майор Бордас), 47-й полк линейной пехоты (полковник Ламар), 57-й полк линейной пехоты (полковник де Лостанже).

2-я бригада (бригадный генерал Клер):

62-й полк линейной пехоты (полковник Перусси), 73-й полк линейной пехоты (полковник Дюбуа).

Всего: 4773 чел.

3-я дивизия (2-й корпус) генерала Фоше с двумя батареями артиллерии.

1-я бригада (бригадный генерал Манеке):

19-й батальон пеших егерей (майор Алпи), 2-й полк зуавов (полковник Саури), 4-й морской полк.

2-я бригада (бригадный генерал Фальи):

95-й полк линейной пехоты (полковник Дане), 97-й полк линейной пехоты (полковник Паулз де Иво)

Всего: 3359 чел.

Кавалерия.

Кавалерийская дивизия (дивизионный генерал Моррис)

1-я бригада (бригадный генерал Кассианоле):

1-й полк африканских егерей (полковник де Феррабо), 3-й полк африканских егерей (полковник де Мезанж де Сент Андре).

2-я бригада (бригадный генерал Ферей):

2-й полк африканских егерей (полковник де Журдан), 4-й полк африканских егерей (полковник де Кавиньи).

Всего: 2428 чел.

Резервная артиллерия.

5 батарей полковника Форжо: 967 чел.

Итого: 18111 чел, 11 артиллерийских батарей с 66 орудиями.²⁰⁵

Кроме ближнего резерва, на случай если русских не удастся задержать на высотах, и они, пусть ценой больших потерь, все-таки прорвутся через них, был создан дополнительный резерв артиллерии: «...батареи 5-й дивизии 2-го корпуса должны

²⁰⁵ Le General Lebrun. Souvenirs des Guerres de Crimée et D'Italie. Paris, 1889, P.91

были находиться в готовности немедленно последовать на Черную речку за батареями 1-й дивизии 2-го корпуса осадной армии, поставленными временно на пикеты; другая полевая батарея была также в готовности к немедленному выступлению на Инкерманское плато. Наконец, одна батарея, состоявшая из 5 пуш. гаубиц и 1 горной гаубицы, стояла в готовности у редута Виктории, и все осадные батареи, равно как орудия в редутах и пр. были снабжены всем нужным и приготовлены к общему открытию огня».²⁰⁶

Но из них реальную силу представляли не все. Лебрюн минует кавалерию и тыловые подразделения и оставляет в числе «штыков», находившихся в распоряжении Эрбилона, не более 15 000 человек.²⁰⁷

В тоже время, в списке отсутствуют две батареи гвардейской артиллерии, якобы имевшиеся у французов. Но так как их участие в сражении подтверждается (но не всеми!), можно предположить, что они подошли в ходе начавшегося боя.

Подготовив позиции на Черной задолго до начала сражения, проведя необходимые организационные мероприятия, порученные опытным командирам, Пелисье авансом переиграл Горчакова, поступив как умный полководец, который, по словам Мольтке, «...во многих случаях может добиться успеха, выбрав оборонительную позицию, столь вызывающую со стратегической точки зрения, что противник бывает вынужден атаковать его».²⁰⁸

Зуавы в лагере. Рисунок А. Инганни. 1859 г.

²⁰⁶ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 257

²⁰⁷ Le General Lebrun. Souvenirs des Guerres de Crimée et D'Italie. Paris, 1889, P. 91

²⁰⁸ Энциклопедия военной мысли. Под ред. Питера Тоураса, М., 2002 г., С. 393

ПОЗИЦИИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК

«Единственное преимущество линии укреплений состоит в том, что она может усложнить положение противника и принудить его к неправильным действиям, что в свою очередь позволит нанести ему поражение меньшими силами»

Наполеон Бонапарт

Союзные войска, занимавшие позиции на Федюхиных высотах, обоснованно считали свои позиции сильными и любое предпринятое против них действие со стороны русских не только не имеющим смысла, но и более выгодным им, чем неприятелю. Они продуманно наделись спровоцировать Горчакова на такие действия и заранее готовились к ним считая, что русские «...нас могут беспокоить не более чем мы можем их атаковать. Генерал Канробер очень надеялся, что в связи с открытием огня по Севастополю и этой демонстрацией турецких войск, русские спустятся по Мекензиеву плато, а мы, преследуя их, сможем подняться вслед за ними; но они не настолько просты, чтобы принять нашу игру».²⁰⁹

Канробер упомянут не случайно. Возможно что идея притягивания русского наступления к циркумвалационной линии принадлежит все-таки ему. В своем письме Наполеону III 19 мая 1855 г., уже после принятой императором отставки, бывший французский главнокомандующий прямо говорит, что наиболее эффективно было не бомбардировать город, а ждать действий со стороны русских войск – повторения Инкермана. По его мнению, именно то, что русские не решились на такие действия при его командовании, было крахом его ожиданий.²¹⁰ Канробер в очередной раз ошибся – русские в конце концов решились на активные действия. Просто любая западня должна быть не только построена на одном ожидании добычи, ее еще нужно хорошо обустроить. Кстати, иногда и неплохо это получалось у Меншикова.

До нападения русских войск 25 октября 1854 г., вошедшего в историю как Балаклавское сражение, позициям на Федюхиных высотах союзники не придавали большого значения. Однако после сражения при Балаклаве они поняли, что русские произвели перегруппировку и готовы к ведению активных действий, в том числе насту-

²⁰⁹ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2004 г., С. 70

²¹⁰ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 95

пательных против экспедиционных сил, нанося удары вне оборонительной линии крепости, сотрясая коммуникации союзников и постоянно угрожая их флангам.

Но ряд совершенных нашими войсками ошибок, в частности последующее оставление позиций, занятых в результате октябрьского «дела Липранди», не только свело на нет весь первоначальный успех этого предприятия, но и легло в основу грядущего поражения на Черной речке. По мнению Дж.Мортон, одного из американских фортификаторов середины XIX в., союзники, первоначально совершенно не уделившие внимания укреплению своих позиций с востока, в конце концов были вынуждены не только укрепить их, но и постоянно увеличивать их силу, выделяя для этого достаточное количество людей.²¹¹

В результате, к тому времени, когда в русском штабе родилась безумная идея лобовой атаки Федюхиных высот, она не только потеряла смысл, но и постепенно превратилась в ту самую ловушку, которую не сумел уготовить прямолинейный Канробер.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЗИЦИИ

К августу 1855 г. это была двойная оборонительная линия, простиравшаяся от Инкермана до Балаклавы по северным и восточным границам Херсонесского плато, по Черной речке, водному каналу (ставшему еще одним препятствием для наступающей армии) и далее к линии холмов, окружавших Балаклаву. Протяженность этой линии была более шести миль. Она представляла сочетание фортификационных сооружений, занятых или готовых к занятию назначенными гарнизонами, с удачно вписанными местными условиями, являющими собой дополнительные естественные препятствия на пути возможного движения войск противника. Ее задачей было прикрытие тыловой базы снабжения со складами для осаждающей армии: «... То, что эта линия полностью выполнила свою задачу, доказано сопротивлением, которое было оказано французскими и сардинскими войсками, оборонявшими ее во время русско-го наступления на Черной речке 16 августа 1855 г. ...».²¹²

Система фортификационных сооружений союзников в районе Балаклавской долины за несколько месяцев выросла в прекрасное сочетание инженерной мысли и стратегического мышления генерала Ниеля. В двух словах ее можно охарактеризовать как «ничего лишнего»: «Циркумвалационная линия, которую при осаде Севастополя англо-французы устроили по краю Сапун-горы и далее, через долину до Балаклавских высот, едва ли не составляет последнего примера пользования такого рода укреплениями. Само собой разумеется, что эти линии, во всяком случае сходные с указанными, принесут такую же пользу как и под Севастополем».²¹³

К лету 1855 г. союзники отказались от необходимости устройства второй такой линии дополнительно к первой, подвергавшейся нескольким атакам осенью 1854 г. Это основывалось на том небезосновательном убеждении, что «...блокирующий всегда имеет довольно подробные сведения об общем положении вообще всех войск на театре войны, и потому может с большим правдоподобием предугадывать те стороны откуда появится неприятель. Вследствие этого, вместо устройства непрерывной

²¹¹ James St. Morton. *Memoir On The Dangers and Defences of New York City*. Washington, 1858, P. 72–73

²¹² James St. Morton. *Memoir On The Dangers and Defences of New York City*. Washington, 1858, P. 72–73

²¹³ Мазюкевич М. О блокаде крепостей // Военный сборник, № 8, 1883 г., СПб., С. 265

Лагерь английской морской бригады под Балаклавой. 1855 г. Рис. О. Нори.

циркумвалационной линии, достаточно иметь хорошо укрепленные позиции на путях, которыми вспомогательные войска могут воспользоваться. Эти позиции следует избирать по возможности далеко от блокадных войск, а следовательно, и от крепости, с тою целью чтобы сделать невозможным или, по крайней мере, затруднить одновременное нападение как из крепости, так и извне».²¹⁴

В соответствии с этими азбучными принципами военной теории XIX в. и поступили союзники, устроив свои позиции на Федюхиных высотах. Именно действительно азбучные принципы не учло русское командование, затеяв наступление против этих позиций.

Будущее сражение на Черной показало большую ценность таких позиций, усиленных некоторым количеством инженерных сооружений, опиравшихся на грамотно используемые естественные защитные свойства рельефа местности. Учитывалось и стратегическое значение их удержания.

Французы бросили на укрепление этих позиций людей, число которых превысило число задействованных на осадных работах непосредственно на позициях перед Севастополем. К планированию действий союзных войск на Федюхиных высотах приложил свою руку начальник штаба 2-го корпуса генерал де Сиссе, пользовавшейся в армии «...блестящей репутацией, как человек боевой и хороший администратор».²¹⁵

Понимая значение этой позиции и принимая в основу расчетов возможное повторение русских атак в этом направлении, с весны-лета 1855 г. для прикрытия груп-

²¹⁴ Мазюкевич М., О блокаде крепостей // Военный сборник, № 8, 1883 г., СПб., С. 265

²¹⁵ Иностранное военное обозрение // Военный сборник, № 7, СПб, 1871, С. 61

пировки со стороны Мекензиевых гор в направлении Федюхиных высот союзники привлекали не менее значительные силы, чем для их обороны.

Почему же русские так легко попались на эту элементарную приманку? Ведь были нюансы, которые казались нелогичными и должны были насторожить штаб Горчакова, предупредить о готовящейся западне.

Мосты через реку и канал сохранялись целыми и в обозримой перспективе не планировались к разрушению. Каменный мост был прикрыт небольшим земляным предмостным укреплением с присыпанными эполементами на флангах. Гарнизон составляла рота 3-го зуавского полка. Не слишком большие силы для длительного удержания. Судя по всему, они и не предназначались для стойкой и упорной обороны, а выполняли функции боевого охранения, говоря современным языком – блок-поста. С их помощью мосты скорее контролировались, чем защищались. Гарнизон мог считать задачу выполненной после обнаружения им русского наступления и короткого огневого боя, в результате которого пехота неприятеля должна была приостановить движение и начать разворачивание к атаке: «Для большего обеспечения этой, уже по самой природе своей крепкой позиции, союзники усилили ее еще искусственными средствами. Мост у трактира на р. Черной, образующей здесь входящий угол, был прикрыт небольшим слабой профили предмостным укреплением в виде реданта; два эполемента, возведенные сзади на левом берегу, предназначались для фланкирования фасов этого укрепления».²¹⁶

Строительство этого укрепления свидетельствует в пользу того, что неприятель ждал здесь русскую атаку заблаговременно. Как только стало известно о готовящемся наступлении русских «...было заложено предмостное укрепление у Трактирного моста, а вода из Шулиу снова пущена в канал».²¹⁷

Еще слабее было укрепление у второго моста. «...На р. Черной имелись два моста: каменный – Трактирный, прикрытый слабым предмостным укреплением, расположенный на дороге от Мекензиевых высот к Балаклавке, и деревянный, на дороге от позиции союзников к Телеграфной горе, занятый передовым постом сардинцев под прикрытием эполемента».²¹⁸

Иное дело Федюхины высоты. Казалось, сама природа, усиленная мирным человеческим трудом в сумме дала почти готовую крепкую позицию. По утверждению Зайончковского: «...Занятые противником позиции на левом берегу р. Черной располагались на возвышенностях, правую часть которых составляли Гасфортовы, а левую Федюхины высоты. Полого спускаясь к Балаклавской долине, они напротив круто обрывались к реке, прикрывавшей неприятельскую позицию, и представляли все выгоды для обороняющегося. Кроме р. Черной позиция союзников прикрывалась водопроводным каналом с покрытыми каменной одеждой берегами. Переход через канал был возможен только по мостикам».²¹⁹

Сами французы довольно высоко оценивали занимаемые высоты, отмечая, что «... Позиция, занятая французской армией, имела различные преимущества:

1) увеличение радиуса действия;

²¹⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 256–257

²¹⁷ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 134

²¹⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 141

²¹⁹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 140–141

- 2) отдых войск, утомленных осадными работами;
 3) наконец, и это главное, — питание для кавалерии и артиллерии резерва, так как берега Черной — сплошные луга».²²⁰

Основу огневой мощи позиций на высотах составляли две оборудованные батареи. Французская артиллерия была в числе самых передовых среди армий Европы. Созданная на традициях, имевшая первоклассную практику и комплектовавшаяся лучшими офицерами, она была любимым детищем всех французских императоров и, нужно отдать ей должное, всегда оправдывала эту заботу. Так случилось и на Черной речке. Французы очень эффективно использовали орудия. Например, расположенные на флангах позиции получали задачу ведения картечного огня по стрелкам противника, не давая последним вести прицельный огонь по расчетам. Этим способом удавалось избежать значительных потерь среди орудийной прислуги, которая сильно страдала от штуцерных выстрелов, что испытали на себе русские артиллеристы на Альме. Быстро усвоив горький урок, преподнесенный им французскими и британскими стрелками на берегах этой реки, русские переняли сей опыт и в последующих сражениях тоже не упускали возможность утихомирить неприятельскую артиллерию, выбивая орудийную прислугу. Нужно отдать им должное — учениками они оказались прилежными. Опробовав этот прием при Инкермане, они развили его под Севастополем, где приходилось ружейным огнем противодействовать и неприятельским стрелкам, и саперам, и мешать вести прицельный огонь артиллерии.

Несмотря на низкую скорострельность орудий, французские пушки могли выпустить большее количество картечи и на большее расстояние. Натренированный расчет мог производить от 2 до 3 выстрелов в минуту, за которую 6-ти орудийная батарея усеивала пространство перед своим фронтом более чем 1000 картечных пуль.

Позади и несколько севернее от укрепления, находились позиции шестиорудийной батареи капитана де Сайле, которая сыграла важнейшую роль в отражении русской пехоты. Батарея была единственной, находившейся в зоне огня русской артиллерии, но от него совершенно не пострадала.

Вторая батарея капитана Вотре расположилась южнее. На батарею возлагалась одна из основных задач. Понимая, что главным пунктом атаки русских станет Трактирный мост, прикрытый слабым предместным укреплением, артиллеристы должны были, пусть даже ценой собственных орудий, нанести максимальные потери наступающему противнику, заставить его расстроить боевые порядки, выиграв время для подхода резервов. Как это ни парадоксально, но задачей зуавской роты, защищавшей мост, было как можно скорее оставить его, расчищая секторы огня для пушек де Сайле и Вотре, нежели оборонять его с фанатичным упорством. Потому артиллеристы имели для обстрела единственную цель — Трактирный мост и прилегающую к нему местность.

Высоты занимали французские войска под общим командованием дивизионного генерала Эрбильона. Состав этих войск мы уже рассмотрели в предыдущей главе. Федюхины высоты, Телеграфная высота и гора Гасфорта были оборудованы развитой системой полевых инженерных сооружений. Стрелки неприятеля были укрыты в ложементах, надежно защищавших их от артиллерийского огня. Все они, как и артил-

²²⁰ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 135

леристы, имели задачу отражать противника, наступающего со стороны моста: «...Федюхины горы со стороны Черной речки были унизаны в несколько ярусов ложементами для стрелков и батареями, так что весь огонь сосредотачивался к каменному мосту».²²¹

Французы построили боевой порядок в две линии. На первой из высот, северной, занимали позиции 3-й батальон пеших егерей, 6-й и 82-й линейные полки бригады генерала Верже дивизии генерала Камю. На второй, центральной, наиболее высокой расположились два полка бригады генерала Фальи из дивизии Фоше (95-й и 97-й линейные) и два полка 1-й бригады дивизии генерала Камю (50-й линейный и 3-й зуавов). На склоне расположилась 3-я батарея 12-го артиллерийского полка. На этой же высоте были разбросаны в стрелковые цепи по склонам и вдоль водопроводного канала солдаты полка алжирских стрелков.

В гарнизон южной высоты входили остальные полки дивизии Камю (пешие егеря, 6-й и 82-й линейные) из состава бригад генералов Вимпфена и Верже. Перед пехотой развернулась 1-я батарея 13-го артиллерийского полка.

Ближайший резерв под командованием генерала Клера располагался непосредственно за высотами, вблизи от них. В него включались 62-й и 73-й полки линейной пехоты и целых 5 батарей конной артиллерии, в том числе две гвардейские. Командование резервной артиллерией находилось в руках полковника Форже.

Смысл этого решения генерала Эрбильона состоял в следующем: не имея возможности точно определить направление удара русской пехоты, вся подвижная артиллерия сосредотачивалась в одном месте и передавалась под командование наиболее опытного и инициативного артиллерийского командира, которым являлся Форже. Он стоил своего напарника по резерву — генерала Клера, любимца французской легкой пехоты, уже успевшего несколько раз отличиться в сражениях кампании в Крыму.

К середине XIX в. грань между пешей и конной артиллерией оказалась в значительной мере стертой. Но в то же время, лучшая маршевая выучка конных артиллеристов давала им возможность при маневрировании на поле боя продемонстрировать свои неоспоримые преимущества перед пешими коллегами. А для французов на Черной речке было важно сосредоточить на опасном направлении в решающее время значительные силы артиллерии, не только способные накрыть своим массированным огнем нужный участок местности, но и умеющие быстро менять позиции, возможно производя такое маневрирование несколько раз.

Дивизионный генерал Франсуа Безен. В будущем — маршал Франции. Во время Крымской войны — самый молодой генерал французской армии.

²²¹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 8

Начало сражения на Чёрной речке. Атака русскими войсками сардинских позиций. Рисунок из английской газеты. 1855 г.

Усиленным было охранение позиции: «Пехотные сторожевые заставы располагались на канале, представляющем собой по всему течению укрепленный участок, поскольку земля при выравнивании почвы отбрасывалась на левую сторону и образовывала парапет, что оказалось для нас в этих условиях весьма полезным».²²²

Сам Эрбильон, осуществлявший общее командование французскими силами в районе Черной речки, находился с 1-й бригадой своей дивизии в районе Инкерманского плато, примерно в среднем течении реки, у редута Канробера.²²³ Эта бригада служила «...для связи войск, занимавших Федюхины высоты, с войсками, прикрывавшими осадные работы, направленные против Корабельной стороны».²²⁴

Командующий специально не устроил свой командный пункт на месте ожидаемого сражения, в его эпицентре. Ему нужно было не снизойти до управления сражением лично вмешиваясь в него, а осуществлять руководство общим ходом событий, наблюдая за ними с удобной точки и отдавая приказы через адъютантов и контролируя свои фланги.

В случае взятия русскими Федюхиных высот или угрозы такового развития событий, к действиям были готовы дивизия Дюлака, «...расположенная позади бригады

²²² Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854 – 1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 136

²²³ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 385

²²⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 258

Сенсье»²²⁵ и дивизия Ореля, «...находившаяся севернее Дюлака и оберегавшая здесь, вместе с тем, нижнее течение Черной».²²⁶

САРДИНСКИЕ ПОЗИЦИИ

9 тысяч сардинцев с 36 орудиями под командованием генерала Ла Марморы находились на оборудованных позициями Гасфортовых высотах. Там же были оборудованы батареи, которые как свои передовые рубежи пьемонтцы начали создавать сразу после своего прибытия. Они представляли три линии. Первую составлял выдвинутый пост, который «...расположился на своего рода платформе или террасе на правом берегу реки Черной, на остроконечной каменистой скале. Некоторые пьемонтцы ее называли «скала Кавура», за ее представительный профиль, но вскоре за ней закрепилось название «Пьемонтская скала». Это место оказалось наиболее выдвинутым по направлению к русским позициям. Несколько позже сардинцы создали в том направлении два поста — редута (выдвинув их еще дальше к противнику на двухуровневой возвышенности), которые они называли позициями «Зиг-Заг». Они оказались рядом с русским «Казацким постом», откуда можно было контролировать отроги плато Макензи и Шули — единственные дороги, доступные войскам для выхода к реке Черная».²²⁷

Генерал Ла Мармора высоко оценивал занимаемые им оборонительные рубежи. Расположившись на них, он доложил в штаб Пелиссье: «Как было оговорено ранее, пьемонтские войска, которыми я располагаю, усиленные английской кавалерией и артбатареями, вчера утром выдвинулись и заняли высоты и селение Комары, расположившись на позициях напротив Чоргуна и Воронцовской дороги, ведущей в Байдарскую долину. Занятые позиции я удерживал до вечера, выставив отдельный пост на правом берегу речки Черной, с целью контроля обоих берегов реки и канала, через который желательно устроить мост.

Я считаю мою позицию достаточно сильной, хотя и несколько обширной для сил, которыми пока располагаю. Но в Балаклаву только что прибыли новые четыре батальона и через несколько дней я смогу усилить мой корпус еще одной бригадой».²²⁸

С началом русского наступления основные силы кавалерии союзников должны были занять позиции между Гасфортовыми и Федюхиными высотами. Дивизия генерала Морриса (четыре полка африканских егерей) располагалась лагерем в Балаклавской долине, справа от Федюхиных высот. Незначительная удаленность и традиционно высокая мобильность французской легкой кавалерии, позволяла этим силам в случае необходимости быстро оказаться в нужном месте.

Взгляд на карту даже для неспециалиста делает ясной задачу этой группы французских войск — перекрыть путь неприятелю по долине между Федюхиными высотами и горой Гасфорт в направлении Балаклавы. Занимая дефиле между высотами, она перекрывала возможные пути наступления или обходных движений многочисленной русской кавалерии. Кавалерийским резервом служили английские кавалеристы

²²⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 258

²²⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 258

²²⁷ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 35

²²⁸ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 35

дивизии генерала Скарлета, находившиеся у самой Балаклавы: «...Между Гасфортовыми и Федюхиными высотами стояла конница генерала Морриса силою в 20 эскадронов; у Кадикиой располагалась английская дивизия Скарлета — 30 эскадронов; турецкий корпус в 10 тысяч человек с 36 орудиями занимал высоты правее селения Комары и наконец в Байдарской долине стояли биваком 20 эскадронов, 2 батареи и 12 конных орудий генерала Аллонвиля».²²⁹

Находившиеся ближе к Балаклаве, у моста через Алсу, турецкие войска (дивизия под командованием Осман-Паши)²³⁰, по мнению Базанкура, в силу гористого рельефа местности и удаленности от Федюхиных высот, имели мало возможности своевременного выхода к полю сражения и потому их влияние на его ход представлялись сомнительными.²³¹ В то же время они являлись важным компонентом неприятельской обороны, так как могли в решающий момент сражения, в случае если что-то пойдет не по французскому сценарию, в нужное время появиться в нужном месте, серьезно повлияв на ситуацию.

Таким образом, Федюхины высоты представляли собой «...идеал чисто-пассивной позиции», образуя «...ряд холмов, в виде кривой несколько вогнутой вовнутрь, прикрытых ... водным пространством, что вместе составляло как бы бруствер и ров».²³²

Построением обороны союзники решили главную задачу — обезопасили свои осадные позиции от возможного наступления русских. Кроме того, одна из главных баз снабжения — Балаклава, теперь была по их мнению надежно прикрыта. Даже прорвавшись в долину, русские были бы вынуждены начинать новый штурм высот, на которых к тому времени прочно обосновались морские батареи британцев.²³³

Оценивая занимаемую союзниками позицию на Федюхиных высотах и по берегу Черной речки, французский главнокомандующий говорил, отвечая на вопрос Рагла на незадолго до смерти последнего: «Наши позиции превосходны...».²³⁴

Эрбильон, инструктируя своих командиров, обращал внимание, что позиции линии Черной речки ни в коем случае не должны быть отданы неприятелю: «Необходимо точно определить направление наступления, которое выберет враг и как только появится благоприятный момент — атаковать его всеми силами. Командиры дивизий, занимающих позиции, могут быть уверены в своевременной поддержке».²³⁵

У самого Эрбильона давно был заготовлен заранее план действий на случай атаки русских.²³⁶ Судя по месту, с которого он собирался управлять ходом сражения, основной замысел сводился к фланговым атакам пехотных батальонов вдоль склонов Федюхиных высот, с постепенным наращиванием их введением резервных бригад. Схема почти классическая. Роль «наковальни» отводилась бригаде Клера и конечно

²²⁹ Зайончковский А. М., Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 141

²³⁰ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 257

²³¹ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 386

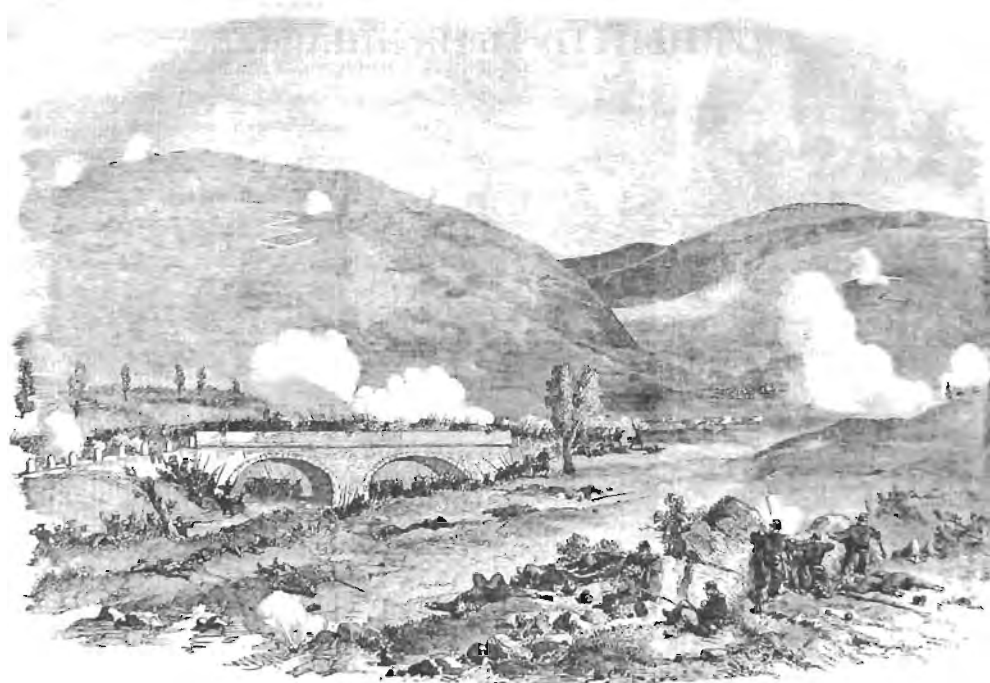
²³² Бой на основании теоретического изучения и опытов войны // Военный сборник № 12, СПб, 1872 г., С. 278

²³³ James, Trevor The Marine Artillery defending Balaklava // The War Correspondent Vol. 22, Number 3, October 2004, P. 49–50

²³⁴ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 270

²³⁵ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 386

²³⁶ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 385

Русские воюют переходят мост в сражении на Чёрной речке. Рисунок из английской газеты. 1855 г.

войскам, занимавшим высоты, а «молотом» становились резервные части: бригада Сенсье и дивизия Дюлака.

От крепости «наковальни» зависел успех, потому Эрбильон не зря акцентировал внимание на стойкости, успех задуманного зависел именно от нее в сочетании с гибкостью. Войскам, защищавшим Федюхины высоты, не требовалось стоять насмерть. От них требовалось лишь одно — связать русских боем, нанести им максимально возможные потери, заставить их застрять в «вязкой» обороне, остановиться, а потом лишь дожидаться резервной пехоты и артиллерии.

Для французов очень был важен временной фактор. Им нужно было как можно скорее «перемолоть» на Федюхиных высотах русскую пехоту, чтобы не позволить остальным силам Горчакова прорвать оборону сардинцев и довести дело до прорыва к Балаклаве.

В отличие от наступательной, любая оборонительная операция в большой степени импровизация, нежели заранее пошагово спланированные действия. Для Пелисье и Эрбильона было важно учесть все возможные варианты действий Горчакова, а в идеальном варианте — заставить его действовать по предложенному ими сценарию. В этом был главный замысел будущего сражения и нужно сказать, в этом они преуспели.

ВЫДВИЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК: ТРУДНЫЙ ПУТЬ НА ЭШАФОТ

«Видно мы прогневили Бога, что наше дело 4-го августа не удалось»

Капитан-лейтенант П. И. Лесли

По воспоминания командира батальона Одесского егерского полка подполковника князя Дмитрия Святополк-Мирского, переведенного в Крым летом 1855 г. с Кавказа и назначенного на эту должность непосредственно перед сражением, доведение диспозиции было проведено до полковых и батальонных командиров вечером 2 августа 1855 г.

К готовящемуся бою офицеры полка отнеслись по-разному. К концу первого года борьбы за Севастополь особого энтузиазма в этой среде уже не наблюдалось: «Настроение всех было серьезное, решительное, спокойное, но несколько грустное, можно сказать безнадежное. Мы вышли вместе с моим командиром, полковником Скюдери. Он сам указал мне палатку и отложил до другого дня прием батальона. Грустно провел я эту ночь, тяжело мне было мое одиночество, без друзей, товарищей и даже знакомых».²³⁷

По мнению Святополк-Мирского, поводом для столь откровенной обреченности было неверие большинства офицеров в успех дела. К сожалению, не только офицеры, но и генералы не пылали больше энтузиазмом грядущей славной победы. Всеми овладели тяжелые предчувствия надвигающейся беды: «К следующему утру, за исключением доктора, всем присутствующим было суждено быть убитыми или тяжело ранеными. Предметом разговора было, разумеется, предстоящее сражение. Я был поражен мрачным настроением моего начальника и новых товарищей. Видно было, что они готовы умереть, обрекли себя на жертву, но без всякой надежды не только на успех, но даже на принесение какой-нибудь пользы общему делу. Такие безотрадные чувства и убеждения были для меня совершенною новостью и потому я стал несколько их оспаривать, утверждая, что несмотря на качества наших западных врагов, при равенстве сил, нет никакой причины считать себя вперед побежденными».²³⁸

²³⁷ Воспоминания князя Святополк-Мирского, С. 390

²³⁸ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 390–391

Для прибывшего с Кавказа, где он служил в составе Тенгинского пехотного полка, Святополк-Мирского, такое положение было удивительным. Оно было диаметрально противоположным тому, к которому он привык на том театре военных действий. И князь имел право на такое мнение, будучи одним из наиболее заслуженных и известных на Кавказе офицеров, которому была доверена честь встречать в составе почетного караула в 1850 г. прибывшего в штабквартиру Кабардинского полка наследника престола, будущего императора Александра II.²³⁹

В марте 1855 г., отвергая обвинения в адрес Н. Н. Муравьева, Святополк-Мирский писал: «...мы не обманывали Россию в течение четверти века, она смело может гордиться нами и сказать, что нет армии на свете, которая бы переносила столько трудностей и лишений, сколько кавказская!».²⁴⁰

Увы, в Крыму к августу 1855 г. настроения среди офицеров и солдат были другими. 4 августа 1855 г. было знаменательно тем, что веры в успех начинавшегося предприятия не было: «...Главнокомандующий вел свою армию в бой против воли, подчиняясь мнениям и требованиям других; он вел ее не только без уверенности достигнуть решительных результатов, но даже без всякой надежды на какой-нибудь успех; надежда его была так слаба, что он предполагал возможность совсем не давать бою разыгрываться и ограничиться одним усиленным обозрением неприятельского расположения. Он вел значительные силы к позиции противника и заранее хлопотал письменно в Петербург о своем оправдании, сваливая вину в ожидаемой им неудаче на своего предшественника, оставившего ему столь роковое наследство.

Невольно возникает вопрос: для чего же было вести войска в бой при такой обстановке?.. Неужели, только для того, чтобы бесцельным кровопролитием оправдать давно задуманное оставление Севастополя?..

Мы бы не подчеркивали унылые факты, предшествовавшие бою на Черной, если бы они характеризовали лишь личное состояние духа главнокомандующего (тут все понятно) и не касались остального войска. Но к сожалению, все перипетии с решением вопроса о наступлении были хорошо известны войскам и не лучшим образом влияли на их дух.

Нетрудно было предвидеть, что ожидало завтра русскую армию: «Неопределенность и нерешительность отданных приказаний должны были отразиться путаницей и недоразумениями. Настроение главнокомандующего и подчиненных ему войск тоже не обещали ничего хорошего».²⁴¹

Поручик артиллерии Лев Толстой – участник сражения на Чёрной речке.

²³⁹ Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина, Том. 81, СПб., 1894 г., С. 167

²⁴⁰ Ответ кавказского офицера на обвинения Н. Н. Муравьева (письмо к генерал-адъютанту К*) 13 марта 1855 // Русская старина, Том. VI, СПб., 1872 г., С. 644

²⁴¹ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 4, 1896 г., СПб., С. 299–301

Дивизионный генерал Пьер Жозеф Боске – во время сражения на Чёрной речке командовал пехотным корпусом французской армии.

Но решение было принято, обратной дороги не было. Офицеры Одесского егерского полка поужинали и начали готовиться к завтрашнему дню, который для многих из них стал рубежным между жизнью и смертью. Святополк-Мирский решил отложить знакомство с солдатами батальона до утра. Война ко второй половине 1855 г. стала для него привычной работой и он привык делать ее обстоятельно. Кто знал, что многих из своих солдат он так и не узнает, да и командовать батальоном оставалось совсем недолго.

Отведенное для отдыха время прошло быстро. К ночи основные русские силы начали концентрироваться в назначенном районе Мекензиевых гор. В частях традиционно служили молебны, а «...с наступлением ночи батальоны в шестирядных колоннах из середины двинулись вниз по дороге в долину Черной речки».²⁴²

Приговоренные к смерти начали долгий путь на эшафот. Их уже ждали. Почти в одно время на противоположной, французской, стороне Черной речки начали поднимать своих солдат и готовить к бою орудия офицеры и сержанты

батерей капитанов Вотре и де Сайли – будущие «палачи».

Выдвижение к месту сражения было организовано, мягко говоря, безобразно. Прежде всего потому, что для марша пришлось использовать одну подходившую дорогу: «Здесь проходила единственная дорога, по которой русские войска могли спуститься с высот для наступления против неприятеля. Вместе с тем, это было единственное место, где наша позиция могла быть атакована неприятелем. Имевшиеся же кроме того в небольшом числе тропинки были неудобны для движения войск большими массами и совершенно непроходимы для артиллерии, тем более, что для неожиданности нападения, нашим войскам предстояло спуститься в долину Черной в темную южную ночь. К неприятелю пролегал еще другой путь, идущий через Юкары-Каралезское ущелье и далее по долине р. Шули, к Чоргуну. Но дорога эта, удаленная от спуска с Мекензиевых высот, извивалась к тому среди непрерывающихся ущелий; наступающие же по ним войска не могли рассчитывать на содействие войск, занимавших Мекензиевы высоты, пока Телеграфная гора и котловина перед Федюхиными высотами не находились бы в наших руках».²⁴³

Во время кампании все перемещения больших масс войск вообще были проблемой для российской армии. Если войска первой линии, главным образом пехотные батальоны, еще смогли добраться без особых проблем и смогли даже отдохнуть, то резервы безнадежно застряли. Ситуация неуклонно скатывалась к повторению событий ноября 1854 г. при Инкермане. На каждом шагу сказывалось отсутствие информации

²⁴² Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 391

²⁴³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 259

Сражение на Чёрной речке. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

о местности, дорогах и условиях проходимости, не говоря уже об их пропускной способности, наличии и крутизне подъемов и спусков. Казалось, русские командиры совершенно незнакомы с элементарными понятиями организации марша, а сама местность им неведома. Не были оборудованы, или хотя бы намечены, обходные пути, дисциплина марша отсутствовала. Каждый начальник стремился в первую очередь проталкивать собственную артиллерию, зарядные и патронные ящики, санитарные фуры, обоз. Это приводило к беспорядочной суете, усугублявшей и того большую неразбериху. Никто не удосужился заняться элементарными расчетами, начисто забыв академические аксиомы, что «...расстояния же, время, число и пригодность дорог... являются четкими, реальными факторами, что позволяет точно оценить результат организации марша».²⁴⁴

Выход войск представлял немалую трудность, требуя максимально четкой организации, невозможной, соответственно, без знания местности, которая самими своими естественными свойствами была более препятствовавшей, нежели способствовавшей всяческим перемещениям больших количеств войск. Один только марш пехоты становился в этих условиях, усугубленных темнотой и необходимостью соблюдения элементарной маскировки, затруднительным, а доставка значительного числа артиллерии являлась сложнейшей по решению задач.

По этой причине пришлось сильно «урезать» артиллерию. Горчаков из более чем 300 имевшихся в его распоряжении орудий, использовал лишь около 150. Но и теперь, только колонна артиллерии в таком числе с передками и зарядными ящиками могла составить почти 5 км. Принимая в расчет каменистый грунт, не самым позитивным образом воздействовавший на оси колес, другие непредвиденные и предполагаемые задержки, можно только удивляться тому, как все это вообще сумело дви-

²⁴⁴ Мольте. О глубине походных колонн // Стратегия в трудах военных классиков. В 2-х томах, Т. II, М., 1926 г., С. 196

гаться и даже, как бы то ни было, хотя бы частями выйти на намеченные позиции. А ведь кроме артиллерии двигался обоз, и немалый, учитывая что только один суточный рацион хлеба и сухарей полнокровного полка в середине XIX в. составлял почти 300 пудов.

Особняком стояли технические трудности. Конструкции зарядных и патронных ящиков, медицинских повозок оказались совершенно неподходящими для использования в горной местности и твердом грунте. Частые поломки осей тормозили движение, создавали пробки: «Кампании 1853, 1854 и 1855 годов, особенно в Крыму, доказали полную неудобоподвижность нашего обоза...».²⁴⁵

Кстати, в 1859 г. императорским указом была создана специальная комиссия, которая по опыту войны в Крыму должна была принять изменения, улучшающие конструкцию полевых обозов. Возглавил ее не кто иной как Липранди, на своем опыте усвоивший печальную практику передвижения значительных масс войск по крымским дорогам.

Суголока и неразбериха, воцарившиеся на марше, послужили одной из причин опоздания выхода некоторых русских частей к намеченным рубежам в установленное время, предопределив несогласованность действий в сражении. В сочетании с факторами естественными (крутизной спусков, темным временем суток и т.д.) это привело к тому, что используемые несколько путей были просто забиты войсками, артиллерией и повозками. Один из участников сражения пишет, что «...ездил по крайней мере двадцать раз с Мекензиевой горы в долину и обратно, но однажды только... по так называемой „новой дороге“, а то всегда пробирался разными тропинками. Не было бы удобнее направить по новой дороге только артиллерию и лазаретные фуры (патронные же ящики, как вовсе ненужные в первый момент боя, могли спуститься и позже), а для пехоты приказать офицерам Генерального Штаба приискать спуски и указать их».²⁴⁶

Это неудивительно, учитывая что командиры ниже ранга начальника дивизии не имели понятия о планируемых действиях и о задачах своих подразделений и частей. Куда уж тут до суворовского «...каждый солдат должен знать свой маневр», если непосредственные участники свидетельствуют, «...что именно там предполагалось — про то начальство знает, наше же подкомандное дело исполнять приказания, каковы бы они не были, а беседуй себе уж потом...».²⁴⁷

Если бы эти слова были сказаны простым солдатом — все было бы не так страшно. Но капитан Кузмин был на должности квартирмейстера и ему, не по воле Божьей, а по служебным обязанностям, требовалось знание и понимание предполагаемых действий.

Повторюсь: к великому сожалению, 4 августа 1855 г. русское командование пренебрегло элементарными истинами организации ночного марша, усугубив естественные трудности местности и времени. «Быстрый, ловко исполненный марш обыкновенно наилучшим образом подготавливает успех боя, откуда и классическое выражение «победа в ногах». Это Суворов говорил: «памятовать то, что победа зависит от ног, а руки только орудие победы».²⁴⁸

²⁴⁵ Военный сборник, № 7, 1870 г., СПб., С. 92

²⁴⁶ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г., С. 3

²⁴⁷ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г., С. 2

²⁴⁸ Полевая служба по новому уставу // Военный сборник, № 3, 1882 г., СПб., С. 67–68

Организация управления войсками до и непосредственно в ходе сражения постоянно страдала от избытка противоречивых команд. Все возможные отклонения и изменения от утвержденного плана сражения привели к тому, что не успев начаться, оно уже было проиграно организационно. Может быть действительно есть определенная доля истины в советской историографии, указывавшей на «бездарность Горчакова и других царских генералов», как на главную причину поражения на Черной речке.²⁴⁹ Да и не только советская военная наука предъявила претензии к «слуге царю» князю Горчакову. Аналогично рассуждает и повторивший через пятьдесят лет его ошибки во время войны с Японией генерал Куропаткин в своем исследовании «Русская армия». Одной из основных причин поражения на Черной речке он считает отсутствие организации.

Исследователи, на мой субъективный взгляд, часто преподносят смену главнокомандующих армией в Крыму как благо. Думаю, тут не так все просто. На самом деле, Меншиков, действуя в более сложных условиях, умудрялся несколько раз, находясь в казалось бы безвыходных положениях, переигрывать своих англо-французских оппонентов. Порой было заметно, что он едва не издевается над ними, то вода окольными путями вокруг Севастополя, то оказываясь у них в тылу, а то и просто исчезая из видимости. В предыдущих книгах мы уже сравнивали его то с опытным шахматистом, то с пройдохой-шулером. Беда Горчакова в том, что он не смог стать ни тем ни другим. Прибывший в Севастополь с целью исправления ошибок Меншикова, он начал совершать новые, пока ситуация не разрешилась отводом войск на Северную сторону в сентябре 1855 г.

К счастью, плохая погода хотя и мешала движению, но на какое-то время помогала двигаться скрытно: «... в темную ночь с 3 (15) на 4 (16) августа русские войска, предназначенные для наступления против Черной, начали спускаться, согласно приведенной выше диспозиции, с Мекензиевых высот в долину Черной и дебушировать из ущелья Юхары-Каралез и через Айтадор. Густой туман, застилавший долину Черной речки, скрывал наши движения от взора союзников и способствовал неожиданности нападения».²⁵⁰

Базанкур считал, что именно благодаря ограниченной видимости русским удалось скрытно подвести к Черной такое значительное число артиллерии и пехоты, усиленных кавалерией.²⁵¹

Генерал от инфантерии М.И. Батянов. Во время Крымской войны – мичман. Отличился при обороне Севастополя.

²⁴⁹ Краснознаменный Черноморский флот. М., 1979 г., С. 46

²⁵⁰ Описание обороны города Севастополя под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 272

²⁵¹ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 388

КАК ТАЙНОЕ СТАЛО ЯВНЫМ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕЖИМЕ СЕКРЕТНОСТИ

«В главной квартире тайны никогда не сохранялись».

Граф Д. Е. Остен-Сакен

Внимательный читатель наверняка обратил внимание, что мы несколько раз останавливались на проблеме осведомленности неприятеля о намерениях Горчакова и его штаба. Но почему же столь хорошо были проинформированы союзники? Что позволило им узнать планы князя?

Понятно, что почти неиссякаемым источником информации были перебежчики, дезертиры и пленные. Также дополняли их местные жители, вольно или невольно поставлявшие союзникам информацию об передвижениях и составе русских войск. Но с другой стороны, эта информация чаще всего оказывалась плодом фантазий и эмоций, а потому о ее достоверности можно спорить.

Но был еще один источник. Более надежный и пожалуй более доступный — утечка информации.

Абсолютное пренебрежение русским командованием сохранения в тайне не только приготовлений к наступлению, но даже его направления, имело в ближайшей перспективе самые пагубные последствия. Во время Крымской войны сохранение своих планов в тайне было не просто бедой российского штаба — это была трагедия, последствия которой становились часто драматическими. Салонная болтовня столычных «фазанов» регулярно оплачивалась большой кровью солдат и офицеров.

К августу ни о каком факторе внезапности говорить не приходилось. Тем более, что в самом гарнизоне крепости суетливые действия командования, не делавшего никакой тайны из своих приготовлений, стали поводом для самых активных обсуждений всего личного состава... Некоторых командиров это уже откровенно раздражало, например генерала Хрущова: «С приходом к Севастополю 7-й, 4-й и 5-й пехотных дивизий в главной квартире начались совещания о наступлении от Черной речки. Но невзирая на важность тайны этого предприятия, все знали об этом, и не только у нас, но и в неприятельском лагере».²⁵²

Чтобы понять суть проблемы, вернемся немного назад. Известно, что от того, насколько удастся сохранить информацию о собственных планах, зависит весь успех

²⁵² История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888 г. С. 119

предприятия. Граф Остен-Сакен еще до начала планирования операции предупреждал, что «...если роковая мера не сохранится в глубочайшей тайне, то последствия могут быть ужасные».²⁵³ Как в воду глядел!

Можно не говорить много о регулярных выездах князя Горчакова на рекогносцировку, которые проводились с такой помпезностью и с такой свитой, что только слепой или абсолютный глупец не смог бы понять — затевается нечто.

Болтливость штабных была неумемной. Соответственно, все было предано огласке. Тому подтверждений — масса! По воспоминаниям участников описываемых событий: «...В конце июля в Севастополе только и слышно было, что о готовившемся нападении нашем со стороны Черной речки. Такая всюду известность намерений главнокомандующего всех удивляла, и вероятно, приготовления наши к бою были известны неприятелю, имевшему, как надо полагать, бездну лазутчиков из возбужденных против нас татар, сообщениям которых с неприятелем способствовала гористая и пересеченная, до каждой тропы знакомая им местность юго-западной части Крыма».

Остен-Сакен вспоминал, что режима секретности как такового в штабе князя Горчакова не существовало. Считаю, что эту часть его воспоминаний нужно привести целиком. Тогда читателю станет более понятной неизбежность грядущего поражения.

«Тайна относительно распоряжений в гарнизоне крепости и в полевых войсках должна быть строго соблюдаема. В Севастополе, кроме меня, начальника штаба гарнизона, начальников работ и артиллерии, никто не знал о распоряжениях до времени приведения их в исполнение. Это было тем более необходимо, что в войсках находились поляки, из коих далеко не все были преданы России. Из них бывали, хотя и в ограниченном числе, перебежчики.

В главной квартире тайны никогда не сохранялись. Полагаю, причиною тому отчасти, всем известная чрезвычайная рассеянность князя Михаила Дмитриевича (Горчакова). Все знают множество анекдотов о его рассеянности. Вот крупный факт несомненного вреда от несоблюдения тайны в военном деле. Когда главнокомандующий утвердился в несчастной мысли бесцельно брать приступом Федюхины высоты, на которых, — в случае удачи, от одних неприятельских ракет и бомб с близкой господствующей местности, с которой, как с птичьего полета, можно пересчитать каждого человека, — и несколько часов удержаться было невозможно. Князь за два дня потребовал меня к себе на Инкерманские высоты.

Передав мне свое решение, об отбитии у неприятеля Федюхиных высот, князь заявил, что он, для усиления атакующих войск, возьмет у меня 7-ю пехотную дивизию, прося сохранить это в глубокой тайне. Когда я вышел от князя, то бывший со мною дежурный адъютант, подполковник Гротгус, спросил: знаю ли я, что у нас берут 7-ю дивизию? Я был поражен удивлением. Неприятель был совершенно готов к встрече приступа».²⁵⁴

Пожалуй, согласимся с Дмитрием Ерофеевичем и признаем, что неумение хранить тайну стало одной из причин поражения русской армии на Черной речке. Все происходившее в крепости быстро попадало в союзные штабы. Дефицита в информаторах

²⁵³ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 338

²⁵⁴ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 331–332

Генерал от артиллерии А. Э. Будде. В 1855 г. – подпоручик артиллерии. С 1902 г. назначен членом Александровского комитета о раненых.

не было, а за год войны союзные командиры научились отделять правду от вымысла. Витавшие вокруг «... слухи о предполагаемом деле на Черной речке...»²⁵⁵ попадали не только в уши своих солдат и офицеров.

Неудивительно, что командование французского контингента ожидало, что нападение произведено будет вероятнее всего 3 августа, в день именин Наполеона III, и потому передовым постам оказывалась особенная бдительность. Русские не отказывали себе в маленьких «радостях» подпортить неприятелям праздники, а может быть просто надеялись, что пары алкоголя убьют в противнике остатки бдительности.

Но французы предвидели большое сражение, которое впоследствии стало «...наибольшим актом самоотверженности в военной истории» Франции.²⁵⁶ С каждым днем тайное все более неотвратимо становилось явным и никаких послаблений в несении службы на аванпостах в охране не допускалось. Информированность о готовящемся наступлении была полной или почти полной. В штабе Пелисье было известно от перебежчиков, пленных и своих наблюдателей, что русские намерены атаковать позицию

союзной обсервационной линии, прикрывавшей осаду Севастополя. Неприятелю было даже известно, что русская армия готовит в большом числе на Мекензиевой позиции переходные мосты, необходимые ей для предстоящего боя. Суммировав и проанализировав имеющуюся информацию, союзники почти точно спрогнозировали вероятные действия князя Горчакова.

«31июля (12 августа) общая молва заставила французов полагать, что сражение будет иметь место на следующий день; они приблизительно знали даже план его и полагали, что русские атакуют Гасфорта и Федюхины высоты, между тем как гарнизон предпримет большими массами общую вылазку по направлению к редуту Виктория и со стороны города. Союзники полагали, что одновременное выполнение этой двойной атаки не могло представить затруднений для князя Горчакова, ввиду тех значительных сил, которые по их предположениям, имелись в распоряжении у нашего главнокомандующего»²⁵⁷

Но предполагая, союзники не ограничились пассивным ожиданием, они готовились к встрече с русскими батальонами.

«В ожидании подобного наступления русской армии, осадные батареи приготовились к открытию общего огня, а обсервационная армия, состоящая из трех дивизий

²⁵⁵ Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) А. Розина // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами., СПб, 1872 г. // М., 1998 г., С. 264–265

²⁵⁶ De Molen, Paul, Les Commentaires d'un Soldat, Paris, 1860, P. 177

²⁵⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 271

пехоты; одной кавалерийской и восьми батарей французского войска, сардинской и турецкой армий, занимала, как выше упомянуто, позицию на Федюхиных и Гасфорта высотах: имея сардинский авангард на правом берегу Черной речки».²⁵⁸

Несложно представить, что могло произойти, если бы вылазка против неприятеля все-таки состоялась и назначенные части Севастопольского гарнизона попытались атаковать батареи и траншеи союзников. Судя по всему, их мог ожидать лишь бешеный шквал огня осадных батарей, уже ожидавших наступления. Ни одна из полевых батарей союзников, предназначенных для стрельбы по пехоте при отражении вылазок, не была снята с позиций. Более того, по воспоминаниям французских артиллеристов — участников сражения на Черной речке, в батареях на Федюхиных высотах не было полного штата личного состава. Это было вызвано тем, что часть его откомандировали на позиции к Севастополю. И зная о готовящейся атаке русских, более того практически провоцируя ее, французское командование не сняло оттуда ни одного из артиллеристов: «...Известно, насколько неприятель был приготовлен нас встретить, и какой для нас исход имело это дело».²⁵⁹

Офицер Владимирского пехотного полка Розин подтверждает, что вылазку готовили: «...Я мельком слышал, что на ту же местность сделана будет в составе двух полков вылазка для демонстрации долженствующего быть на Черной речке сражения».²⁶⁰

О готовящейся операции знали не только военные. О ней догадывались и те, кому, казалось бы, знать об этом было совершенно необязательно. Да и нежелательно, особенно учитывая присущую женскому полу говорливость. Сестра милосердия Екатерина Бакунина писала в своих воспоминаниях: «Все грустнее и грустнее становилось у нас. Никогда не забуду я 4 августа! Сколько было тогда ожиданий, надежд! Мы знали, что будет большое дело на Федюхиных высотах, а среди нас было какое-то зловещее молчание. И не только на неприятельских бастионах, — это понятно, но удивительно было, что и наши батареи молчали». Ощущение, что Горчаков, приняв диспозицию сражения, не известил о его начале только непосредственно французского и английского главнокомандующих. Это — тяжелая правда и она вызывала естественное воз-

Генерал-майор В.А. Бобринский. В 1855 г. — корнет, адъютант князя М.Д. Горчакова. С 1868 г. — второй министр путей сообщения Российской Империи.

²⁵⁸ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 271

²⁵⁹ Воспоминания о Севастопольской обороне Георгия Чаплинского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, СПб, 1872 г. // М., 1998 г., С. 156–157

²⁶⁰ Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) А. Розина // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. СПб, 1872 г. // М., 1998 г., С. 264–265

Генерал-майор В.Х. Буссау. Комендант Малахова кургана. Убит во время последнего штурма Севастополя 27 августа 1855 г.

мушение офицеров гарнизона Севастополя. В крымскую землю были брошены семена будущего поражения, давшие кровавые всходы.

И, как итог, слова из воспоминаний В. Зарубаева: «...Мы знали, что 4-го августа предполагалось наступление со стороны Черной речки и из Севастополя, да горе, что знали об этом и французы».²⁶¹

В такой обстановке разгула всеобщей «гласности» о скрытности подготовки, равно как проведении каких-либо отвлекающих мероприятий, говорить не приходится. Немаловажный элемент подготовки к сражению — фактор внезапности, который при определенных обстоятельствах мог стать если не решающим, то хотя бы значительным, был утерян. Вся сложная схема, разработанная штабом князя Горчакова, не включала в себя столь существенного звена, которое при благоприятном стечении обстоятельств могло существенно повлиять на ход и

исход сражения, как скрытность или попытки дезинформации противника.

Обратимся к врагу. Как выше говорилось — к 3 августа тайное стало явным. Итальянский исследователь Крымской войны Манфреди не подвергает сомнению очевидность того, что «16 августа для союзников был ожидаемым днем вероятного сражения».²⁶²

Вейгельт вторит итальянскому автору не только дополняя его, но и отмечая что неприятелю были известны детали русского плана: «...12-го августа генерал Пелисье был извещен, что Русские намеревались предпринять 13-го общую атаку против позиций на Черной речке, в соединении с большой вылазкой из Корабельной слободы против атаки Виктории, и из города против левой французской атаки. Вследствие этого извещения сделаны были все распоряжения, чтобы с силою встретить эти атаки; хотя в этот день не были произведены, но несмотря на то в лагерях и траншеях войска остались в готовности также и в продолжение следующих дней, а потому они были вполне готовы к бою, когда он действительно загорелся 16-го августа».²⁶³

Совершенно неприкрытая подготовка и шаблонность действий приоткрыла планы русского командования: «Многочисленные разведки и донесения лазутчиков внушили генералу уверенность, что русские задумывают атаку на Черной. Он уведомил об этом генерала Боске, командующего вторым корпусом, который предписал дивизиям Дюлака и де Ла Мотружа быть готовыми к выступлению. Тот же приказ получила гвардия, стоящая лагерем в штаб-квартире.

²⁶¹ Воспоминания о Севастополе бывшего командира 1-й карабинерной роты Алексопольского егерского полка Валериана Зарубаева // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами., СПб, 1872 г. // М., 1998 г., С. 460–461

²⁶² Матвеев В. Д. Негостеприимная Таврида. Сардинское Королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 78

²⁶³ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 256

Предосторожности эти не были бесполезны, так как 16-го на рассвете с занимаемых нами холмов можно было видеть большие колонны русских, спускавшиеся по ущелью, где ниже батареи Слабак проходит Мекензиева дорога.

Кроме того, русскими, которые под покровом ночи и утреннего тумана незамеченными заняли позиции, оказались покрыты все высоты между этой дорогой и Шулиу, а также возвышенность перед Чоргуном. Мы были настороже...».²⁶⁴

Итак, сохранение своих планов в тайне было «ахиллесовой пятой» русского военного командования во время Крымской войны. И это всегда в полной мере использовалось союзниками. Черная речка стала не единственным сражением, одной из причин поражения в котором стало несоблюдение секретности предприятия. В одном из исследований, посвященных работе Генерального штаба русской армии, отмечалось, что ранее по подобной причине было проиграно и сражение при Инкермане. Притом утечка информации была на самом высшем уровне: «Раз мы имели достаточные силы, сама атака казалась делом легко исполнимым и Государь так радовался будущему успеху, что объяснил весь план тому же графу Мюнстеру. Последний, конечно, счел своим долгом немедленно послать прусскому королю донесение о том что слышал из уст самого Царя. Посылая донесение непосредственно на имя короля, гр. Мюнстер не знал, что кабинет его величества в Потсдаме именно и доставлял английскому и французскому посольству в Берлине самый достоверный материал для их донесений. Подобно тому как перед Семилетней войной Фридрих Великий через подкупленного им кабинетского чиновника Менцеля в Дрездене получал копии с самых секретных актов Саксонского кабинета, так и лорд Лофтус имел в Потсдаме своего Менцеля, посылавшего ему копии бумаг, которые оплачивались соответственно важности их содержания. Таким же путем английский посланник получил и донесение графа Мюнстера о плане атаки под Инкерманом».²⁶⁵

Из всего вышесказанного можно сделать один вывод – сражение на Черной речке было операцией, о которой союзное командование знало если не все, то очень многое. Это в немалой степени само способствовало подготовке к ней союзников с опережением планов русского командования.

Бригадный генерал Шарль Бурбаки (Bourbaki) – во время сражения на Чёрной речке командовал бригадой французской армии.

²⁶⁴ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 135–136

²⁶⁵ Чернозубов О. Служба Генерального штаба // Военный сборник, № 6, СПб., 1912 г., С. 25–26

ОБНАРУЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК

*«Крещение огнем обратит ученого в достойного
боевого человека; но без науки, пули и ядра и из
самого храброго не сделают искусного офицера»*

Генг्रे

В ночь с 3(15) на 4(16) августа отряд французских войск генерала Алонвиля обнаружил в Байдарской долине, около 2–3 часов ночи, приблизительно в 7–8 км от Черной, неподалеку от своего бивака кавалерийское подразделение противника и определил его как угрозу правому флангу союзников.²⁶⁶

Несмотря на то, что кавалерия не предпринимала никаких видимых активных действий и вела себя достаточно беспечно, по направлению движения Алонвиль верно определил ее как авангард главных сил русских.

Тотлебен считал, что первыми были обнаружены тыльный и левофланговый отряды, в тот момент, когда они уже вышли к предписанным диспозицией местам.²⁶⁷ Возможно, что первой была обнаружена иррегулярная кавалерия отряда Липранди в районе Телеграфной горы. Безалаберность легкой кавалерии, притом не только русской, но и союзной, при выполнении задач охраны и разведки местности уже становится набившей язык оскоминой. Начиная с высадки союзников, каждая стычка Крымской войны, где имели место конные подразделения, доказывала убедительно, что удел гусар, улан и прочих представителей легкой кавалерии – гарцевать в манежах, но не вести малую войну. Даже французы, которым в этом вопросе можно предъявить меньше всего претензий, признавали, что к некоторым мерам предосторожности они относились «с пренебрежением».²⁶⁸

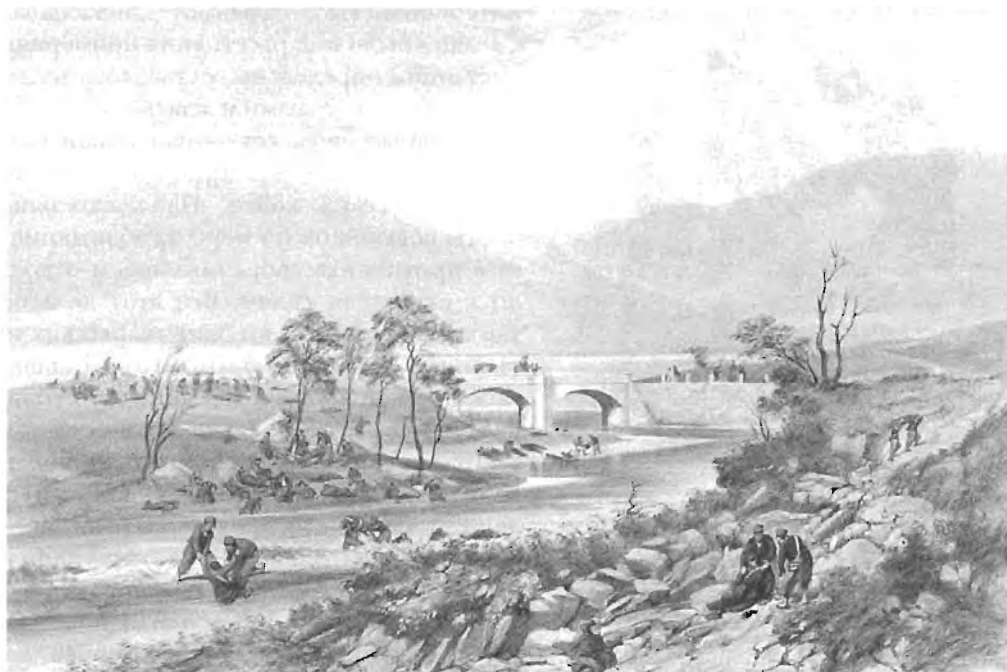
Левофланговые войска Липранди действительно вошли в район, отведенный для действия Алонвиля, и ничего удивительного, что были там обнаружены. Косвенно подтверждая факт обнаружения первыми именно войск Липранди, Тотлебен отмечает, что еще продвигаясь по Байдарской долине, Днепровский пехотный полк вынудил к отходу разведку неприятеля.

Теперь все тайное стало явным, а прежде всего – намерение Горчакова провести акцию в направлении, которое до начала сражения оставалось неясным для союзников. Теперь никто не сомневался, что первый удар придется принять сардинцам.

²⁶⁶ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 386

²⁶⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 271

²⁶⁸ Описание обороны города Севастополя, под рук. генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 271

После сражения на Чёрной речке. Французский рисунок вт. пол. XIX в.

Адъютант генерала Алонвиля, капитан Саж, был отправлен доставить срочную депешу Эрбилюну (а тот немедленно переслал ее Пелисье) о том, что значительные массы неприятеля пришли в движение, спускаются с Мекензиевых гор и входят в Байдарскую долину, угрожая правому флангу союзных войск. Французский генерал был уверен, что это — не одна из почти ежедневно случавшихся до этого демонстрационных акций, а — несколько дней ожидаемое наступление.²⁶⁹

Отряд самого Алонвиля, не ввязываясь в сражение и не выдавая своего присутствия, отошел за юго-восточные скаты Федюхиных высот.

В лагере союзников была объявлена тревога. Стало понятно, что русские начали действия, которых от них ждали и к которым готовились: «...Задолго мы были предупреждены (перебежчиками), что нас будут атаковать, и в течение трех ночей мы почти не спали».²⁷⁰ По всей линии союзных войск началась активная подготовка к сражению. К 4.30 артиллерия имела информацию о направлении движения, силах русских и даже о том, куда возможен первый удар. Поднятые по тревоге, артиллеристы 3-й батареи 12-го полка принялись расставлять орудия на позициях у Трактирного моста. Их 12-фунтовые пушки были заряжены для стрельбы картечными зарядами. О ядрах и гранатах речи не шло. Слишком короткой была дистанция. Батарея должна была максимально возможное время не обнаруживать себя и открыть огонь в то время, когда русская пехота уже займет укрепление, а рота зуавов отойдет. Сейчас такой вид огня, открываемый с короткой дистанции, внезапно и с максимальной

²⁶⁹ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol — Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 386

²⁷⁰ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6—7, Симферополь, 2004 г., С. 86

Французская армия в Крыму. Пешие егеря и вивандьерка пеших егерей. 1855 г.

интенсивностью, называют кинжальным. Сделано было все: расстояния промеряны, дистанции определены, оставалось только одно — быть готовыми и ждать.

Основные силы союзников стали готовиться к сражению, стремясь опередить подход русских войск. Наблюдательные посты союзников по мере приближения к ним противника сворачивались и отходили к основным силам. Все это делалось так тщательно, что ни один из русских источников не говорит о том, что они знали о своем обнаружении и для них уже готовится встреча.

Правда вначале сам Алонвиль не мог поверить, что русские сами идут в приготовленную для них западню. Казалось, он боялся спугнуть их, и в первых отправленных им донесениях было утверждение, что это лишь демонстрационное движение.²⁷¹ Однако через некоторое время, увидев, что

происходит постоянное усиление русских, генерал сделал вывод, что Горчаков двинул всю свою армию. К этому времени французские дивизии были подняты, экипированы, выведены на позиции и ждали приказ о начале действий.

Через непродолжительное время к Черной начали выдвигаться союзные резервы. Еще до первых выстрелов все пространство фронта вдоль западного берега р. Черной уже было занято английскими, французскими, сардинскими и турецкими войсками. Три французские дивизии подошли к Федюхиным высотам и расположились за ними.²⁷² Английская и французская кавалерия в соответствии с планом блокировала проходы между высотами, перестроившись для атаки, в случае прорыва русской кавалерии.

Выдвигавшиеся на помощь пехоте Эрбилона дивизии генералов Дюлака и Монтеружа, подошли уже после того, как сражение было завершено. К тому времени «...русские удалились... все уже было кончено; к великому сожалению этих дивизий, пострелять им не довелось».²⁷³

Кстати, многие современные исследователи ошибочно включают эти части в число участвовавших в сражении. Вероятно, этим они преследуют единственную цель: показать численное превосходство союзников (в первую очередь французов) над русскими в сражении. К этому вопросу мы еще вернемся.

Пока же войска противников только сближались, пребывая в полной тишине и уверенности в собственном превосходстве. Через несколько минут все изменилось...

²⁷¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 271

²⁷² Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol — Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 387

²⁷³ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 138

АРТИЛЛЕРЙСКИЙ ОБСТРЕЛ ФЕДЮХИНЫХ ВЫСОТ

*«Чем лучше пехота, тем больше нужно беречь ее
и поддерживать хорошим батарейным огнем»*

Наполеон Бонапарт

После того как громадные массы русских войск начали свое движение, постепенно втянувшись в петляющие по ущельям колонные пути, главнокомандующий князь Горчаков принял решение о переносе своего штаба на новое место. Свитская кавалькада отправилась в путь с Мекензиевых гор к новому редуту.

Ничто не предвещало беды. Если верить генералу Зайончковскому, то «...движение в ночь с 3-го на 4-е было произведено вполне скрытно, и войска без помехи сосредоточились к указанным в диспозиции исходным для атаки пунктам».²⁷⁴

Конечно, вопрос о скрытности можно подвергнуть сомнению, так как к этому времени уже фактор внезапности остался недостижимым желанием, но это еще не было явным предвестником грядущей беды. Не будем сейчас сосредотачивать внимание на этом. В конце концов, почти всегда противник рано или поздно обнаруживает опасность и атакующему приходится решать две задачи:

- как оттянуть это время;
- как сохранить возможность не отойти от ранее запланированного.

Насколько это удалось русским – скоро станет ясным. Ход сражения все расставит на свои места.

С началом рассвета открыла огонь вся русская артиллерия, находившаяся в первой линии, а также под прикрытием кавалерии вышедшая к Черной. Батареи были расставлены лично начальником артиллерии корпуса генералом Гагеманом (Гагаманом). Русскую артиллерию недаром считали лучшим из родов войск и лучшей в мире. Орудия заняли обозначенные позиции, оставалось только дать команду на открытие огня.

Вскоре она прозвучала. Пороховой дым смешался с утренним туманом, густую завесу разрывали молнии орудийных залпов. Склоны Федюхиных высот покрылись взметнувшейся в воздух землей перемешанной с камнями, а рикошетрующие осколки с жутким свистом уносились в стороны.

Горчаков ни на йоту не отходил от правил завязывания боя, установленных в русской армии середины XIX в. Согласно им, «...при наступлении, боевой порядок под-

²⁷⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 144

ходил к неприятелю на расстояние дальнего пушечного выстрела, 400–500 саженей, откуда начиналось артиллерийское состязание сторон. Это время служило для производства рекогносцировки противника и окончательного изменения боевого порядка в зависимости от собранных сведений.

После более или менее продолжительной артиллерийской стрельбы уже принятый войсками боевой порядок двигался вперед, и подойдя к противнику на 300–350 саженей, вновь приостанавливался для подготовки в данном случае атаки огнем. Артиллерия с этой позиции продолжала действовать по артиллерии, а застрельщики завязывали бой с рассыпанными частями неприятельской пехоты, оттеснив их, обстреливали неприятельскую артиллерию и сомкнутые части неприятельской пехоты. При дальнейшем наступлении пехоты вперед, с ней двигалась и артиллерия по дистанции картечного выстрела (400–500 шагов), откуда покровительствовала пехотной атаке своим огнем».²⁷⁵

Как и следовало ожидать, несмотря на внушительность, огонь пушек не принес ожидаемых результатов. Ведя его на дистанцию более 1200–1500 м, русская артиллерия могла с сомнительной эффективностью обстреливать лишь незанятые противником восточные скаты Федюхиных высот. Не благоприятствовал и утренний туман, закрывший видимость, а усугубленный пороховым дымом, приводил лишь к напрасной трате зарядов. Понимавший это Реад, «...видя, что снаряды наши рвутся, не достигая неприятеля, приказал прекратить огонь».²⁷⁶

Несколько слов об эффективности обстрела артиллерией восточных склонов Федюхиных высот.

Во-первых: по каким целям велся огонь? Как мы знаем, основная часть неприятельской пехоты находилась в окопах или на обратных скатах высот. По словам Базанкура, на склонах находилось минимальное число людей и три артиллерийские батареи. Сосредотачивать огонь нескольких батарей на предместном укреплении было делом неоправданным и чересчур затратным в смысле расхода боеприпасов. Единственная французская батарея де Сайле, выдвинутая вперед для поддержки предместного укрепления, хоть и оказалась в зоне огня, но пострадала совсем незначительно. Орудийные расчеты попросту отсиделись в заранее приготовленных ложементы и появились у орудий лишь тогда, когда атакующая пехота русских вышла на дистанцию картечного залпа.

Во-вторых: как осуществлялось прицеливание и внесение поправок? Не берусь сказать достаточно точно, но с уверенностью можно предположить, что в условиях плохой видимости оно было весьма условным, а в результате задымления после нескольких залпов, отсутствовало вообще. Безветрие раннего утра не позволяло пороховому дыму быстро рассеиваться, интенсивная же стрельба только усугубляла ситуацию. Пример тому – вышеупомянутая французская батарея. Простояв под огнем, она не только не потеряла ни одного орудия, но и ни одного из солдат, которые, как мы говорили, с началом обстрела разбежались по окопам, а после его прекращения вновь собрались возле орудий.

В-третьих: какими снарядами вела огонь артиллерия? Картечь, тяжелая ли, легкая ли – исключалась. Не позволяла дистанция. Гранатами возможно был обстрелян мост и предместное укрепление, позиция передовой стрелковой цепи у канала. По

²⁷⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Том 1, СПб, 2002 г., С. 477

²⁷⁶ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 144

Сардинские берсальеры в сражении на Чёрной речке. Рисунок Де Стефани. Конец XIX – нач. XX вв.

склонам высот использовались преимущественно ядра. С учетом плотности грунта можно говорить, что большая их часть рикошетировала и улетала через позиции союзных войск. Такое ядро в лучшем случае прибило кого-нибудь в обозе или в резервной бригаде Клера, но только не нанесло какого-нибудь заметного ущерба передовым позициям войск. По крайней мере, воспоминания французских участников сражения на Черной речке свидетельств о высокой эффективности русской артиллерии не содержат.

Сложив все вышеизложенные факторы, мы поймем, почему Реад приказал прекратить обстрел высот. С одной стороны генерал увидел его бесполезность, с другой, ошибочно посчитав оставление французской пехотой предмостного укрепления и отход их передовой цепи достигнутым результатом, обеспечивавшим ему успешную атаку.

Эта ошибка дорого стоила русской армии!

РОКОВОЙ ПРИКАЗ

«Война – это царство случая».

Генерал Карл фон Клаузевиц

Когда идет разговор о сражении на Черной, невозможно обойти вниманием приказ, переданный генералу Реаду главнокомандующим через одного из своих адъютантов и последовавший за ним приказ самого Реада на начало атаки высот. Если есть детективные истории, связанные с событиями Крымской войны, то история про этот самый злосчастный приказ командующего 3-м пехотным корпусом – одна из самых загадочных.

Когда мы проводим аналогию с роковым приказом лорда Раглана командиру бригады легкой кавалерии лорду Кардигану и командиру кавалерийской дивизии Лукану при Балаклаве в октябре 1854 г., нужно видеть существенную разницу – в отличие от капитана Нолана – русский офицер остался жив. Имя его известно и он сам был не против пояснения сути события.²⁷⁷ Тем более, что в данном случае затрагивался вопрос его чести. А его, как человека достаточно молодого и амбициозного, это не могло оставить равнодушным. В будущем он неоднократно попытается выступить с попытками обелить роль Горчакова в поражении, но встретит уничижительную критику со стороны участников сражения.²⁷⁸ Это – адъютант главнокомандующего, поручик Иван Иванович Красовский, управляющий походной канцелярией и адъютант князя Горчакова, впоследствии адъютант Варшавского генерал-губернатора.

Сразу же оговорюсь: несмотря на то, что свидетелей происшедшего много, мнения и показания каждого из них существенно разнятся, иногда становясь диаметрально противоположными. Конечный результат тоже известен – проигранное сражение. Поэтому читателю будет полезным услышать их и попытаться самому сделать собственные выводы. Один из них бесспорен – приказы командующего, как и всё управление войсками, отличала расплывчатость и очень общий характер. И не только на

²⁷⁷ Красовский И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 годов. Дело на Чёрной речке 4 Августа 1855 года и князь Михаил Дмитриевич Горчаков // Русский архив. Кн. 2. Вып. 7. СПб., 1874 г. С. 207–222

²⁷⁸ Васильчиков А. И. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Заметки в ответ моим возражениям // Русская старина, Том. XXX, СПб., 1881 г., С. 123

Черной речке... Тотлебен отмечает, что мнения участников в некоторых случаях «... идут вразрез с содержанием официальных документов».²⁷⁹

Но и об этом позже. Пока же, спустившись с Мекензиевых высот, Горчаков с рассветом вместе со своим штабом прибыл к новому редуту. Было примерно 4 часа утра, еще не рассвело. Его глазам предстала картина выдвигения масс войск на свои места согласно предписанной им диспозиции. Но, по известным причинам, ни один из командующих фланговыми отрядами к этому времени не успел собрать все свои силы. Раздраженный непредвиденной затяжкой князь, «... подозвав к себе состоявшего в его свите поручика Красовского, сказал ему: «Поезжайте к генералам Липранди и Реаду и спросите у них, что они стоят? Пора начинать».²⁸⁰

Предоставим слово самому Красовскому. Как у любого нормального, дорожащего своей честью офицера, у него не было никакого желания стать непосредственным виновником бездарно проигранного сражения. Тем более, получать в дальнейшем обвинения в глупости, граничащей с преступлением. По его словам, ситуация разворачивалась изначально в соответствии с диспозицией.

Адъютант первым прибыл к Липранди, однако к этому времени войска последнего уже «...были совершенно готовы начинать движение и тотчас отправились к Телеграфной горе, на позицию, с которой предполагалось открыть артиллерийский огонь».²⁸¹

Получив от Липранди утвердительный ответ: «Сейчас отправлюсь», Красовский убыл во второй главный отряд к корпусному командиру.²⁸² Уже отъезжая, он, оглянувшись, увидел, что войска отряда Липранди двигались к Телеграфной горе.

В отличие от левофлангового отряда, Реад к этому времени еще не вывел свои войска на исходную позицию, и тем более, они не образовали боевого порядка. Сам командир корпуса с чинами своего штаба выехал перед казачьей цепью и с этого места в подзорную трубу осматривал позиции неприятеля. За этим делом адъютант застал его. «Отряд Реада стоял еще на ночной позиции; сам он, с частью своего штаба, выехав вперед казачьей цепи (тогда еще необрушенной), осматривал в трубу позицию неприятеля, расположенного на Федюхиных горах. Подъехав к нему, я передал приказание главнокомандующего и уже было отдалился на несколько шагов, как он снова назвал меня по имени и спросил: «Однако, что же это значит „начинать“? Ведь не атаковать же?».

Я повторил приказание князя, упирая особенно на первые слова. Тогда Реад сказал: «Хорошо, скажите князю, что я буду обстреливать местность».

Все же у адъютанта возникли сомнения насчет точного понимания смысла приказа, и возвратившись к князю Горчакову, он выразил свои сомнения по этому поводу. Сомнения были такого рода: Реад не понял или не захотел понять точного содержания приказа. Если это так, то Красовский был прав, ибо он не имел право выступать в роли статиста, и возвратившись был обязан доложить главнокомандующему не только о том, что его приказание передано, но и о том, как оно начало исполняться. Так он поступил у Липранди, незадолго до этого, покинув последнего, только когда

²⁷⁹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 277

²⁸⁰ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

²⁸¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 272

²⁸² Красовский И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 годов. Дело на Чёрной речке 4 Августа 1855 года и князь Михаил Дмитриевич Горчаков // Русский архив. Кн. 2. Вып. 7. СПб., 1874 г. С. 207–222

Французский зуав ветеран Крымской войны.
Фото конца XIX в.

лично увидел начало движения войск. У Реада ничего подобного не было, и у адъютанта, естественно, возникли определенные сомнения. Подобные душевные метания молодого офицера князь Горчаков категорически пресек, сказав не в меру любопытному и совестливому адъютанту тоном, не терпящим возражений и, тем более, какой-либо дискуссии по этому поводу, что Реад знает, что ему делать.

Пока адъютант мучился сомнениями, Липранди приступил к исполнению действий предписанных ему диспозицией.

Свою версию о том, что произошло по прибытии адъютанта к Реаду, излагает Берг в своих «Записках». «Отряд генерала Реада, дойдя до места, называемого „Новым“, остановился. В это время светил еще месяц. Генерал Реад, лежа на траве, спросил у адъютанта начальника штаба ротмистра Столыпина:

— С какой стороны вы увидели месяц?
— С правой, ваше превосходительство!
— А я так с левой, — сказал Реад, — говорят, это нехорошо!»

Далее: «Генерал Реад, услыша выстрелы в отряде Липранди, также открыл артиллерийский огонь (как сказано было в диспозиции), но не

причиняя почти никакого вреда неприятелю, вскоре прекратил бесполезную стрельбу по совету своего начальника артиллерии генерала Гагемана.

Между тем главнокомандующий послал своего адъютанта с приказанием „начинать!“ В ту минуту, когда адъютанта отправляли, Реад не открывал еще огня; но когда адъютант поскакал, действие артиллерии правого фланга уже началось.

Адъютант подъехал к Реаду и сказал:

— Главнокомандующий приказал начинать!
— Что значит „начинать“? — спросил Реад.
— Я не знаю — ответил адъютант — мне только передано это слово.
— Стало быть, начинать атаку — продолжал Реад — потому что предписанное в диспозиции уже нами начато, да за этим и не посылают. Скажите же князю, что я начинаю атаку: пускай посылает резервы!

Адъютант ускакал, а к Реаду подъехал Веймарн (начальник штаба), бывший к тому времени впереди у артиллерии.

— Надо атаковать! — сказал ему Реад.

— Как атаковать? Зачем?

Реад рассказал ему о приезде адъютанта. Напрасно Веймарн уверял, что тут есть какая-нибудь ошибка, и говорил, что боевой фронт еще не готов: не прибыл уланский полк, которому следовало поддержать правое крыло отряда. Реад и сам понимал, что дело что-то не так; но он был человек точный, немного свежий в Крыму, не знавший наших порядков; к тому же, он уведомил главнокомандующего, что начинает атаку...

дело приняло другой смысл, и потому сообразив все это, двинул 12-ю дивизию на мост».²⁸³

Ожидаемый уланский полк так до конца сражения и не прибыл. Веймарн, утверждая что происходит недоразумение, что приказание не предполагает большего, чем открытие огня артиллерии, предложил Реаду самому съездить к главнокомандующему и разъяснить приказание.²⁸⁴

Но корпусного командира не могло уже остановить ничто. Он получил приказание «начинать» под грохот артиллерийской канонады, когда первый акт был уже начат, следовательно, дело идет о том, чтобы начать второй акт, т.е. атаку горы. Ему объясняли, что атаку горы приказано начать тогда, когда генерал Липранди начнет атаку Гасфортовой горы и проч.²⁸⁵

Биографы Липранди утверждают, что на все убеждения Реад произнес фразу, о которой многие исследователи до настоящего времени предпочитали не упоминать. Но, судя по положению дел очень вероятно, что именно это и мог он произнести, дабы развеять все сомнения окружающих и убедить самого себя в правильности действий.

«Генерал Реад отвечал на все это, что главнокомандующий мог изменить свое распоряжение. „Нет, уж лучше начинать“ — присовокупил он — „а то, пожалуй, как не удастся, обвинят, как обвинили напрасно генерала Данненберга“».²⁸⁶ Реад говорит о проигранном в ноябре 1854 г. сражении при Инкермане. Львиную долю вины в этой неудаче свалили на голову генерала Петра Андреевича Данненберга. В основу обвинений легло его, якобы, бездействие. Хотя доля вины Данненберга в поражении действительно есть, по справедливости ее следовало бы разделить в равной мере на многих, особенно на весьма бездарного персонажа, которым был генерал князь П. Д. Гурчаков. Последний, сумев избежать позора за проигранную, в том числе по его вине, Альму, свалил всё на неименитого Кириякова и вновь успешно «выкрутился».

Но так ли виноват Реад, как его обвиняют? После сражения Гурчаков старался любыми средствами снять с себя вину за несогласованность действий. Схема, выбранная им, была на зависть любому адвокату, безошибочной:

- приказ отдан правильный и в нужное время;
- приказ был не понят и исполнен генералом Реадам с точностью наоборот.

Когда адъютант добрался до Реада, наметился успех у Липранди, чьи войска после подготовки условий для атаки артиллерией, одну за другой стали очищать от сар-

Сардинский берсальер. 1855 г.

²⁸³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 496–497

²⁸⁴ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 332

²⁸⁵ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 332

²⁸⁶ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 332

Английские солдаты выносят раненого французского зуава. Английский рисунок неизвестного художника. Втор. пол. XIX в.

динцев высоты. Горчаков получил донесение об этом и лично направился на левый фланг. И в этот момент произошло то, что предопределило ошибку: рота зуавов начала очищать предместное укрепление.

Возможно, Реад, воодушевленный таким, сулящим победу началом, проникся уверенностью, что неприятель не ожидал атаки и решил не тянуть время, а начать наступление по всему фронту? В пользу этой версии говорит направленное им еще до начала действий 12-й дивизии донесение главнокомандующему, что «предместное укрепление взято и французы бегут».²⁸⁷

Жаловаться на непослушание, на мнимую ошибку Реада князь Горчаков начал лишь тогда, когда обозначилась неудача атаки на Федюхины горы. На деле войска 3-го корпуса действовали в точности с диспозицией, врученной Горчаковым Реаду перед боем. В ней подробно были разработаны детали занятия этих гор. Горчаков видел главную цель в этом, а совсем не в нападении Липранди на Чоргун и высоты Гасфорга.

Сам Липранди в своих воспоминаниях указывает на двойственность толкования диспозиции, измененной, по его мнению, штабом главнокомандующего непосредственно перед сражением. Это уже основание для обвинения самого Горчакова в дезорганизации управления войсками еще до начала сражения. Свалить все на Реада было тем удобнее, что и сам Реад и его начальник штаба были убиты, и главные

²⁸⁷ Зайончковский А. М., Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 145

полковники у Реада были перебиты, так что можно было не опасаться никаких разоблачений.²⁸⁸

Горчаков ошибся: свидетелей оказалось достаточно, чтобы поставить под сомнение его версию. Существовал «...целый ряд свидетельских показаний, ясно говорящих о том, что Реад и не мог совершить этого невероятного, абсолютно немыслимого поступка и что кто-то здесь лжет: или Горчаков, или адъютант.

В пользу Реада говорят следующие аргументы:

1. Он никак не мог истолковать слов «начинать дело» только в том смысле, что должно лишь бомбардировать Федюхины горы. Как же еще «начинать» бомбардировать, когда он уже их бомбардирует?²⁸⁹

2. Для него была четко обозначена цель сражения: Федюхины горы и он начал бой за их взятие, действуя совершенно по диспозиции. По крайней мере, ни один из чинов его штаба не сказал ему о совершаемой ошибке.

3. Когда двинулась пехота Реада, Горчаков, услышав шум боя справа от себя, не принял решения остановить его, чтобы избежать таким образом потерь.

Итак, мнение о роковом приказе двояко: с одной стороны те, кто был с Реадом, с другой стороны те, кто был в штабе Горчакова. Первые утверждают, что а) приказ был; б) он поступил в то время, когда артиллерия вела обстрел Федюхиных высот и, естественно, трактовался Реадом однозначно — атаковать; в) было сказано что-то иное, что Реад унес с собой в могилу, а Красовский, «...которому выпала печальная доля отвезти слова растерявшегося главнокомандующего начальнику отряда перед Федюхиными горами по сю сторону моста, генералу Реаду»,²⁹⁰ предпочитает не помнить. В свою очередь вторые говорят, что а) приказа атаковать не было; б) приказа «начинать» поступил до открытия артиллерийского огня; в) Красовский сказал не более того, что известно всем.

Жертвами заблуждений и ошибок стали все. Это и Горчаков, уверовавший в успех 12-й и 7-й дивизий и отправивший на убой полки 5-й и затем 17-й дивизий, провалив возможность реализации успеха у Липранди, Бельграда и Веселитского. Это и Реад, уверовавший в возможность легкого занятия Федюхиных высот, поспешивший «осчастливить» главнокомандующего вестью о бегущих из предмостного укрепления французах... Это и Липранди, прекрасно начавший сражение, но не получивший подкреплений и в итоге понапрасну положивший свою пехоту.

В действительности, роковая ошибка предопределена всего лишь формализмом отданного приказа. Диспозиция, разработанная для войск генерала Реада, весьма точно предписывала последнему следующий порядок действий:

Во-первых, он должен был выйти к Федюхиным высотам и открыть по ним артиллерийский огонь. Соответственно, противник будет вынужден оставить свои позиции, а атака русской пехоты будет соответствующим образом подготовлена.

Во-вторых, как уже говорилось, при получении приказа от главнокомандующего, войска его корпуса перейдут реку Черную, затем канал и двинутся на Федюхины высоты. Это не подлежит сомнению, иначе зачем было готовить столь тщательно средства для переправы через водную преграду?

²⁸⁸ Тарле. Е. В. Крымская война, в 2-х томах, т. 2, М., 1950 г., С. 475

²⁸⁹ Тарле. Е. В. Крымская война, в 2-х томах, т. 2, М., 1950 г., С. 476–477

²⁹⁰ Васильчиков А. И. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Заметки в ответ моим возражениям // Русская старина, Том. XXX, СПб., 1881 г., С. 123

Сардинские берсальеры в Крыму. Рисунок Дж. Кадогана. 1855 г.

В-третьих, Реад должен был овладеть высотами и приступить к их укреплению. Опровергать это тоже не имеет смысла, ибо существует диспозиция для корпуса правого фланга генерал-адъютанта Реада, составленная штабом главнокомандующего и подписанная князем Горчаковым.²⁹¹

Ну и конечно, нельзя не остановиться на формулировке приказа. За одно только это главнокомандующий должен быть отнесен к роли если не главного, то и далеко не последнего виновника поражения. Князь Горчаков, почувствовав себя подобным Бонапарту, решил бросить войска в бой лишь мановением руки или короткого слова, не задумываясь о его возможном неточным истолкованием исполнителями, которыми являлись в данном случае генерал-адъютант Реад и его штаб.

Тем более, что сам адъютант командующего утверждает: «...приказание передано Реаду тогда, когда он не открывал еще артиллерийского огня, и что через меня Реад не уведомлял главнокомандующего о своем намерении атаковать Федюхины горы».²⁹² В этом случае боевой приказ, уместенный в одном слове, абсолютно неконкретном, есть ни что иное, как банальная глупость. Если кого и должен винить Горчаков в срыве своего замысла, так это прежде всего самого себя. «О вине или невинности Реада, личности в высокой степени правдивой и возвышенной и имевшей все данные для

²⁹¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 474–476

²⁹² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 233

замечательного военачальника, — можно будет правильно судить только впоследствии грядущих времен».²⁹³

Фельдмаршал Паскевич в своих «Мыслях по поводу обороны и падения Севастополя», написанных им 16 сентября 1855 г. в пух и прах разносит действия Горчакова, акцентируя внимание на его попытках спасти репутацию, сравнивая сражение на Черной речке с Бородинским сражением и сваливая всю вину на покойного Реада. Паскевич предвидел, что виновными будут сделаны мертвые. «Храбрый Реад и достойный начальник штаба Веймарн, павшие жертвами при исполнении невозможного предприятия, не могли бы вам отвечать из своих могил и история внесла бы в свои скрижали имена Реада и Веймарна как виновников для России дня 4 августа».²⁹⁴

Князь Васильчиков откровенно обвиняет Горчакова в подлоге. При этом он утверждает, что подобная практика переписывания реляций было повсеместным явлением в работе штаба главнокомандующего. Более того, он указывает время, место и имена участников искажения действительных событий на Черной.²⁹⁵

В описанной ситуации так много разных мнений, часто полярных, так много тех, кто берет на себя роль очевидца, что до сих пор вопросов остается больше чем ответов. Зато ответы на столь непростые вопросы можно легко обнаружить у неприятеля. Действительно, заняв демонстративно слабые позиции непосредственно у реки, французы даже не стали ставить на прямой выстрел некоторые артиллерийские батареи. Вся линейная пехота была сосредоточена за обратными скатами высот, а резервы удалены лишь настолько, чтобы быть в нужное время в нужном месте. Задача французских войск, расположенных в первой линии, состояла в том, чтобы «...встретить первый удар и, сопротивляясь, дать возможность подойти подкреплению».²⁹⁶

Тут как раз неприятелю и не требовалось «стоять насмерть». В условиях обороны, когда главным условием становится выигрыш времени, важна не столько прочность обороны, сколько ее вязкость. Русская пехота, энергично перейдя Черную, подвергалась обстрелу со всех сторон, несла потери, постепенно теряла строй и с ним вместе боевой порыв, после чего атака, как правило, захлебывалась.

²⁹³ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 331

²⁹⁴ Мысли фельдмаршала кн. Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя//Русская старина, Том. VI, СПб., 1872 г., С. 25

²⁹⁵ Васильчиков А. И. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Заметки в ответ моим возражениям//Русская старина, Том. XXX, СПб., 1881 г., С. 123

²⁹⁶ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 136

ОТРЯД ГЕНЕРАЛА П. ЛИПРАНДИ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

*«Неизменное правило войны – обезопасить свои
фланги, в тоже время, пытаясь охватить фланги
противника и зайти ему в тыл»*

Фридрих II Великий

Действия войск отряда Липранди были успешными: «Первый акт диспозиции был им выполнен блистательно».²⁹⁷ Конечно, здесь тоже наличествовало отсутствие внезапности, но в той же мере присутствовала гораздо большая управляемость и, соответственно, организованность войск.

Что касается внезапности, то, как мы знаем, ее можно исключить. Сардинские офицеры-участники сражения говорят, правда с некоторой долей преувеличения собственных заслуг, что они ждали русских и готовили для них «теплый» прием. Генерал Риччи писал по этому поводу в 1881 г.: «Осмелюсь утверждать, что мы были начеку и вовремя обнаружили атакующие действия противника своими передовыми форпостами и твердо оборонялись и держались в первой фазе сражения».²⁹⁸

При этом итальянцы недвусмысленно намекают, что их французские союзники «проспали» начало наступления русских. Оставим это на их совести – им очень хотелось лишний раз подчеркнуть значимость своего участия в сражении на фоне незначимости в кампании в целом.

В отличие от Реада, Липранди почти вовремя вывел свои войска на намеченное согласно диспозиции место и под прикрытием артиллерийского огня перестроил в боевой порядок. Разница в том, что Липранди свои действия строил на основе взаимодействия, а у Реада каждый род войск был как бы сам по себе...

Для перестроения было выбрано относительно ровное место, на которое Липранди вывел войска, спустившись с Мекензиевых гор и пройдя через Юхарлы-Каралез. Фронт был развернут в направлении склонов Телеграфной горы. Первую линию заняли стрелки – Таругинский и Бородинский полки.

В составе Бородинского полка, поддерживавшего таругинцев, в сражении участвовал недавно прибывший из Кишинева единственный сын генерала Липранди,

²⁹⁷ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография)//Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 331

²⁹⁸ Матвеев В. Д. Негостеприимная Таврида. Сардинское Королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 198

добровольно вызвавшийся идти среди застрельщиков в стрелковой цепи. Очевидцы отмечают трогательность его встречи с отцом на Телеграфной горе после ее очистки от неприятеля.

1-я бригада 17-й дивизии находилась во второй линии. 2-й батальон Московского пехотного полка был отправлен влево для обеспечения безопасности русских войск со стороны Чоргуна. Легкая №3 батарея 17-й артиллерийской бригады ускорила движение, стараясь выйти к ближним скатам Телеграфной горы для обеспечения подготовки атаки. Прибывший на место адъютант Горчакова как раз и застал войска в момент развертывания: «Я нашел, что отряд генерала Липранди начал движение к Телеграфной горе, получил от него ответ: «Сейчас отправляюсь», и поехал искать генерала Реада».²⁹⁹

Войска Липранди без излишней суеты подошли к позициям сардинцев на Телеграфной горе. Русская артиллерия быстро развернулась перед восточными склонами и немедленно начала обстрел неприятеля. Спустя три четверти часа интенсивного орудийного огня вперед двинулась развернутая в ротные колонны 17-я пехотная дивизия. Как и на Балаклаве, Липранди максимально расчленил боевой порядок, что позволило ему избежать лишних потерь.

Но не нужно путать расчлененный, пусть и максимально, боевой порядок с рассыпным. Между двумя этими понятиями большая разница. Первый предполагает лишь более самостоятельные действия отдельных подразделений, второй — больше опирается на самостоятельность, инициативу и одиночную подготовку каждого бойца. Рассыпной строй, как это ни покажется странным, не был характерным не только для русской, но и для союзных армий периода Крымской войны. Французы действовали в основном большим числом стрелковых подразделений. Они хоть и рассыпались в ходе боя, но во многом сохраняли в себе элементы линейного порядка. Апробированные в Африке действия пехоты давали возможность задействовать в сражении максимально большее число ружейных стволов, прокладывая дорогу линейной пехоте. Английская пехота сражалась в привычных линиях, позволявших максимально использовать качественное и количественное превосходство нарезного оружия. Это обуславливалось большей тягой к дисциплине, традиционной для британской армии как в бою, так и вне боя. Легендарные «зеленые куртки» Стрелковой бригады хоть и появлялись перед линией красных мундиров линейной пехоты, но их число было столь незначительным, что чаще приходилось рассыпать в цепь обычные роты. Ни то, ни другое, ни тем более, русское третье не может быть поименовано действием стрелковых цепей. Но именно период Крымской войны стал отправной точкой изменения тактики действий пехоты во всех армиях Европы.

«Сомкнутые строи, в том виде, как они употреблялись во время наполеоновских войн, и в каком существовали до ведения нового нарезного оружия, более или менее удовлетворяли всем требованиям наступательных действий.

Рассыпной строй, в те времена, был не более, как вспомогательный; в нем встречалась надобность не столько вследствие действительности оружия, сколько вследствие изменения способов ведения войны (пользование местностью).

В русской армии стрелковые цепи, хоть и применялись на Черной интенсивно, но не пользовались доверием со стороны полковых и дивизионных командиров. При развитом в командной среде рутинерстве, „скептицизму сверху и пассивно-

²⁹⁹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 497–498

сти снизу“, — добиться расчленения боевых порядков, действия врассыпную, было невозможно». ³⁰⁰ Большинство полков, «...великолепно проходившие церемониальным маршем, только прибыв на театр войны за несколько дней до боя, впервые начали обучаться высылке стрелковых цепей». ³⁰¹

Попытки сделать рассыпной строй главной формой во время революционных войн не удавались, частью от неспособности тех лиц, которые желали этого, а впоследствии они вовсе не возобновлялись, так как в этом не встречалось еще особой надобности. Со времен первых успехов в технике нового ручного оружия рассыпной строй все более и более выступает на первый план. Так нарезное оружие в кампании 1859 г. поставило рассыпной строй наравне с сомкнутым; а оружие, заряжающееся с казны, в кампанию 1870–1871 года дало ему перевес над последним». ³⁰²

Наступление продолжалось. Русская колонна безостановочно продолжая свой путь, разделилась на две части. Левою командовал генерал Бельгард, герой сражения при Четати в самом начале Восточной войны. Она выступила после отдыха на Мокрой луговине в направлении на Чоргун в 2.30. При подходе к неприятельским позициям Бельгард разделил ее еще на две. Колонна левого фланга включала в себя Симбирский егерский полк, два батальона Низовского егерского полка, две роты 3-го стрелкового батальона, роту 6-го саперного батальона и две батарейных батареи. ³⁰³ Сам генерал остался на правом фланге с двумя батальонами Днепровского пехотного полка и легкой батареей.

НАЧАЛО АТАКИ НА САРДИНЦЕВ

Утверждения сардинских офицеров о том, что они не знали о готовящемся нападении русских — не более чем сознательное искажение истины, преследующее единственную цель — оправдаться за столь быстро отданную в руки противника первую линию своих позиций. Тем более, что далеко не все из них придерживались подобной точки зрения. Кроме того, итальянцы слишком преувеличивали значение обороны своих передовых позиций в масштабе всего Чернореченского сражения. Уж тут они меры не знали!

Манфреди, например, считает, что сардинцы вообще оказали решающее значение на исход сражения: «Соппротивление, оказанное нами первым колоннам противника, дало французам необходимое время, чтобы собраться, и внезапность атаки русских не сыграла свою роковую роль в исходе сражения для союзников». ³⁰⁴ Правда, тот же Манфреди почему-то скромно молчит, что в то время вся французская линия обороны на Федюхиных высотах уже находилась в готовности. Безусловно, сардинцы сыграли свою роль в сражении. Отрицать это нелепо. Но и преувеличивать ее тоже бессмысленно.

Русские атаковали одновременно с трех направлений. Основные удары наносились по флангам в сочетании с попытками охвата неприятельских позиций. Фрон-

³⁰⁰ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 26–27

³⁰¹ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 26–27

³⁰² Исследования о тактике пехоты // Военный сборник, № 1, СПб., 1874 г., С. 79–80

³⁰³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 273

³⁰⁴ Матвеев В., Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 71

тальный удар наносил 4-й батальон Тарутинского полка и стрелки 6-го батальона. Но это не была бессмысленная атака «на сближение», со штыками наперевес и под громогласное «ура!». Сардинцев вышибали огнем. Для усиления стрелков были выделены все штучерные пехоты, которые своими пулями расчищали путь остальным.

История Московского пехотного полка говорит о незначительном сопротивлении, которое было оказано сардинцами: «...После нескольких выстрелов батареи № 3, четвертый батальон Тарутинского полка, под прикрытием густой цепи охотников и стрелков роты 6-го стрелкового батальона двинулся в ротных колоннах в атаку на первую траншею; мгновенно выбитый из нее неприятель отступил во вторую траншею и встретил из нее атакующего сильным огнем...».³⁰⁵

Генерал Герсеванов так говорил об этом: «4-го августа Тарутинский полк, в ротных колоннах, подошел довольно близко к укреплению, воздвигнутому на Телеграфной горе и занятому сардинцами, которые встретили батальон огнем из штуцеров, но почти все пули перелетели через головы наших солдат, и укрепление взято с самою малою потерею».³⁰⁶

То, что итальянские пули свистели над головами, а не укладывали на землю одного за другим русских солдат, вполне объяснимо. Это обычное явление, для огня из окопов по цели расположенной ниже уровня укрытия. Огонь русских стрелков, просто прижал головы сардинских пехотинцев к брустверам и заставлял их думать лишь об одном: как, каким образом сохранить возможность увидеть родное итальянское небо. Для этого нужно было хоть как-то мотивировать перспективу отхода. Лучшим мотивом было израсходование боеприпасов. Обстоятельства тому способствовали.

«В процессе изучения итальянских источников этот боевой эпизод неоднократно повторяется и возводится в ранг «особого героизма и доблести пьемонтцев». Думается, что объяснение такому их вынужденному героизму гораздо прозаичнее — посменно отправляясь налегке на самый отдаленный передовой дозорный рубеж пьемонтские пехотинцы и берсальеры скорее всего брали с собой минимум амуниции, да и патронные сумки их вмещали только до 10 патронов. Наверяд ли в бесхозных траншеях оставался какой-либо резервный боезапас».³⁰⁷

Таким образом, расстреляв патроны, итальянцы сочли разумным не вступать в схватку с многократно их численно превосходившей русской пехотой, понимая, что

Сардинские берсальеры в Крыму. Рисунок Дж. Кадогана. 1855 г.

³⁰⁵ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. СПб., 1890 г. С. 449–450

³⁰⁶ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 331

³⁰⁷ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 79

в этом случае у них явные дефицит шансов уцелеть, и отошли. Сардинский довод о слабых позициях и малочисленности войск их защищавших, звучит не слишком убедительно, учитывая примерно равное соотношение их с русскими (батальон Тарутинского полка и рота 6-го стрелкового батальона против неполного 16-го пехотного батальона и двух рот 4-го батальона берсальеров пьемонтцев).

Тотлебен описывая этот момент сражения, отмечает стремительность, с которой русская пехота заняла первую линию, после чего неприятель «поспешно», а в условиях боя это могло означать лишь одно – бегом, «...отступил в свое последнее укрепление, занимавшее вершину горы, находящейся близ самого берега Черной, и частью перешел реку по устроенному им здесь мосту, будучи преследуем огнем наших штурцеров и нарезных ружей».³⁰⁸

В условиях ограниченной видимости гаубичная батарея сардинцев не могла существенно помочь своей пехоте. Пехотинцы и берсальеры, занявшие позиции в окопах, пытались ружейным огнем отбить нападение русских. И хотя итальянские документы и говорят об упорном удержании 16-м пехотным батальоном и 4-м батальоном берсальеров передовых позиций и даже о рукопашных схватках с русскими, объективная реальность свидетельствует более об обратном – не выдержав напора, сардинцы отошли к основным силам. Манфреди отмечает организованность, с которой этот отход был совершен. «Наше отступление совершалось в боевых порядках; роты, участвовавшие в бою, спустились со склона под прикрытием цепи стрелков и, достигнув противоположной возвышенности, соединились во второй траншее на Пьемонтской скале с двумя другими ротами, ранее там находившимися.

Эти две роты 16-го батальона расположились на восточном склоне высоты, а роты берсальеров – между второй траншеей и мостом через Черную, который они прикрывали. Сюда прибыл майор Делла Кьеза, командир батальона берсальеров. Будучи сильно больным, он поднялся с первыми звуками выстрелов и добрался на поле боя, чтобы лично возглавить батальон в бою».³⁰⁹

Манфреди противоречит сам себе. В случае ожесточенной рукопашной схватки вряд ли итальянцам удалось бы так организовано отступать. И думали бы их командиры лишь о том, как спасти то, что еще можно спасти. Скорее всего, они просто бежали бы поражаемые русскими штыками в спины, как это было с пехотой бригады генерала Кодрингтона из британской Легкой дивизии при Альме 20 сентября 1854 г., которая отступала после столкновения с Владимирским полком, а судя по энергии, с которой ее солдаты вломились в шеренги второй линии, умудрившись при этом переломать ребра нескольким шотландским гвардейцам – была в панике и полной дезорганизации. Нечто похожее произошло и с детьми солнечной Италии, разве что обошлось без травм.

Остановимся более подробно на происходившем. 17-й пехотной дивизии явно способствовала удача. Занятая ими Телеграфная высота могла использоваться как плацдарм для сокрушения правого фланга союзников. Естественно, Липранди ждал от Горчакова именно такого решения. Более того, он был уверен, что следующий приказ будет предписывать ему дальнейшее движение вперед и, соответственно, подкрепление резервами, которые уже подходили. Потому, не теряя времени, он на-

³⁰⁸ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч.2, СПб., 1871 г., С. 275

³⁰⁹ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 80

Французский госпиталь в Константинополе. Худ. К. Гайс.

чал развивать ситуацию по собственному сценарию, понимая, что взяв инициативу в руки, нельзя ее отдавать.

Способствовала войскам Липранди и толково организованная поддержка собственной и приданной артиллерии. Батареи не сосредотачивали огонь на одной цели, а распределяли его между наиболее приоритетными. Так батареи левой колонны Бельгарда вели огонь одновременно по укреплениям на Телеграфной горе (из 10 орудий) и по горе Гасфорта (14 орудий). Батарея правой колонны развернулась лишь тогда, когда были созданы условия надежного поражения неприятеля. Она «заняла здесь на горе позицию, с которой начала одновременно с левой колонной обстреливать с тыла укрепления сардинцев на Телеграфной горе».³¹⁰

Так появился еще один железный аргумент для итальянцев, поражаемых артиллерией с двух направлений, не слишком долго задерживаться в своих передовых укреплениях. Кроме общей атаки 16 батальонов 17-й пехотной дивизии генерал-майора Веселитского с фронта, подготовленной артиллерией и имевшей гарантированный успех, в обход левого фланга союзников со стороны Чоргунского ущелья был двинут 2-й батальон Московского пехотного полка. Для того чтобы сардинские пехотинцы и берсальеры не слишком засиживались в передовых ложементях, во фланг им выдвинулась рота 6-го пехотного батальона. Опытные, обстрелянные еще при Альме русские пехотинцы и стрелки, стали готовить новую атаку. Пьемонтцы находились под постоянным давлением и ослабления его не предвиделось. Более того, Липранди собирался наращивать напор, готовясь приступить к очистке от неприятеля горы Гасфорт.

Сил было достаточно, учитывая возможное подключение резервной (5-й) дивизии. Генерал-майор Веселитский дополнительно вызвал и приказал развернуть на бли-

³¹⁰ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 273

«L'été de 1854 tout le monde dit qu'on ne peut pas la guerre faire et qu'on s'est entredéjà tué...»

Французский рисунок времён Крымской войны, пропагандирующий вечную дружбу между союзниками. Реальность была не столь безмятежной.

жайшей от Телеграфной горы возвышенности батарейную № 3 батарею 17-й артиллерийской бригады. Она незамедлительно открыла с фронта огонь «...по неприятельским укреплениям, обстреливавшимся уже с тыла и правого фланга батареями колонны генерал-лейтенанта Бельгарда».³¹¹

Ситуация, пожалуй, даже нетипичная для прямолинейных действий русской армии в Крымской войне. Объект, назначенный для атаки, поражается одновременно с трех сторон. Похоже, Липранди в полной мере использовал опыт сражения при Балаклаве. Весьма разительное отличие от действий артиллерии генерала Реада! У последнего, она хоть и находилась в порядках пехоты, но все сражение не сдвинулась с места. Потому не поверим рассказам итальянских офицеров об их ожесточенном сопротив-

лении русским. Скорее всего, они действительно, расстреляв для очистки совести мизерный наличный запас патронов, отошли от греха подальше к своим основным силам. При другом развитии событий потери пьемонтцев были бы несколько иными, притом в сторону их увеличения.

Однако задача Липранди была не столь легкой, как это могло показаться вначале. Успех требовал развития, а сардинская пехота хоть и отошла, но к этому времени перестроилась в боевой порядок и приготовилась к бою. Дивизия Дурандо прикрыла выход из долины реки Варнутки, дивизия Тротти заняла промежуток между горой Гасфорта и Федюхиными высотами. Резерв составила бригада Джустиниани.

Артиллерию сардинское командование разместило на высотах. Одна батарея стала на правом фланге у реки Варнутки, напротив Карловки, другая — на левом фланге, напротив Чоргунского моста на выступе горы. Приданная английская гаубичная батарея расположилась на вершине горы у редута «...для поражения огнем русских батарей выше Чоргуна и д. Карловки».³¹²

Все-таки довелось русскому солдату в Крыму испытать осознание своей мощи, имея в руках равное с противником оружие. Наверное именно этот эпизод Крымской войны продемонстрировал, что при хорошей организации и толковых командирах николаевский солдат был грозной боевой машиной, способной побеждать и умеющей это делать!

Сардинцы впоследствии трактовали события иначе, но довольно неуклюже. Так, оправдывая свое отступление, они говорят о подавляющем численном превосходстве русских, при имевшем место практическом равенстве сил. А их версия о том, что «...в пылу боя, не имея времени перезарядить ружья, дошло до того, что пьемонтцы стали отбиваться от наседающих русских камнями»³¹³ — банальная военная

³¹¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 274

³¹² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 274

³¹³ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 79

байка, коих любая война рождает в несметном количестве. Крымская кампания в данном случае не исключение. Потери сардинцев во время боя за их позиции определить сложно. Тотлебен говорит о нескольких пьемонтских солдатах взятых в плен. Очевидно это и есть те двое несчастных, которые числятся в списке пропавших без вести. Что не помешало командиру 2-й дивизии генералу Тротти представить командиров подразделений оборонявших высоты к наградам. В своем рапорте Ла Марморе он писал: «Привожу обобщенные доклады командования подразделений. В них содержатся имена пьемонтцев, наиболее отличившихся в сражении, происходившем на Ваших глазах, в присутствии Вашего союзного командования:

...Майоры Корпоранди (16-й пехотный батальон) и Делла Кьеза (4-й батальон берсальеров) заслуживают особых почестей за умелое руководство подчиненными подразделениями, за упорство и стойкость, с какой осуществляли действия по обороне укреплений горы „Зиг-Заг“;

Капитан Эмануэле Кьябрера (4-й батальон берсальеров), вступив в командование батальоном, заслуживает отличия за мастерство, с каким он управлял своими берсальерами на правом берегу Черной речки, когда русские уже заняли вершину горы и наседали на них превосходящими силами».³¹⁴

Но это будет потом, когда радость победы сотрет из памяти сардинских военачальников воспоминания о недавнем оставлении практически без боя передовых позиций. Оправданий этому различных мотиваций, в том числе и тактической необходимости, они найдут много, не меньше, чем русские после поражения на Альме. А пока русская армия продолжает оказывать давление на правый фланг союзных войск и берет сначала Телеграфную высоту, демонстрируя готовность не останавливаться на достигнутом.

И вновь правильные действия командования 17-й дивизии. Происходит маневр артиллерией, которая, выражаясь современной военной терминологией, начинает «колесами» сопровождать свою наступающую пехоту. Грамотно используются саперы, действующие по своему прямому назначению. «По овладению Телеграфной высотой, была выдвинута на позицию у только что взятого нашими войсками эполемента батарейная № 3 батарея 17-й артиллерийской бригады, для которой саперы устроили проезд через взятые нами сардинские укрепления. Батарея эта открыла огонь по Гасфортовой высоте и против занятой еще неприятелем горы на правом берегу реки Черной, равно как по неприятельским войскам, собравшимся возле Чоргунского моста. Превосходное действие этой батареи и наших стрелков принудило неприятеля отодвинуться от этого моста. В то же время артиллерия колонны гене-

un-matras de fer, lorsque, sur le point d'être percé, avait sa main sur le bras d'un soldat, et lui dit: «

Тоже пропаганда «вечной дружбы» между союзниками. Французский рисунок 1855 г.

³¹⁴ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 87

Французские солдаты на прокладке траншей под Севастополем. 1855 г.

рал-лейтенанта Бельгарда обратила свой ушаченный огонь на Гасфорта высоты».³¹⁵

Можно утверждать, что Липранди абсолютно переиграл союзников. Налицо маневр огнем (одна батарея вновь ведет огонь по нескольким целям), скоординированность действий войск (Бельгард переносит огонь своей артиллерии на новые цели), разумное введение в сражение пехотных подразделений (задействованы лишь один батальон и одна стрелковая рота). Маневрируя войсками, он создавал одновременно угрозу их флангам и тылу, а

атаками с фронта довершал предприятие. Хотя вся пехота Горчакова и действовала в расчлененных боевых порядках, у Липранди они применялись наиболее толково и согласованно. Более чем уверен, однако, увы, — в документах нет тому достаточного подтверждения, — что союзное командование в этот момент было почти готово отправить все или почти все резервы на этот участок. Но...

ОСТАНОВКА ЛИПРАНДИ

После того как «...войска корпуса левого фланга выполнили первую часть задачи, предписанной им по диспозиции, и остановились на занятых ими высотах в ожидании дальнейших приказаний главнокомандующего на отнятой у неприятеля позиции на Телеграфной и Чоргунской высотах»,³¹⁶ волею Горчакова началось твориться то, что не поддавалось никакой логике и в конечном итоге обернулось крахом. Не могу не согласиться с мнением севастопольского военного историка В. Матвеева, потому и привожу его полностью:

«Казалось, выявлено слабое место в обороне союзников и необходимо здесь срочно развивать успех. Неожиданное изменение направления главного удара русских сил на сильно укрепленные французами Федюхины высоты, при уже наметившемся успехе в ходе наступления на более слабые пьемонтские позиции и снятие оттуда наступающих сил, предопределило неудачу русской стороны в этом сражении.

О лучшем «подарке» от главнокомандующего русской армии в Крыму Горчакова сардинцы не могли мечтать даже в самых приятных крымских снах. Перенацеливание основного удара русских войск на более сильные и хорошо укрепленные позиции французов привело в итоге к проигрышу русскими сражения и дало благоприятный шанс пьемонтцам в дальнейшем успешно реабилитироваться за утреннюю сдачу своих передовых укреплений. Этот успех (не столько пьемонтцев, сколько французов) в послевоенной перспективе, по мнению сардинцев, открыл «новый славный поворот в сложном и нелегком пути к объединению и возрождению всей Италии и итальянской нации».³¹⁷

³¹⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 275

³¹⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 275

³¹⁷ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 73

В подтверждение своих слов автор очень удачно приводит выводы, сделанные американским военным наблюдателем в Крыму капитаном МакКлеелланом, в которых тот проводит параллель между перенацеливанием главного удара и поражением русских войск: «В сражении на речке Черной главные усилия русских были направлены на два пункта: на Федюхины высоты, занятые французами, и на возвышенности между этими высотами и селом Карловка, прямо против Чоргуна, занятые сардинцами.

Взгляд на карту объясняет правильность этой атаки: если бы один из этих пунктов пал, другой не смог бы устоять далее, и если бы русские вслед за тем приняли какие-либо деятельные меры, то последствием этого было бы снятие осады. Русские объясняют свою неудачу тем, что один из генералов нарушил данную ему инструкцию, но из приведенного описания местности делается почти очевидным, что единственная причина поражения русских заключалась в природной крепости атакованной позиции, соединенной с мужеством защитников. В храбрости же и стремительности со стороны русских недостатка не было».³¹⁸

Кстати, МакКлееллан, будучи генералом и командующим армией Потوماка во время Гражданской войны в США 1861–1864 гг., в сражениях при Шайло и Энтитеме (1862 г.), попытался применить опыт Чернореченского сражения. Ошибки Горчакова были учтены. Но исполнение оказалось не лучшим. Он обрушился на один из флангов конфедеральных войск после имитации наступления на другом. И хотя ему удалось сокрушить оборону противника, общие потери были таковыми, что стоили ему должности.

Подводя итог действиям левого фланга русской армии, Тотлебен говорит, что «...войска корпуса левого фланга выполнили первую часть задачи, предписанной им по диспозиции, и остановились на занятых ими высотах в ожидании дальнейших приказаний главнокомандующего на отнятой у неприятеля позиции на Телеграфной и Чоргунской высотах».³¹⁹

Вскоре, казалось бы удачно начавшееся предприятие, принимает совершенно иной оборот. После известных событий на правом фланге, о которых будет сказано несколько ниже, по приказу Горчакова Липранди прекращает движение и останавливается. 5-я пехотная дивизия, уже двигавшаяся по направлению к горе Гасфорта меняет направление и уходит в сторону Федюхиных высот. Хотя 17-я дивизия продолжает попытки овладеть следующей линией сардинцев, они уже не отличаются прежним напором и начинают затухать, переходя в перестрелки. Садинцы быстро закрепились на второй линии и отсюда они легко уходить не собирались. Именно в это время военная удача в виде приказа русского главнокомандующего показала им свое лицо. Для русских она повернулась иной частью тела...

«Таким образом, возник новый очаг сопротивления. Но эта вторая наша линия обороны русскими была атакована уже не с таким порывом, как первая. В это время основные силы противника уже устремились на французские позиции, как гроза, которая после нескольких капель дождя в долину, вдруг обрушивается на соседнюю».³²⁰

Уже после окончания Крымской войны Павел Петрович Липранди «...приписывал неудачу в предприятии двум самым простым причинам. Первая заключалась в том, что в диспозиции, показанной вчера начальникам колонн, было сказано, что генерал

³¹⁸ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 75

³¹⁹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 275

³²⁰ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 80

Липранди, заняв Телеграфную гору, тотчас же переправится и атакует Гасфортову гору; но в диспозиции присланной для руководства, было прибавлено, что он, после занятия Телеграфной горы, должен ожидать прибытия главнокомандующего». ³²¹ Горчаков действительно прибыл туда, «...но время было упущено». ³²²

Эту приписку в диспозиции Липранди относил на счет начальника штаба главнокомандующего и считал, что «вмешательство третьего лица все испортило». ³²³ Французы добавили к мнению Липранди свое. Они считают, что неудача на Черной речке обусловлена отсутствием согласованности в действиях генералов Реада и Липранди. ³²⁴

Сардинцы быстро почувствовали внезапное ослабление давления со стороны русских. Очень быстро они начали наращивать свои силы: «...на место боя уже выдвинулась вся 4-я пехотная бригада генерал-майора Родольфо ди Монтевеккьо, с ней 13-я артиллерийская батарея капитана Рикотти Чезаре, которая с передового контрфорса горы Гасфорт открыла огонь по противнику. Тогда командир 2-й дивизии, генерал-лейтенант Алессандро Тротти, для возвращения уступленной русским первой траншеи определил три батальона: 9-й – майора Стефано Дуранди, 10-й – майора Луиджи Каstellи и 15-й – майора Витторио Валакка. Впереди наступали 10-й батальон с 4-й ротой 5-го батальона берсальеров (которой командовал Томмазо Гарроне)». ³²⁵

Пришло время и левому флангу русских расплачиваться за нереализованный успех. Но до этого на поле сражения произошел целый ряд событий, повернувших его ход в иное русло.

³²¹ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 331–332

³²² Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 331

³²³ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный сборник, № 8, 1871 г., С. 332

³²⁴ De Navacelle, Fabre.H., *Precis des Guerres de la France de 1848 a 1885*, Paris, 1890, P. 110

³²⁵ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 80

ДЕЙСТВИЯ 12-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

*«Имея отвагу, можно предпринять что угодно,
но нельзя сделать что угодно»*

Наполеон Бонапарт

НАЧАЛО ДРАМЫ

Приняв решение об атаке Федюхиных высот, «придавшей сражению при Черной речке совершенно неожиданный оборот»³²⁶ генерал Реад выстроил войска 7-й и 12-й дивизий в боевой порядок перед восточными склонами. Правильнее будет вести речь лишь о 12-й дивизии. 7-я пехотная дивизия генерала Ушакова запаздывала с началом атаки и в дальнейшем наступала на северной оконечности фланга самостоятельно.

Перестроение полков дивизии к атаке началось в тот момент, когда завязался бой на Телеграфной горе. «... Во время описанного здесь боя войска ... начали выстраиваться на походе в боевой порядок; первая линия состояла из ротных колонн. 12-я пехотная дивизия следовала по большой дороге к Тактирному мосту, а 7-я пехотная дивизия двигалась правее, к находящемуся ниже моста броду».³²⁷

После прекращения огня артиллерии обе дивизии двинулись вперед. Боевой порядок 12-й пехотной дивизии генерала Мартинау был назначен с выделением значительного числа стрелков, за их линией двигался Одесский егерский полк в ротных колоннах, во второй линии — Азовский и Украинский полки в колоннах «к атаке». Вот откуда столь удивившие французов массы стрелков, столь не типичные до этого времени для тактики русской пехоты.

Атака дивизии могла и не состояться, и вообще, только недоразумение развернуло события в драматическую сторону. Генерал Хрущев вспоминал, что «...впоследствии генерал-адъютант Коцебу сказал, что он в эти минуты послал по поручению главнокомандующего полковника Вонтана к Бельгарду с приказанием атаковать Гасфортову гору; но как только Вонтан поехал, 12-я дивизия двинулась в атаку против Федюхиных высот. Это крайне удивило главнокомандующего и он, считая невозможным атаковать в одно и тоже время два пункта неприятельской позиции, вернул Вонтана».³²⁸

³²⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 277

³²⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 277

³²⁸ История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888 г. С. 128

АТАКА ОДЕССКОГО ПОЛКА

Полковник Скюдери с Одесским полком быстро перешел Черную и вслед за отходившими пехотинцами противника перешел канал. Для одесцев это была привычная работа. Нечто подобное им уже пришлось делать в сражении при Четати 25 декабря 1853 г. Уже тогда стало ясно, что в огромных потерях, которые несла русская пехота, при минимальных успехах достигаемых ею, виноваты были не только командиры, но и «...вся школа тех годов, в своем ослеплении плацпарадными тонкостями незаметно подготавливавшая весь ужас Альмы, Инкермана и Черной речки». ³²⁹ Единственным утешением было то, что все это с лихвой искупалось «...удивительным мужеством и стойкостью удивительных войск». ³³⁰ Шли в бой 4 августа 1855 г. офицеры и солдаты Одесского полка с плохими предчувствиями. Уже на Дунайском театре они начали задумываться над причинами поражений. «А те, кто задумывался, были правы. Ибо уже надвигалась Альма, уже слышался запах Инкерманской крови, уже реяли тени погибавших на Черной речке...». ³³¹

Полковник Святополк-Мирский с началом рассвета услышал ружейную стрельбу слева. «Это было начало атаки Сардинской позиции на Гасфортовой горе. Нас двинули вперед». ³³² Одесский егерский полк начал перестраиваться для атаки. Стрелковую цепь составили две роты 2-го стрелкового батальона и все солдаты полка, имевшие нарезные ружья и штуцера. «Сколько мне помнится, таких людей было по десяти человек в роте». ³³³ Первую линию составил 4-й батальон «...в ротных колоннах в одну линию, — имея в интервалах рот артиллерию». ³³⁴ Три батальона следовали за ними в колоннах к атаке. Приблизившись к реке, «...артиллерия снялась с передков и открыла пальбу, — цепь наша тоже начала стрелять». ³³⁵

Положительно, что в первой фазе сражения артиллерия находилась там, где ей предписывал боевой порядок — в интервалах рот первой линии. Пятнадцать минут перестрелки продолжались без особого результата, хотя отдельные снаряды добавляли суматохи, попадая в расположение французских войск. Дальнейшие события начали развиваться стремительнее и драматичнее.

«Вдруг кто-то подъехал к полку и пискливым неприятным голосом, столь дурно влияющим во время боя, закричал: „Одесскому полку занимать мостовое укрепление“. Полковник Скюдери вышел вперед и внятно, спокойно скомандовал: „Батальоны вперед, дирекция на середину, — скорым шагом, марш“. Увы, это было последнее приказание и последние командные слова, которые мне дове-

³²⁹ Симанский П. Бой при Четати 1853—25 декабря — 1903 // Военный сборник, № 1, СПб., 1904 г., С. 56

³³⁰ Симанский П. Бой при Четати 1853—25 декабря — 1903 // Военный сборник, № 1, СПб., 1904 г., С. 56

³³¹ Симанский П. Бой при Четати 1853—25 декабря — 1903 // Военный сборник, № 1, СПб., 1904 г., С. 60

³³² Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 392

³³³ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 392

³³⁴ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 392

³³⁵ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 392

лось слышать в этот день. Батальоны двинулись бодро, быстро, ровно в ногу, как один человек».³³⁶

Стремительность натиска русской пехоты в этот день отмечали все, даже явные русофобы. Так в статье «Сражение на Черной», Энгельс отмечал, что «...русские продвигались через водопроводный канал и вверх по склону высоты с невиданной для них быстротой и воодушевлением». Похоже, это был последний волевой порыв российских солдат в этой войне, когда каждый из них считал, что если с ними Бог, то какая разница сколько врагов против: «Полки 12-й пехотной дивизии, имея впереди Одесский егерский полк, быстро двинулись в атаку; храбрые одесцы, предводительствуемые командиром полка полковником Скюдери, кинулись бегом на мостовое укрепление...».³³⁷

У Святополк-Мирского уточняется, что движение было все-таки не бегом, а шагом, но общий эмоциональный порыв констатируется точно. Князь весьма удачно подметил, что «...неприятель, кажется, только ждал этой минуты. С фронта, справа, слева, сверху, снизу, с близких неприятельских позиций и с самых отдаленных, посылались на нас снаряды всех форм и названий, — казалось, что нет свободного от них места и возможности кому-нибудь из наступающих спастись от истребления».³³⁸ Это вступила в дело батарея де Сайли. Пехотинцы французов разошлись в стороны, расчистив для нее сектора обстрела.

Однако находившуюся в состоянии боевого возбуждения русскую пехоту не так просто было остановить. Общее настроение солдатской массы овладело самим Мирским, очень эмоционально описавшим свое состояние в этот момент: «Батальоны наши, сохраняя шаг и равнение, продолжали двигаться вперед. Я оглянулся на своих людей, — они наступали мне на пятки, все глаза встретились с моими, в них блистал огонь отваги и геройского воодушевления, — это была поистине живая стена, сверкающая штыками. Казалось, нет силы и преграды, которых мы бы не могли преодолеть, — и действительно, колонну русских войск, хорошо настроенную, можно остановить только ее истреблением».³³⁹

Но сильнейший огонь французов оказался отрезвляющим. Первыми почувствовали это на себе стрелки. Они прекратили движение и залегли: «...впереди нас лежали какие-то разбросанные люди, — это были солдаты нашей передовой цепи. Я попытался мимоходом двинуть их вперед, — они мне отвечали как-то нерешительно: „Мы раненые“ и остались на месте».³⁴⁰

Сказывался менталитет русского солдата. С переходом к тактике стрелковых цепей бойцу приходилось действовать в значительной мере изолированно от товарищей и что самое непривычное — от командиров, всегда ранее находившихся рядом. В первый этап переходного периода, пришедшийся как раз на севастопольскую кам-

³³⁶ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 392–393

³³⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена. Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 277–278

³³⁸ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 393

³³⁹ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 393

³⁴⁰ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 393

панию, сказывалась имевшая место малая инициативность русского пехотинца, приученного все и всегда делать по команде. Приученная к парадным перестроениям русская пехота не могла быстро перестроиться для новых принципов тактики боя: «...сомкнутые части, даже ротные колонны, невозможны без громадных потерь; в рассыпном строю войска ускользают из рук начальников, и потому чем больше будут развиты и подготовлены нижние чины, тем с большею надеждою на успех будут они в состоянии преодолевать трудности боя. Что сколочено для наружного вида, то никогда не имело значения, теперь же в особенности; все это разлетится при первом хорошем огне».³⁴¹

Остановила движение первая линия полка — 4-й батальон. Очевидно, одним из первых выстрелов командир батальона был убит, а оставшиеся без общего управления роты даже не помышляли о продолжении движения вперед. Порядок был потерян. Святополк-Мирский говорит, что они не перешли линии артиллерийских батарей. Остальные батальоны, продвигаясь к реке, оставили позади и их, и стрелковую цепь.

Предмостное укрепление было взято без какого-либо существенного сопротивления, с расстояния 100–200 шагов Одесский полк ускорил движение и батальон князя Мирского ворвался в него: «Мною овладело необыкновенное воодушевление, по всем жилам пробежала искра, — сердце рвалось из груди, и как будто поднимало меня от земли, — я бросился с криком „ура“ вперед, — наткнулся на рогатку, с помощью барабанного старосты отбросил ее в сторону и вскочил в редут. Батальон не отставал».³⁴²

Еще одно отличие Чернореченского от других сражений Крымской войны: если при Альме во время боев русские командиры, вплоть до батальонных, гордо красовались верхом, то к августу 1855 г. стрелки противника вынудили их в бою находиться пешими. Бессмысленное гарцевание перед строем в значительной мере уменьшало шансы офицеров выйти из боя невредимыми. Да и условия местности в этот день более подходили нахождению в пешем строю.

Бой у моста был коротким. Частью переколов, частью пленив не успевших оставить позицию французских солдат, одесцы не задерживаясь рванулись к реке. Французы не дрались и не собирались насмерть драться, отстаивая укрепление. Это в их планы не входило: «...неприятельские колонны бросились на мост, подобно горным лавинам. При помощи лестниц и переносных мостков они перешли Черную под защитой огня своей артиллерии и прикрытием густого утреннего тумана. Защищать этот рубеж, атакуемый по всему протяжению берега, было невозможно. Обороняющиеся свернулись и в хорошем порядке отошли, чтобы затем атаковать с более выгодной позиции».³⁴³

Понимая, что удержать противника не сможет, генерал Фальи дал команду на отступление, которое прикрыла огнем артиллерия. Базанкур недаром восхищается Фальи, для которого день сражения на Черной речке стал «блестящей страницей всей его службы».³⁴⁴

³⁴¹ Зедделер, флигель-адъютант, Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя // Военный сборник, № 7, 1872 г., СПб., С. 55–56

³⁴² Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 394

³⁴³ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 389

³⁴⁴ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 388–389

Французские артиллеристы, прикрывавшие свою пехоту, не имели права сниматься с позиций пока не обеспечат её отход, пусть даже ценой собственных жизней. Затем, сделав последний картечный выстрел в подходящую линию противника, им оставалось одно — бросить орудия и спасать себя бегством. В этом случае линейная пехота и стрелки благополучно сохраняли личный состав и построение, а русская пехота, наоборот, теряла и людей, и строй и, естественно, управление.

Наступление продолжалось. Тотлебен: «Овладев предместным укреплением и перейдя р. Черную частью по мосту, частью же вброд, глубиною до плеч, войска 12-й дивизии быстро продолжали преследование неприятеля, пользуясь при этом отчасти переносными мостиками, накинутыми через водопровод.

Цепь стрелков и часть 3-го и 4-го батальонов Одесского полка успели скорее прочих перейти канал и лихо взобрались под огнем картечи на первый уступ средней Федюхиной высоты. Пробежав укрепление, сооруженное из земляных мешков, они бросились на французскую батарею, отстоявшую от реки около 250 шагов; она была захвачена этою атакою совершенно врасплох: лошади не были запряжены и часть зарядных ящиков лежала на земле».³⁴⁵

Поправим Тотлебена. Одесский егерский полк уже никак не мог атаковать стрелками. Все что было разомкнуто, осталось сзади. Стрелки, рассыпанные в цепь, продолжали лежать, 4-й батальон, потерявший командира, остался во второй линии. В первую линию перешли «коробки» трех остальных батальонов в строю «к атаке», а что может быть лучшей мишенью для стрелков, чем сомкнутая масса пехоты. Неудивительно, что французские артиллеристы почти сразу после перехода русскими Черной перешли на картечные выстрелы. А незапряженные лошади — это лишнее свидетельство, что артиллеристы не собирались сниматься с позиций орудия. Оставленные в целостности и сохранности после отступления русских пушки стали для них приятным сюрпризом. Я думаю, что командование артиллерией списало их как уничтоженные уже во время первой атаки. Но, увы, к несчастью для Реада, эти орудия еще постреляли...

Это еще одна болезнь русской пехоты во время Крымской войны — стремиться сохранить в целостности захваченные у врага орудия. В результате, уже побывавшие в ее руках французские пушки (а они были взяты, о чем свидетельствуют и русские и французские очевидцы), почему-то не были уничтожены (приведены в негодность).

Этой, самой несчастной батареей, по позициям которой в ходе всего сражения по нескольку раз, разгоняя артиллеристов, пробегали русские и французские пехотин-

Генерал и офицер зуавов в траншее под Севастополем. 1854 г.

³⁴⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 278

Французская пехота под Севастополем. 1855 г.

цы (только каждый в свою сторону), была 6-я батарея 13-го артиллерийского капитана де Сайли, прикрывавшая предместное укрепление. В начале сражения Сайли отправил второго офицера батареи, двадцатилетнего лейтенанта Савари, с тремя орудиями к Трактирному мосту, а сам остался с тремя другими на основной позиции. Эта перестановка дала возможность батарее эффективно поражать наступающую русскую пехоту.

Несмотря на сильный обстрел, артиллеристы Сайли выстояли и сразу после начала атаки заняли места у орудий. Первой в дело пошла картечь. Все русские участники упоминают этот тип боеприпасов, никто из них не говорит о разрывах гранат. Остановить наседающих русских егерей не удалось. Пули русских пехотинцев валили то одного, то другого французского артиллериста. Командир — капитан де Сайли был ранен пулей, лейтенант Савари потерял ногу. Его еле успели вынести из огня. Среди солдат и сержантов было 13 убитых и 22 раненых — практически весь личный состав батареи, находившийся на позиции. 30 лошадей были или убиты или уведены русскими.

Давайте сейчас еще раз вернемся к поведению русских пехотинцев на захваченной французской батарее. Слишком уж серьезными оказались последствия. Итак, батарея взята. Это факт, который подтверждают все источники. Чтобы обезопасить себя, нужно вывести из строя орудия: заклепать, разрушить лафеты и колеса. Сделать хотя бы это, если нет возможности увезти. Увы. Возможно, русские офицеры уже видели в орудиях трофеи и стремились сохранить их целыми. Многие зарубежные историки указывают на факт, что русские солдаты не выводили из строя (если не было инструмента для заклепывания, то хотя бы, как мы уже говорили, ломая лафеты и колеса,) или не увозили с позиций орудия противника, — как на одну из ошибок

русских командиров. Это позволило разбежавшимся французским артиллеристам через некоторое время снова возвратиться к орудиям и открыть огонь. В результате, как только орудийные расчеты, вернее — их остатки собирались у пушек, батареи вновь оживали.

Одесский полк дошел до батареи. Но не весь: 4-й батальон и стрелки не спешили даже врываться в предмостное укрепление. Судя по тому что командир полка был вскоре убит — они вообще не переходили через Черную.

Остальные три батальона под сильнейшим огнем перемешав порядок, начали терять организованность. Еще одна деталь, имеющая непосредственное отношение к причинам поражения на Черной речке — это недооценка значения морального фактора. Главное мы уже поняли — войска не были настроены на победу, правда это касалось больше офицеров, у солдат мотивация была приземленнее и потому надежнее. Традиционно усиливающие силу духа элементы игнорировались полностью. Наверное это было единственное, или по крайней мере одно из немногих сражений, в котором русский солдат сражался не под развевающимися знаменами. Притом что знамена в императорской армии «...играли не только роль объединяющего символа, но и очень важную воспитательную роль в жизни армии. Знамя всегда было важнейшим символом подразделения любой армии».³⁴⁶ Для русского солдата наличие расчехленного знамени в строю имело не столь символический, сколько религиозный смысл. Военный историк Ф. Ф. Орлов писал: «В русском народе с давних пор существует почитание военных знамен как святыни. При встрече со знаменем какого-либо полка многие снимают шапки, «осеняет себя крестным знаменем православный народ»... Что означает «стоять или умереть за знамя», у нас все отлично знают и понимают, кто и не был на военной службе».³⁴⁷

Часто повторяемые сегодня слова «Вера, Царь, Отечество» были для солдат николаевской эпохи не простыми пафосными понятиями, и тем более не пустым звуком, а заключали в себе смысл, который сегодняшнему поколению понять не всегда легко. Полковое знамя, полковой мундир и благоговейное отношение к ним «...было порождено иным складом ума чем у нас с вами, иной ментальностью — той, при которой эстетическая сторона действительности играла бóльшую роль, нежели в наш утилитарный век. Конечно, все перечисленные детали выполняли и чисто практические задачи: знамена являлись символом страны и призваны были не дать растеряться войсковым частям; музыка поддерживала темп и увлекала войско за собой; яркие цвета формы помогали — при удачном стечении обстоятельств — отличить друга от врага, однако им отводилась и определенная дисциплинирующая роль...».³⁴⁸

Знамя, мундир — все это носило на себе отпечаток почитания всеми категориями военных всех армий, которое усугублялось еще и тем, что в сражении «...шелк знамен заляпывался ошметками мозгов и плоти, а красивые форменные штаны пропитывались кровью и испражнениями».³⁴⁹

В нашей армии знамя действительно всегда относилось к предметам святым и отношение к нему у очень религиозного русского солдата было соответствующим. В 1868 г. генерал М. И. Драгомиров говорил: «...Кусок материи, ...сохранение кото-

³⁴⁶ Шевяков Т., Пархаев О. Знамена и штандарты российской императорской армии конца XIX — начала XX в. М., 2002 г. С. 3

³⁴⁷ Шевяков Т., Пархаев О. Знамена и штандарты российской императорской армии конца XIX — начала XX в. М., 2002 г. С. 3–4

³⁴⁸ Энглунд Петер. Полтава. Рассказ о гибели одной армии, М., 1995 г., С. 158–159

³⁴⁹ Энглунд, Петер. Полтава. Рассказ о гибели одной армии, М., 1995 г., С. 159

рого стоило жизни сотням, а может и тысячам людей, входившим в состав полка в продолжение его векового существования, ...такой кусок материи есть святыня — не условная военная святыня только, но святыня в прямом и непосредственном значении этого слова».³⁵⁰

И вот наступает день, когда с вечера одевший все чистое и с утра помолившийся Богу за спасение своей души солдат становится в строй — место для него святое. В строю он жил, в строю он готов принять смерть. По привычке посмотрев в центр, он вдруг не замечает привычного — нет знамени (вариант — оно в чехле). Это примерно как зайдя в церковь, вы обнаруживаете, что нет икон, а батюшка вам поясняет, что их спрятали от воров, на всякий случай. Но вы-то можете пойти из храма. А солдат никуда не может уйти, более того, он знает, что в любую минуту душа его вознесется на небеса.

Такое наплевательское отношение к знамёнам со стороны командования сохранялось всю Крымскую войну — от ее до начала до самого конца. Причем именно в конце оно приняло самые ненормальные формы. Выйдя на Альму с зачехленными знаменами, на Черной оказались совсем без них. Подтверждение тому — воспоминания командира батальона Одесского егерского полка князя Святополк-Мирского, в которых он с горечью констатирует, что его солдаты сражались при Черной речке в августе 1855 г. без знамени, которое было оставлено, «...как и знамена других частей, на северной стороне или Николаевской батарее».³⁵¹

До какой степени можно было не знать своего солдата, не понимать его душу, не любить и не уважать его, чтобы отправить на смерть без привычного знамени? Увы, во время Крымской войны подобная практика не была явлением исключительным.

Напротив, в противостоящей французской армии в это же время существовал так называемый «культ знамени».³⁵² В полках союзников никто даже не мог представить, что можно бросить пехоту в сражение и лишить ее возможности идти в бой, не слыша привычного шороха ткани и не видя его развевающимся над строем.

В схожей с одесцами ситуации оказался атаковавший восточную высоту Азовский полк. Перебравшись через реку и канал, его солдаты попали под жестокий огонь артиллерии и стрелков неприятеля: «...прочие войска 12-й пехотной дивизии действовали с неменьшим успехом против восточной высоты Федюхиных гор; Азовский пехотный полк отеснил также и здесь неприятеля. Но, к сожалению, ни мужество, ни геройское самоотвержение наших храбрых войск, возбудивших удивление даже в самом противнике, не послужили к удержанию за нами отбитых выступов Федюхиных высот: они были подавлены превосходством сил неприятеля, имевшего, кроме того, на своей стороне все выгоды местности и стрельбы».³⁵³

Азовцы действительно вышли почти к вершине высоты, но здесь их встретил ружейный огонь такой силы, который не оставил им никаких шансов.

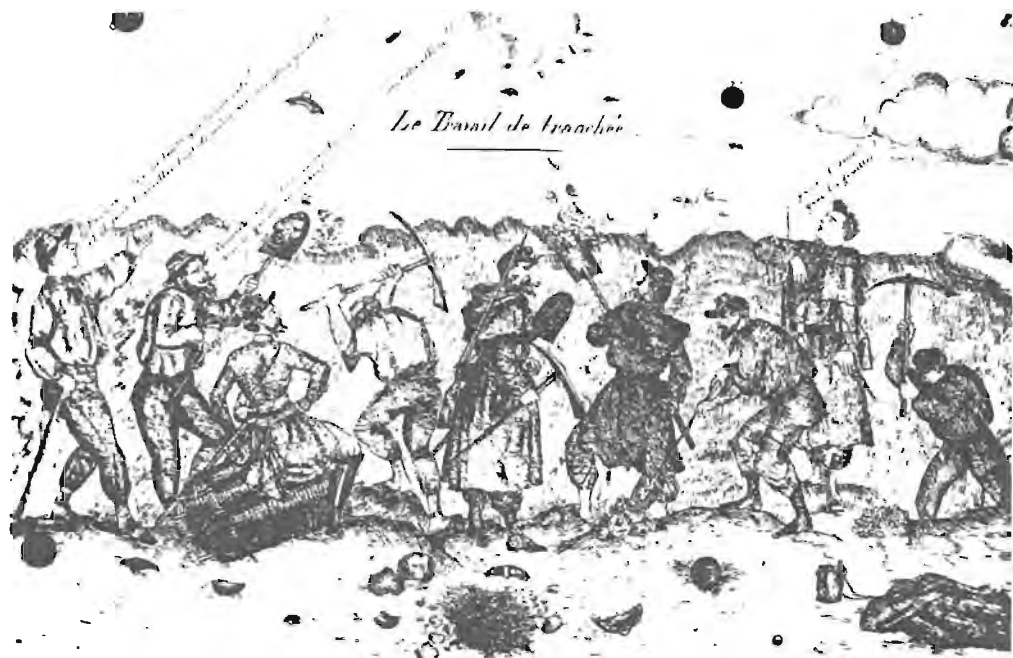
Пользуясь местностью, зуавы 2-го полка и солдаты 95-го линейного полка бригады генерала Фальи, перейдя на западный берег водопроводного канала, быстро перестроились на скатах высот и открыли ураганный огонь по подходившим одесцам, до

³⁵⁰ Шевяков Т., Пархаев О. Знамена и штандарты российской императорской армии конца XIX — начала XX в. М., 2002 г. С. 5

³⁵¹ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 394

³⁵² Romain, Charles-Armaund, capitain, Pour nos Soldats: essai d'Education morale, Paris, Nancy, 1906, P. 77–78

³⁵³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 278

Французские солдаты на прокладке траншеи под Севастополем. 1855 г.

которых оставалось не более 300 шагов. Вскоре к французам подошел 50-й линейный полк, отправленный Вимпфеном на усиление войск Фальи: «Генерал Фальи, находившийся в этом месте со своей бригадой, насчитывавшей не более двенадцати сотен человек, стал героем дня. Стремительно атакованный шестью тысячами солдат и находясь под огнем многочисленной артиллерии, он понял, что не сможет удержаться на реке, переходимой вброд по всей округе, и отошел на возвышенности за хребет, защищавший его от артиллерийского огня. Там он смело дождался русских, наступавших большими стрелковыми отрядами, встретил их густым огнем, затем ударил в штыки и отбросил их за мост, пока наша артиллерия, размещенная на хребте и у подножия холмов... ужасно обстреливала их картечью».³⁵⁴

С самого начала сражения французы использовали один и тот же прием, который и помог им выйти из сражения победителями. Полк Дарбуа, который к началу сражения насчитывал в строю лишь 1200 из штатных 3000 человек, как привидение вырос перед русскими линиями. Сам полковник постоянно находился среди своих солдат. Даже будучи раненым, он продолжал размахивать своей саблей с надетым на нее кепи, собирая рассеявшихся солдат.³⁵⁵

Это его увидел Святополк-Мирский, когда из полосы дыма навстречу его солдатам начал движение французский батальон. Верные своей тактике не сближаться, но и не отпускать неприятеля более чем на ружейный выстрел, французы не стали дово-

³⁵⁴ Орехов В. И. Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазыном // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 137

³⁵⁵ Laurencin, Paul, Nos zouaves, Paris, 1888, P. 114

дить дело до рукопашной, совершенно сейчас бессмысленной, а «...рассыпали цепь, которая тотчас же открыла пальбу».³⁵⁶

Ничего нового, кроме хорошо забытого и потому эффективного, старого французского не делали. Просто им, как было отмечено Энгельсом, на Черной речке удалось рационально использовать опыт тактики предыдущих войн применительно к местным условиям: «Решающие успехи, столь легко доставшиеся французам при отражении нападения русских колонн, когда последние уже взобрались на высоты, объясняются применением тактики, которой до этого они редко придерживались. Французам очевидно обучились такому способу ведения боя у англичан — мастеров этого дела. При обороне цепи холмов весьма выгодно размещать войска непосредственно за гребнем, где они полностью укрыты, и, развернув их в линию, ждать появления вражеских колонн. Как только головная часть колонн появляется на гребне, линия обороняющихся войск дает по ним залп, на который ответить могут лишь несколько ружей, а затем бросается в штыковую атаку в лоб и с флангов. Англичане применяли такую тактику и всегда успешно при Бусаку, Памплоне, Ватерлоо и других сражениях. Между тем, в армиях континентальной Европы совершенно видимо забыли об этом весьма надежном способе обороны высот. В учебниках по тактике эти приемы фигурируют, однако на практике их вытеснило пристрастие к колоннам, прикрываемым цепью стрелков. Французам достойны особой похвалы за то, что они переняли у своих прежних противников этот простой и эффективный маневр. Если бы они выстроились в колонны, у русских, несомненно, было бы больше преимуществ, и они возможно выиграли бы сражение. Но при сложившихся обстоятельствах огонь развернутой в линию пехоты, действующей против неприятеля, дезорганизованного убийственным огнем артиллерии и уставшего от подъема на крутую гору, оказался сокрушительным, а энергичной штыковой атакой было достаточно, чтобы отбросить назад колонны, боевой дух которых был сломлен еще до того, как на них обрушилась сверкающая сталь штыков».³⁵⁷

Одесцы сразу понесли большие потери: «...люди ... батальона были вооружены гладкоствольными ружьями, число их уменьшилось до такой степени, что нельзя было и думать о правильной высылке частей в цепь».³⁵⁸

Избранная французами тактика гибкой обороны начала срабатывать. Особенно удачной получилась имитация отхода зуавов, когда после кратковременной защиты предместного укрепления 2-й зуавский полк по приказанию генерала Фальи «...имитировал отступление, которое обмануло русскую колонну, раздавленную металлом французских батарей».³⁵⁹ Русские продолжали углублять роковую ошибку, все быстрее приближая минуту расплаты за неосторожность. Они «...ободренные этим отходным движением, которое предвещало им призрачный успех», начали взбираться на склон по обеим сторонам оврага, где их ожидал неприятный сюрприз.³⁶⁰

³⁵⁶ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 396

³⁵⁷ Энгельс Ф. Сражение на Чёрной (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/11/113.htm>)

³⁵⁸ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 396

³⁵⁹ Laurencin, Paul, Nos zouaves, Paris, 1888, P. 119

³⁶⁰ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol — Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 389–390

Азовцы, как и до них одесцы, были на склонах, взяли батарею и несколько укреплений. Командирам, оставшимся еще в живых, хоть и с трудом, но удалось заново образовать нормальное построение ротных колонн. Если и не столь правильное, как на учебном плацу, то вполне достаточное, чтобы командиры могли управлять своими солдатами. Еще несколько минут — и на эмоциональном подъеме русские пехотинцы взойшли почти на гребень высот. Там и случилось то, что должно было произойти — французская артиллерия, отправленная из резерва, плюс огонь уже поджидавших стрелков, — начали сметать пехоту 12-й дивизии с Федюхиных высот.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ ФРАНЦУЗСКИХ БАТАРЕЙ

Но пока резервы французов только начали выдвижение, включилась в дело 3-я батарея 12-го артиллерийского полка. Она была расположена восточнее батареи Сайли и обстреливала своим огнем последовательно Одесский, Азовский полки, потом и другие сменявшие их русские части. Командир этой батареи, капитан Вотре, занял свою позицию с началом атаки русской пехоты. Задачей батареи был обстрел моста и предмостного укрепления в случае их атаки и занятия русскими. Как и де Сайли, он разделил батарею на две части, одной из которых командовал лейтенант Борель. Его орудия оказались под ударом атакующей их в лоб русской пехоты. Первыми выстрелами, которые сделали орудия Бореля — тоже была картечь. Огонь велся до последней возможности. Увести орудия с позиции французы уже не могли, даже если бы захотели — конский состав был перебит полностью. Настойчивость же русской пехоты, продолжавшей, несмотря на потери, карабкаться по склону, потрясала французов. Им не оставалось ничего другого, как принять бой. Капитан Вотре попытался помочь Борелю, приведя к нему на батарею своих людей, но в итоге им самим пришлось отступить. Его артиллеристы пытались на руках вытащить орудия, но спасти их удалось лишь благодаря подошедшей пехоте.

И русским досталось сильно: «Мы понесли при этом огромные потери. Здесь смертельно ранен командир Одесского полка полковник Скюдери, убита и ранена большая часть офицеров и солдат».³⁶¹ Часто говорят, что Скюдери вынесли с поля боя исколотого штыками и четырьмя огнестрельными ранами. На деле у командира полка было две раны, вероятно картечные, от которых он вскоре умер.

Вторая половина орудий Вотре оказалась вне линии наступления русских и своим огнем по флангу просто выкашивала русскую пехоту. Пока русские поняли, откуда исходит смертельный ливень, много солдат Одесского полка было или ранено или убито.

Французская батарея потеряла из 95 человек личного состава 3-х убитыми и 23-х ранеными, в том числе обоих офицеров. В короткое время ее орудия сделали 375 выстрелов, в основном картечью, шрапнелью и гранатами. За свою стойкость 11 солдат и сержантов были награждены Военной медалью. Вотре и Борель стали кавалерами ордена Почетного Легиона. Свою задачу батарея выполнила. К тому времени когда она перестала существовать как полнокровная боевая единица, подошли орудия резерва, отправленные полковником Форже — еще одним героем Чернореченского сражения.

³⁶¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 278

Затем огонь открыли две доселе молчавшие, батареи, занявшие позиции «...с тыльной стороны оврага, ... чтобы быть большей частью укрытой от русской артиллерии».³⁶² Это и были те самые батареи артиллерийского резерва, которыми полковник Форже усилил оборону. Их появление оказалось своевременным. Некоторые французские историки считают, что именно они решили окончательно исход сражения в пользу союзников. Дав несколько залпов, французские артиллеристы, расстроив строй противника, перешли на картечь, готовя атаку пехоты. После обстрела фронта русских, артиллеристы перенесли огонь на фланги наступающей пехоты, предоставив остаток работы линейным полкам. «Рассчитывавший на легкий успех неприятель был встречен здесь всею дивизией Каму, стрелявшей в упор; после общего залпа эта дивизия ударила в штыки и отбросила русских под огонь нашей артиллерии, который преследовал их, нанося громадные потери, до противоположного берега реки».³⁶³

После батарей резерва, второй неприятный сюрприз для русских, о котором мы говорили выше, состоял из двух батальонов 73-го и одного батальона 62-го полка линейной пехоты, которые Клер выдвинул по приказу Эрбиляна. Этим он усилил оборону французов, состоявшую до того из отходивших от реки двух малочисленных батальонов 2-го зуавского полка и нескольких рот 19-го батальона стрелков, находившихся на пределе своих возможностей. К тому времени эти части потеряли почти 400 человек ранеными, убитыми и пленными. А их командиры — полковник Дарбуа и майор Алпи — лежали на земле смертельно раненые.³⁶⁴

Оставив в покое захваченные орудия, часть из которых пытались увезти с собой, остатки Одесского полка начали откатываться вниз по склону. Можно только предполагать, что случилось с поднявшейся на Федюхины высоты русской пехотой. Вероятнее всего нечто, подобное происшедшему на Альме с английским 23-м Уэльским фузилерным полком. Разница (но существенная) лишь в том, что в сентябре 1854 г. это был, скорее, русский экспромт, а в августе 1855 г. — хорошо спланированные французские действия. Уже торжествовавшие победу и уверовавшие в свой успех одесцы, очистив от противника захваченные укрепления, попали под удар нескольких (как минимум двух) батарей и были засыпаны картечью, густо перемешанной с ружейными пулями линейной пехоты и стрелков. Чтобы ни говорилось об эффективности артиллерийских выстрелов орудийных систем середины XIX в., шквал огня, открытого с небольшого расстояния, не превышающего 300–400 м, не смогла бы выдержать никакая регулярная пехота ни одной из европейских армий того времени. Об интенсивности огня говорит то, что, например, 3-й зуавский полк расстрелял почти все боеприпасы еще в первой фазе сражения.³⁶⁵

Ряды Одесского полка были уже расстроены, часть солдат гонялась за не успевшими уйти французами, часть ввязалась в эпизодические схватки, как например, солдаты прапорщика Лукина, бросившиеся отбивать французское знамя, а часть бойцов просто устремилась за трофеями, и вот тут-то воздействие сочетания неприятельского артиллерийского и ружейного огня возымело нужный результат. Стремительная

³⁶² Орехов В. И., Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 137

³⁶³ Орехов В. И., Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 137

³⁶⁴ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 390

³⁶⁵ Laurencin, Paul, Nos zouaves, Paris, 1888, P. 114

Перемирие между русскими и французскими солдатами на Чёрной реке.

атака русских, сравниваемая Базанкуром с горной лавиной, захлебнулась в собственной крови. Одним из первых павших с пулевой раной стал Святополк-Мирский. Его рассказ о сражении на Черной реке — одно из лучших дошедших до наших дней описаний этого трагического дня. Это малоэмоциональное, почти деловое повествование настоящего русского офицера, одного из тех, кто исполнял свой воинский долг, продемонстрировав верность своим нравственным принципам.

Поведение в сражении на Черной реке множества русских офицеров, какой бы критике оно не подвергалось как до, так и после Крымской войны, достойно памяти потомков. Но, увы, подобного я не могу сказать о подавляющем большинстве генералов, приведших войска — этот великолепный «человеческий материал» к подножию Федюхиных высот, где французская картечь в считанные часы переработала его в окровавленные груды еще недавно живой человеческой плоти.

«... Вряд ли стоит вспоминать всю несуразицу, нелепости, высказанные по адресу русского офицерского корпуса. Они диктовались вполне понятными соображениями. Весьма интересно, кстати, такое явление: если применительно к более давним временам о русском офицерстве (и о русской армии вообще) еще можно было говорить вполне уважительно, то чем ближе к 1917 г. — тем прохладнее следовало о нем отзываться. Воспевать подвиги героев 1812 г. можно было беспрепятственно, чуть меньшую популярность имела оборона Севастополя, еще реже (в основном по круглым датам) писали о героях Шипки и Плевны, почти не вспоминали о защитниках Порт-Артура, и надо было быть уж очень большим оригиналом, чтобы сказать доброе слово о сражавшихся на полях первой мировой войны».³⁶⁶

³⁶⁶ Волков, С. В. Русский офицерский корпус, М., 1993 г., С. 5

«...к сожалению, ни мужество, ни героическое самоотвержение наших храбрых войск, возбуждавших удивление даже в самом противнике, не послужили к удержанию за нами отбитых уступов Федюхиных высот: они были подавлены превосходством сил неприятеля, имевшего кроме того, на своей стороне все выгоды местности и стрельбы».³⁶⁷

К моменту, когда Одесский полк оставлял захваченную позицию, к французам наконец подошел 50-й линейный полк — опытное подразделение, закаленное в боях, уже успевшее отличиться своей стойкостью при Инкермане. К атаке приготовился и полковник Поле со своими зуавами, уже раненый в руку, но продолжавший оставаться в строю. Позже, за доблесть в сражении на Черной речке, Поле был назначен командиром только что сформированного гвардейского зуавского полка.

АТАКА УКРАИНСКОГО ПОЛКА

Атака французской пехоты произошла в тот момент, когда генерал Бельгард бросил последовательно на высоты два оставшихся полка дивизии: Азовский и Украинский. Об азовцах, двигавшихся немного впереди, мы уже говорили. Русская пехота двинулась вперед с таким же яростным порывом, как и уже усеявшие склоны высот одесцы. Но все завершилось быстро. На сей раз «виновницей» оказалась французская пехота.

Полк Поле «...встретил сначала батальонным огнем русские войска, наступавшие по средней Федюхиной высоте. Затем генерал Фальи ударил в штыки и вынудил расстроенные части 12-й пехотной дивизии податься назад; они отошли за реку, поддерживая перестрелку с неприятелем в ожидании прихода подкреплений, отправленных уже в это время главнокомандующим к месту боя. Метко направленный огонь двух французских батарей, расположенных на уступах Федюхиных высот, причинил нашим войскам большие потери».³⁶⁸ Это слова Тотлебена, он сказал коротко, но смысл в этом абзаце заложен большой. Попробую пояснить его. «Ударил в штыки» — значит не устроил свалку, сопряженную с битием прикладами по головам и протыканием животов, как могут себе представить романтические барышни со своим специфическим взглядом на реалии войны. До лязга стали дело доходило далеко не всегда. Свинец собирал значительно больший урожай. Командиры сами старались избегать рукопашной схватки. И дело было даже не в ужасе и возможных больших потерях. О числе убитых и раненых холодным оружием в сражении на Черной речке мы остановимся ниже. Но сейчас, когда речь идет о самом сражении, считаю необходимым сказать, что не только в середине XIX в., но и гораздо раньше, со второй половины XVII в., применение холодного оружия в бою было редкостью. Об этом можно говорить много и долго, но сейчас не стоит вдаваться в столь мелкие детали, хотя знать и понимать их необходимо. Для тех, кто хочет спорить, приведу лишь одно высказывание западноевропейского военного теоретика и историка Гриммельгаузена, произнесенное им в еще 1670 г.: «Тот, кто убьет пикинера, которого он мог бы пощадить, проливает кровь неповинную; пикинер сам никому не причинит вреда, разве — кто сам напорется на его пику». Посему не следует формировать мнение

³⁶⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 278

³⁶⁸ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 279

Завтрак под артиллерийским огнём. Французские войска в траншеях под Севастополем. 1856 г.

об облике сражений Крымской войны по итогам посещения музея-панорамы. Франц Рубо – великий художник, но если бы он попытался изобразить войну, как она есть, получилось бы как у Генри Клиффорда – грязно, кроваво и никакой высокопарной патетики. Разница в том, что от работы Рубо пахнет порохом и славой, а от рисунков Клиффорда – разлагающимся мясом.

Суть дела в том, что во время рукопашной схватки командир больше не контролирует свою часть и даже при одержанной победе войска должны быть оттянуты назад, чтобы перестроиться, и они на некоторое время потеряют боеспособность. В статье Пузыревского «Исследование боя», опубликованной в «Военном сборнике» в 1893 г. говорилось: «Подлинной сшибки никогда не бывает: моральное воздействие одного из противников непременно опрокинет другого – немного раньше, немного позднее, хотя бы на расстоянии длины носа; раньше первого сабельного удара одна из сторон уже разбита и обращена в бегство. Произойди действительная сшибка, обе стороны были бы уничтожены».

«Податься назад» означает, применительно к событиям на Черной, лишь то, что полк откатился на исходные позиции и вышел из боя, как правило, потеряв порядок и управление. Лучшее подтверждение можно будет обнаружить в следующей главе в описании действий 5-й дивизии. Участник сражения И. Кузмин, увидев остатки 12-й дивизии у Трактирного моста, именует их не иначе, как «бредущими остатками».³⁶⁹

Однако, вернемся на поле боя. Инициатива перешла к французам. Два полка: 50-й и только подошедший 97-й линейные, развернувшись в боевой порядок, преследуя

³⁶⁹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 10

Вид на долину Чёрной речки со стороны Инкермана.

отступающую русскую пехоту, ускоряя ее движение обратно к Черной интенсивным ружейным огнем, добывая тех, кто еще оказывал сопротивление, и беря в плен тех, кто уже передумал его оказывать. В данном случае стойкость русских уже не имела значения. Французы не подпускали их к себе, ведя интенсивный огонь.

97-й линейный полк усилил силы французов и к 6 часам утра первоначальное положение было восстановлено. Подход полка к основным силам французские военные историки относят к одному из наиболее

значительных событий, повлиявших на получение ими возможности доминировать на поле боя. Тотлебен: «Французы взяли обратно предместное укрепление и заняли его 95-м и 97-м линейными полками и гренадерскую роту 50-го линейного полка; прочие войска расположились вдоль водопровода на позади-лежащих высотах и по дороге к Трактирному мосту. Это было около 6¼ час. утра».³⁷⁰

Базанкур отмечает согласованность действий генералов Фальи и Клера, второй из которых быстро отправлял резервы, а первый направлял их в решающие пункты сражения.³⁷¹

В отражении атаки 12-й дивизии обращает внимание великолепная скоординированность действий французских пехотинцев и артиллеристов, подтверждением чему стали многочисленные тела убитых и раненых русских пехотинцев обильно усеявшие берега Черной и склоны Федюхиных гор.

³⁷⁰ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 279

³⁷¹ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 391

7-Я ДИВИЗИЯ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

«Невежественный офицер – настоящий убийца. Все храбрые солдаты верят в его познания, которыми он предположительно должен обладать, но в час смертельной опасности их кровь проливается впустую. Боже милосердный!»

Генерал-лейтенант Уильям Непир
(1802–1860 гг.)

7-я дивизия генерала Ушакова в составе четырех полков: Могилевского, Витебского, Смоленского и Полоцкого наступала на правом фланге. Действия разворачивались по той же схеме, как и у генерала Мартинау. Однако в отличие от последнего, Ушаков не торопился с исполнением приказа: «Получив от генерал-адъютанта Реада приказание „начинать“, генерал Ушаков находился первоначально в недоумении что предпринять, так как огонь уже был открыт и по отдаленности резервов штурм Федюхиных высот казался несвоевременным предприятием. Руководствуясь этими соображениями, послал просить генерал-адъютанта Реада о более точном приказании. Тогда к 7-й дивизии прибыл обер-квартирмейстер и объявил, что от главного командующего получено приказание „начинать“, но что следует предпринять – ему также неизвестно».³⁷²

Только услышав звуки ружейных выстрелов, раздавшиеся на левом фланге, командир 7-й дивизии понял, что Мартинау двинул свои полки вперед, и последовал его примеру, атаковав западный скат средней Федюхиной высоты: «...генерал Ушаков быстро двинулся с тремя полками вброд через Черную речку... На правом берегу Черной оставалась только под прикрытием Смоленского полка артиллерия, по совершенной невозможности перевезти ее через реку и водопроводный канал за неимением переносных мостиков, которые были задержаны на спуске с Мекензиевой горы; когда же впоследствии прибыла часть их, они оказались негодными, и потому артиллерия во время боя не могла следовать за войсками».³⁷³

Пехота Ушакова также овладела несколькими небольшими укреплениями на склоне. Стрелки французов вели огонь из нескольких параллельных ложементов, устроенных ими на склоне высоты. Занятие окопов было для русских делом недолгим, но кровавым. Французы отошли.

³⁷² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 279

³⁷³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 279

Дом на Бельбеке, в котором жил генерал-майор Э.И. Тотлебен во время лечения раны, полученной при обороне Севастополя. Худ. К.Н. Филиппов. Литография. Русский Художественный листок. 1857 г.

Затем батальоны Ушакова, поднявшись на высоту, натолкнулись на картечь, которой их обильно засыпала молчавшая доселе 4-я батарея 13-го артиллерийского полка. Огонь, открытый внезапно и в упор, расстроил ряды атакующей пехоты, а атака с двух сторон 82-го линейного и 3-го зуавского полков бригады Верже довершила разгром 7-й дивизии. Потеряв за короткое время почти 2000 человек, она отошла, преследуемая французами.

Как и в остальных случаях, обстрел фронта был предоставлен артиллерии. «4-я батарея 13-полка поражала при этом наши войска картечью с близкого расстояния и много содействовала французам к отражению атаки».³⁷⁴

Командир этой батареи не стал спешить, благо обстановка позволяла. Он открыл огонь из нескольких орудий, в расчетах которых были лучшие наводчики. Пристрелявшись ядрами по мере приближения русской пехоты, батарея позже перешла на гранаты и затем на картечь. Огонь велся до последней возможности. В какой-то момент ее командир даже выскочил с позиции батареи, подбежал к одному из батальонов и попросил пехотных командиров отходившей стрелковой цепи освободить сектор обстрела для орудий. Прекрасный пример импровизации взаимодействия принес свои плоды... Крики командира батареи с просьбой стрелкам расступиться были услышаны, сменившись командами пехотных офицеров. Стрелки расступились. Через считанные минуты в образовавшиеся интервалы засвистела картечь...

«Не видя 4-й пехотной дивизии, задержанной при спуске с Мекензиевых высот..., генерал-лейтенант Ушаков вынужден был отступить».³⁷⁵

Наступление Ушакова было стихийным и неорганизованным. Выполняя волю главнокомандующего, он атаковал Федюхины высоты не сообразуясь с ситуацией и слепо выполняя приказ, а потом, как мы помним, орудия не смогли перевезти через реку: «...таким образом, нашим войскам пришлось наступать без содействия артиллерии, которая была заслонена пехотными колоннами, под сильным огнем неприятельских батарей и пехоты, расположенной в нескольких параллельных ложементх на уступах Федюхиной высоты».³⁷⁶ Как бы героически не вела себя 7-я пехотная дивизия в этот день, она «...после начального успеха должна была уступить подошедшим резервам противника».³⁷⁷

«Неприятель остановился у реки, обстреливаемый нашей артиллерией; под прикрытием же этой последней и полков уланского Ея Императорского Высочества Великой княгини Екатерины Михайловны и казачьего № 37, 7-я пехотная дивизия

³⁷⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., С. 280

³⁷⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., С. 280

³⁷⁶ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 4, 1896 г., СПб., С. 302–303

³⁷⁷ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 4, 1896 г., СПб., С. 303

Позиции сардинских войск в Крыму. 1855 г.

отошла к подножию Мекензиевой горы и в продолжение дальнейшего боя не возобновляла более атаки».³⁷⁸

Согласимся с мнением Остен-Сакена, считавшего, что жертвы, принесенные на плаху войны 7-й дивизией, были напрасны: «Если бы дивизия Ушакова, которая бесполезно потеряла более $\frac{1}{3}$ людей, подкрепила превосходного боевого генерала Мартинау, то сражение приняло бы другой характер: неприятель был бы поражен наголову и не возвысился бы дух союзных войск».³⁷⁹

Таким образом, в седьмом часу утра неприятель вновь владел всем левым берегом Черной речки. Русские прилагали усилия для вторичной атаки Федюхиных высот.³⁸⁰

³⁷⁸ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 280

³⁷⁹ Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года. (Возражение на статью кн. Ан. Барятинского)//Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 331

³⁸⁰ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 280

ДЕЙСТВИЯ 5-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ: ЧЕРНОРЕЧЕНСКАЯ ГОЛГОВА

«Один момент обеспечивает победу. Один момент решает исход боя и успех военной кампании. Я работаю не с часами, а с минутами»

Генералиссимус князь А. В. Суворов

После двух первых неудачных атак Горчакову нужно было останавливать сражение, но по непонятно каким соображениям он не сделал этого, обрекая на бессмысленную гибель тысячи вверенных ему солдат и офицеров.

При общем умалчивании событий на Черной речке, действия 5-й дивизии менее всего известны исследователям. По странному стечению обстоятельств, а может по чьему-то умыслу, «...в реляции о деле 4 августа едва упомянуто о 5-й пехотной дивизии, о начальнике той же дивизии, генерал-майоре Вранкене, только сказано при перечислении всех командовавших частями и управлениями...».³⁸¹ На самом деле участие дивизии в сражении — самая трагичная история Чернореченского расстрела.

3 августа 5-я пехотная дивизия прибыла около полудня на Мекензиевы горы и заняла отведенное место в интервалах полков 17-й пехотной дивизии. Это была одна из свежих частей, прибывших в Крым в конце июня 1855 г. и расположившихся лагерем на р. Кача юго-западнее Бахчисарая. В предстоящем сражении ей отводилась задача резерва.

По плану штаба главнокомандующего она должна была начать спуск с Мекензиевых гор в сумерках («...около 8 часов» — И. Кузмин), одновременно с 17-й, 12-й и 4-й дивизиями, имея с собой артиллерию, патронные ящики и лазаретные фуры. Однако, по вышеупомянутым причинам, усугубленным крутизнами спусков и темнотой, движение дивизии было медленным. В результате «...очередь дошла до 5-й пехотной дивизии перед самым рассветом и только около 5-ти часов утра пехота дивизии смогла собраться против нового редута и выстроиться в резервный порядок; артиллерия же, едва-едва поравнялась головою своею с Волчьим яром».³⁸² Отставание привело к тому, что при начале действий Бельгарда, она только приступила к построению: «...три батареи, состоящие при пятой пехотной дивизии, еще не подоспели (спу-

³⁸¹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 2

³⁸² Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 3

скались с Мекензиевой горы), им приказано было спешить».³⁸³ Около 5.30 4 августа личный состав дивизии услышал канонаду русской артиллерии. Естественно, что все перемещения совершались с этого момента в суматохе и с излишней поспешностью.

Едва перестроившись, дивизия получила приказ выдвигаться на усиление левого фланга русских войск. Приказ был передан князем Горчаковым после того, как прибывший к нему адъютант генерала Реада Волков доложил князю, что предместное укрепление взято и французы бегут. Теперь мы уже знаем, что это было роковым заблуждением. Но в тот момент, обрадованный столь приятной новостью, сулящей скорую победу, Горчаков сказал: «Скажите генералу, что в подкрепление его направлена 5-я дивизия».³⁸⁴

Уже потом Горчаков утверждал, что как только узнал о начале атаки Федюхиных высот Реадам, «с этой минуты признал дело испорченным».³⁸⁵ Оставим ложь на его совести. Генерал противоречит себе, ибо, если следовать мысли Горчакова, 5-я дивизия должна была не штурмовать высоты, а обеспечить выход из боя 12-й дивизии, уже ввязавшейся в схватку «...с превосходным в числе неприятелем».³⁸⁶ Однако главнокомандующий не только ровно ничего не предпринимает для спасения положения, но и усугубляет его, прекращая всякие действия на левом фланге, где был достигнут явно обозначившийся успех. Он, действуя вопреки здравому смыслу, перебрасывает свежие силы к Трактирному мосту — на «съедение» французской артиллерии. Уже потом, после случившегося, князь мотивировал свое решение отсутствием сильного резерва для ведения двух атак, в результате чего «...отменил предположенную им атаку и немедленно отправил подкрепления к войскам генерал-лейтенанта Реада».³⁸⁷ Обратим внимание, что Горчаков все-таки считал главным направлением гору Гасфорт. Но он сказал это уже после сражения.

Выполняя приказ, командир дивизии, не дожидаясь собственной артиллерии, вывел полки на Телеграфную гору, где их остановил, ожидая дальнейших распоряжений главнокомандующего. Одновременно, услышав звуки начавшейся ружейной стрельбы, которая могла означать лишь одно — 12-я дивизия начала двигаться вперед, генерал-майор Вранкен «...приказал дивизионному квартирмейстеру капитану (ныне подполковнику) Кузмину — проехав несколько вперед, узнать причины этого».³⁸⁸ Очевидно опасаясь гнева главнокомандующего, а возможно, просто по собственной глупости, командир дивизии совершает серьезную ошибку — лишает пехоту поддержки артиллерия, без которой любая атака на закрепившегося противника теряла смысл.

Выполнив приказание дивизионного командира, квартирмейстер убедился в том, что «...Сколько можно было судить (что впоследствии и оправдалось), то это был штурм Федюхиных гор 12-й пехотной дивизией».³⁸⁹

Одновременно получен, переданный полковником Меньковым, приказ главнокомандующего для 5-й дивизии «...направиться к Каменному мосту и поступить в распо-

³⁸³ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 3

³⁸⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 277

³⁸⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 276

³⁸⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 277

³⁸⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 284

³⁸⁸ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 9

³⁸⁹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 3

ражение генерал-адъютанта Реада». ³⁹⁰ Дивизия незамедлительно начала спуск и через небольшой промежуток времени вышла к мосту, где застала ужасающую картину разгрома 12-й дивизии: «Быстро подошла дивизия к Каменному столбу (миля), что по сию сторону моста, и тут увидели остатки храброй 12-й дивизии, после блистательной, но несчастной атаки». ³⁹¹

Хотя Тарле утверждает, что Горчаков прислал в подмогу погибавшей 12-й дивизии 5-ю дивизию, совершенно очевидно, что прибывшая на место развернувшейся трагедии дивизия, скорее всего пришла уже не на помощь, а на смену полкам 12-й дивизии, к тому времени разгромленным, расстроеным и выходившим из боя. Прошу читателя не упрекать меня за такое название положения дивизии Мартинау, которое может показаться резким. Но именно таковой рисуют ситуацию очевидцы. Пожалуй, главнокомандующий был единственным, кто не знал об этом — он был более чем уверен в успехе атаки Реада.

«...Когда голова дивизии подошла к каменному столбу, который был весь истреян, то на минуту проглянуло солнце, как бы для того, чтобы осветить ужасную картину; брели остатки 12-й дивизии — израненных вели под руки или несли на носилках, в числе других пронесли и храброго полковника Скюдери (командира Одесского егерского полка), который полулежал, полусидел на носилках; провели пленного зуава. Солдатики 12-й дивизии кричали слабым голосом: «Ребятюшки, выручайте, ведь они окаянные, бежали от нас, мы уже были в лагере, да поддержать то некому было». ³⁹²

«Солдатики» оказались более прозорливыми, чем приведшие их на убой командиры. Резервы, которые казалось, могли изменить ситуацию, не подходили вовремя. Атаковавшие склоны батальоны всякий раз «...уничтожались ужасным огнем хорошо расположенных войск». ³⁹³

Дивизия вышла к Черной в седьмом часу утра. К этому времени французы на всех участках отбросили русскую пехоту и вновь занимали позиции. Времени они даром не теряли и пока русские только готовили атаку на Федюхины высоты, принимали подкрепление, подходившее как с Сапун-горы, так и из других мест.

«Независимо от бригады Клера, подкрепившей дивизию Фоше, генерал Гербильтон направил в распоряжение генерала Каму бригаду Сенсье (7 батал.); пять конных батарей артиллерийского резерва полковника Форжо заняли позиции на Федюхиных высотах». ³⁹⁴

Полковник Форжо удачно разместил свою артиллерию, что позволило ей сконцентрировать огонь на русской пехоте, останавливая ее продвижение практически без помощи своей пехоты. К подходу 17-й дивизии русских, на участке ее наступления было уже 7 французских батарей. ³⁹⁵ Но и это было не все. «Кроме того, как скоро генерал Пелисье узнал о наступлении русской армии, он тотчас двинул к Федюхиным высотам Императорскую гвардию и дивизию Левальяна (5-я дивизия 1-го корпуса). Эти войска вместе с дивизией Дюлака (4-я дивизия 2-го корпуса) готовились спуститься с Сапун-горы к месту боя. С переходом же 1-й бригады Сенсье дивизии

³⁹⁰ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г.

³⁹¹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 10

³⁹² Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 10

³⁹³ De Navacelle, Fabre H., *Precis des Guerres de la France de 1848 a 1885*, Paris, 1890, P. 110–111

³⁹⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 281

³⁹⁵ Bazancourt, Cesar Lecat, *L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient*, Paris, 1856, P. 391

Юный защитник Севастополя – матросский сын Николай Пищенко. Рисунок В.Е. Маковского. 1872 г.

Гербилона на Федюхины высоты, дивизия генерала Ламотружа, стоявшая сперва фронтом к Корабельной стороне, расположилась на краю Сапун-горы к стороне Черной. Дивизия де Ореля была готова стать в ружье. Шесть турецких батальонов, под начальством Зефер-Паши, двинулись на помощь к французам. Турецкая гаубичная батарея, поставленная Осман-Пашою на левом берегу Черной, открыла огонь против наших батарей, действовавших против сардинцев с высоты над Чоргуном и д. Карловкою. Вместе с тем французы, в ожидании вылазки, зорко наблюдали за нашими движениями на Корабельной стороне».³⁹⁶

И кто-то еще будет утверждать, что французы не готовились к этому сражению, не знали о нем и были застигнуты врасплох?

Оценив обстановку, Вранкен принял единственно верное в сложившейся ситуации решение: атаковать горы всей дивизией, при этом «...ручаясь за успех».³⁹⁷ Трудно сказать, насколько это могло получиться, учитывая почти полное отсутствие артиллерии, но по крайней мере потери могли быть не такими большими. Однако намерение Вранкена было в категорической форме отклонено командиром корпуса. Не сообразуясь с реалиями «...Ряд резко ответил: „Не Вы здесь начальник, а я, извольте исполнять, что Вам приказывают“».³⁹⁸ Вот уж действительно – коса на камень. Один готов кинуть без поддержки дивизию на закрепившегося и подтянувшего резервы неприятеля, а другой считает, что убивать собственных солдат нужно не всех сразу, а в порядке очереди. Вранкен, исполнительный и дисциплинированный начальник,

³⁹⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 281

³⁹⁷ Кузмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 10

³⁹⁸ Кузмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г.

Игры севастопольских детей. Рисунок В.Е. Маковского. 1872 г.

выполнил приказ и начал перестраивать дивизию для атаки. Сразу же вылезли проблемы, вызванные слабой тактической подготовкой войск, прибывших в Крым летом 1855 г.

«Боевой порядок, утвержденный главнокомандующим для дивизий, составлявших Крымскую Армию был из пяти линий, первую линию коих составлял один из батальонов младшего полка дивизии в ротных колоннах на таких интервалах, чтобы батареи между ними расположенные могли иметь до 30-ти шагов между орудиями: эта линия прикрывалась цепью штуцерников, заблаговременно собранных от полков дивизии. Вторую линию составляли остальные три батальона младшего полка, в батальонных колоннах к атаке за интервалами между ротными колоннами, но не непосредственно против расположенных там батарей. Третью линию составляли четыре батальонные колонны 3-го полка дивизии. За этой линией 1-я бригада дивизии в резерве, также в двух линиях.

...Для удобства перестроения дивизии из резервного порядка в боевой было принято составлять каждую линию резервного порядка из одного полка, имея головы батальонов на линии».³⁹⁹

Таким образом, роковое отправление пехоты в атаку поочередно полками было предопределено не только глупостью Реада, но и решением главнокомандующего русской армией в Крыму. Командир корпуса был не более чем лицом, выполнившим требуемые предписания, точно также как и Вранкен беспрекословно выполнил отданный ему приказ, не смея возразить своему грозному начальнику. Но не значит ли это, что часть вины за происшедшую трагедию должна лечь не только на плечи погибшего Реада, но и на Горчакова, навязавшего ему подобный способ употребления

³⁹⁹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 11

войск в сражении? Возможно на равнинной местности подобный порядок был приемлемым, но в условиях пересеченной, изобиловавшей местными преградами и малым количеством подходящих путей, он таковым не стал. Хотя, признаем, разумное зерно в виде усиленных стрелковых цепей в нем присутствовало.

Перестроение началось с традиционной пуганицы, сопровождавшей всё Чернореченское сражение: «...Так как этот боевой порядок недавно был изобретен и 5-я пехотная дивизия однажды только пробовала его строить на позиции при р. Каче, то чтобы не случилось излишнего стеснения интервалов, как между ротными, так и между батальонными колоннами, дивизионный квартирмейстер приказал означать жалонерами каждую из колонн. Взяв четырех жалонеров Галицкого полка, повел их вперед для означения ротных колонн, полагая по одному жалонеру на колонну».⁴⁰⁰

Поправлю Кузмина в одном. Боевой порядок, о котором он говорит, и в котором действовали почти все русские части на Черной речке, был не таким уж недавним нововведением. Он был введен с учетом действий в сражениях при Альме и Инкермане. Опыт этих неудачных сражений подтвердил, что «...необходимость дробления, т.е. принятия боевой частью единицы менее крупной чем батальон, выяснилось Крымской кампанией».⁴⁰¹

В изданных в ноябре 1854 г. «Правилах для руководства во время боя» командование признало, что «введение в армиях большого числа штуцеров и других ружей дальнего полета» требует несколько изменить «малую тактику пехоты». В частности, был переработан первый (основной) боевой порядок дивизии, состоящей из 16 батальонов и 3 артиллерийских батарей. Первую боевую линию образовывал 4-й батальон 4-го полка дивизии, построенный в линию ротных колонн с интервалами между ротами 150–200 шагов; в каждом интервале размещались 4 орудия. В 200–300 шагах позади разворачивалась вторая линия, состоящая из остальных трех батальонов 4-го полка в колоннах к атаке (за интервалами первой линии). Третья линия (3-й полк в полувзводных колоннах) строилась в 600 шагах за центром первой. Первая бригада дивизии и две батареи в резервном порядке располагались в 200 шагах позади третьего полка. Ротные колонны высылали вперед густую цепь, а при необходимости рассыпались в цепь целиком. Вторая и третья линии по возможности скрывались в неровностях местности. Колонны второй линии атаквали противника в штыки, третья линия служила резервом; задняя бригада использовалась для продолжения боевой линии или для решительной атаки.⁴⁰²

Практическое апробирование этого боевого построения успешно прошло задолго до Чернореченского сражения. К сожалению, большая часть войск, прибывших в Крым к августу 1855 г., усвоить его в полной мере и, тем более испытать в деле, не успела.

«В таком боевом порядке, например, Волынский полк в ночь с 11 на 12 февраля 1855 г. прикрывал возведение Селенгинского редута перед Малаховым курганом в Севастополе: 4-й батальон стоял впереди в ротных колоннах (рассыпав в цепь по взводу от роты), три остальные батальона в колоннах к атаке составляли вторую линию».⁴⁰³

⁴⁰⁰ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 11

⁴⁰¹ Драгомиров М. По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями // Военный сборник, № 12, Спб, 1872 г., С. 264

⁴⁰² Ульянов И. Регулярная пехота 1801–1855, М., 1997 г., С. 154

⁴⁰³ Ульянов И. Регулярная пехота 1801–1855, М., 1997 г., С. 154

Учиться пришлось под огнем, когда расплата за плохо усвоенные знания была вероятно высокой. При Черной речке для 5-й дивизии проблема состояла в том, что этот порядок, в который она спешно перестраивалась под огнем, был лишен своей главной составляющей — артиллерии в интервалах. Пушки артиллерийской бригады подошли когда бой был в самом разгаре. В результате артиллерия не стала для русской пехоты той опорой, которая должна была иметь цель действовать настолько продуктивно, чтобы эта самая пехота могла без потерь (или с минимальными потерями) и со свежими силами подходить к противнику. Это было не чем-то новым и доселе неизвестным. Аксиома военного искусства была заложена еще Фридрихом Великим и гласила, что «наступать на врага, не обеспечив за собою превосходства в огне, равносильно тому, если бы толпа с палками вздумала сражаться против вооруженного войска».⁴⁰⁴

АТАКА КОСТРОМСКОГО ПОЛКА

Перестроив дивизию, Вранкен начал атаку силами Костромского полка, составившего вторую линию, но развернутого в линию четырех батальонов. Решение это было оправданным, принимая в расчет обстоятельство, что «...полк этот составляли четыре батальонные колонны, но не три, как Галицкий; кроме того, проведенный сквозь линии Галицкого полка, Костромской полк сознавал бы, что имеет за собою близкое подкрепление; Галицкий же полк был бы возбужден чувством соревнования к товарищам, которым выпала честь производить первую атаку».⁴⁰⁵

Костромской полк с барабанным боем начал движение в атаку, сразу же попав под сильнейший артиллерийский огонь и выстрелы французских стрелков.

Обратим внимание, что Реад, не только совершал тактическую ошибку, отвергая удар линией полков дивизии, он совершал ее осознанно. Если еще можно подвергнуть сомнению решение корпусного командира об атаке Федюхиных высот, споря о том, была ли это его личная инициатива, или он выполнял волю главнокомандующего, облаченную в приказ, полученный им вероятнее всего в устной форме, то организация атаки 5-й дивизии — это тактический просчет, выразившийся в абсолютно нелогичной организации атаки применительно и к местности, и к обстановке, вина за который целиком и полностью ложится на плечи Реада: «...Генерал Реад принял движение Костромского полка за атаку, вопреки своему указанию, целю бригадою приказал остановить Костромской полк, несмотря на объяснения представляемые генералом Вранкеном, что он, исполняя приказание Его Высокопревосходительства атаковать одним полком, атакует Костромским полком, а не Галицким, по причинам вышеизложенным. Генерал-адъютант Реад, не приняв во внимание доводов генерала Вранкена, приказал остановить Костромской полк и повести в атаку Галицкий».⁴⁰⁶

Вот тут уж не до шуток. Это не просто ошибка Реада, это уже скорее похоже на элементарную безалаберность, основанную на банальном начальничьем самодурстве. Другого слова для определения его приказа о смене уже находившихся под огнем противника двух равноценных по боевым качествам полков просто не удастся по-

⁴⁰⁴ Употребление в бою полевой артиллерии по опыту русско-японской войны // Военный сборник, № 7, СПб., 1912 г., С. 108

⁴⁰⁵ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 11

⁴⁰⁶ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 12–13

Строительство укреплений в Севастополе. Масло. 1871–1872 г. Альбом «Эпизоды Севастопольской жизни 1854–1855 годов». Худ. И. М. Прянишников.

добрать. Может это банальная военная неграмотность? Реад не мог понять, почему ему не удастся взять эти проклятые высоты, тем более что противник каждый раз уступает и отходит, оставляя и склоны и укрепления на них и перед ними. Решив продолжить расшибать в лепешку собственную пехоту о французскую оборону, генерал «...не признал необходимым атаковать Федюхины высоты целою дивизией, а предпочел вводить войска в бой частями; Галицкому полку, занимавшему первую линию, приказано было начать атаку».¹⁰⁷

Сегодня можно представить, каково было состояние солдат и офицеров Галицкого егерского полка, большинство из которых впервые оказались под огнем, увидеть усеянные телами раненых и убитых Федюхины высоты и осознать, что теперь их очередь. Судя по всему, они не видели вершины, она была скрыта от них густым пороховым дымом, из которого вылетали десятки килограммов свинца и чугуна. И в этот-то момент, совсем не подходящий, полки начинают бессмысленные перестроения. Кажется, никому не было дела до того, что замедлился темп наступательного порыва русской пехоты, вынужденной под сильнейшим огнем, когда картечные и ружейные пули вздымали такую пыль, «...как экипаж едущий по дороге»,¹⁰⁸ унося на небо то одну, то другую солдатскую душу.

Несмотря на сильный обстрел, Галицкий полк быстро (этим вообще отличались действия русской пехоты на Черной речке), хотя и суматошно, совершил перестроение для действий в первой линии и начал наступление, имея перед собой густую

¹⁰⁷ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 280

¹⁰⁸ Кузмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 11

Планка «Трактир» на французской медали за Крымскую войну. Именно так — «Сражение у Трактирного моста» — французы называют сражение на Чёрной речке.

цепь стрелков, за ними батальон в линии ротных колонн и вторую линию батальонов, развернутых к атаке.

Полк невзирая на убийственный огонь вражеских стрелков, занимавших ложементы, перешел Черную речку и водопроводный канал, отеснил первые неприятельские линии, но не мог удержаться, опрокинутый подоспевшими резервами...

Противником Галицкого полка вновь стала бригада Фальи, вышедшая к этому времени на берег канала и оттуда ведшая огонь по подходившей русской пехоте. Зуavam и линейным пехотинцам пришлось снова повторить свои действия, и снова они оказались удачными. «Атаку возобновила новая масса стрелков, такая же мощная, как и предыдущая. Генерал Фальи, вынужденный снова отступить, вернулся на позицию за хребтом и повторил свой маневр с прежним успехом».¹⁰⁹

Страшный картечный и ружейный огонь встретил 5-ю дивизию, когда она в свою очередь стала подниматься на Федюхины горы. Огонь был так силен, что над войсками стоял как бы сплошной слой картечи и пуль. Князь Святополк-Мирский, к тому времени лежавший с пулей в груди у стенки предмостного укрепления, обратил внимание на существенно усилившийся обстрел русских войск. Один из выводивших его солдат сказал: «...видите — настоящий ад».¹¹⁰

Такая плотность огня неудивительна. На Черной, как и ранее на Альме, французы успешно реализовывали базовый тактический принцип поддержки артиллерией пехоты, заложенный еще во время наполеоновских войн и применявшийся почти до конца XIX столетия — артиллерия сильна лишь при массовом ее применении.¹¹¹

В отличие русской артиллерии, расчеты французских орудий чувствовали себя в относительной безопасности, по причине, не вошедшей еще в привычку русской легкой пехоты, — практики сосредотачивать свой огонь на батареях противника, поражая личный состав и ездовых лошадей. Французам удавалось с дистанции 600–700 шагов, как и в эпоху наполеоновских войн, «без помехи сметать пехоту картечью».¹¹²

Ну и совсем детективная история, случившаяся на поле сражения: «Отступление Галицкого полка стало причиной также и то, что неприятель три раза сыграл наш сигнал «все» и «отступление», а последний раз наоборот, т.е. «отступление», а

¹⁰⁹ Орехов В. И. Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 137

¹¹⁰ Воспоминания князя Д. Святополк-Мирского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1879 г. С. 397

¹¹¹ Эрр Фредерик-Жорж. Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем, М., 1941 г., С. 218

¹¹² Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.—Л., 1928 г., С. 26–27

потом «все». Что это было играно неприятелем, можно было отличить только по тому, что сыграно было артистически; но на массу, привыкшую слепо исполнять по сигналам, это подействовало положительно, и полк отступил. Но для некоторых, не послушавших сигнала, это было губельно: в числе прочих поручик Галицкого полка Чагадаев, бывший впереди при ротных колоннах, не исполнил по сигналу, сыгранному неприятелем, и был окружен восемью зуавами, у него было солдатское ружье, он положил четырех из окруживших его зуавов, но остальные четыре подняли его на штыки».⁴¹³

Странно знакомая ситуация. Аналогичный случай произошел, якобы, с английской пехотой на Альме. При том значении, которое действительно имели исполняемые сигналы для войск, можно предположить, что так оно и было. Но ведь каждый сигнал должен был дублироваться в соответствии с порядком подчиненности? Хотя вполне может быть, что противники во время Крымской войны использовали сигналы для введения неприятеля в заблуждение, особенно учитывая, что знание их имело большое значение при управлении войсками в боевой обстановке.

«Галицкий егерский полк... разбил о бригаду Фальи, поддержанную полками Клера. Новые подкрепления, присланные в распоряжение генерала Камю, и 8 батарей, расположившихся на Федюхиных высотах, громили вводившиеся в бой по частям полки нашей 5-й дивизии».⁴¹⁴ К чему привели все эти перестроения под огнем в стиле «а ля гвардия Наполеона», можно судить по тому, что когда пришла пора (опять по приказу генерала Реада!) Костромскому полку идти в огонь, то к тому времени «...огромная потеря в офицерах и нижних чинах от неприятельского артиллерийского и штурцерного огня была столь велика», что атака полка «...не могла иметь и не имела успеха».⁴¹⁵

По свойствам рельефа местности снаряды, выпущенные из орудий французских батарей, поражали не только атакующую русскую пехоту, но и долетали в резервные колонны. Не думаю, что огонь велся с использованием рикошетов, однако факты свидетельствуют, что потери не только во второй, но и в третьей линиях, были неоправданно большими.

Без единого выстрела по неприятелю, находившийся во второй линии Костромской пехотный полк терял людей, но не терял мужества и доблести. «...Командир 2-го батальона майор Соколов был пешком; когда повел свой батальон, то тотчас был ранен в левую руку выше локтя: флейтщик или горнист, бывший при нем, предлагает отвести его на перевязку; но майор Соколов приказав ему молчать, зажимает правой рукой рану. Вслед за тем получает еще две раны одну в живот, другую в грудь: падая, — кричит — сказать капитану Шайтарову, чтобы принял команду батальоном! Капитан (впоследствии майор, теперь подполковник в отставке Шайтаров), бывший командиром 2-й карабинерной роты, едва вышел перед батальоном, был ранен пулею в левый пах, которая пронизывает насквозь и вылетает сзади с правой стороны».⁴¹⁶

Французы удачно использовали сочетание огня артиллерии и пехоты. Крымская война — первая, в которой нарезное оружие употреблялась массово, сделала огонь

⁴¹³ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 13

⁴¹⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 146

⁴¹⁵ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 13–14

⁴¹⁶ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 13–14

Балаклава. 1855 г. Рисунок английского капитана Дж. Голдсмита. 1855 г.

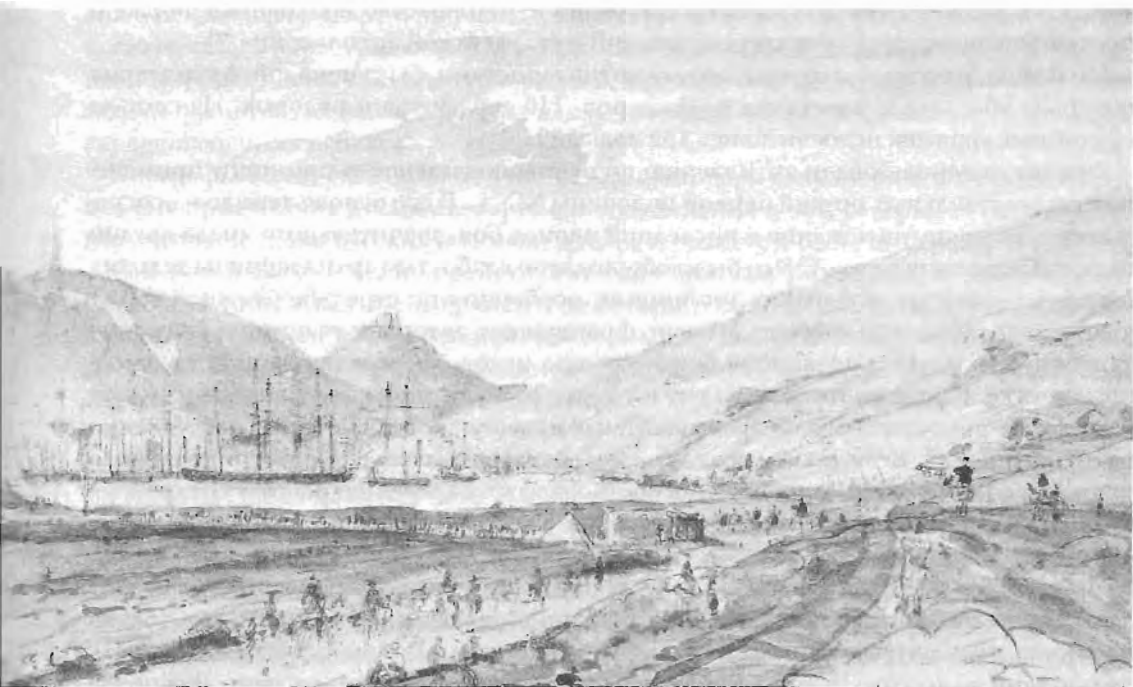
пехоты если не превосходящим по значению огонь пушек, то по крайней мере, сблизил их по эффективности. Отчасти этим объясняется число убитых и особенно большое раненых в сражении на Черной: «Распространение в пехоте нарезного оружия окончательно освободило ее от необходимости стрелять в пределах действия артиллерийской картечи, а батареям оставалось одно средство: поражать стрелков картечными гранатами».⁴¹⁷

В отличие от войн начала века, сражение на Черной стало одним из первых, где потери от огня стрелкового оружия стали сопоставимыми с потерями от орудийного огня: «Под Инкерманом, в 1854 году, в общем числе наших раненых 91% составляли пострадавшие от ружейного огня, а при Черной, в августе 1855 года, несмотря на то, что вследствие ошибки наши войска особенно потерпели от французской картечи, число раненых [ружейными пулями — авт.] дошло до 75%...».⁴¹⁸

Тотлебен считает одним из слагаемых успеха французов в Чернореченском сражении, что их артиллерия не стала обращать внимание на русские батареи, а сосредоточила всю силу огня исключительно на подходящей пехоте. Благодаря этому она собрала высокий урожай смерти. В общей сложности ею было выпущено 4 августа 1855 г. более 40 000 зарядов. Вероятно почти столько же или немного меньше выстрелов произвели сардинские орудия, эффективно действовавшие во второй половине сражения. Около половины из них были гранаты, примерно 1000–1500 ядра, а

⁴¹⁷ Беляев. Т. Боевой дальномер Ле-Буланже // Военный сборник, № 5, 1875 г., СПб., С. 124–125

⁴¹⁸ Беляев. Т. Боевой дальномер Ле-Буланже // Военный сборник, № 5, 1875 г., СПб., С. 125

остальное — ближняя и дальняя картечь, шрапнель. Принимая во внимание относительную кратковременность сражения и сопоставляя с ней количество выпущенного из орудийных стволов металла за единицу времени, можно согласиться с тем, что Тотлебен не кривил душой, цитируя одного из участников сражения: «Около Черной был ад. От густого порохового дыма нельзя различить предметов. Пули, ядра и гранаты падали в таком изобилии, что опасность и мысль о смерти казались неуместными: смерть гуляла повсюду».¹¹⁹

Это не преувеличение. На не слишком широком участке фронта французская артиллерия выпустила по русским войскам в самое непродолжительное время 4074 заряда. В том числе: 1467 ядер, 1930 гранат, 438 картечных гранат и 239 картечных выстрелов.¹²⁰

Если пехота союзников в сражении обошлась почти без использования резервов, то лишь потому, что артиллерия была введена в сражение полностью, включая некоторые из батарей главного артиллерийского резерва (например, 3-я батарея 15-го полка у восточной Федюхиной горы).

Пелисье после сражения отметил, что именно благодаря доблести артиллеристов была достигнута победа. Французский командующий вообще считал, что Чернореченское сражение — сражение артиллерии. В своем приказе после сражения он го-

¹¹⁹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 285

¹²⁰ Осада Севастополя (1854—1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 260

ворил: «Я должен отметить квалифицированное руководство полковника Форже и прекрасное поведение артиллерии дивизий и гвардейской артиллерии».⁴²¹

Но и цена, уплаченная французскими артиллеристами, была немалой. Артиллерия потеряла убитыми и ранеными 8 офицеров, 116 сержантов и рядовых. Из состава орудийных упряжек недосчитались 152 лошадей.

Французы использовали артиллерию по основополагающему принципу применения гладкоствольных орудий первой половины XIX в.. В его основе лежало «...сосредоточение, преимущественно в последний период боя, значительного числа орудий на решительном пункте».⁴²² Это было обусловлено слабостью артиллерии на дальних и эффективностью на близких дистанциях, особенно при стрельбе ближней картечью от 500–600 шагов и менее. Многие французские авторы и участники сражения считают, что именно полковник Форже решил исход боя массированием ее на одном участке. Благоприятствовало ему и то, что русские дивизии атаковали на узком участке, ширина которого не превышала, как правило, ширину полосы наступления пехотного полка. Если по замыслу это способствовало силе сконцентрированного удара, то в не меньшей мере это способствовало и облегчению работы батарей союзников, позволяя одновременно направлять в одну точку огонь нескольких артиллерийских подразделений.

Но не только сужение фронта стало причиной кровавых неудач русских в этот день. После неудачной атаки 7-й и 12-й дивизии, подошедшая 5-я дивизия не только не смогла развернуться на прежнем фронте, но и до минимума сузила свой, бросая полки один за другим. Генерал Камю не преминул воспользоваться этим. Два полка бригады Вимпфена — 50-й линейный и 82-й линейный (некоторые другие источники называют вместо него 3-й зуавский), обрушились на правый фланг русских. Что там произошло — не будучи очевидцем, судить трудно. Участники часто противоречат друг другу. Очевидно, французская пехота, прикрывшись дымом, подошла вплотную или достаточно близко к русским и открыла огонь им во фланг. Благодаря внезапности, французам удалось удержать русских численно меньшими силами. К примеру, полки упомянутого Вимпфена к августу 1855 г. имели в своем составе по 1–2 батальона неполного состава. Однако превосходство в тактическом применении пехоты, усиленное сложным рельефом местности, когда в некоторых местах русским пехотинцам приходилось карабкаться вверх по крутым склонам, а французы перемещались по более-менее пологому плато, сказало свое веское слово.

Французы не выводили полки из сражения, используя свою пехоту на пределе человеческих возможностей. Некоторым из них (50, 82, 95-му линейным, 2 и 3-му зуавским) приходилось атаковать русских по два-три раза. Бригада Клера, как пожарная команда, перебрасывалась из резерва на центральную, с центральной на восточную высоты.

Решение Камю, отказавшись от лобовых контратак, наносить удары по флангам русским батальонам, действуя вдоль склона, французские историки считают едва ли не решающим слагаемым успеха, наряду с маневром силами артиллерии. В результате, когда дивизия Эрбильона уже теряла позиции, «...положение требовало принятия немедленного решения. Камю его принял...».⁴²³ Он направил 82-й линейный

⁴²¹ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 397

⁴²² Обзор мнений по разным военным вопросам // Военный сборник, 1880 г., № 11., СПб., С. 37

⁴²³ Le General Camou. Esquisse biographique. Pau, 1899, P. 54

для отвлекающего удара в лоб наступающей русской пехоте, а 50-й, выждав момент когда началась перестрелка между русскими и 82-м полком, атаковал с левого фланга позиции Эрбилона, как выше говорилось, вдоль склона Федюхиных высот. Все свои задачи французская пехота решала исключительно огнем, не доводя дело до лязга скрещающихся штыков.

Биографы Камю утверждают, что именно благодаря сохранению им в решающий момент присутствия духа и своевременного введения в бой резервных батальонов, последующие атаки русских не имели успеха, и сражение было выиграно.⁴²⁴

Сам Камю высоко оценил действия полков бригады Вимпфена. В своем письме Боске, с которым был очень дружен и от которого принял под командование 2-ю дивизию, он говорил, что 50-й линейный во главе со своим командиром полковником Дуэ «храбрым, стойким и выдающимся офицером», и 82-й линейный сражались на Черной речке не хуже, чем при Инкермане.⁴²⁵

ГИБЕЛЬ ГЕНЕРАЛА ВЕЙМАРНА

Во время этой атаки был убит генерал-майор Веймарн, начальник штаба 3-го пехотного корпуса. Тело первого русского генерала, погибшего в этот день, вынес адъютант — ротмистр Дмитрий Аркадьевич Столыпин, контуженный при этом. Впоследствии, будучи уже известным общественным деятелем России, он не раз вспоминал этот эпизод, как одно из самых трагических мгновений своей жизни: «Огонь был так силен, что над нами стоял как бы сплошной слой картечи и пуль». Он был одним из трех Столыпиных, воевавших под Севастополем. Один из них, Аркадий Дмитриевич, впоследствии стал адъютантом князя Гурчакова, своего будущего тестя.

Как это было: батальоны Костромского полка замялись, но Веймарн что-то крикнул передним ротам, те слегка продвинулись вперед. Через мгновение пуля пробила голову генерала. Сам зацепленный пулей в бок Столыпин вызвал трех солдат, чтобы перенести тело Веймарна. Но нижние чины Костромского полка стали умолять его отпустить их к их батальону. Видно желание оказаться в привычной массе больше успокаивало их, нежели возможность оказаться в маленькой группе под выстрелами.

После Веймарна генералов стали выносить с поля едва ли не с такой же скоростью как простых обер-офицеров... Командир 5-й пехотной дивизии генерал-майор Вранкен был вскоре ранен и передал командование дивизией командиру 1-й бригады генерал-майору Тулубьеву. Последний, как и предшественники недолго оставался отмеченным неприятельской картечной пулей.

⁴²⁴ Le General Camou. Esquisse biographique. Pau, 1899, P. 56–57

⁴²⁵ Le General Camou. Esquisse biographique. Pau, 1899, P. 94–95

АТАКА ГАЛИЦКОГО ПОЛКА — РУССКАЯ «ЛЕГКАЯ БРИГАДА»

«В храбрости же и стремительности со стороны русских недостатка не было».

Капитан Мак Келлан, руководитель группы американских военных наблюдателей в Крыму

Любое изложение событий на Черной речке будет неполным и несправедливым, если не будет отдельно сказано о доблести Галицкого егерского полка. Его действия в этот день доказали, что русский солдат и на завершающем этапе Крымской войны продолжал оставаться все тем же грозным противником, достойным своих европейских оппонентов. Один из британских офицеров писал во время Крымской войны: «Стало модным писать о русских как о грубых животных, которым чужды чувства доброты и благодарности. Постыдились бы таких неумных обобщений — клеветы на человеческую натуру!».¹²⁶

Галицкий полк, только что вышедший из под обстрела, подсчитывал убыль в личном составе и перестраивался. Оставшиеся в живых немногочисленные ротные командиры выстраивали заново подразделения, собирали людей. Ущерб был огромный. За время первой атаки полк потерял выбывшими из строя: командира полка, трех командиров батальонов (из четырех), большое количество обер-офицеров и нижних чинов. Был ранен лично возглавивший полк командир бригады генерал-майор Проскуряков. Очевидно, считая себя ответственным за гибель бригады, он, получив первое ранение, отказался покинуть войска. Когда же поручик Красовский смог убедить генерала, уже ослабевавшего от потери крови, отправиться на перевязку, тот получил еще три пулевых ранения — в челюсть, плечо и ногу. Единственным находившимся в строю старшим офицером был командир батальона майор Чертов, контуженный в ногу. Он стоял возле остатков своего батальона, когда поступил приказ Реада полку повторно идти на штурм склонов Федюхиных высот. Приказ был передан дивизионным квартирмейстером, который не найдя никого из командования полка лично, приказал барабанщикам бить сигнал «Атака».

То что произошло затем, можно внести в летопись доблести русской пехоты и поставить на одно из первых мест среди подвигов, совершенных солдатами разных

¹²⁶ Аннет М. Б. Минкин «Россия. Путешествия и исследования//Историческое наследие Крыма, № 16, Симферополь, 2006 г., С. 197

стран и народов во время этой войны. Как патриот, я склонен ставить событие значительно выше, чем атаку британской легкой кавалерии под Балаклавой. Выйдя потрепанной из боя, второй раз она атаку не повторила. Да и наверное не смогла бы...

А вот Галицкий полк, выстрадав наверное много больше чем британские кавалеристы, атаку повторил... В сражении на Черной полк подтвердил характеристику императорской армии того времени, «...блеснувшей под Севастополем своей стойкостью, но еще пропитанной мышлением и техникой Николаевской эпохи, и устаревшей, как устарела и отстала от времени крепостническая Россия середины XIX века».¹²⁷

Под командованием контуженного майора Чертова «...батальоны пошли вперед, ... вновь перешли Черную речку и водопроводный канал – потеснили неприятеля, но ослабленные первою атакою и значительную потерю в людях от ружейного и артиллерийского полка, не смогли устоять против многочисленного неприятеля».¹²⁸

«Обстоятельство, бывшее причиною того, что полки были ослаблены более, нежели действительно выбыло убитых и ранеными, было то, что музыканты, которым приказано быть с носилками, равно медики с перевязочными средствами были отправлены в долину Шули, а для выноса раненых надобно было брать рабочих из фронта, которые потом редко возвращались в строй. По той же причине, многие из офицеров 5-й дивизии попались в плен; это были раненые, оставшиеся на поле боя (их полагали мертвыми) ... некоторые из них умерли от ран, некоторые выздоровели и многие возвращены без размена: так они были изувечены. Носильщики и медики от 4-й, 5-й и 6-й дивизий имели работы над тремя контужеными офицерами и десятью ранеными нижними чинами – это вся потеря понесенная отрядом генерала Бельгарда».¹²⁹ Трудно сказать, чем руководствовался в этом случае Горчаков, принимая решение об отправке медиков и музыкантов. Возможно хотел уменьшить общее число людей, чтобы снизить загруженность дорог и без того забитых войсками. А может быть просто надеялся, что день ограничится имитацией наступления и докладом в столицу об исполненной воле императора, героической русской армии и непреодолимой вражеской обороне? Не будем столь строги. Тем более не будем унижать себя обвинением русских пехотинцев в отсутствии у них силы воли и презрения к смерти. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Легко манипулировать тысячами жизней, зная что среди них нет твоей собственной, превращая военную историю в игру в солдатики. Увы, но признать придется: подобное характерно для войны. Это естественно, потому что любым участником сражения прежде всего движет желание остаться в живых. Инстинкт самосохранения является основным из поведенческих мотивов на поле боя. Он может быть в некоторой степени снижен состоянием страсти или возбуждением от алкоголя, но не может исчезнуть вовсе. В некоторой степени снижает его массовость, свойственная боевым порядкам начала и середины XIX в., она еще и облегчала управление командирам. Потому и опасались рассыпного строя, что он предполагал ослабление контроля за нижними чинами со стороны офицеров. Это не только наше. Это было характерно для командования всех воюющих сторон, считавших что «...пока находящийся в огне чувствует, что начальник обращает на него внимание, он и действует храбрее и с большей готовностью подчиняется обстановке, сопровождающей серьезный бой; но с приближением опасности

¹²⁷ Свечин А. А. Эволюция военного искусства, в 2-х томах, том II, М.–Л., 1928 г., С. 10–11

¹²⁸ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С. 14

¹²⁹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С. 20–21

и смерти, обычный порядок изменяется: начальник направляет свое исключительное внимание на неприятеля; войска спешат ему навстречу; солдат видит впереди смерть, а близ себя удобное закрытие, и исчезает в нем; следующие за ним войска принимают его за раненого; потом, ежели он почестнее, то старается быть полезным вне сферы огня, подбирая раненых, сопровождает пленных и т.д.

Менее честный обращается в мародера. Вот обстоятельства, объясняющие значительное уменьшение численности рядов в частях, находящихся в серьезном огне, и увеличение их на следующий день...».⁴³⁰

Конечно полк не мог выполнить задачу. И никто другой не смог бы это сделать. Но одно лишь то, что он поднялся вновь на скаты Федюхиных высот, уже усеянные трупами и телами раненых, свидетельствует о высочайшем порыве, свойственным русским пехотинцам на Черной. Ранее приведенный пример с поручиком Галицкого полка Чагдаевым, говорит много о том самом порыве, стремлении добраться до неприятеля, вцепиться в него, овладевшем всеми чинами полка. Противник высоко оценил доблесть русских солдат в этот день: «Русские показали большое мужество и стойкость в деле, заранее обреченном на неудачу».⁴³¹

Что ж, ситуация была не в пользу русских. К моменту начала атаки Галицкого полка, да и всей 5-й дивизии, огонь по нему велся уже не двумя батареями французов. В дело включились сардинские артиллеристы. Их более дальнбойные орудия с прилегающих к Федюхиным высот буквально засыпали наступающих гранатами. Недаром Энгельс высоко оценил роль в сражении на Черной именно пьемонтских артиллеристов, которые поняв, что им не угрожает более фронтальная или фланговая атака, переключились на истребление русской пехоты на юго-восточном склоне Федюхиных высот и, нужно отдать им должное, в этом деле весьма преуспели. Тем более что условия стрельбы для них к этому времени стали едва ли не полигонными. Видимость была отличной, полностью рассвело, и от них требовалось лишь поддерживать наибольший темп огня. А это они умели в совершенстве. О гибкости огня артиллерии союзников можно судить по его результатам. Если внимательно посмотреть на погибших военачальников корпусного, дивизионного, бригадного и полковых звеньев соответственно, то по воспоминаниям очевидцев прослеживается динамика их поражения, в зависимости от места нахождения: ядро — осколок гранаты — картечные пули.

С правого фланга непрерывно обстреливали полк французские пехотинцы 50-го линейного и 82-го легких полков. Создавая угрозу окружения для фланговых рот русской пехоты, они вынуждали их отходить. Этот маневр Вимпфена, в результате которого «...его войска двигались посередине склона параллельно каналу, отрезали русских от реки и взяли много пленных».⁴³² Французы контратаковали русских не в лоб, а по флангам, давая возможность собственной артиллерии непрерывно обстреливать неприятеля, лишая его возможности развернуть фронт.

Потеряв почти всех еще остававшихся в строю офицеров и множество нижних чинов, Галицкий пехотный полк вышел из боя, сохранив честь русской пехоты. Полному или почти полному истреблению полка препятствовало то, что густой туман, хоть и начавший рассеиваться, но спустившийся к подножию высот, смешавшись с

⁴³⁰ Пехота, кавалерия, артиллерия в бою и вне боя // Военный сборник, № 7, СПб., 1872 г., С. 41

⁴³¹ De Navacelle, Fabre H., *Precis des Guerres de la France de 1848 a 1885*, Paris, 1890, P. 112–113

⁴³² Орехов В. И. Письма, написанные из Крыма своей семье капитаном штаба Анри Луазьоном // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 138

пороховым дымом, кое-как укрывал русские войска и не давал возможности французским артиллеристам вести прицельный огонь.

Мог ли полк решить судьбу сражения? Безусловно нет. К моменту начала его атаки тщетная надежда на победный исход стала затухать, жертвенность единственного полка никак уже не влияла.

Не один Галицкий полк проявил в этот день доблесть, но одному ему удалось сделать это дважды. Он подтвердил еще раз небезосновательное французское уважение к русским, как к серьезному, грозному и опасному противнику. «Пройдитесь по департаментам Франции ... и спросите жителей..., какой солдат из войск противника постоянно проявлял величайшую человечность, строжайшую дисциплину... Можно поставить сто против одного, что вам назовут русского солдата».⁴³³ Трудно не согласиться, говоря о Чернореченском сражении, с этими словами Ф.И. Тютчева, сказанными незадолго перед Крымской войной.

Но почему Ред приказал Галицкому полку идти в атаку? Вероятнее всего, корпусной командир в эти минуты уже не думал ни о чем. Для него стала очевидной вся бесплодность предприятия. Когда квартирмейстер дивизии подъехал к нему с докладом, что три атаки захлебнулись, Ред получил приказ Гурчакова вновь атаковать высоты, но уже силами всей дивизии. Приказ безнадежно опоздал — к этому времени из до недавнего времени полнокровной 5-й пехотной дивизии более-менее целой оставалась лишь одна бригада, 1-я генерал-майора Тулубьева — Вологодский и Архангелогородский полки.

АТАКА ВОЛОГОДСКОГО ПОЛКА

Ред не задумываясь, дал приказ на атаку для Вологодского пехотного полка. К этому времени подошла опаздывающая артиллерия дивизии. Однако ее присутствие не могло исправить ситуацию. Нет смысла детально описывать произошедшее с этим полком, оно копировало то, что было ранее. Единственным различием было то, что два батальона вологодцев были направлены правее. Но и там они наткнулись на сопротивление французской пехоты, которая прикрываясь шквалом огня, вынудила вологодцев к отступлению.

Нельзя отказать командиру корпуса в личной храбрости. Все это время он находился под обстрелом и до последних мгновений своей жизни пытался руководить сражением. То что он до этого времени оставался живым, было более случайностью, чем закономерностью. Плотность неприятельского огня была таковой, что когда «...дивизионный квартирмейстер, подъехал к нему с докладом, то граната упала в нескольких шагах перед мордой его лошади».⁴³⁴

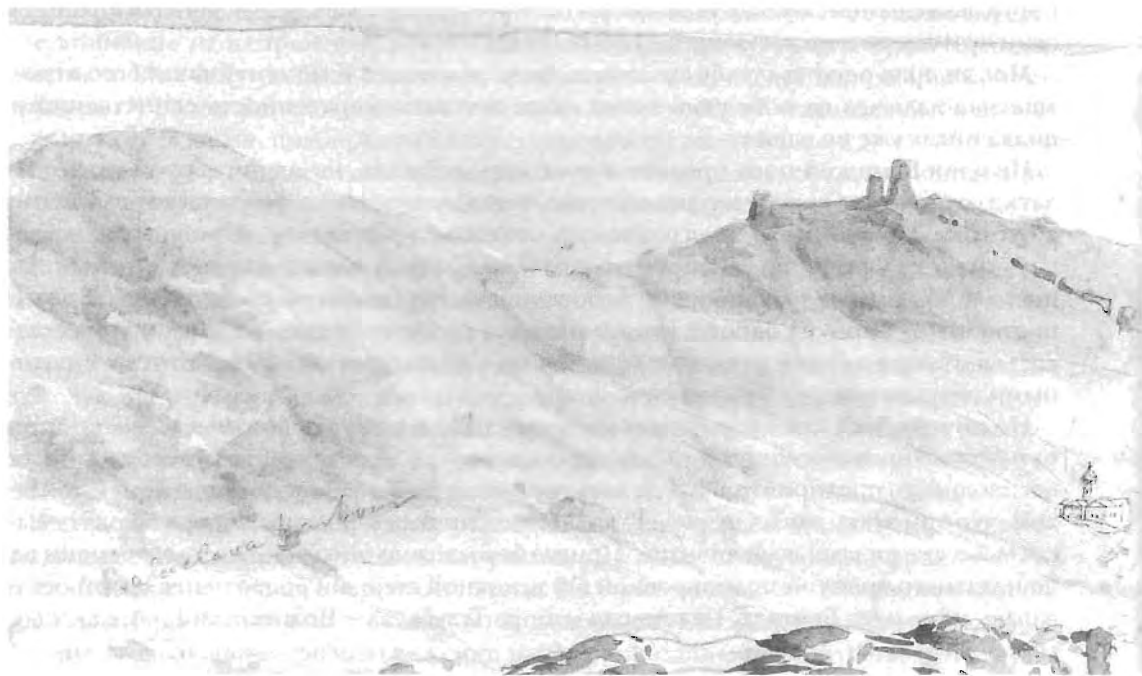
Генерал Тулубьев, ранее бывший командиром Вологодского полка, «...хотел сам вести его на штурм; но сделав несколько шагов вперед был опрокинут с лошади сильной контузией в грудь».⁴³⁵

Положение Вологодского полка, как и его предшественники ворвавшегося на высоты и также никем не поддержанного, усугубилось тем, что к этому времени подош-

⁴³³ На службе Отечеству. М., 1997 г., С. 114

⁴³⁴ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 15

⁴³⁵ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб, 1859 г. С. 16

Балаклава. 1855 г. Рисунок английского капитана Дж. Голдсмита. 1855 г.

ли французские резервы, создавшие угрозу полку оказаться отрезанным от основных сил русской армии.

Что произошло с Вологодским полком, да и саму картину бессмысленных атак, поведал потомкам командир 4-го батальона майор Медников, который и вывел из боя остатки полка. К его рассказу нечего дополнять, он наглядно демонстрирует происходившее у подножия высот.

«...Майор Медников с такой простотой и наивностью рассказывал потом о своих действиях и распоряжениях, что мы полагаем уместным привести его рассказ. Лошадь его, совершенно изувеченная, тащила назад еще прежде получения приказа о направлении на штурм Вологодского полка. Дивизионный квартирмейстер, товарищ и однокашник Медникова, узнал его лошадь и видел ее всю расстрелянную полагал, что хозяин ее уже не существует. Но потом, когда он проверял батальоны дивизии, отведенной несколько назад ... то, встретив Медникова в живых, рассчитывающего полк, обрадовался ему как воскресшему из мертвых. Радость эта была взаимная.

— Но как ты уцелел, — спрашивает его дивизионный квартирмейстер, — я видел твою лошадь, расстрелянную вдребезги.

— Благодаря лошади я и остался цел, вместо меня попадали в лошадь.

— Но как же ты сохранился, ведь твой батальон был впереди всех; расскажи, как что было.

— Когда ты передал нашему полку, чтобы он шел на штурм, то я был уже пешком, в одной руке у меня был кистень, в другой кинжал: это повернее форменной сабли. Когда мы пошли, то чтобы попасть к мосту, батальон принял вправо и немного опе-

редил третий батальон, тут я крикнул „Ура!“ и мы заняли ров мостового укрепления. Надобно было немного отдохнуть: стрелять было нельзя ни нам, ни французам: те кидают в нас камнями, мы в них тоже, — отдохнув минуточку, я говорю — что за перекидка камнями, подсаживай друг друга прикладами... как подсадили человек десяток, я велел посадить и себя. Потом живо мы взобрались все, но французы не дожидая долго, — живо подрали в горы, а мы за ними. Как взобрались до половины, то я опять приостановил своих, чтобы перевести дух, крепко были уставши. Посмотрел, а кучка-то у меня совсем небольшая, всего человек 250, много что 300, а тут четыре колонны выдвинулись и хотят нас отхватить, нет, думаю, дудки, взглянул назад — наши не подходят, — нет, я и начал отступать, отстреливаясь, да вот и все тут.

— Все-таки чудо как ты уцелел.

— Какое тут чудо, у меня в карманах были бинты на всякий случай и портмоне, так они мне все в портмоне стреляли, посмотри.

И действительно, шинель была прострелена четырьмя пулями против кармана». ⁴³⁶

Судя по описанию, французская пехота действительно не стремилась отставать «любой ценой» свои позиции. При приближении русской пехоты она оставляла их и отходила под завесой ружейного и артиллерийского огня. Взойдя на высоты, русские оказывались не только под картечными выстрелами и пулями стрелков, но и под огнем подразделений линейной пехоты, плотность которого делала невозможным дальнейшее движение вперед. Добавим к этому постоянные удары по флангам и можно представить, насколько безрадостной была картина.

⁴³⁶ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года. СПб, 1859 г. С. 16–17

Современные военные историки считают, что подобная тактика была нетипичной для французской пехоты, как и для русской, во многом уповавшей на штык, и со времен наполеоновских войн любившей решать исход схватки переходом в ближний бой. Однако само по себе пассивное ведение осады привело к тому, что французы и в полевых сражениях стали вести себя так же как во времена Бонапарта. В какой-то мере этому способствовали постоянные ночные схватки под Севастополем. На Черной они приняли иную тактику. Постоянным маневрированием французы просто не давали русским завязать с ними огневой бой, а до штыковых схваток дело в большинстве случаев не доходило вовсе, если не считать отдельных эпизодов, когда на штыки насаживали отдельных, не успевших отойти французских пехотинцев или потерявших подвижность раненых. Повторюсь, как уже ранее это неоднократно говорил: не стоит рвать души по этому поводу — это обычные реалии любой войны и — «последняя рыцарская война», — как любят ее именовать некоторые, Крымская, — не стала исключением.

Стараясь не доводить дело до крайности, французы предпочитали оставлять между собой и противником пространство в несколько сотен метров, надежно перекрывавшееся ружейным огнем. Но остановить упорно атакующую стену русских можно было лишь массированием огня. Стремление создать наибольшую плотность такого огня было возможно лишь за счет уплотнения боевых порядков. В результате, следующую за Крымской войной с Пруссией, французская армия встретила с уставом, предполагавшим еще более плотные строи пехоты в бою. Французы наступили на «русские грабли». Неумение правильно распорядиться огромным практическим опытом Крымской кампании свело к нулю всю лихость и ярость атак перед высоким темпом стрельбы немецких казнозарядных винтовок Дрейзе.⁴³⁷ Хотя сами французские военные считали, что их построение в две линии, апробированное при Альме и Инкермане, отлично показавшее себя при Черной, стало едва ли не идеалом военной мысли, позволив задействовать одновременно максимальное число ружейных стволов при обстреле русских батальонных «коробок». Дальнейшие события военной истории развеяли эйфорию.⁴³⁸

В свою очередь, имея большую чем неприятельская численность войск, Реад не смог ей разумно распорядиться. Применительно к Черной говорить о численном превосходстве русских не имеет смысла, ибо оно не было реализовано грамотным использованием этого фактора военачальником, бросавшим войска на высоты по одному полку на относительно узком участке фронта. Возможно, что не будучи в состоянии правильно и здраво оценить обстановку, видя, как его пехота каждый раз врывается на неприятельские позиции, Реад считал — еще одна атака, еще один полк и фронт будет прорван... В какой-то мере этому способствовал яростный порыв русской пехоты, стремившейся любой ценой добраться до неприятеля, сблизиться с ним и завязать рукопашную схватку.

Не получилось и взаимодействие между стрелками и остальной пехотой. Если англичане еще при Инкермане использовали ружейный огонь, в том числе и линейных подразделений, то русские на Черной речке, как и во всех сражениях Крымской войны, продолжали искать возможность довести схватку до штыкового боя, что удавалось крайне редко. Возможное в условиях траншейной войны, за-

⁴³⁷ История западноевропейских армий. Под ред. проф. Н. Золотарева, М. 2003 г., С. 147, 159

⁴³⁸ Le general Thomas, Les Transformations de L'Armee Francaise. Essais D'Histoire et de Critique, Tome II, Paris, 1887, P. 451–452

труднительно в полевом сражении. Да, это вызывало восхищение противника, но на практике приводило к бессмысленным потерям: «Как бы хорошо ни была устроена винтовка, наш солдат всегда склонен смотреть на нее как на рукоятку штыка. Присадка его к ружью служит грозным символом движения вперед и рукопашной схватки».⁴³⁹

Русские (и не только русские) командиры не всегда учитывали, что успех боя, в том числе и штыкового, зависит не только от желания скорее добраться до неприятеля и исполосовать его сталью штыков. Во второй половине XIX в. стало очевидным, что успех в наступательном бою зависит не только и не столько от стремления во что бы то ни стало ворваться в расположение противника: «В числе прочих данных, содействующих успешной атаке и устанавливающих внешнее равновесие между наступающим и обороняющимися, немалая доля значения принадлежит: а) тщательному исследованию местности; б) возможно долшему удержанию частей в руках; в) обязательному выжиданию результатов артиллерийского боя; г) безостановочному наступлению без огня и д) стремительному удару в штыки».⁴⁴⁰

Прежде чем сразиться с врагом, к нему нужно было еще дойти. Условия сражения на Черной эту задачу для русской пехоты сделали невыполнимой. Вышеупомянутая неоднократно концентрация артиллерии в сочетании с фланговым огнем стрелков и линейной пехоты неприятеля эффективно сдерживали порыв, ломая строй, заставляя искать укрытия и в конце концов выходить из боя неся потери.

4 августа 1855 г. многое из этого в расчет не принималось. Результат — реки крови и трупы. Элементарный временной расчет показывает, что каждому полку удавалось побыть под огнем не более 30 минут, а большинству гораздо менее того, но если это переложить на понесенные за столь малое время потери, образ катастрофы становится еще ужаснее. Поэтому не нужно требовать от русской пехоты больше того, что она сделала. Сожалеть, что среди русских генералов не нашелся тот, который, подобно прусскому королю Фридриху II при Колине, погнал бы их в третью, четвертую и так далее атаки, при этом гневно обращаясь к ним со словами: «Подлецы! Что, вы хотите вечно жить что-ли?», не нужно. Психология поведения в бою такова, что далеко не всегда дает человеку возможности пересилить желание остаться в живых.

Насколько плотным и интенсивным был огонь французов говорит тот факт, что Архангелогородский Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полк, ни разу не ходивший в атаку на высоты, потерял от неприятельского огня 168 нижних чинов.⁴⁴¹ Кстати, с 1846 по 1848 гг. этот полк носил имя Короля Сардинского, того самого, подданные которого в августе 1855 г. обстреливали русские батальоны.

Дополнительным фактором, способствовавшим успеху французов, был их необычайно высокий моральный дух, дух наступления, дух поиска славы, который не смог поколебать даже неудачный штурм Севастополя. На Черной речке, да и во время всей Крымской войны вновь, как во времена Наполеона, начали трепетать «фибры народной души под мундиром».⁴⁴² В этот период отличительной чертой французской армии вновь стали возводимые в ранг доблести черты природной храбрости, в кото-

⁴³⁹ Подполковник Лоссовский, Стрельба на ходу и удар в штыки // Военный сборник, №5, 1896 г., СПб., с. 92–93

⁴⁴⁰ Подполковник Лоссовский, Стрельба на ходу и удар в штыки // Военный сборник, №5, 1896 г., СПб., с. 92–93

⁴⁴¹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. с. 19

⁴⁴² Мемуары барона де Марбо, М., 2005 г., с. 731

Вид на Севастополь со стороны 3-го бастиона. 1855 г. Рисунок английского капитана Дж. Голдсмита. 1855 г.

рой «...есть не только твердость, но и порыв».¹⁴³ Эмоциональный подъем в войсках был невероятным: «Она (армия – С. Ченнык) не ждет врага, а бросается на него и захватывает его врасплох, появляясь неожиданно, подобно зуавам в битве на Альме. И эта внезапность появления делает саму скорость одним из элементов победы. Это смелость вторжения, смелость наступления. Это искусство или, скорее дар, идти вперед, извлекать пользу из медлительности врага, удивлять его своим поведением и наносить сильные удары раньше, чем враг сможет прийти в себя. Именно такая смелость наилучшим образом соответствует нации, которая более любой предназначена искренностью своего духа, склонностью к всеохватывающему распространению черт своего характера, легкостью своего языка, принятого всем миром для того, чтобы разносить по свету свои чувства и идеи. И небесполезно напомнить об этом в тот момент, когда столь большое количество французов противостоит опасному врагу в Крыму».¹⁴¹

Правда, лет через 20 ура-патриотизм французов немного оступят немцы, менее эмоциональные, но достаточно понятно объяснившие им под Седаном об опасности последствий самоуспокоения и длительного почивания на лаврах победителей. Пруссаки отомстят французам и за Альму, и за Черную речку при Сен-Прива и под Седаном. Командующему победителями – великому Мольтке, «с намеком» будет вручен орден Св. Георгия – высшая русская военная награда. Заодно ее получит и австрийский эрцгерцог Альбрехт фон Габсбург, чья государственная позиция способствова-

¹⁴³ Мемуары барона де Марбо. М., 2005 г., С. 731

¹⁴¹ Мемуары барона де Марбо. М., 2005 г., С. 731–732

ла поражению Франции в войне с Пруссией. А до того как получить высшую — I-ю степень награды, он же был удостоен и ее IV-й и III-й степени, за то что «примерно наказал» итальянцев при Кустоцце за их участие в Крымской войне на стороне союзной коалиции. Конечно же, эти награждения носили в большей степени двусмысленный, политический, нежели военный характер, но высочайший уровень наград, щедро розданных иностранцам, свидетельствует о стремлении Александра II осуществить месть за поражение в Крымской войне каждому, посмевшему оскорбить Россию.⁴⁴⁵

На Черной единственное, что могла противопоставить воодушевлению и энтузиазму союзников русская армия — героизм ее солдат и офицеров. Однако не подкрепленные систематической военной подготовкой в мирное время, ведомые откровенно слабыми командирами полки, терпели неудачу, один за другим откатываясь со склонов Федюхиных высот. Судьба сражения находилась в прямой зависимости от того, чего не было: «...от степени, на которой стоит в мирное время военная наука, и наконец, от удачного разрешения вопроса о рациональном тактическом образовании войск».⁴⁴⁶

⁴⁴⁵ Шиканов В. К истории награждения высшей степенью ордена Св. Георгия // Цейхгауз, № 5, М., 1996 г., С. 46–47

⁴⁴⁶ Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный сборник, № 2, 1872 г., СПб., С. 230

ГИБЕЛЬ ГЕНЕРАЛА РЕАДА

«Как пали сильные, погибло оружие бранное!»

Царь Давид, Вторая книга царств. 1, 25–27

Все сражение генерал Реед находился под неприятельскими пулями у каменного верстового столба в районе Трактирного моста. Сейчас трудно предполагать, что творилось в душе заслуженного генерала, на глазах которого уходила в никуда вторая из его дивизий. Вряд ли он мог полностью осознавать происходившее с его войсками. «Туман до такой степени был густ, что издали трудно было что-либо распознать, но он приносил нам ту пользу, что неприятельский огонь не мог быть слишком метким».⁴⁴⁷ Единственной информацией были доклады дивизионного квартирмейстера, отправлявшего полки в атаку и возвращавшегося к корпусному и дивизионному командирам.

Но уже вскоре, когда из тумана стали выходить поредевшие батальоны, критическое положение русской армии стало очевидным. К сожалению, этого не видел сам Горчаков, после неудачного штурма приказавший атаковать высоты силами целой дивизии. Но так как к тому времени из состава дивизии остались лишь два полка 1-й бригады, Реед приказал бросить на склоны Федюхиных высот Вологодский полк. Французские военные исследователи считают, что одной из ошибок, совершенной Горчаковым, было нащупывание уже непосредственно в ходе сражения слабых мест в обороне противника. Заранее они не были определены, а время, затраченное на их поиск, привело к трагическим последствиям. Союзники не только успевали перебросить войска на место вероятного (и предсказуемого) удара русских, но и в конце концов создавали равенство сил на всех участках.

Атаки превратились в попытки проломить стену неприятельской обороны лобовыми ударами в разных местах в надежде, что где-нибудь она окажется более слабой. Создавалось впечатление, что Горчаков попросту растерялся. Имея право остановить сражение, он колебался с этим приказом, рассчитывая, что хоть на одном из участков французы дрогнут. Удар кулаком не получился, вместо него начались тычки растопыренными пальцами: «При планировании операции не определили главный пункт атаки и его спешно изыскивали уже во время боя».⁴⁴⁸

⁴⁴⁷ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С. 16

⁴⁴⁸ Скорилов Ю. А. Севастопольская крепость, СПб, 1997 г., С. 258

Отправив Вологодский полк, дивизионный квартирмейстер (Кузмин) вернулся к корпусному командиру в ожидании приказа, в содержании которого лично сам он уже не сомневался. Не думаю, что ему, человеку как показали события храброму и умелому, перспектива добавляла вдохновения и гордости за порученное дело. Скорее наоборот. Реад должен был приказать ему вести в бой последний полк 5-й дивизии — Архангелогородский. Сцена просто дышала драматизмом. Она разыгрывалась под сумасшедшим обстрелом, интенсивность которого достигла своего пика. Понимая, что решается судьба сражения, сардинские и французские артиллеристы демонстрировали первоклассную выучку, поддерживая максимальный темп стрельбы. Все что могло стрелять — стреляло. Под металлическим ливнем героические Галицкий, Вологодский и Костромской полки выходили из боя. Они сделали что могли и никто не мог потребовать от них сделать большее.

Квартирмейстер задал Реаду единственный вопрос: «Прикажет ли Его Высокопревосходительство направить на штурм последний полк дивизии, как были им направлены три полка?». Провидение хранило архангелогородцев. В этот момент прямо у груди генерала разрывается граната. По всей видимости, это был или отрикошетировавший от земли разрывной заряд, или низко сработавшая шрапнель. Смерть была мгновенной. Осколок сорвал левую часть головы генерала Реада, не оставив ему никаких шансов.

Все как будто ждали этого мгновения. Начинает происходить нечто невообразимое и с трудом поддающееся пониманию. На вполне резонный вопрос квартирмейстера к офицерам штаба: от кого ему теперь получать приказы и вообще, что будем делать дальше, один из светских генералов со словами, которые Кузмин, с каким-то ироничным подтекстом, называет произнесенными «на несовершенном чистом русском языке»: «Надо доложить князю», ускакал к главнокомандующему. Не сильно раздумывая, не долго колеблясь, за сим «блюдушим» субординацию персонажем унесся весь штаб, предоставив истекающей кровью 5-й пехотной дивизии самой определяться в выборе дальнейших действий. Но в дивизии тех, кто по своему служебному положению и статусу был вправе принимать решения и отдавать приказы, не осталось. К тому времени выбыли из строя ее командир генерал-майор Вранкен, командир 1-й бригады генерал-майор Тулубьев и командир 2-й бригады генерал-майор Проскураков, все (!) командиры полков и 10 (из 16) командиров батальонов. Из невредимой публики корпусного значения принять на себя ответственность за дивизию не решился никто. Перспектива победы окончательно стала нереальной, искать славу было уже бесполезно, а вот ответственность за поражение нести никто не хотел.

Дивизионный квартирмейстер, оставшись единственным представителем штаба не потерявшим самообладание, организовал вывод дивизии из огня. Он приказал командирам батальонов Архангелогородского полка, увеличив интервалы, пропустить в них остатки трех полков дивизии, и затем, вновь сомкнувшись, прикрывать их отход в близлежащую лошину, обеспечивавшую защиту от неприятельского огня.⁴⁴⁹ Как только Вологодский полк отошел, Архангелогородский начал медленное движение, «шаг за шагом», притом в совершенном порядке.

К счастью помогла артиллерия: «В это время, облегченная №5 батарея была сменена, по распоряжению командира 5-й бригады полковника Каннабиха, №3

⁴⁴⁹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С. 18–19

батарея».⁴⁵⁰ Вероятнее всего, что находившиеся в орудийных передках заряды были расстреляны, а зарядные ящики до сих пор не могли протолкнуться по запруженной войсками, двигающимися в обоих направлениях, дороге.

Тело генерал-лейтенанта Реада было оставлено на поле сражения и похоронено французами. При нем неприятельскими офицерами были обнаружены и изъяты служебные документы, в том числе и предписывающие корпусу действия в сражении. Факт интересный, не так часто в XIX в. оставляли на поле сражения генералов столь высокого ранга. А тут, учитывая, что Реад явно был не последним ротным командиром, прикрывающим отступление корпуса, получается картина грустная – тело своего командира штаб просто бросил. Не удосужились даже позаботиться о том, чтобы секретные бумаги не попали в руки неприятеля.

Реад был не единственным, кто ища смерти, видя в ней единственное наказание за происшедшее пал, по словам Горчакова, «...жертвой своих возвышенных чувств».⁴⁵¹ Генерал Вревский ненадолго пережил корпусного командира. Понимая собственную вину, может быть и косвенную, он, по мнению многих участников сражения, сам искал смерти. Поиски были не очень затянувшимися. В его душевных мучениях точку поставили несколько французских ядер, последнее из которых снесло ему голову. «Убит генерал Вревский, директор канцелярии Военного министерства, человек молодой, моложе 40 лет, богатый; человек, которому предстояла самая блестящая карьера! И вот ядро снесло его за пределы здешних наслаждений! Сперва убили под ним лошадь, он пересел на другую; а потом, когда он уже оставил это место и поехал назад, другое ядро, рикошетируя, ударило его сзади в плечо и голову. И это подле Главнокомандующего! Подле него же контузило молодого Корсакова и убило ядром лошадь под адъютантом начальника штаба Крузенштерном. Вот какой здесь дух! Можно ли тут быть трусом!».⁴⁵²

Оставим Бергу его эмоции. Вревский сам решил свою участь, сохранив честь, но судьба многих других «невинно убиенных» участников сражения на Черной речке к тому времени еще не определила своего решения.

Лев Николаевич Толстой был менее склонен к сантиментам:

*Барон Вревский, генерал –
К Горчакову приставал
Когда подшофе:
«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору.
Не то донесу»⁴⁵³*

⁴⁵⁰ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С. 20

⁴⁵¹ Аврамов Н. Сражение при р. Чёрной // Военный сборник, № 8, СПб., 1907 г., С. 6–7

⁴⁵² Первых (Васильева) Д. К. Военный Крым. Корреспонденции Н. В. Берга // Историческое наследие Крыма, № 11, 2005 г., Симферополь, С. 58

⁴⁵³ Венюков М. И. Псалом и песня о Севастополе // Русская старина. Т. 13. СПб., 1875 г. С. 442

17-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ В СРАЖЕНИИ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

*«Каждая наступательная операция дает преимущества в первой половине своего срока...
Наступление постепенно теряет свои преимущества, происходящие от внезапности и заблаговременной подготовки»*

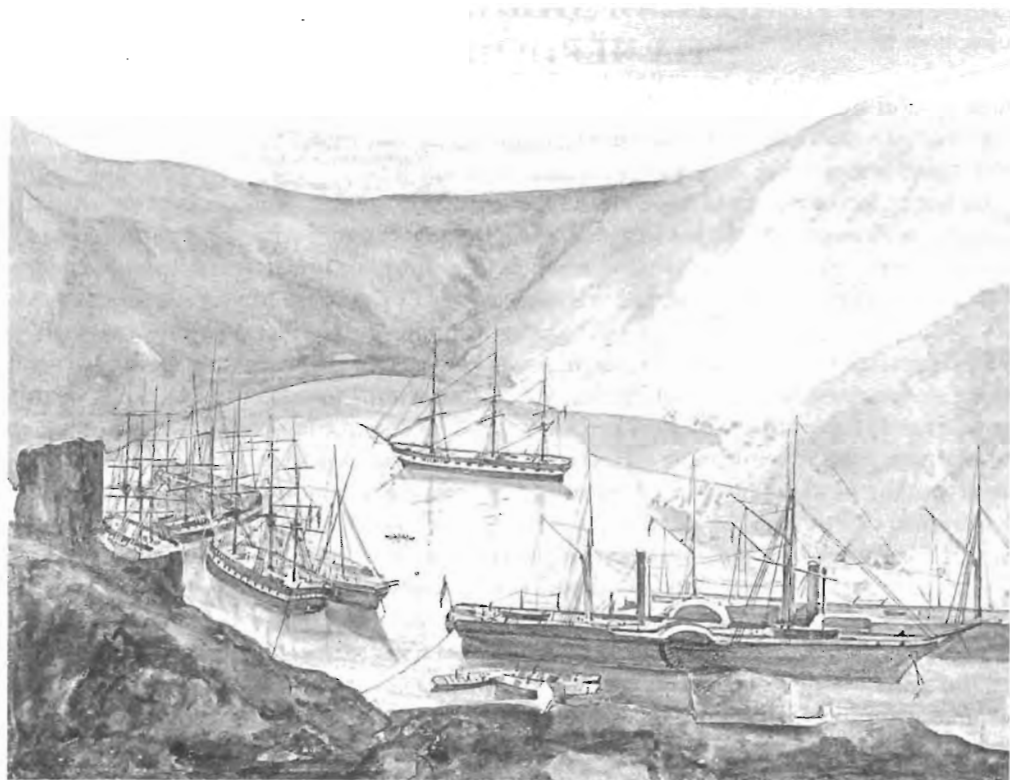
генерал А. А. Свечин. «Стратегия» (1927 г.)

В половине восьмого утра всякая борьба в районе Трактирного моста прекратилась. Однако Горчаков не мог признать столь очевидного поражения и по инерции продолжал двигать войска вперед. Очередным обреченным подразделением стала 1-я бригада 17-й пехотной дивизии генерал-майора Гриббе – Бутырский и Московский полки (командиры – полковник Гернет и подполковник Труневский). До этого времени она находилась в районе Телеграфной горы, где, поддерживая полк первой линии – Тарутинский, бутырцы взяли Телеграфную гору и поднялись на склоны горы Гасфорт. Очевидно, главнокомандующий посчитал, что колья силы французов сосредоточены на центральной из Федюхиных высот, удар по восточной из них может иметь шанс на успех. Кроме того, в случае подхода резервов, появлялся шанс на успех очередной атаки: «...в восьмом часу утра генерал Липранди двинул из своего резерва, по приказанию главнокомандующего, 1-ю бригаду 17-й пехотной дивизии генерал-майора Гриббе, для развлечения неприятельских сил и поддержания атаки, направленной против Федюхиных высот. Место этой бригады на Телеграфной горе заняли войска генерала Бельграда, за исключением двух батарейных батарей, оставленных на Чоргунской высоте под прикрытием двух батальонов Низовского егерского полка».⁴⁵⁴

Горчаков надеялся, что новая атака во фланг союзных войск отвлечет часть сил неприятеля и поможет 5-й дивизии овладеть высотами. Вместо отвлечения сил, бригада пошла под удар основных сил пехоты и артиллерии союзников.

Казалось, вначале удача сопутствовала русским. Несмотря на картечь, больших потерь от которой удалось избежать используя местность, бригада перешла Черную и водопроводный канал. Бывшему в первой линии Бутырскому полку противостояли

⁴⁵⁴ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, ч. 2, СПб., 1871 г., С. 283

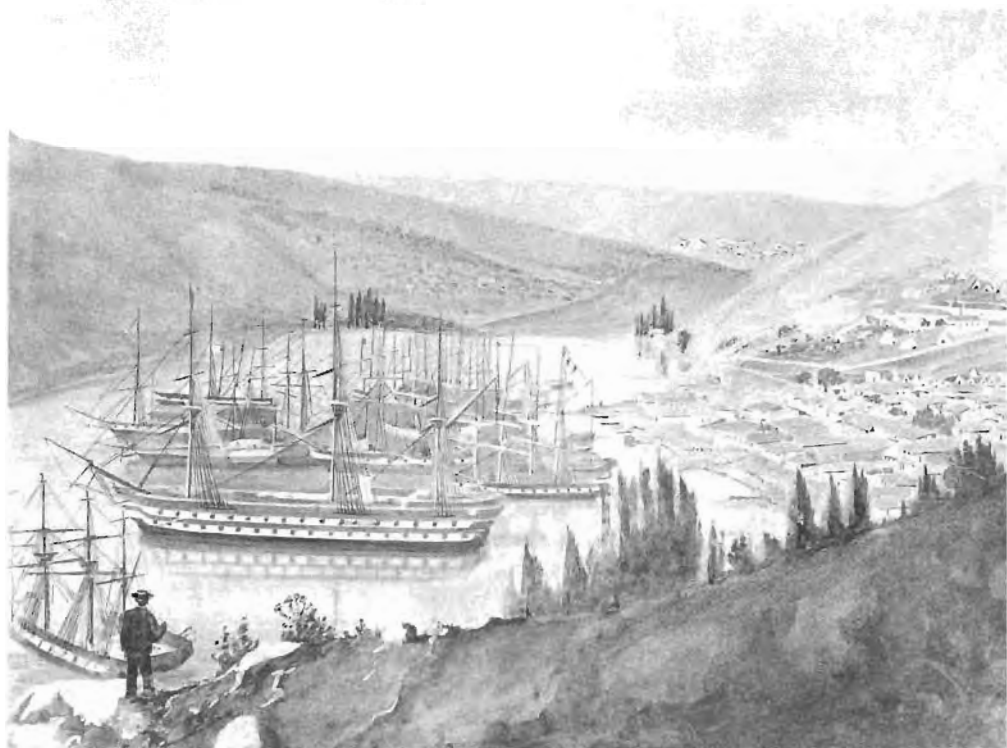
Панорама Балаклавской бухты. Рисунок Д. Робертсона. 1855 г.

лишь четыре измотанные непрерывным боем роты 19-го батальона шассеров и четыре орудия артиллерийского резерва французов (из 15-го артиллерийского полка), которые Форже предусмотрительно поставил на южных склонах Федюхиных высот.

Четыре пехотные роты французов, поддерживаемые четырьмя орудиями, не оказывая какого-либо ожесточенного сопротивления, отошли: «Имея в голове бригады Бутырский пехотный полк, войска этой бригады перешли по пояс вброд водопроводный канал и смело атаковали восточную высоту Федюхиных гор. Первоначально французы имели здесь только четыре роты 19-го егерского батальона и четыре орудия, взятые из артиллерийского резерва (3-й батальон 15-го полка), так как генерал Фоше сосредоточил в бою у Трактирного моста свои главные силы».⁴⁵⁵

Со стороны русских — это уже наглость пограничная с доблестью. Кажется, сражение проиграно во всех пунктах, но пехотные полки вновь и вновь ищут точку, на которой стойкость неприятеля начнет балансировать и в конце-концов его оборона рухнет. Клер перебросил свой резерв на правый фланг: 62-й и 73-й линейные полки развернули свой фронт и ураганным ружейным огнем попытались остановить бутырцев. К восточной высоте подходил 95-й линейный: «Несмотря на встретивший их сильный штуцерный и артиллерийский огонь с фронта, с Федюхиной высоты, и

⁴⁵⁵ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 284

Вид на Балаклавскую бухту со стороны башни. Рисунок Д. Робертсона. 1855 г.

с левого фланга, с Гасфорта горы, бутырцы не остановились и неустрашимо подавались вперед; но когда они достигли вершины горы, убыль в их рядах оказалась столь значительною, что генерал-майор Гриббе приказал Московскому полку выдвинуться в первую линию».¹⁵⁶

После этого повторилась уже известная нам картина. Московский полк через интервалы Бутырского смело атаковал французов. Московцы смели всех, кто не успел покинуть пространство перед ними и на одном дыхании дошли до французского лагеря, круша палатки и полевые кухни. Казалось, еще минута, еще бросок, еще десяток шагов и надежды Горчакова оправдаются! Базанкур говорит, что именно в этот момент «...русские вновь сделались хозяевами положения».¹⁵⁷

Случившееся не принесло видимой радости неприятелю, который, не желая делиться с русской пехотой свежеприготовленным завтраком, предпочел организовать угощение картечным огнем и ружейными залпами пехотной бригады полного состава, усиленной артиллерией. Несмотря на то, что подходили дивизии генералов Левальяна и Дюлака, Эрбильон не стал ждать их ввода в сражение. Вместе с Фоше он двинул в сражение все что у него оставалось. В центре Фальи и справа Клер кон-

¹⁵⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 284

¹⁵⁷ Bazancourt, de, Baron, L'Expedition de Crimée. La Prise de Sebastopol, Paris, P. 392

Французские солдаты выдвигаются на инженерные работы в передовые траншеи. Первые двое солдат одеты защитные металлические нагрудники и каски.

трактавали русских. 95-й линейный полк полковника Даннэ становится на пути русской пехоты. Казалось бы, смести его с дороги ничего не стоит, но именно в это время сардинская артиллерия накрыла русских густым огнем, который «...нанес им (русским) значительные потери еще до того, как они успели дойти до середины высоты... русские вынуждены были вести все свои атаки под сильнейшим огнем артиллерии союзников, особенно пьемонтцев: шестнадцатифунтовые пушки пьемонтцев трудно перевозить, однако, будучи установленными на позиции, они ведут исключительно эффективный огонь».¹⁵⁸

Атака захлебнулась. Тяжело подобрать иное сравнение, но буквально расстрелянный Московский пехотный полк, которому Гриббе не оказал никакой поддержки (он и не мог этого сделать при всем своем желании), откатился назад. Его отход прикрыл Бутырский полк.

Гриббе выводил войска с чистой совестью и чувством исполненного долга. В конце концов, действия 1-й бригады носили демонстрационный характер и проводились с целью отвлечения неприятеля на себя. Московцы и бутырцы отошли к Черной, перестроились под огнем и приблизительно к 10 часам вернулись на Телеграфную гору. Пробыв там некоторое время в ожидании возможного преследования неприятеля, они начали движение на Мекензиевы горы.

«Бригада генерала Гриббе не располагала никаким резервом, и потому была поставлена в совершенную невозможность удержаться на занятой позиции в виду подкреплений, прибывавших к французам. Потеряв бригадного командира, тяжело раненого в ногу, командира Бутырского пехотного полка полковника Ёрнета, и почти всех батальонных и многих ротных командиров, бригада эта должна была отступить. Для прикрытия этого движения, генерал Липранди выдвинул лейб-егерский Боро-

¹⁵⁸ Энгельс Ф. Сражение на Чёрной (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/11/113.htm>)

динский Его Величества полк; спустясь в долину и, заняв густою цепью штуцерных и застрельщиков берега Черной, он дал отступающей бригаде возможность устроиться на ближайших возвышениях, после чего все три полка вновь поднялись на Телеграфную гору, куда они прибыли в десятом часу утра».⁴⁵⁹

Атака дорого стоила Московскому пехотному полку. В сражение он вступил, имея в своих четырех батальонах 5 штаб – и 59 обер-офицеров, 234 унтер-офицера, 124 нестроевых чина и музыкантов, 1527 нижних чинов. За два часа были убиты или пропали без вести 6 офицеров (штабс-капитан Федоровский, подпоручик Жуков, прапорщики Телепнев, Чаплыгин, Заремба и Бакшеев), 224 унтер-офицера и нижних чина. Позднее скончался от ран штабс-капитан Берков. Ранены были штабс-капитан Яновский, поручики Богданов и Копытин, подпоручик Георгиев, прапорщик Смердов, а также 150 унтер-офицеров и нижних чинов. Странная разница числа убитых и раненых объясняется тем, что большинство раненых были оставлены на месте боя и потому включены в список пропавших без вести. 8 августа 1855 г. приказами командира 17-й дивизии № 95 и № 97, наиболее пострадавший в сражении 4-й батальон Московского пехотного полка был расформирован, его офицеры и солдаты с сохранением чинов, должностей и жалования, распределялись в три батальона. Знамя 4-го батальона временно перешло в 1-й батальон.

Подполковник Труневский за отличие и личную храбрость в Чернореченском сражении 30 августа 1855 г. получил звание полковника и стал командиром Московского пехотного полка. Различные награды, в том числе знаки отличия ордена Св. Георгия получили 26 офицеров полка и 48 нижних чинов.

Сардинские документы говорят о действиях 17-й дивизии лаконично, но емко: «Две дивизии противника уже полностью истреблены, когда 17-я русская дивизия, поддержанная отрядом стрелков, спустившись с г. Зиг-Заг устремляется справа на французские позиции и слева на пьемонтские, чтобы овладеть проходом в Балаклавскую долину. Русские колонны под убийственным огнем французских и сардинских артбатарей и батальонов пьемонтского корпуса снова переходят р. Черную, канал и карабкаются на Федюхины высоты».⁴⁶⁰

Когда генерал Гриббе пытался помочь основным силам русских войск, на поле сражения прибыл лично главнокомандующий французскими войсками в Крыму генерал Пелисье. Он наблюдал за ходом сражения с восточной из Федюхиных высот. За его спиной уже виднелись развернутые знамена подходивших дивизий Дюлака и императорской гвардии. С северо-востока, спускаясь по склонам Сапун-горы, выдвигалась дивизия Левальяна.

Чернореченское сражение вступало в свою последнюю фазу.

⁴⁵⁹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 284

⁴⁶⁰ Матвеев В. Негостепримная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 77

ДЕЙСТВИЕ ПОСЛЕДНЕЕ — АТАКА САРДИНЦЕВ

«Это был самый лучший и важный момент для нас! Момент утверждения национальной гордости!»

Сардинский генерал А. Риччи, участник сражения на Черной речке.

Когда все атаки на Федюхины высоты прекратились и русские начали отход, вместе с двинувшимися вперед французскими войсками в дело вступили сардинские пехотинцы. Ими двигало желание во что бы то ни стало вернуть потерянные позиции. Сардинцы стремились на Черной подтвердить присущую им репутацию одного из самых отважных народов Европы.⁴⁶¹ Получившие наконец-то возможность доказать важность своего присутствия на полуострове, пьемонтские солдаты, горевшие желанием вступить в бой, не торопясь и основательно начали готовить контратаку. Обстановка способствовала успеху. К этому времени направление действий русских волею князя Горчакова изменилось. Используя временное затишье, из второй линии и резерва подошли основные силы сардинского контингента, немедленно по мере прибытия вступавшие в сражение, усиливая фронт пьемонтцев: «Между тем на место боя уже выдвинулась вся 4-я пехотная бригада генерал-майора Рудольфо ди Монтевеккьо и с ней 13-я артиллерийская батарея капитана Рикотти Чезаре, которая с передового контрфорса горы Гасфорт открыла огонь по противнику. Тогда командир 2-й дивизии генерал-лейтенант Алессандро Тротти для возвращения уступленной русским первой траншеи определил три батальона: 9-й — майора Стефано Дуранди, 10-й — майора Луиджи Кастелли и 15-й — майора Витторио Валлакка. Впереди них выступали 10-й батальон с 4-й ротой 5-го батальона берсальеров (которой командовал Томазо Гарроне)».⁴⁶²

Сардинцам быстро удалось собрать свои силы, сконцентрировав их в районе горы Гасфорт. Продолжением должна была стать атака на русских, занимавших брошенные пьемонтцами позиции. И она не заставила себя долго ждать. Основной удар был направлен на позиции русской артиллерийской батареи «...с огромным боевым порывом, несмотря на плотный артиллерийский огонь русской батареи, уже разме-

⁴⁶¹ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol — Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 393

⁴⁶² Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 80

стившейся у покинутой пьемонтцами позиции и редкую линию русских стрелков вокруг батареи».⁴⁶³

В этом описании итальянского историка Манфреди есть явное преувеличение. Основные силы русских к тому времени уже оставили сардинцев в покое и ушли к Федюхиным высотам. То, что называется у Манфеди «плотным огнем», судя по ходу событий, не более чем несколько залпов по концентрировавшимся итальянцам с целью удержать их на расстоянии и дать возможность артиллерии покинуть позиции. Если бы батарея открыла стрельбу картечью, то сегодня мы бы не говорили о столь малых потерях пьемонтского экспедиционного корпуса в Крыму. И если итальянцы действительно «с огромным порывом» атаковали слабо прикрытые пушки, можно с уверенностью сказать, что батарея была бы взята. Будем реалистами и оставим эпитеты на совести легендарного итальянского темперамента. Сведений о захваченных сардинцами орудиях нет. И быть не может. Ответ можно найти у того же Манфреди. Оказывается, что когда сардинцы собирали в кулак «боевой порыв», генерал Моррис «...рекомендовал нам оставаться на месте, чтобы не оголять их правый фланг в нашей попытке вновь овладеть траншеями, которые уже выполнили свое предназначение». Вероятно он был прав. Тогда вышеуказанным батальонам приказ был отменен и они вновь заняли свои позиции как на плацу, поскольку противник их теперь не очень беспокоил и не проявлял намерения к дальнейшему наступлению на нас».⁴⁶⁴

Что тут говорить. Пока на их глазах русские артиллеристы свернули орудия и, прикрывшись стрелками, отошли, сардинцы внимательно наблюдали за этим, не рискуя вступать в бой. Конечно, может быть и существовало опасение, что Горчаков, одумавшись, вернет свои войска на левый фланг и вновь обрушится на пьемонтцев, но оно уже перестало к тому времени быть реальностью. Пока русские, не спеша и обстоятельно ставили орудия на передки, число итальянских зрителей возрастало с каждой минутой: «С развитием сражения в готовности поддержать 4-ю бригаду подошла 5-я пехотная бригада (генерал-майора Молларда) и заняла позиции во второй линии подготовленной обороны батальонами: 12-м (с этого дня под командованием Бланкетти), 17-м (майор Джузеппе Ферреро) и двумя ротами 5-го батальона берсальеров (капитан Антонио Феррари) справа у подножья горы Гасфорт, а батальонами 18-м (майор Рафаэле Кадорна) и 11-м (майор Эудженио Альберти) слева г. Гасфорт, на спу-

Масштаб в $\frac{1}{2500}$ настоящей величины.

Объяснение: а) блиндажи, б) траншеи, в) пороховые погреба, г) ретрашпеты, д) канализация.

План укреплений Малахова кургана.

⁴⁶³ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 80

⁴⁶⁴ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 80

Осада Севастополя. Английский рисунок XIX в.

ске к Каменному мосту через канал. Немного позади расположилась вся 1-я пьемонтская дивизия генерала Джовани Дурандо и бригада резерва генерала Ансальди.⁴⁶⁵

Манфредо подтверждает, что итальянцы продолжали оставаться сторонними наблюдателями в разгар сражения: «Яростное сражение происходило на французских позициях. Противник остановился напротив наших траншей. Нам было рекомендовано не продвигаться, поскольку пехотный натиск с обеих сторон слабел. Начался активнейший обстрел противника силами артиллерии, приданной нашим бригадам».⁴⁶⁶

И вновь сардинской артиллерии удалось сказать свое веское слово в сражении: «13-я артбатарея (капитан Чезаре Рикотти) 4-й пехотной бригады, развернутая на холме, где стояли 11-й и 17-й батальоны, била по русским с фланга на подступах к французским позициям; 16-я артбатарея (капитан Эмилио Бауди ди Весме) 5-й пехотной бригады, оставив часть пушек с батальонами этой бригады, остальные 4 орудия разместила в расположении 13-й артбатареи. Две наши батареи, разместившись на левом фланге пехоты 4-й бригады, получили выгодное преимущество поражать фланговым огнем русскую пехоту, атакующую французские позиции.

Об этих батареях упоминает Базанкур, утверждая, правда, что именно благодаря им была отбита атака Одесского егерского полка.⁴⁶⁷ Он заблуждается. К тяжелым по-

⁴⁶⁵ Матвеев В., Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 80–81

⁴⁶⁶ Матвеев В., Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 81

⁴⁶⁷ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 393

терям одесцев итальянская картечь отношения не имела. Другое дело – обстрел 5-й и 17-й дивизий. Тут сардинские артиллеристы смогли продемонстрировать уровень своей подготовки. Под прикрытием их выстрелов Тротти смог развернуть свою пехоту.⁴⁶⁸ Поддержка артиллерии была эффективной. Благодаря ей, не много итальянских семей на родине одело траур после этого дня.

Крупнокалиберные орудия, расположенные на редуте «Пьемонтского наблюдательного пункта» на горе Гасфорт, эффективно поражали артиллерию русских. 7-я артбатарея (капитан Луиджи Мелла) 2-й бригады 1-й дивизии, расположившись на возвышенности перед «наблюдательным пунктом», вела обстрел русских батарей, размещавшихся гораздо ниже и осуществлявших огневую поддержку русской пехоты, атакующей французские позиции. Рядом с ними вели артобстрел русской артиллерии также 4 английских орудия, обслуживаемые нашим личным составом, а с высот Алсу – турецкие батареи».⁴⁶⁹

Помощь сардинцев французам оказалась своевременной. Конечно, она не решила исхода сражения, но и лишней не была. Под шквал огня пьемонтских, английских и турецких пушек попали в основном части 5-й дивизии, в том числе славный Галицкий полк.

По 5-й дивизии, сменившей отходившую от Федюхиных высот 12-ю, открыли ураганный огонь все батареи сардинцев. Развернувшийся 11-й пехотный батальон майора Эудженио Альберти, находившийся в непосредственной близости от французских позиций и берсальеры, расположившиеся вдоль канала, вели стрельбу по флангу русских: «Также и вторая атака русских колонн была остановлена перед позициями французов не без помощи флангового огня сардинской артиллерии и пехоты. Это не замедлило поколебать боевой настрой противника, привести его в смятение, а затем отступить так же как и в первый раз раньше, чем другие батальоны 5-й пехотной бригады (генерал Джованни Моллард) пришли на помощь 11-му пехотному батальону этой бригады».⁴⁷⁰

Ну, про смятение у русских сказано, пожалуй, чересчур громко. По крайней мере, организованность их отхода свидетельствовала о противоположном. Да и смятения как такового не наблюдалось ни на одном из участков сражения. Но выдержать столь интенсивный обстрел с нескольких сторон, сопровождавший все действия 5-й дивизии было тяжело. Не спешили сардинцы и тогда, когда свои действия начала 1-я бригада 17-й пехотной дивизии. Пьемонтская артиллерия, сосредоточив свой огонь на Бутырском и Московском полках, нанесла им тяжелые потери и вынудила отходить.

Манфредо отмечает ожесточенность сражения и упорство, с которым русские пытались овладеть французскими позициями: «Не было еще 7 часов утра, когда сквозь рассеивающийся туман можно было различить русские колонны, уже преодолевшие канал и речку Черная с намерением овладеть французскими позициями. По этим русским войскам велся плотный огонь со всех сторон, особенно пехотой и артиллерией французских дивизий генерала Камю, Фоске и Гербильона. Все же передовые французские посты были захвачены, головы некоторых русских колонн, хотя обессиленные и поредевшие, уже достигли почти гребней высот и были в нескольких шагах от

⁴⁶⁸ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 393–394

⁴⁶⁹ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 81

⁴⁷⁰ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 82

французских палаток. Но здесь они встретили непреодолимое препятствие. К ожесточенному огню на поражение добавились и яростные штыковые контратаки французов. Противник был сначала остановлен, затем и отброшен... обратно за канал и реку Черная, оставив в руках французов многих пленных и пространство, усеянное телами убитых и раненых». ⁴⁷¹

Ла Мармора оценил обстановку, сложившуюся на поле сражения и, убедившись что его войскам более ничего не угрожает, принял решение помочь французам в контратаке, усилив их правый фланг своими войсками: «Видя, что противник направил усилия пехоты на другое направление, ограничиваясь беглым артиллерийским огнем по нам, я приказал командиру 2-й дивизии выделить необходимые силы и направить их на край правого фланга французов для оказания им помощи. В то время как наша артиллерия поражала бы с фланга и в спину русские колонны». ⁴⁷²

Своевременное решение. Можно сказать — образец правильного видения ситуации. Это уже без иронии. Сардинцы дождались отхода русских и просто заняли оставленную ими территорию. Не будем считать столь неторопливое движение сардинской пехоты за трусость. Она пошла, когда условия для ее действий были подготовлены артиллерией.

Сразу после начала отхода русских, вперед двинулась французская пехота: «Французский генерал Клер, командир 2-й бригады резерва, отдает приказ перейти в контратаку и 62-й полк атакует авангард русских колонн. Они отбрасываются и преследуются за р. Черная. Этот повторный наступательный порыв французов поддерживается сардинскими батальонами дивизии Тротти, которые также восстанавливают свои утраченные боевые позиции на г. Зиг-Заг, и в дальнейшем преследуют в беспорядке отступающего противника под прикрытием их значительных кавалерийских отрядов и огня русских артбатарей. 6 турецких батальонов тем временем спешат для усиления позиций союзников вдоль Черной речки. С этой же целью командующий французской армией приказал трем новым своим дивизиям выдвинуться поближе к русским, находящимся на прилегающем плато». ⁴⁷³

И вновь официальная версия сардинцев грешит, говоря о «беспорядке» среди отступающих русских. Где-где, а у Липранди такового не наблюдалось.

Пьемонтцы пошли в атаку не одновременно с французами, а присоединились к ней уже по ходу разворачивавшихся событий: «В этот раз передовые части французов, к которым присоединились 2 роты берсальеров 5-го батальона (капитан Феррари), 12-й пехотный батальон (капитан Бланкетти); 17-й батальон (майор Ферреро) и дивизион 16-й артбатареи, — все они, возглавляемые командиром бригады генералом Дж. Моллардом, стали преследовать противника при его отступлении. 17-й батальон и 1-я рота берсальеров перешли канал по небольшому деревянному мосту, и удлинив наступательную цепь 11-го батальона, стали ружейным огнем преследовать отходящего противника. С ближайших холмов, занятых французскими войсками, послышался протяжный призыв: „Да здравствуют Пьемонтцы!“». ⁴⁷⁴

Генерал Риччи в написанных в 1885 г. «Воспоминаниях...» объясняет, почему сардинцы столь большое внимание уделяют такому частному эпизоду, как их атака: «Это

⁴⁷¹ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 81–82

⁴⁷² Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 82

⁴⁷³ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 77

⁴⁷⁴ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 77

На перевязочном пункте передовой оборонительной линии Севастополя. Фрагмент панорамы. Худ. Ф. Рубо.

был самый лучший и важный момент для нас! Момент утверждения национальной гордости! Мы не преувеличиваем важности этого факта, как и сложности его достижения. Но он был: наши воины не пропустили вперед себя никого. И это могут подтвердить французы, англичане, турки и русские. И этого достаточно для нас, чтобы показать, что мы должны были и хотели смыть перед лицом всей Европы позор и воспоминания о полном фатальном поражении при Новаре!».⁴⁷⁵

Младший лейтенант Первиньяно из 5-го батальона берсальеров возглавлял своих подчиненных призывая: «Дети мои, не дайте зуавам обойти нас!», и раненный в щеку, сделав перевязку, остался со своим взводом.

Очень красиво, патетично, но с трудом уместается в описание сражения. Выше мы об этом уже говорили. Не стоит большого труда понять, что пьемонтцы просто продвигались вперед за отходившей русской пехотой, сопровождая ее ружейным огнем и занимая по мере отхода последней освободившееся пространство. Когда же русские окончательно отошли — сардинцы броском вернули утраченные до этого позиции.

К 10 часам сардинцы заняли свои прежние укрепления на Телеграфной горе и Карловских высотах. На горе Гасфорта закрепились подошедшие из резерва три турецких батальона.⁴⁷⁶

Личный состав 5-го батальона берсальеров совместно с французскими зуавами участвовал в атаке, пытаясь отбить у русских Трактирный мост. Овладев им, зуавы, в знак признания доблести и бесстрашия пьемонтских берсальеров, вручили им

⁴⁷⁵ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 199

⁴⁷⁶ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 285

свой головной убор «...феску, а берсальеры – свою шляпу с черными петушиными перьями».⁴⁷⁷

Итальянцы впоследствии оказались более склонными к фетишизму, сохранив в качестве традиционного элемента униформы берсальеров красную феску – «шешие», которая до сих пор, наряду с другими традиционными элементами, входит в форму одежды итальянской легкой пехоты. Французы же, до конца существования зуавских частей, петушиных перьев не носили. Не понравились они им, наверное...

Говоря о заслугах пьемонтцев, сам Риччи не склонен к их преувеличению: «Каковы заслуги нашего сардинского корпуса в ходе Чернореченского сражения? Осмелюсь утверждать, что мы были начеку и вовремя обнаружили атакующие действия противника своими передовыми форпостами и твердо оборонялись и держались в первой фазе сражения. Мы своевременно перешли от обороны к наступлению во второй фазе и этим наш экспедиционный корпус сыграл важную роль в достижении победы союзниками. Претендовать на большее было бы преувеличением, но и отрицать то что нами было сделано, также было бы несправедливо».⁴⁷⁸

В то же время, не подлежит сомнению, что моральный настрой пьемонтцев был высоким: «Когда стало ясно, что намечается большое сражение, живое беспокойство проявилось среди пьемонтцев больных холерой, тифом, находившихся в лазаретах. Они покидали их, заявляя, что выздоровели и хотят стать в строй, занять свои места в траншеях среди своих боевых товарищей. Сначала их пытались остановить, запретить покидать больничные палатки, но затем вынуждены были уступить. И правда, что можно ответить людям, которые со слезами на глазах вам говорят: „Мы хотим воевать. Когда наши товарищи сражаются, мы не можем оставаться в палатках, дайте нам оружие и вы увидите, что мы выполним свой долг!“ И все видели, как эти изможденные и высохшие от длительных страданий люди брали дрожащими руками ружья, занимали свои места в траншеях с трудом удерживаясь на ногах. Часто приходилось их укладывать на землю почти без признаков жизни, но все они оставались твердыми, решительными и непреклонными. О друг мой, когда видишь подобное, то наверняка уверуешь в то, что солдат окружен ореолом морального величия, возвышающего его над всеми. Тогда любить его – это не только требование устава, но и веление сердца. Это чувство во многом сходно с отцовским. Это чувство, которое помимо любви и уважения к солдату, делает честь тому, кто его испытывает и проявляет!».⁴⁷⁹

Недаром современники считают, что единственной из сторон, участвовавших в сражении, мотивированной более других – были как раз сардинцы. В Крыму они бились за объединение своей Италии.

СЕВАСТОПОЛЬ: ОЖИДАНИЕ БЕЗ НАДЕЖДЫ

Все время когда шла кровавая схватка на берегах Черной речки, севаستопольский гарнизон находился в напряжении. Все ждали сигнала к началу действий: «Страшное затишье, ни одного выстрела; мы все наготове, лошади оседланы, каждый имеет свое назначение; Хрулев в рубашке, с трубкой, нетерпеливо ходит по коридорам и грызет

⁴⁷⁷ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 82–83

⁴⁷⁸ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 198

⁴⁷⁹ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 199–200

январь. 4 часа, первый телеграфический сигнал: «наши наступают»; 5 часов, второй сигнал — «бой начался»; 6 часов — «бой продолжается». В 7, в 8 и в 9 часов, повторяется сигнал «бой продолжается» и больше сигналов не было. Можно представить наше положение. С платформы батареи нам видно было, как неприятельские колонны из Камыша направились к месту сражения (12 верст пересеченной местности). Мы видели, как против нас французы выходили из траншей, строились в колонны, отправлялись туда же; против нас оставались одни турки».⁴⁸⁰

Хрулев нервничал. Опытный военачальник мог понимать — что-то произошло, запущенная многотысячная машина дала сбой. На его глазах упускалась реальная возможность если не нанести сокрушающий удар, то хотя бы создать проблемы для союзников, облегчить положение сражающихся на Черной речке: «Хрулев выходил из себя от нетерпения, в 9 часов, вошел в комнату, где мы сидели, сел в кресло и обращаясь к Самарину, спросил: „что вы думаете они делают?“ — „Не знаю.“ — „Бегут, подлецы!“ И прибавив энергическую брань, быстро начал ходить».⁴⁸¹ Понимая, что дальше так продолжаться не может, он начинает действовать на свое усмотрение. Первое что делает — пытается получить независимую информацию: «Потом послал Самарина и Макарова на поле сражения, приказав первому воротится сейчас, а второму ожидать окончания. Им надо было переправиться через бухту и по горам 17 верст проскакать до места битвы».⁴⁸²

Но половина дня так и прошла в неизвестности. Это была личная трагедия Хрулева. Все, что столь тщательно разрабатывалось лично им, обращалось в прах: «Какая минута для вылазки! Колонны были на половине дороги и по тревоге не знали бы куда идти — к городу или на Черную речку, но желанного сигнала к начатию вылазки не было, а Сакен и Хрулев не смели ослушаться буквального приказа, тем более не знали, что делается там».⁴⁸³

Наконец эмоциональный Хрулев не выдержал: «В это время князь Васильчиков дожидался у нас, а граф Сакен ежеминутно присылал ординарцев: нет-ли слухов. В 12 часов Хрулев, чуть не со слезами на глазах сказал нам: «дело проиграно, жутко нам будет, ступайте благодетели, распустите войска»».⁴⁸⁴

Реакция оказалась вполне прогнозируемой и не заставила себя долго ждать: «В войсках раздался ропот, опять заговорили про измену; они видели, какие выгодные минуты для вылазки мы потеряли. Во 2-м часу воротился Самарин, к вечеру приехал Макаров; они привезли убийственные вести и слова Хрулева вполне оправдались».⁴⁸⁵

Все поняли — дело проиграно...

⁴⁸⁰ Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 9, 1905 г., С. 43

⁴⁸¹ Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 9, 1905 г., С. 43

⁴⁸² Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 9, 1905 г., С. 43

⁴⁸³ Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 9, 1905 г., С. 43

⁴⁸⁴ Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 9, 1905 г., С. 43

⁴⁸⁵ Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 9, 1905 г., С. 43

ОТХОД РУССКОЙ АРМИИ И ОКОНЧАНИЕ СРАЖЕНИЯ

«Нет отступления, которое не навлекло бы бесконечных бедствий на тех, кто его совершает».

Эрнан Кортес

Когда командование начало понимать ситуацию, оно приняло решение давать команду полкам на выход из сражения. К этому времени не введенной в бой была лишь 4-я пехотная дивизия, которая «...была задержана при спуске с Мекензиевой горы по одной дороге, огибающей ее утесы, патронными ящиками, лазаретными фурами и разным обозом, загромоздившим путь, и потому эта часть пехотного резерва находилась от места боя у Трактирного моста в расстоянии более четырех верст».⁴⁸⁶

Союзники не преследовали отходивших. Впрочем, преследование потерпевшего поражение или просто выходящего из боя противника не использовалось ни в одном из сражений в Крыму. И причина здесь даже не в измотанности войск или больших потерях, как любят утверждать отечественные авторы, говоря об Альме или Инкермане. Само понятие «преследование», как вид боевых действий, отсутствовало в военном искусстве середины XIX в.

До конца столетия любая военная операция отчетливо делилась на две явно выраженные части: маневр, имеющий целью поставить свои войска в наивыгоднейшее положение к моменту решительного столкновения, и само сражение. Конечно, понятие «развития успеха» предусматривалось, а преследование практиковалось активно во время наполеоновских войн. Но в период почти до начала следующего столетия практически не имелось примеров использования преследования для развития успеха. Крымская война не была исключением.

Единственным активным действием, в какой-то степени подобным преследованию, стала попытка английских улан, вышедших к полю боя, перейти Черную, но французский генерал командир кавалерийской дивизии Моррис категорически потребовал их возвращения на исходные позиции, выразившись при этом весьма грубо: «Эти чертовы англичане не успокоятся, пока их не перебьют снова». Моррис, несомненно, имел хорошее чувство юмора, а память о прошлогодней Балаклаве, где он со своими африканскими егерями вытащил британских коллег из пасти смерти,

⁴⁸⁶ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 4, 1896 г., СПб., С. 303

На борту английского плавучего госпиталя. 1855 г. Английский рисунок из "The Illustrated London News".

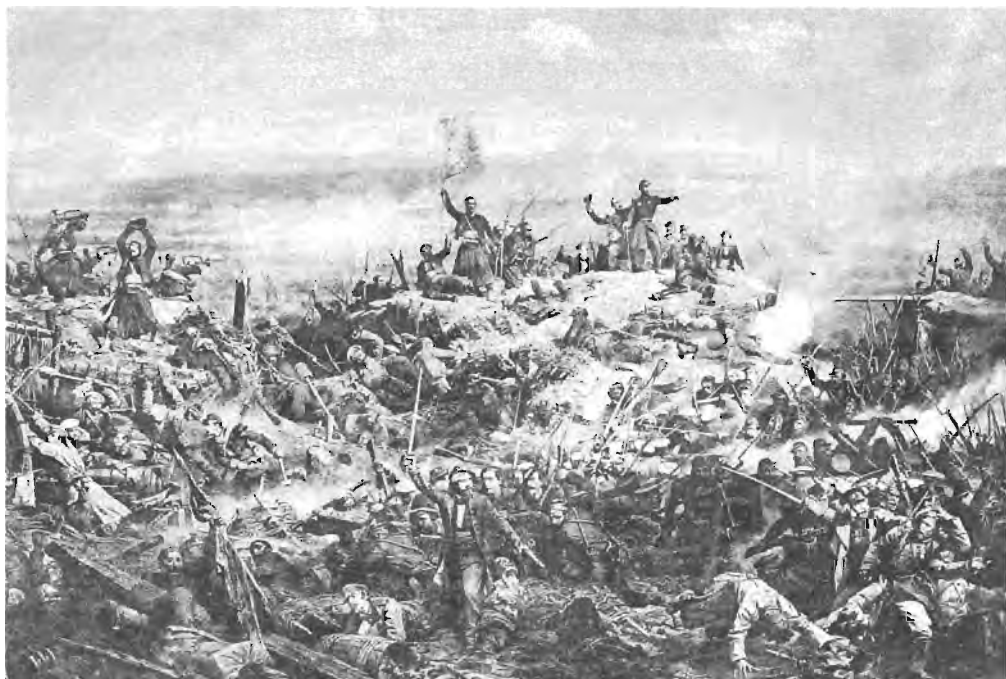
была еще свежа. Союзники посчитали дело сделанным и решили не продолжать сражение.

Получив от сбежавшего с поля сражения штаба корпуса и 5-й дивизии информацию о случившемся разгроме, князь Горчаков назначил на должность ее командира начальника Курского ополчения генерал-майора Белевцова, приказав последнему немедленно отправиться к дивизии и вывести ее остатки из боя.

«Встретив дивизионного квартирмейстера между батальонами Архангелогородского полка, получил от него доклад обо всем происшедшем прежде, и о том, что дивизия вынуждена для своего устройства несколько отступить в близлежащую лощину, отчасти обеспечивающую от неприятельского огня. Генерал Белевцов, соглашаясь вполне с его представлением, приказал по прибытию в помянутую лощину расположить дивизию в резервном порядке и повернуть батальоны полков. По проверке оказалось, что знамена сохранены, но редкое из них не имело перебитых древков в двух или трех местах; полки Вологодский, Костромской и Галицкий тут же были перестроены из 4-х батальонного в 2-х батальонный состав и эти сводные батальоны были слабее, нежели вступили в дело, Архангелогородский полк был выдвинут вперед, чтобы служить ближайшим прикрытием батареи, оставленной несколько впереди лощины, где расположилась дивизия».¹⁸⁷

На этом стоит задержать внимание. События, связанные с потерей руководства продолжаются. Потеряв командира корпуса, чины штаба и нижестоящие чины дивизионных уровней не удосуживаются принять на себя командование, при том что в этот момент судьба квартирмейстера им неизвестна. Оставив без зазрения совести остатки дивизии под огнем и не особенно беспокоясь жизнями «солдатушек», они дружной кавалькадой убывают на доклад командующему, подальше из огня. Судя по

¹⁸⁷ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г., С. 20–21

Штурм Малахова кургана. 1855 г.

всему, до командующего они тоже не добираются, ибо последний никого из них не видит и назначает командовать совершенного стороннего человека.

Появляются они на месте действия позже и ведут себя все также странно: «Прикрытая местностью от неприятельского огня, направляемого с Федюхиных высот и даже от ракет пускаемых с Сапун-горы, — дивизия оставалась в ожидании дальнейших приказаний. Тут приезжал к нам генерал-квартирмейстер Бутурлин, выслушал приведенный выше рассказ Медникова об атаке горы Вологодским полком, сказал генералу Белевцову, что этого майора надобно представить Главнокомандующему, — и уехал, вероятно к Главному Штабу. Потом приехал генерал-майор Вранкен, перевязав раненную руку, но не принимал от генерала Белевцова командование дивизией».¹⁸⁸

Складывается впечатление, что все вроде бы и хотят быть где-то рядом с войсками, но, желательно, не взваливая поверх эполет груз ответственности. По-своему они правы: последний, взявший на себя командование, в итоге был бы назначен ответственным за все.

Отведя расстроенную пехоту, русские прикрылись мощными заслонами артиллерии. Кавалерия также не отошла, оставаясь в складках местности в готовности сдерживать попытки продвижения многочисленной неприятельской кавалерии: «В то время как 5-я дивизия устраивалась в долине, Уланский Ея Императорского Высочества Княгини Екатерины Михайловны полк был выдвинут на одну линию с этой дивизией и расположен шпалерою впереди нашего авангардного лагеря. Вероятно полагали, что неприятель будет так опрометчив, что оставив свою выгодную позицию,

¹⁸⁸ Кузмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г., С. 21

будет преследовать наши отступающие войска, — даст случай произвести несколько блистательных атак. Несколько ракет, пущенных с Сапун-горы в эту кавалерию, заставили ее отойти за 4-ю пехотную дивизию».⁴⁸⁹

Обстрел ракетами был действительно на редкость удачным для еще не имевшего достаточной точности при стрельбе этого вида оружия. Его произвели по команде Боске, который наблюдал за сражением с Инкерманских высот. Генерал «...заметил, что в устье долины Шули стеснилась значительная масса неприятельской кавалерии и повозок, приказал стоявшей близ него ракетной батарее стрелять по ним. Это было исполнено и о брошенных ракетах пишут: «они падали с редким счастьем посреди кавалерии и артиллерийских парков и причинили там много беспорядков».⁴⁹⁰

Вновь кавалерия демонстрирует свою бесполезность и неготовность примениться к новым требованиям военного искусства. Как британская при Альме, так и русская при Черной речке (как и при Альме), продолжают оставаться в роли безучастных зрителей. Не хотелось упрекать кавалеристов, да и наверное не их вина, что тактические принципы применения кавалерии на поле боя, заложенные еще в XVII–XVIII вв. к середине XIX в. безнадежно устарели.⁴⁹¹

5-я дивизия, оставив один батальон (3-й Архангелогородского полка) для прикрытия артиллерии, в 2 часа дня вернулась на Мекензиеву гору.

К 10 часам Горчаков отвел все войска, «...признав бесцельным проводить дальнейшие попытки атаки неприятельской позиции», от берега Черной речки к подножию Мекензиевых гор: «Войска отступили от правого берега Черной и выстроились на расстоянии малого пушечного выстрела от реки, имея левый фланг на северной части Телеграфной горы, а правый, составленный из кавалерии, — у подошвы последнего уступа Мекензиевых высот. В первой линии находилась артиллерия и кавалерия, во второй — пехотные дивизии».⁴⁹²

В таком расположении русские оставались четыре часа. Горчаков надеялся, что «...неприятель, стянув свои войска, перейдет через р. Черную и атакует нашу позицию, где мы могли его встретить сильным огнем артиллерии и потом атаковать его: но он этого не сделал, почему, не имея возможности оставаться долее на местах, где не было воды, войска наши получили приказание возвратиться на Мекензиеву позицию».⁴⁹³

ПОЛЕ СМЕРТИ

К 10 часам⁴⁹⁴ сражение завершилось. Вспаханное ураганным артиллерийским огнем огромное пространство перед Федюхиными высотами не поддавалось описа-

⁴⁸⁹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года. СПб., 1859 г., С. 22

⁴⁹⁰ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 258

⁴⁹¹ Денисон Джордж Тэйлор. История конницы, В 2-х кн., кн. 1., М., 2001 г., С. 382

⁴⁹² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 285

⁴⁹³ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 4, 1896 г., СПб., С. 304

⁴⁹⁴ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 260

Бой за горжу Малахова кургана. 1855 г. Худ. А. Ивон.

нию, настолько ужасное зрелище оно представляло: «Подступы к Черной, как с нашей, так и с противоположной стороны были завалены телами».¹⁹⁵

Человеческое мясо было перемешано с пудами свинца, чугуна и стали. Французских солдат потрясло число ядер и осколков, усеявших землю вдоль Черной. «Их было столько, сколько пуха весной».¹⁹⁶ Штаб Боске выехал к Черной немедленно после окончания боя. Увидев массы жертв, Боске приказал «...подобрать раненых обеих армий — русские были вынуждены покинуть своих. Эта грустная неприятная работа была едва закончена к ночи — столь огромное количество жертв».¹⁹⁷ Сотни убитых и раненых лежали на открытой местности, в оврагах и ямах вдоль всего берега реки Черной, свидетельствуя об ожесточенной борьбе и наглядно демонстрируя трагедию поражения. Следы крови вели к ложбинам, куда отползали раненые, пытаясь укрыться от пуль и картечи: «...Вся земля между рекой и каналом была усыпана трупами, вокруг моста и даже в реке они были навалены один на другой. После боя мы похоронили всех, что лежали на левом берегу. Подобрать раненых на правом берегу было невозможно, потому что всякий раз, как наши солдаты пересекали с этим намерением реку, русские вели огонь из всех своих батарей».¹⁹⁸

¹⁹⁵ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 394

¹⁹⁶ De Molen, Paul, Les Commentaires d'un Soldat, Paris, 1860, P. 177

¹⁹⁷ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 86

¹⁹⁸ Орехов В. И. Воспоминания офицера 2-го полка зуавов // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг., Симферополь, 2003 г., С. 140

Французы долгое время после окончания войны обвиняли русских в том, что их артиллерия не давала длительное время приступить к уборке раненых и убитых. В 1857 г. известный врач Люсьен Боден, будучи сам свидетелем сражения за Севастополь опубликовал статью в "Revue des Deux Mondes", где писал: «Если двигаться по долине реки Черная, слева можно наблюдать откосы холмов Мекензи – настоящие неприступные вертикальные стены. Через расположенный в середине этого укрепления проем можно было бы предпринять его штурм, если бы он не был укреплен сзади тремя земляными валами. Эти уступы русские устали пушками: отсюда вели огонь артиллерийские батареи, печально прославившиеся во время битвы «у Трактира» тем, что обстреливали врачей и санитаров, которые перевязывали и выносили с поля боя раненых русских воинов. Такое уже случалось после сражения при Инкермане. Русское правительство резко осудило эти варварские акции...».⁴⁹⁹

Оставим на совести известного медика и общественного деятеля обвинения в адрес русских артиллеристов. Подобным грешили все участники войны. Но здравый смысл в предложениях Бодена был: «Этих ошибок можно было бы избежать, если бы все государства договорились о том, чтобы врачи и санитарный персонал имели единую для армий всех государств отличительную эмблему, по которой обе стороны легко могли бы их распознать».

Боден умер вскоре от болезни, которой заразился в Крыму. Сама же эта благородная идея, утратившая после его смерти своего лучшего защитника, была возрождена несколько позже в виде существующего и поныне Международного Красного Креста.

Английский подполковник Кемпбелл из 46-го полка, посетивший поле сражения был поражен увиденным, хотя был ветераном нескольких боев с русскими, в том числе при Инкермане: «Я пришел на поле боя сегодня утром. Это было такое же вызывающее отвращение зрелище, как и виденные мной ранее. Кучи мертвых людей, больше напоминающих своими длинными коричневыми одеждами крестьян, нежели солдат, раненые лошади, разбитое оружие и все остальные приметы ужаса, которые всякий раз, когда я их вижу, вызывают отвращение к моей работе. Я увидел более 1000 мертвых русских и около 250 или 300 раненых, хотя французы были заняты более двадцати четырех часов, собирая оставшихся. Мертвые лежали так же плотно, как при Инкермане или после вылазки 22 марта».⁵⁰⁰

Русские войска отводились на исходные позиции, откуда, собственно, они несколько часов назад выдвигались к Черной. С этого времени и до окончания Крымской войны центр русской позиции «...располагался в районе хутора Меккензи и развалин крепости Каламита в Инкермане, левый фланг проходил по высотам на правом берегу реки Черной над селением Чоргунь и далее до Верхнего Бельбека. На горах, отделяющих Байдарскую долину, занятую французами, от Южного берега Крыма, находились русские и французские посты».⁵⁰¹

Восторженный противник, вдохновленный добытой в тяжелом сражении победой, оставался на своих позициях. Радостные эмоции, ликование французских и сардинских солдат, кажется не имели предела. Напряжение боя, по установившейся

⁴⁹⁹ Guillermand, Jean, La vision de la guerre de Crimée du médecin inspecteur Lucien Baudens // Préludes et pionniers, les précurseurs de la Croix-Rouge, Roger Durand et Jacques Meurant (éd.), Société Henry Dunant, Genève, 1991, p. 159

⁵⁰⁰ Colin Fredrick Campbell Letters from Camp to his relatives during the siege of Sebastopol London 1894, P. 291

⁵⁰¹ Веникеев Е. В. Война в Крыму после 28 августа (9 сентября) 1855 года // Историческое Наследие Крыма №9, 2005 г., Симферополь, С. 34

традиции, надежно снималось обильными возлияниями алкоголя. Необходимые его запасы были в кратчайшее время доставлены торговцами к Федюхиным высотам. Генералы угощали офицеров, те, в свою очередь, щедро наливали солдатам!

По сложившимся правилам корпоративной этики противоборствующих сторон Крымской войны, особых глумлений над поверженными не было. Французские солдаты, к тому времени в большинстве своем закаленные в боях войны, имели достоинство с уважением относиться к противнику, тем более столь мужественно сражавшемуся совсем недавно. Психология войны такова, что «...ненависть уменьшается с увеличением военного опыта».⁵⁰²

После того как прозвучали последние выстрелы, поле сражения перешло в руки военных медиков. Раненых было очень много и все они требовали немедленной помощи. Возникла проблема нехватки мест в палатках, из-за чего многие раненые страдали под солнечными лучами, «...стонущие, корчившиеся в ужасных страданиях, с видом страшнейших ран».⁵⁰³

Началось новое сражение — теперь за жизни тех, кто еще имел шанс выжить. Медицинский персонал, не покладая рук и не теряя драгоценного времени, приступил к уборке раненых и оказанию им необходимой помощи. Французские медики пытались с одинаковым усердием облегчить участь и своих, и русских несчастных. Во время Крымской войны врачи не делали существенного различия между бывшими противниками. Как и любое иное сражение Крымской войны, Чернореченское являло собой наглядный пример результатов модернизации стрелкового оружия. Увеличение скорости пули, возрастание дальности стрельбы, привело к возрастанию убойной силы. Конусообразные пули гораздо сильнее воздействовали на костные ткани, которые ломались ими с гораздо большей эффективностью, чем устаревшими круглыми. Круглые пули гладкоствольных ружей тоже не отличались гуманностью — они заносили в рану частицы грязной мундирной ткани, вызывая вероятность заражения.

Французы вспоминали, что уважая противников, «...наши солдаты приносили им воды, утешали и обращались наилучшим образом. Один из солдат, побывавший в плену у русских, говорил: «Со мной так хорошо обращались, что я хочу им дать все, что смогу». И он им предлагал трубки, табаку, водки, разведенной водой, и все это с трогательной простотой, которая давала возможность несчастным раненым понять, что они теперь имеют дело не с врагами».⁵⁰⁴

⁵⁰² Лешан Лоуренс. Если завтра война. Психология войны, М., 2004 г., С. 22

⁵⁰³ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 86

⁵⁰⁴ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 86

ПОТЕРИ СТОРОН

«Война заканчивается тогда, когда не останется никого в живых»

Платон

Говорить о потерях сторон при Черной речке тяжело. Как и вообще о военных потерях в любой из военных кампаний, ибо «вряд ли в какой-либо другой области статистики наблюдается такой разноразной данных, как в статистике людских потерь во время войн».³⁰⁵ Необходимо оговориться, что в описываемый период для всех участников кампании было характерным жонглирование цифрами убитых и раненых не только своей армии, но и противника. Свои потери, естественно, занижались, противника — завышались, и иногда значительно. Однако говорить о них придется, иначе картина сражения и его итогов останется неполной. По количеству пролитой крови оно стало одним из самых кровопролитных сражений Крымской войны.

Основная масса травм и ранений с обеих сторон были причиной воздействия артиллерийского огня и стрелкового оружия. В этом случае Чернореченское сражение действительно является прообразом грядущих войн, в которых на первый план выходили не удары сомкнутых масс пехоты, а сосредоточение огня артиллерии и стрелкового оружия на приоритетных целях. В данном случае это наиболее удалось союзникам. То что русские принимали за бегство, было не более чем отходом стрелков неприятеля под защиту батарей и линейной пехоты, которые огнем с места успешно опрокидывали наступавших и вновь занимали оставленные позиции, чтобы при очередной атаке проделать это еще и еще раз. Такая тактика гибкой обороны позволяла французам не только сохранять своих солдат, но держать под постоянным обстрелом русскую пехоту, нанося ей чувствительные потери. Сардинцы также не стали угруждать себя бесперспективной обороной передовых позиций и предпочли отойти под прикрытие артиллерии.

Поговорим на тему несколько отвлеченную. Смерть собрала в этот день небывало богатый урожай. Но отличительной чертой Чернореченского сражения было почти полное отсутствие ранений, нанесенных холодным оружием. Закат штыка, столь явно обозначившийся в Крымскую войну, 4 августа был наиболее очевиден. Русская пехота расстреливалась огнем сардинской и французской артиллерии и стрелками

³⁰⁵ Урланис Б. Ц. История военных потерь. Спб — М., 1998 г., С. 13

легкой пехоты. В дальнейшем военная история практически не имела примеров массовых штыковых схваток. Штык стал играть более бытовую чем боевую роль. Даже во время кровопролитных боев гражданской войны в США, где противоборствующие стороны неоднократно сходились на минимальное расстояние, количество умерших от колотых и рубленых составило 992 человека. Это — данные статистики медицинской службы. В это число вошли жертвы, согласно скрупулезному подсчету американских военных историков, в большей степени пьяных драк, чем павшие на поле боя.⁵⁰⁶

Потому, говоря о Чернореченском сражении, авторам не стоит увлекаться картинными захватывающих массовых штыковых схваток, которые так обожают кинематографисты. В начале XIX в. они стали редкостью и были чаще спонтанными, чем заранее спланированными. «Люди никогда не рвутся в бой против обнаженных штыков» — афоризм Наполеона становился реальией. Да, в окопах и траншеях жестокие рукопашные схватки были не редкостью, отличаясь ожесточением. В таких условиях солдаты обеих воюющих сторон предпочитали штыку более надежные и эффективные в узостях земляных укреплений средства. И не только благородная сталь там блестела. Чаще всего реальность была намного прозаичнее, более жестокой и совсем не изящной. В ход, как правило, шли топоры, молотки, кирки, укороченные кавалерийские пики, ножи и все иное, что могло содействовать истреблению себе подобных. Да по-другому и не могло быть. В рукопашной схватке на ограниченном пространстве траншеи солдату и матросу нужно было иметь в руках нечто, что могло сразу обездвигнуть противника, желательно без предоставления ему шансов на дальнейшее выживание. В таком бою любой превращался в зверя, стоящим перед очень простой дилеммой: убить самому или быть убитым. Сомневаетесь? Тогда вспомните майора Медникова с кистенем и кинжалом при Черной речке. Ведь благородный человек, командир батальона и наверняка дворянин. А в атаку идет как беглый каторжник на «большую дорогу»... Но не будем столь пристрастны к имени этого храброго офицера. В конце-концов, это его право — выбор средств для собственной защиты. Да и не виноват он в этом: если у союзных офицеров револьверы в руках были правилом, то у русских — скорее исключением из правил. Дульнозарядный капсюльный пистолет с одним зарядом в стволе надежным оружием не был и гарантировать сохранение жизни своему владельцу уже не мог.

Кстати, применение русскими при вылазках столь непривычного холодного оружия, которое было достаточно эффективным в условиях ночного траншейного боя, но при этом считалось у союзников варварским, не могло не вызвать протесты среди союзного командования. «Подобные случаи повторялись так часто, что сам генерал Канробер счел нужным сообщить о том начальнику Севастопольского гарнизона, генерал-адъютанту Сакену. „Позвольте мне — писал он — довести до вашего сведения факт, по всей вероятности, вам неизвестный: я удостоверился, что в схватках происшедших на днях впереди наших траншей, несколько офицеров и солдат были захвачены с помощью веревок и шестов с крючьями. У нас нет никакого оружия кроме ружей, штыков и сабель, и хотя я не беру на себя обязанности доказывать что употребление других средств противно правилам войны, однако же, позволю себе повторить старинное французское выражение: «такие средства не могут считаться приличным оружием“»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁶ Малье К., Гражданская война в США 1861–1865 гг., М., 2002 г., С. 101

⁵⁰⁷ Богданович М. Зима в Севастополе. С ноября 1854 по февраль 1855 года // Русский вестник. СПб., 1875 г. С. 532–533

В ответ на это послание, генерал Сакен писал: «солдатам нашим приказано брать в плен неприятелей, не убивая их без надобности. Что же касается до упомянутых вами снастей (instruments), то легко быть может, что рабочие, всегда сопровождающие наши вылазки, употребляли их для своей обороны». ⁵⁰⁸

Если в лабиринтах окопов и траншей под Севастополем для холодного оружия еще находилась работа (в основном ночная), то в полевых сражениях эра штыка завершилась. Закат ее начался еще задолго до Крымской войны. Уже в конце XVII – начале XVIII вв. «...штыки, шпаги и пики причиняли во время боя очень мало ранений. Большинство раненых и практически все убитые на поле боя становились жертвами огнестрельного оружия. Кстати, скреживать штыки приходилось крайне редко, в основном, если ни одна из сторон не могла избежать столкновения, например, при стычках в населенных пунктах, на укреплениях или при внезапной атаке, когда войско захватывали врасплох под покровом темноты. Длительные рукопашные схватки с холодным оружием или ружейными прикладами нередко романтически настроенные «эксперты» (часто женского пола, путающие войну с балетом) представляют как явление вполне обычное. Ничто не может быть дальше от истины. Рукопашные схватки как способ ведения боя были явлением спорадическим, возникали при столкновениях внезапных и чаще всего при борьбе за местные предметы, на закрытой местности, когда противники неожиданно сталкивались». ⁵⁰⁹ Один из будущих лидеров Белого движения в годы Гражданской войны в России генерал В. З. Май-Маевский в 1898 г. опубликовал в журнале «Военный сборник» прекрасную аналитическую статью «Работа штыком в современном бою». В ней он не дает статистики непосредственно по Крымской войне. Но в тоже время весьма убедительны его цифры по последующим войнам, которые наглядно демонстрируют с середины XIX в. начало конца «эпохи холодного оружия». ⁵¹⁰

Чаще всего штык использовался для того, чтобы прикончить уже раненого и поверженного на землю противника. Еще одной областью применения холодного оружия было преследование убегающих. Если же в кои-то веки воины скреживали штыки один на один, то «...такие схватки были скоротечными и продолжались недолго, каких-нибудь несколько суматошных секунд...». ⁵¹¹

Для тех же читателей, кто находится под впечатлением от кинематографа, и свое суждение о сражениях того периода войн сформировал под влиянием просмотра голливудского псевдоисторического фильма «Патриот», продолжаю говорить о том как происходили сражения: «Расхожее представление по этому поводу вызывает перед нами следующую картину: две огромные толпы налетают друг на друга, точно два несущихся сломя голову стада и завязывается ожесточенная борьба один на один. [Совсем, как на панораме Франца Рубо – *авт.*]. На самом деле, так бывало крайне редко. Исход боя сплошь и рядом решался прежде чем появлялась возможность для рукопашной. Обычно, одна из сторон медленно и верно, зачастую в большом беспорядке [вспомним беспорядок у англичан при Альме, потерю строя Одесским егерским полком на Черной речке – *авт.*], приближалась ко второй. Когда сторо-

⁵⁰⁸ Bazancourt, Cesar Lecat. La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient. T. II, Paris, 1856, P. 164–165

⁵⁰⁹ Май-Маевский В. Работа штыком в современном бою // Военный сборник № 7, СПб., 1898 г. С. 68

⁵¹⁰ Май-Маевский В. Работа штыком в современном бою // Военный сборник № 7, СПб., 1898 г. С. 67–76

⁵¹¹ Энглунд Петер. Полтава. Рассказ о гибели одной армии, М., 1995 г., С. 161–162

Штурм Малахова кургана. Английский рисунок XIX в.

ны сходились на достаточное расстояние, открывали стрельбу. Если нападающего не останавливали залпы защищавшегося, последний, в девяти случаях из десяти, пулся наутек. Таким образом, одна из сторон поворачивала и исчезала с поля боя прежде, чем наступала критическая минута, когда пора было скрестить штыки. Если одна сторона уступала, это объяснялось не тем, что она оказывалась побежденной чисто физически, то есть была сломлена интенсивным обстрелом... Отступление, по большей части, объяснялось нехваткой у войска мужества и воли к победе перед лицом смелой атаки, иными словами, армия терпела поражение в психологическом плане. То же самое могло произойти и с нападающими: они запросто останавливались перед несломленным и ненарушенным фронтом защитников и погряжали в длительной перестрелке...».⁵¹²

Во второй половине XIX в. майор германского генерального штаба фон дер Гольц опубликовал свое сочинение «Вооруженный народ», которое широко обсуждалось в мире военной науки. В нем, в частности, автор дает обоснование штыковому бою, штыковым ударам, которым, по его мнению, столь приверженна русская армия со времен побед А. В. Суворова. Так вот, по его очень оригинальному суждению, с которым трудно не согласиться, смысл штыкового удара, состоит, прежде всего, в лишении неприятеля мужества. А если начинался отход, сопровождавшийся преследованием противника, то — «горе побежденному» — потому бой и назывался штыковым, что оным просто добивали всех, кто под него попадал. Включая иногда и раненых. Давайте не будем лить слезы по этому поводу и до умопомрачения спорить о высо-

⁵¹² Энглунд, Петер, Полтава. Рассказ о гибели одной армии, М., 1995 г., С. 162

когуманности или наоборот — патологической жестокости русского солдата. Он был такой же, как и другие. Жестокий в бою, но отходчивый после него. И, смею утверждать, что «посадить на штык» раненого французского пехотинца, не успевшего заявить о своем нежелании продолжать сопротивление, хотя бы отброшенным оружием и поднятыми руками, не было чем-либо зазорным или осуждаемым. Какое уж тут осуждение, если в рассуждениях о военной морали великого Л. Н. Толстого, участника Крымской войны и сражения на Черной речке, воплощенных в мысли князя Андрея Болконского перед Бородинским сражением, говорится: «...и никаких пленных».

Но это рассуждения. На деле 4 августа 1855 г. на склонах Федюхиных высот произошло то, что в дальнейшем стало нормальным образом любой последующей войны. Наступающая пехота обстреливалась огнем стрелков, затем входила в зону картечных выстрелов и, поражаемая нередко с нескольких сторон, отходила, неся потери. Так было, например, с Одесским егерским полком, который, не столкнувшись с французами, но постоянно обстреливаемый ими, поднялся на склоны Федюхиных высот и был сметен оттуда огнем артиллерии.

РУССКИЕ

Теперь время для печальной статистики — мы обратимся к цифрам. Именно в них вся трагичность Чернореченского сражения: «Сравнивая потери обеих сторон, легко придти к заключению, что превосходство потерь на нашей стороне вызвано было, независимо от общих причин, сопровождающих всякое наступление, еще особенными условиями, при которых разыгралось это сражение. Кроме того, нужно еще заметить, что при наступлении наших войск густыми колоннами на Федюхины высоты, французские батареи направляли исключительно против них свой губительный огонь, не обращая внимания на наших стрелков и артиллерию».⁵¹³

Традиционно, бремя умирать легло на плечи всетерпеливой русской пехоты. Роль палача взяла неприятельская артиллерия. Исполнитель приговора хорошо приготовился к работе и его топор не подвел ни разу. Это о пушках. Распределение огневых задач между типами орудий сыграло свою положительную роль при отражении атак пехоты. Вспомним, что артиллерия французов не тратила время на поединки с русской. Ее целью были наступающие батальоны. Если брать в расчет только потери русской пехоты, то едва ли не 20–25% ее полегло на склонах Федюхиных высот. Как минимум!

Первым помощником картечи стал ружейный огонь пехоты. Нужно трезво относиться к устоявшемуся мнению о резко возросшей эффективности стрелкового оружия во время Крымской войны и чуть ли не революционном ее характере с точки зрения числа потерь от огня пехоты. Исследования, проведенные в конце XIX в. убедительно доказывали, что «...при различном состоянии совершенства ручного оружия... результаты стрельбы в бою в среднем были всегда около 0,25%, доходили до 0,7% и никогда не превосходили 2%. При этом лучшие и наивысшие результаты получались далеко не всегда при условии лучшего оружия. Так, например, в последнюю франко-прусскую кампанию боевой огонь достигал меткости около 0,3% и менее, тогда как, например, в 1803 и 1806 гг. в Закавказье, в Бородинском бою и при дей-

⁵¹³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 287–288

ствиях Лидерса в Трансильвании, в Венгерскую кампанию 1848–1849 гг., результаты боевой стрельбы доходили до 2%».⁵¹⁴

Высокая эффективность неприятельской обороны получилась благодаря гибкости французской и сардинской тактик, при которой пехота отходила, не защищая «во что бы то ни стало» или «любой ценой» свои позиции, предоставляя оруди́нным расчетам возможность показать свою выучку. Если принять во внимание число потерь и кратковременность столкновений, то можно констатировать факт достижения артиллерией союзников максимально возможного темпа стрельбы и сосредоточение огня на местах развертывания русской пехоты. Свидетельство тому – тот ад, который творился у Трактирного моста, канала и непосредственно после перехода реки. 5-я дивизия находилась в огне не более часа, потеряв за это время более 1000 человек. Получается до 15 человек падали ежеминутно на землю, сраженные картечными пулями или шрапнелью!

А теперь подведем итоги.

Архангелогородский полк, находившийся вне огня, потерял за этот час с небольшим 168 нижних чинов.⁵¹⁵

Московский пехотный полк – были убиты или пропали без вести 6 офицеров, 224 унтер-офицера и нижних чина. Позднее скончался от ран еще 1 офицер. Ранены: 5 офицеров, 150 унтер-офицеров и нижних чинов.⁵¹⁶

Одесский пехотный полк потерял командира полковника Скюдери, почти всех офицеров и 2/3 нижних чинов.

Вологодский пехотный полк потерял 12 офицеров и 652 нижних чинов убитыми и 21 офицера и 479 нижних чинов ранеными.

Витебский пехотный полк потерял 4 офицера и 51 нижних чинов убитыми, 23 офицера и 196 нижних чинов ранеными; полковой командир полковник Аленин был ранен.

Костромской пехотный полк потерял 26 офицеров и 900 нижних чинов.

В итоге: «Сражение 4 августа закончилось так, как можно было предвидеть. Мы понесли громадную потерю и не достигли решительно никаких результатов».⁵¹⁷ С горечью придется признать – потери были колоссальными. Это факт, обсуждать который не имеет смысла. Остается только констатировать цифры. Общее число убитых, раненых и пропавших без вести составило около 8000 человек. В это число вошли 11 генералов (3 убитых, 4 раненых и 4 контуженных) и 249 офицеров. Нижних чинов было убито – 2273, ранено – 3995 и пропало без вести – 1742. Сестра милосердия Екатерина Бакунина упоминает только раненых «до 8 тысяч». Кстати, именно эта женщина гораздо более близка к истине и дает наиболее реальную цифру потерь, если оперировать средним соотношением убитых и раненых в Крымской войне: 1:3,7.⁵¹⁸ Наверное, в отличие от генералов, на ее плечах эполет не было и терять ей было нечего. Из пропавших без вести более 500 оказались в плену. Тоже спорная цифра, принимая в расчет, что в 1872 г. в «Очерках санитарного состояния Крым-

⁵¹⁴ Несколько слов о боевом огне пехоты // Военный сборник, № 7, СПб., 1886 г., С. 230

⁵¹⁵ Кузмин И., Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г. С. 19

⁵¹⁶ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. СПб., 1890 г. С. 452

⁵¹⁷ Гершельман С., Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 4, 1896 г., СПб., С. 304

⁵¹⁸ Урланис Б. Ц. История военных потерь. Спб – М., 1998 г., С. 461

Штурм англичанами Третьего бастиона. Английский рисунок XIX в.

ской армии в кампанию 1854–1856 гг.» Н. Стефановский и Н. Соловьев утверждают, что из числа без вести пропавших, не менее трех четвертей составляли погибшие.⁵¹⁹ Это значительно увеличивает скорбный список павших русских солдат и офицеров еще, как минимум, на 200–250 человек. Источники умалчивают еще и о такой графе таблицы боевых потерь, как умершие от ран. Среднестатистическое число таковых по русской армии в Крымской войне: 19 умерших на каждые 100 раненых. Если мы и это число примем к учету, то цифра павших вырастет еще на 400–450 человек, и это только по отношению к официально озвучиваемой цифре раненых.

Основные потери понесла пехота. А это уже не Альминские 10–15%, от которых русская армия довольно быстро оправилась. Тут можно говорить как минимум о 20, а возможно и 25%. Совсем другая арифметика. Переформирование нескольких полков 12-й и 5-й дивизий после сражения в двухбатальонный состав, наводит на предположение о выбывших из строя как минимум 40% личного состава.

И если бы только все это измерялось цифрами. Много не полежало математическим расчетам, проходя через души солдат и офицеров. Да, конечно, в Бородинском сражении в 1812 г. русские потеряли почти треть людей. Но в том сражении они дрались и наносили французам не меньшие потери, и не были избиваемы нещадно недосыгаемым неприятелем. Оттого и последовавшая потеря духа русской армии, не имевшая ничего общего с моральным подъемом после Бородина. Французский генерал Ниель говорил о более чем 6 тысячах убитых и раненых русских солдатах и офицеров. При этом он исходил из того, что за три дня после сражения французы

⁵¹⁹ Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб–М., 1998 г., С. 100

предали земле 2129 тел солдат Горчакова. Удивительно, но цифры эти, прозвучавшие из уст неприятеля, на деле оказались заниженными. Ниель взял эту цифру из донесения Пелисье императору Наполеону III, отправленного телеграфом непосредственно после окончания сражения. Командующий французскими войсками, оперируя данными, полученными после предварительного подсчета потерь противника и собственных, докладывал, что «...русские потеряли 2500 убитыми, 30 офицеров; 1620 солдат поступили на перевязочные пункты; убито три генерала и взято в плен 400 человек».⁵²⁰

Через несколько дней французы более точно проводят подсчет потерь обеих сторон. По новым данным «...русских, похороненных нами, 2129 человек, а русскими 1200, всего 3229 человек [арифметическая ошибка у Пелисье — *авт.*] Французами подобрано русских раненых 1814 человек. Русскими отведено раненых с поля около 6000 человек. Всего почти 11 000 человек».⁵²¹ Другой французский источник — доктор Шеню, утверждает, что «...русские оставили на поле битвы 3320 мертвых и 1814 раненых».⁵²² Судя по столь явному несоответствию между цифрами, речь идет, очевидно лишь о тех, кто был оставлен на французской стороне. Шарль Боше не считал потери русских, но будучи непосредственно на поле сражения предположил, что «...русские должны были потерять очень много людей. Это была настоящая бойня; насчитывалось около 2000 трупов на поле битвы, столько же подобранных раненых в наших госпиталях. Кровь пролита совершенно бесполезно! Безрезультатная битва, отчаянный удар осажденных!».⁵²³

Глядя на эту грустную арифметику, начинаешь понимать, что не просто словами было высказывание капитана I ранга Асланбегова, произнесенное им в 8-ю годовщину обороны Севастополя о войске, которое: «...поднимаясь на высоты и спускаясь в балки, омывало их своею кровью в полном смысле этого слова».⁵²⁴

Особенно много было тяжелораненых, многие из которых впоследствии пополнили скорбный список умерших. Ранения отличались особой тяжестью, многие были сопряжены с большим количеством переломов костей, причиненных рикошетирующими ядрами, которые находили жертвы даже на излете. Результат такого воздействия на пехоту великолепно проиллюстрировал капитан английской Стрелковой бригады Генри Клиффорд на своем акварельном рисунке, сделанном им после увиденного на Федюхиных высотах. На нем изображены не менее 11 русских пехотинцев «убитых одним ядром в сражении на Черной».⁵²⁵ Если внимательно присмотреться к рисунку, то можно сделать очень интересные выводы. Клиффорд выхватил те детали, которые позволяют заметить, что погибшие, судя по черному снаряжению, русские егеря. Место их нахождения — вершины Федюхиных высот. В другом месте, изображенный на рисунке французский зуав, не смог бы так безнаказанно и беспечно

⁵²⁰ Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 годах. Приложение к описанию обороны Севастополя. Составил профессор университета св. Владимира Х. Гюббенет // Военный сборник, № 7, СПб., 1870 г., С. 115

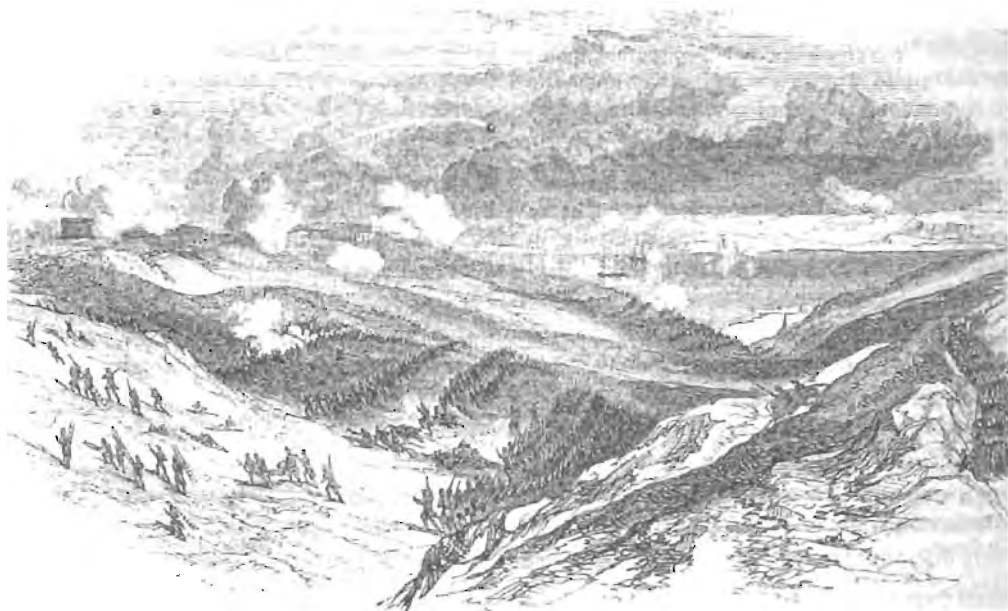
⁵²¹ Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 годах. Приложение к описанию обороны Севастополя. Составил профессор университета св. Владимира Х. Гюббенет // Военный сборник, № 7, СПб., 1870 г., С. 115;

⁵²² Chenu, Jean-Charles. Rapport au conseil de santé des armées sur les résultats du service médico-chirurgical aux ambulances de Crimée et aux hôpitaux militaires français de Turquie, pendant la campagne d'Orient en 1854–1856–1856, Paris. 1865. P. 328

⁵²³ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 86–87

⁵²⁴ Морской сборник, № 3, 1868 г., СПб, С. 45–57

⁵²⁵ Kerr Paul. The Crimean War, 1998, London, P. 142

Дивизия генерала Мейрана при штурме Севастополя. 1855 г. Английский рисунок из "The Illustrated London News".

мародерствовать, так как русская артиллерия, стоявшая за Черной, открывала огонь даже по одиночным солдатам противника, попадавшим в сферу ее досягаемости. До вершины высот дошел лишь Одесский егерский полк — значит именно его погибших увидел автор. Другим егерским полкам не удавалось пройти дальше склонов высот. И самое главное — они лежат так, как поднялись на высоту, в строю. Одесский егерский полк был управляем и держал строй даже погибая. По крайней мере, офицеры старались управлять им. Наверное эта, может быть не столь высокохудожественная акварель — лучший памятник доблести русской пехоты, чем иные лубочные произведения, написанные теми, кто не видел этой войны.

Поредели ряды русского генералитета. Были убиты генералы Реад, Вревский, Веймарн. Ранены: Вранкен, Проскуряков, Тулубьев, Гриббе, Гагеман, Левуцкий, Гротенфельд, Огарев.³²⁶

ПОТЕРИ ФРАНЦУЗОВ

На этом фоне потери союзников выглядят совсем незначительными, хотя руководствуясь инстинктом самосохранения, Горчаков в своей реляции, написанной после сражения, утверждает что «...неприятель, по всем вероятиям, понес почти равную нашей потере».³²⁷ Французы потеряли убитыми и ранеными 70 офицеров и 1470 солдат и сержантов. Столь незначительные потери неоднократно служили почвой для бытовавшего среди англичан и пьемонтцев мнения, что французское командование

³²⁶ Аврамов Н. Сражение при р. Чёрной // Военный сборник, № 8, СПб., 1907 г., С. 5

³²⁷ Аврамов Н. Сражение при р. Чёрной // Военный сборник, № 8, СПб., 1907 г., С. 6

умышленно занижало цифру собственных убитых и раненых. Конечно, коэффициент неточности имел место. Но если сопоставить процентные соотношения убитых к остальным видам боевых потерь, то именно французские данные окажутся наиболее близкими. Во время кампании в Крыму Франция более скрупулезно относилась к статистике солдат и офицеров, по различным причинам выбывших из строя. Это естественно, ибо комплектовавшаяся путем призыва армия, в которой рядовые и сержанты принадлежали к самым различным слоям общества, часто не самым бедным, была вынуждена и отчитываться перед этим самым обществом. Если в английской армии XIX в. аристократ никак не мог оказаться солдатом, то во французской таковых примеров великое множество. Например, при Альме погиб сержант 3-го полка зуавов Ригоди — сын адмирала.⁵²⁸ За несколько лет до Крымской войны, 22 января 1851 г., во Франции был принят закон, предписывавший тщательнейшим образом вести сей скорбный учет.⁵²⁹

Наибольшие потери понес 2-й зуавский полк. Он бессленно находился на поле сражения, то занимая предмостное укрепление, то уступая его русским, выводя их под огонь артиллерии. Перед сражением в строю было не более 1200 человек. Почти половина людей была убита, ранена или пропала без вести почти за год кампании в Крыму. После Черной речки силы полка оказались столь ничтожными, что при последующем штурме города французское командование было вынуждено использовать его как резерв 1-го и 3-го зуавских полков. А после кампании значительная часть солдат полка была переведена в зуавы императорской гвардии. При Черной речке потери полка составили 11 офицеров и 300 солдат и сержантов убитыми и ранеными.⁵³⁰

Но самую большую цену за победу в этот день заплатили французские артиллеристы, на плечи которых легла основная тяжесть боя. Они потеряли:

В полевых батареях дивизии Эрбильона:

2 офицеров тяжелоранеными, 13 канониров убитыми и 22 ранеными, 30 лошадей убитых и раненых;

В полевых батареях дивизии Фоше:

3 офицера ранеными, 23 канонира убитыми и ранеными, 20 лошадей убитыми и ранеными;

В гвардейской конной батарее (резерва):

4 офицера ранеными, 35 нижних чинов убитыми и ранеными, 40 лошадей убитых и раненых;

В конной батарее резерва:

1 офицера убитым, 22 канонира убитыми и ранеными, 50 лошадей убитых и раненых;

В остальных батареях, вступавших в бой на разных этапах сражения:

10 офицеров убитыми и ранеными, 115 канониров убитыми и ранеными, 152 лошадей убитых и раненых.⁵³¹

⁵²⁸ Орехов Д. В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона // Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, С. 49

⁵²⁹ Costantini A, Colonel. La guerre de coalition contre la Russie et L'expédition de Crimée (1853–1856), Paris, 1976, P. 85–120

⁵³⁰ Laurencin Paul. Nos zouaves, Paris, 1888, P. 119

⁵³¹ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 260

Скрупулезно дает информацию о потерях французской армии Шеню. Он считает, что это сражение было для французов незначительным по сравнению с Инкерманом или «ужасной резней» последнего штурма Севастополя: «Мы потеряли 291 убитыми и 1227 ранеными».⁵³²

ПОТЕРИ САРДИНЦЕВ И ТУРОК

Сардинские потери не превысили 200, а турецкие — 7 человек (только раненые).⁵³³ Сардинцы не преминули увязать незначительность собственных потерь со своей значительностью в исходе сражения. Иногда их официальная историография буквально ставит успех дня в прямую зависимость от непосредственного участия в нем пьемонтского контингента: «Наши потери в сражении на речке Черной были относительно небольшие, но было бы ошибкой определять из этого факта нашу роль в этой битве. С учетом выгодной для нас занимаемой позиции и хода развития боевых действий, мы нанесли противнику значительно больший урон чем потерпели сами. Возможно если бы французский главнокомандующий проявил бы большую инициативу (лишь две пятых союзников были задействованы в сражении), мы могли бы нанести противнику гораздо большие потери и еще меньше иметь своих. Находясь на левом фланге обороны союзников и занимая сильные, доминирующие позиции, оснащенные достаточными оборонительными укреплениями, мы, за исключением первой фронтальной атаки на траншеи г. Зиг-Заг, постоянно вели фланговую стрельбу и также в спину противника. Поскольку русские основным направлением наступления избрали центр обороны союзников, то именно по этой причине потерпели поражение. Отсюда и наш достигнутый успех при малых потерях. Противник, по своему планируя наступление, нас почти не победил.

Французский и английский командующие в своих первых донесениях приписали нам значительно большие потери, чем мы имели. Русские в своих изданиях также приводят те же огромные потери, которые они брали из публикаций союзников (французских и английских). Кажется, что всеми не учитывались специфические условия, в которых нам пришлось действовать в этом сражении, что все они не способны были убедить себя в том, что нами было сделано много, а потеряно мало. В действительности наши потери в Чернореченском сражении сводятся к следующему.

Убито: офицеров — 2, рядовых — 12, всего — 14. Ранено: офицеров — 13, рядовых — 157, всего — 170. Пропавшие без вести: рядовых — 2. Итого: 186».⁵³⁴

В последующие дни умрут от ран еще 14 пьемонтских солдат. А два месяца спустя, 12 октября 1855 г. — командир 4-й бригады генерал Габриэлли ди Монтевеккьо, тяжело раненый пулей в грудь.

⁵³² Chenu Jean-Charles. Rapport au conseil de santé des armées sur les résultats du service médico-chirurgical aux ambulances de Crimée et aux hôpitaux militaires français de Turquie, pendant la campagne d'Orient en 1854–1856–1856, Paris. 1865. P. 328

⁵³³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 287

⁵³⁴ Матвеев В., Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 86

ПОСЛЕДСТВИЯ И ИТОГИ СРАЖЕНИЯ

«Бестолковость наша в этом деле поразительна»

А. А. Керсновский

Бестолково спланированное, начавшееся без веры в победу сражение на Черной речке закончилось полным провалом. По словам Н. И. Пирогова: «...один акт трагедии кончился; начинается другой, который будет, верно, не так продолжителен». Последствия неудачи совпали с прогнозируемыми и даже превзошли их. Особенно тяжело отразилось поражение на моральном состоянии войск, защищавших город. М. А. Вроченский в своем сочинении «Севастопольский разгром» в 1893 г. так описывал происходившее в день сражения в крепости: «Нетерпеливо ожидали в Севастополе вести с поля битвы; наступил и полдень, но известий нет, понемногу начало зарождаться невольное сомнение в успехе, к вечеру же наступило и полное разочарование, потому что сначала потихоньку, а затем и громко пронеслась весть о полном поражении. Отчаяния не было видно, но уныние и печаль были всеобщие; всякий понял, что отныне участь Севастополя решилась, и что отстоять его нет возможности; впрочем, едва ли ошибусь сказав, что в эту ночь немного было между нами людей, которые подумали бы о своей собственной участи, так как все были подавлены предстоящею гибелью города и флота».⁵³⁵

Что-то подобное творилось и в душах остальных офицеров и солдат осажденного гарнизона: «...Дело 4-го августа сильно опечалило севастопольцев и вместе с тем подняло энергию и самонадеянность в неприятеле. 5-го августа, еще до рассвета, как бы в ответ за наше вчерашнее нападение со стороны Черной, неприятель открыл по Севастополю страшное бомбардирование, по счету пятое. С этого дня до последнего, до 27-го августа, продолжается почти непрерывное бомбардирование, за исключением нескольких дней, в которые канонада немного затихает».⁵³⁶

В союзных войсках, в отличие от русских, воцарился невероятный эмоциональный подъем. В своем «Дневнике Восточной войны» Череза де Бонвилларет писал: «В расположении союзников царило повсеместное веселье, несмотря на тяжелую кар-

⁵³⁵ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 4, 1896 г., СПб., С. 308

⁵³⁶ Воспоминания о Севастопольской обороне Георгия Чаплинского // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами., СПб, 1872 г. // М., 1998 г., С. 163

тину мучений страждущих. К вечеру прибыло шампанское и лишь глубокой ночью мы возвратились в свои палатки, на свои исходные позиции. Сегодняшний успех будет залогом того, что если представится случай, тогда весь пьемонтский корпус сможет участвовать в настоящем деле, и каждый сможет отличиться в бою, наравне с теми, кто имел уже такую возможность. Моральное следствие для нас после сражения — это то, что мы приобрели высокий престиж среди союзников. За стойкость и мужество, проявленные подразделениями пьемонтцев в бою, англичане и французы нас приглашают распить с ними шампанское, и укрепляется дружба и высокое доверие».⁵³⁷

Наполеон III писал своему главнокомандующему в Крыму генералу Пелисье: «Генерал, новая достигнутая победа на реке Черной в третий раз с начала войны доказывает превосходство союзных армий над врагом в полевом сражении. Она свидетельствует о мужестве войск и о правильных решениях, принятых Вами. Передайте мои поздравления армии и примите их от меня лично. Скажите этим храбрецам, которые сражаются уже почти год, несмотря на неслыханные трудности, что я надеюсь, срок окончания этих испытаний близок и Севастополь скоро падет под их ударом...».⁵³⁸

Генерал Камю, в своем письме Боске констатировал, что задачу союзные войска выполнили: «Эрбильон хорошо провел сражение как оборонительную операцию».⁵³⁹

Но французские командиры понимали, что не только умение воевать принесло им победу. Цепь роковых случайностей и ошибок русского командования нивелировали имевшиеся тактические проблемы союзных войск. Нередко их пехота, отходя, попадала под огонь собственной артиллерии, возникали затруднения с переброской войск на другие направления. Генерал Трошю, спустя не многим более 10 лет после кампании (в 1867 г.) писал, что «...Крымская война, хотя она и была, собственно, войной осадной, и итальянская война, представили нам ряд военных операций, проведенных без всякой связи, доходивших иногда до беспорядка. Мы видели, что успехи, венчавшие наши усилия, были бы менее спорны и, может быть, более решительны с политической и военной точек зрения, если бы войска наши выказывали в ведении боя столько же порядка, сколько порыва...».⁵⁴⁰

Английский артиллерийский офицер полковник Фитцмайер считал русское наступление «операцией посредственно спланированной и отвратительно исполненной».⁵⁴¹

А мы что? Вскоре, уже по сложившейся привычке, начался поиск виновных и назначение «козлов отпущения». Поток оправдательных писем потянулся из штаба русской армии в Крыму в столицу. Виноватых определили быстро. Это не составляло труда, учитывая, что все они были мертвы и потому не имели никакой возможности что-либо сказать в свое оправдание. Выручала и коллегиальность принятого решения. Да и гнев императорский не был столь велик, как, впрочем, и число награждений.

В отличие от иных проигранных сражений Крымской войны, Чернореченское поражение не смогли списать на столь модное по сей день утверждение о поголовном вооружении противника нарезным огнестрельным оружием. В этот день русским

⁵³⁷ Матвеев В., Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 91

⁵³⁸ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol — Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 397

⁵³⁹ Le General Camou. Esquisse biographique. Pau, 1899, P. 94

⁵⁴⁰ Дурон К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный сборник, № 2, 1872 г., СПб., С. 237

⁵⁴¹ Colin Fredrick Campbell Letters from Camp to his relatives during the siege of Sebastopol London 1894, P. 292

противостояли в основном французский и сардинский военные контингенты, линейная пехота которых по большей части была вооружена гладкоствольными ружьями. Известно, ружья Тувенена, несмотря на используемые в них технически более совершенные пули Нейслера, не были верхом технологического прогресса и имели массу недостатков.

Сами солдаты, воевавшие в Крыму, смотрели на эту проблему несколько по иному, чем генералы. Генерал Чебышев приводил диалог двух солдат, упоминаемый М. Драгомировым в его «Армейских заметках»:

— Ведь ты помнишь, как один солдат после Крымской кампании объяснял нашу неудачу тем, что «у них» были ружья аглицкия, а у нас казенные.

— Эх куда махнул! Во-первых, и вздор сказал солдат; не так уж особенно «аглицкия» ружья были лучше казенных, как ему казалось; да и штуцеров почитай, было немногим больше нашего, если принять в расчет наших штуцерных; только их употребить забыли. Да и солдат-то, собственно, на себя клепал; что ж, разве он не стоял грудью против «аглицких» ружей также, как он у нас всегда стоял и конечно будет стоять? Уж лучше нас никто страдать и умирать не умеет. Кто, как русский человек не заучил, а в сердце своем от природы носит, что только претерпевый до конца спасается, того не собьешь с толку разными рассказнями.⁵⁴²

С М. Драгомировым можно и нужно спорить, но в том, что не только техническое превосходство союзников было основной причиной поражения в Крыму, не согласиться нельзя. По наличию нарезных ружей французская пехота ненамного превосходила русскую. Вооружение легкой сардинской пехоты тоже было не таким уж и передовым для середины XIX в., а снабжение боеприпасами вообще не могло удовлетворять требованиям времени: вспомним как сардинские стрелки быстро оставили позиции на Телеграфной горе именно по причине расстрелянных патронов.

Ко времени Черной русские войска значительно улучшили свое вооружение, в том числе за счет трофейных ружей. Командиры, убедившись в их эффективности, всеми правдами и неправдами старались оставить «добычу» при своих частях. Так, в Охотском полку таковых имелось более 400, что было числом весьма значительным. Конечно, в основном это нужно отнести к полкам, составлявшим севастопольский гарнизон, но нельзя не учитывать, что и французская пехота тоже не была поголовно вооружена нарезным оружием, в отличие от британской.

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Еще одной проблемой, приведшей к поражению русской армии в очередной раз, был командный состав армии — насколько храбрый, настолько и необразованный. Теперь совершенно ясно, что «...в Крымскую... кампанию неудовлетворительный состав начальников обнаружился с полной очевидностью».⁵⁴³ Вынесенное в подзаголовок мнение А. Керсновского более чем соответствует истине. Хоть и грустная, но правда.

Этот трагический факт обращал на себя внимание многих государственных мужей России даже спустя десятки лет после Крымской войны. В своем докладе в Государ-

⁵⁴² Драгомиров М. Армейские заметки // Военный сборник, № 3, 1887 г., СПб., С. 61–62

⁵⁴³ Терехов А. А. Вопросы воспитания и обучения войск, СПб., 1899 г. // О долге и чести воинской в российской армии, М., 1990 г., С. 163

Атака Малахова кургана. Рисунок В. Симпсона. 1855 г.

ственной думе в 1908 г. А. Гучков с горечью констатировал, что в войне 1854–1855 гг. и в последующих войнах «...наш командный состав во многих случаях оказался не на должной высоте. Младшие офицеры в пределах своей деятельности были храбры, распорядительны, но недостаточно сведущи; начальники частей, давая иногда отрядные исключения, не были достаточно подготовлены к улучшению использования боевой способности вверенных им частей. Но наиболее слабым оказался генеральский состав: бригадные, дивизионные и корпусные командиры. За исключением нескольких блестящих имен, большинство не было подготовлено к распоряжению войсками всех родов оружия, не умело восстановить связи между частями, входившими в состав вверенных им частей, не умело поддерживать связь по фронту с соседями. Чувство взаимной выручки не было сильно развито. Бездействовали с оговоркою „не получал приказания“, когда били соседей — это не было редким явлением. Особенно неумело вели наступательный бой».⁵⁴⁴

Поражение, которое потерпела русская армия, было обусловлено не только тактическими и организационными ошибками, допущенными теми, кто ею командовал, штурмуя склоны Федюхиных высот. Практически весь «...начальствующий персонал оказался далеко не на высоте современных требований, потому что та среда, из которой он вышел, не отличалась интеллигентностью. В армии не было инициативы вследствие того, что и в обществе была подавлена личная самостоятельность».⁵⁴⁵

⁵⁴⁴ А. Гучков. Доклад по смете военного министерства на заседании Государственной думы 27 мая 1908 г. // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики., М., 2002 г., С. 369

⁵⁴⁵ Мартынов Е. И. Обязанности политики по отношению к стратегии // Хорошо забытое старое М., 1991 г., С. 101

Знамя 91-го линейного полка во время штурма Севастополя. Французский рисунок XIX в.

Пробелы в обучении войск в мирное время привели к цепи поражений в ходе военных действий. Нельзя не согласиться с мнением, которое неоднократно можно было слышать в русской военно-научной среде спустя некоторое время после кампании в Крыму. Оно в своем большинстве, трезво оценивая происшедшее, сводилось к тому, что «...печальна будет участь тех войск, которые вздумают начинать, а не оканчивать свое военное образование на полях битв: которые будут рассчитывать на войне исключительно на храбрость и сверхъестественные усилия».⁵¹⁶

Современные американские военные считают, что большая часть ошибок, приведших к поражению русских, лежала в основе самой русской военной системы. Это, прежде всего, абсолютное, возведенное до мифологизации, презрение к превосходству

огневой мощи и расчет на штыковые атаки для достижения победы. Увы, но панегирик «русским штыковым атакам», не мог компенсировать неумение воевать в условиях нового периода военного искусства. Горький опыт Крымской войны, который, казалось, получил трезвую оценку со стороны ее участников в первые десятилетия после ее окончания, вскоре трансформировался в банальное забвение. В какой-то степени этому способствовали победы, пусть и достигнутые большой ценой, в войне с Турцией 1877–1878 гг. Недоверие к военному образованию и полагание на практический опыт, привело к тому, что военная школа России рабски преклонялась перед выдвинутыми Жомини принципами генеральных сражений и массирования сил, которые к середине XIX в. уже в большей степени себя изжили. И самое страшное, утверждают заокеанские коллеги, и в чем трудно с ними не согласиться: назначая старших военачальников по принципу знатности и придворных связей, а не собственно военной компетенции, система привела к тому, что отважные (именно так говорят американцы!) солдаты были посланы в бесполезную резню глупыми (и так тоже они говорят!) генералами.

Даже если военачальники и следовали принципам, воплощенным позднее генералом М. И. Драгомировым в своем, или приписываемом ему, девизе: «На смерть идут у того, кто сам ее не сторонится», это еще не означает, что подобное массовое жертвоприношение было оправданным. Тем более, что среди трезвомыслящих военных той эпохи военная мысль Драгомирова ассоциировалась с весьма высокой ценой — «...грудами человеческого мяса, потоками человеческой крови».⁵¹⁷ В советское время некоторые преподаватели тактики в военных училищах преподносили курсантам как аксиому — «В хорошей армии героев нет». Их нет не потому, что все солдаты и офицеры в своей массе трусы, а потому, что в их подвигах нет необходимости по причине всесторонней подготовки и тщательному планированию военных операций на

⁵¹⁶ Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный сборник, № 2, 1872 г., СПб., С. 229

⁵¹⁷ Керсновский А. А. История русской армии, в 4-х томах, Т. 3, М., 1999 г., С. 23

разных уровнях. А. В. Суворов был прав, говоря, что «каждый солдат должен знать свой маневр». При Черной речке не то что солдаты — большая часть офицеров не была посвящена в планы командования. И действовали они, соответственно, по ситуации, а не по диспозиции. Вспомним хотя бы, что в 5-й дивизии построение частей было доведено до полковых и батальонных командиров уже перед началом атаки.

Крымская война — одно из лучших подтверждений вышесказанного. Изучая ее ход, лишний раз убеждаешься в правоте седых полковников-преподавателей, за плечами которых была не одна война. При правильном использовании войск, знании своего дела, не было нужды гонять пехоту в лихие штыковые атаки на закрепившегося и организовавшего прочную оборону неприятеля. Оставим рыдания от восторга женщинам, а восхищение генералами, устилавшими крымскую землю трупами «чудобогатырей» после «молодецких» атак, авторам прошлым (например, Дубровину) и авторам современным (например, Шавшину и Иванову). Все они забывают о главной цене подобных действий — человеческих жизнях, которая меры не имеет.

Если один из таких генералов ходил по севастопольским траншеям и не пригибал свою генеральскую голову под неприятельскими пулями — это его личное дело, но то, что он заставлял не пригибать головы и солдат — это уже не просто тупость, глупость и самодурство облаченного властью индивидуума, это — деяние, граничащее с преступлением.

Военные круги России чрезвычайно скептически оценивали состояние управления войсками. Именно ему, а не лепету о призрачном численном превосходстве, они считают обязанными поражения во всех без исключения полевых сражениях. При этом, говоря о том, что «...в траншеях сухопутные войска вели в большинстве случаев бой самоотверженно», то в сражениях вне крепости, в попытках победить союзников Крымская армия потерпела «...два тяжких поражения: 24 октября 1854 г. под Инкерманом и 4 августа 1855 г. на Черной речке».⁵⁴⁸

Генерал Куропаткин ставит поражение при Инкермане в прямую связь с Чернореченским. Одной из причин неудачи последнего он видит в том, что после инкерманской «...потери 10 000 выбывшими из строя, упадок нравственного духа в войсках, недоверие к своим начальникам и недоверие к войскам кн. Меншикова были результатами неудачи, надолго поставившей русскую армию в пассивное положение. Судьба Крымской кампании была предрешена: лучший момент для освобождения Севастополя упущен, действия наши утратили последнюю уверенность, а в армии началось нравственное разложение, приведшее к неизвестным дотоле злоупотреблениям.

Меншикова сменил кн. Горчаков, но дела наши не пошли лучше. Руководство войсками на р. Черной было то же, что под Инкерманом. Частные начальники не помогали друг другу, атака со стороны Севастополя не поддержала наши действия на Черной речке... Такой результат был тем более тягостным, что союзники не имели превосходства в силах на Крымском полуострове».⁵⁴⁹

В другой своей работе «Русская армия», относящейся к этому же периоду, Куропаткин называет причины поражения при Черной речке:

1. Отсутствие взаимодействия между войсками, участвовавшими в сражении;
2. Слабость поддержки артиллерии;
3. Ошибки планирования;

⁵⁴⁸ Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны, СПб., 2002 г., С. 30

⁵⁴⁹ Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны, СПб., 2002 г., С. 30–31

Тяжёлое ранение генерала Боске во время штурма Севастополя. 1855 г. Худ. А. Ивон.

4. Неправильное отсутствие (бездействие) кавалерии;

5. Слабая тактическая подготовка военачальников русской армии, особенно их неумение вести наступательные действия.⁵⁵⁰

Зайончковский, определяя причины поражения на Черной, утверждает, что «Не веря в успех задуманного боя, князь Горчаков нерешительно руководил войсками, переменяя раз и навсегда намеченный пункт атаки, и потерял почву под ногами из-за происшедшей путаницы в передаче приказаний; войска вводились в дело частями, резерв запоздал и в результате — новая неудача и громадные потери».⁵⁵¹

Как видим, все названные причины носят характер организационных, и ни одна — технический. Горчаков умудрился так заорганизовать дело, создать атмосферу суеты, постоянных изменений, что это все не только «...бесполезно изнуряло его самого, его штаб, сбивало с толку исполнителей и вливало в войска еще далеко до встречи с неприятелем ... яд апатии».⁵⁵²

Святополк-Мирский точно подметил это состояние, преобладавшее среди офицеров Одесского егерского полка перед сражением. Перед боем не было сделано ничего для повышения морального состояния солдат. Кажется, в русской армии во время Крымской войны эта важная составляющая любой победы попросту игнорировалась. Обладающий весьма положительными человеческими качествами, «...заботливый о нуждах солдат, прозванный в рядах их почетным именем «честного кня-

⁵⁵⁰ Куропаткин А. Н. Русская армия, М., 2003 г. С. 92–93

⁵⁵¹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., С. 147

⁵⁵² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Том. 2, Ч. 1., СПб, 2002 г., С. 120

зя», Горчаков был ими любим, но мало знаком с условиями их быта и не умел своим словом расшевелить душу солдатскую». ⁵⁵³

Князь Васильчиков откровенно связал поражение на Черной речке с полным отсутствием каких-либо военных дарований у Горчакова. Он камня на камне не оставляет от попытки адъютанта главнокомандующего Красовского хоть как-то оправдать своего патрона. При этом тон его, пожалуй, более жесток, чем в известном письме Паскевича: «В особенности он показал отсутствие способностей вождя больших военных сил в битве на Черной речке 4 августа 1855 г. в битве, которую Паскевич, в сказанном письме, называет „вечным позором нашей военной истории“. Мне случилось видеть эту несчастную битву собственными глазами и я, и многие меня окружавшие офицеры главного штаба, не будучи большими стратегиками, понимали, что дело делается не так как надо. Это понимал тогда каждый солдат. При возвращении войск на Мекензиеву гору, я обогнал верхом несколько пехотных полков, которые шли, сердито разряжая ружья над обрывом горы. „Безалаберщина!“ — было самое мягкое из слов, долетавших до моих ушей. Да! Это был не бой, а истинная безалаберщина, и в этой безалаберщине более всего был виноват главнокомандующий, нарушивший, вследствие своего старческого нетерпения, вследствие того, что растерялся, им же утвержденную диспозицию. А г. Красовский пишет, неизвестно на основании каких данных: „один выстрел перерождал князя и он делался определен в приказах, чрезвычайно точен во всех действиях и ясен в словах“». ⁵⁵⁴

По мнению Васильчикова подлог и искажение фактов были характерны для Горчакова, стремившегося всячески сохранить лицо перед императором. На слова Красовского, что «...действия князя Горчакова, кажущиеся теперь ...неловкими, будут оправданы, когда откроется все, не утаится ни одна бумага, ни одно письмо», Васильчиков ответил жестко — Горчаков не мог быть иным, чем был на Черной. Это была тяжелейшая «кадровая ошибка» государственной военной машины империи, доверившей князю командование своими войсками на ответственнейшем театре военных действий в тяжелейшее время. Не проявив себя на Дунае, он показал свою абсолютную несостоятельность в Крыму и оставался таким же в Польше в 1861 г.: «...этот странный, в сущности не глупый и не дурной человек, которого можно было очень нежно любить всем, близко к нему стоявшим, утверждал, что его нечем заменить более в целой России, как главнокомандующего и как наместника». ⁵⁵⁵

Еще одна из причин поражения, близко связанная с предыдущей, — устаревшая тактика. Хотя русская пехота удивила союзников на Черной речке нехарактерным до того для нее расчленением порядков, она безнадежно отставала от требований времени. От «...сплошных масс... отказались еще с Крымской кампании», ⁵⁵⁶ воевать в новых боевых порядках должным образом еще не научились. Тот же Зайончковский с нескрываемым сожалением констатировал: «Бесспорно, что одной из причин неудачного для нас исхода Восточной войны была и наша тактика с ее нормальными

⁵⁵³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Том 2, ч. 1., СПб, 2002 г., С. 71

⁵⁵⁴ Васильчиков А. И. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Заметки в ответ моим возражениям // Русская старина, Том. XXX, СПб., 1881 г., С. 123

⁵⁵⁵ Васильчиков А. И. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Заметки в ответ моим возражениям // Русская старина, Том. XXX, СПб., 1881 г., С. 125

⁵⁵⁶ Драгомиров М. По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями // Военный сборник, № 12, СПб, 1872 г., С. 270

боевыми порядками и способом действий, требующим стройности движения и совершенно ровных мест. В эту же войну нам преимущественно приходилось действовать на местности пересеченной, где наши боевые порядки были малоприменимы, а наши войска и военачальники других способов действий не знали».⁵⁵⁷

Горчаков в тактическом плане был поклонником старой школы, изжившей себя еще при Альме. Но если перед Альминским сражением Меншиков хоть в той или иной степени был озабочен неумением войск вести бой в расчлененных боевых порядках, то у Горчакова все было совершенно наоборот: «Отличительная черта руководства князя Горчакова заключалась в полном забвении наступательных действий, в присущей тому времени шаблонности, в полном пренебрежении рассыпным строем и в желании наметить целый ряд рецептов при отсутствии общих основных идей».⁵⁵⁸

Но ведь мы не раз обращали внимание на массы расчлененных боевых порядков русской пехоты? Не отрицаю, но утверждаю, что отмеченное союзниками большое число пехотинцев, выделенных в стрелковые цепи, было лишь видимостью. Командиры еще не умели рационально пользоваться преимуществами такого строя, не доверяли ему, и при малейшей опасности собирали солдат в массы. Как пример — действия Одесского егерского полка. Святополк-Мирский, ведя батальон, видя, что стрелки не идут вперед, а залегли, не имея желания двигаться вперед, даже допустил мысли о возможности рассыпать в цепь одну из своих рот, продолжая вести уже никем не прикрытый батальон на высоты. В итоге, поднявшийся на высоту полк был на ней встречен огнем неприятельских стрелков и сброшен назад к Черной реке.

Князь старался избегать дробления боевого порядка пехоты, настоятельно рекомендуя заменять «...этот строй сомкнутыми застрельщичьими взводами или ротными колоннами».⁵⁵⁹

Французы, отмечая целеустремленность, напор и героизм русских, считают, что их действия традиционно характеризовались прямолинейностью и не отличались тактическим разнообразием. В результате, одна атака копировала другую, одна дивизия сменяла другую, облегчая неприятелю организацию отпора.⁵⁶⁰

Сами участники сражения были более чем обескуражены его итогами. Поражал массовый героизм и жертвенность русской пехоты, безропотно выполнившей приказ, бросивший ее на бессмысленную гибель. Об этом свидетельствуют и русские, и их противники. Притом у союзников действия их противников вызывают искреннее восхищение. Французские офицеры узнавали потом наименование пехотных и егерских полков, атаковавших высоты и заносили их в свои записные книжки, выражая восхищение доблестью противников. Но это было слабым утешением. Кузмин, спустя четыре года после сражения одним из первых поставил вопросы, на которые хотел получить вразумительный ответ: «Было ли необходимо вступать в кровопролитное дело при р. Черной и штурмовать сильную местностью и укрепленную искусством позицию, на которой неприятель мог собрать силы в полтора раза большие, нежели какими мы могли располагать, и не было-ли полезнее, взорвав Севастопольские укрепления южной стороны, покинуть оную?»

⁵⁵⁷ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Том. 1, СПб, 2002 г., С. 478

⁵⁵⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Том. 2, Ч. 1., СПб, 2002 г., С. 131

⁵⁵⁹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Том. 2, Ч. 1., СПб, 2002 г., С. 131

⁵⁶⁰ Le general Thomas, Les Transformations de L'Armee Francaise. Essais D'Histoire et de Critique, Tome II, Paris, 1887, P. 451–452

Третий бастион после оставления русскими войсками Севастополя. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

Тогда потеря от 4-го по 27-е августа включительно, если не превышающих, то доходящих до 50 000 человек могло не быть, и дало бы нам средства действовать в поле с вероятием успеха».⁵⁶¹

Русская пехота подтвердила свои великолепные боевые качества, равно как и командный состав подтвердил свою неспособность пользоваться ими для достижения победы. Поражение на Черной своей трагичностью наглядно демонстрировало необходимость экстренного пересмотра основ тактической подготовки командиров и стратегической доктрины использования армии главнокомандующими. Оно требовало «... смотреть несколько шире на причины наших поражений как в Крыму». Бесконечная цепь неудач «... Альма, Инкерман, Черная речка – все это являлось отражением одного и того же бытия, которое объявило бы крамолой всякую попытку ... осудить практику красносельских маневров, раскритиковать наш устав и которое прятало под Севастополем в задние ряды и подрезывало крылья творчеству находившихся там талантливых офицеров».⁵⁶²

4 августа 1855 г. русские войска поплатились за стратегическую недалковидность собственного командования, отдавшего инициативу после успешного в целом сражения при Балаклаве вновь в руки союзников. Недаром правило войны, внесенное впоследствии, с учетом горького опыта Крымской и последующих за нею войн, в «Устав полевой службы» русской армии, гласило, что «...Каждый частный успех, достигнутый какой-либо частью, должен быть закрепляем и развиваем».⁵⁶³

⁵⁶¹ Кузмин И. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Чёрной 4-го августа 1855 года, СПб., 1859 г., С. 22

⁵⁶² Идеализм Леера // Стратегия в трудах военных классиков. В 2-х томах, Т. II, М., 1926 г., С. 273

⁵⁶³ Устав полевой службы, Высочайше утвержденный 27 апреля 1912 г., 1912 г., СПб., С. 198

Одним из самых жестоких итогов сражения на Черной речке можно считать вывод, что в случае продолжения Крымской кампании, прибывающие на полуостров новые контингенты русских войск, также бессмысленно перемалывались бы в бесплодных попытках вырвать победу любой ценой, ведомые в бой храбрыми, но неграмотными военачальниками. И при Альме, и при Инкермане, и на Черной, атаки пехоты сводились к лихим, но малоэффективным лобовым ударам, единственным итогом которых были горы трупов и в утешение, — восхищение противника. Всякое маневрирование было неуклюжим, лишь запутывало дело и потому применялось недостаточно и неохотно.

Ошибочным было и определение направления нанесения главного удара. Как и Меншиков при Альме, так и Горчаков при Черной речке стратегически мыслил разумно. Командующий понимал, что если и наносить удар, то его направлением должны стать тылы и тыловые позиции противника, ибо «воздействие на тыл противника чаще всего вызывает психологический эффект. Армия, как и человек, не может предохранять себя от удара в спину, не повернувшись кругом, с тем чтобы использовать свое оружие в новом направлении. Процесс перегруппировки сил в новом направлении временно ослабляет боеспособность армии, точно так же как и человек остается беззащитным, пока не повернется лицом к врагу, но продолжительность небоеспособности армий длится, конечно, значительно дольше. Поэтому любая армия весьма чувствительна к угрозе с тыла».⁵⁶⁴

Однако, пока Горчаков тщательно готовил удар по флангу и тылу союзников, эти фланг и тыл превратились в укрепленные позиции, о которые разбились фронтальные атаки главнокомандующего. Итоги говорят сами за себя: «прямое наступление увеличивает устойчивость противника как в физическом, так и в психологическом отношении, что приводит к увеличению силы его сопротивления. При фронтальном давлении противник откатывается назад к резервам, базам снабжения и подкреплениям, тем самым восстанавливая свои силы. В лучшем случае таким фронтальным ударом достигается напряжение сил противника, а не его разгром».⁵⁶⁵ Планируя операцию, Горчаков, думая, в общем, разумно, действовал, на деле, стандартно. Хотя он применил типичный для тактики начала и середины XIX в. отвлекающий удар, но способ, который использовал, к тому времени устарел.⁵⁶⁶ Более эффективный вариант поиска слабого места в обороне противника не использовался, хотя именно он мог привести к другим результатам, или, по крайней мере, не к таким тяжелым последствиям. Это место, не будучи определенным точно перед сражением, несколько раз менялось в его ходе. Можно, конечно, попытаться оправдать Горчакова, утверждая, что он не знал сил противника, не ожидал, что события начнут развиваться стремительно и проч. проч. Может быть, хотя с этим я не согласен. В конце концов, он — главнокомандующий, единоначальник — и только от него может зависеть ход сражения, его начало и окончание, каждый маневр войск на поле боя. Князь не посмел отойти старых стандартных схем, в которые было заложено все, начиная от построения боевого порядка. Это обернулось для него трагедией, а для русской армии и Севастополя — катастрофой: «Менее всего поддается точной формулировке бой, и всякие попытки в этом смысле могли бы привести к самым печальным последствиям; в этом отношении как западноевропейские армии (особенно в VIII сто-

⁵⁶⁴ Лиддел Гарт, сэр Бэзил Генри, Стратегия не прямых действий, М., 1957 г., С. 375

⁵⁶⁵ Лиддел Гарт, сэр Бэзил Генри, Стратегия не прямых действий, М., 1957 г., С. 375

⁵⁶⁶ Бевин, Александер, Как выигрываются войны, М., 2004 г., С. 393

лети), так и наша (напр. в эпоху Крымской кампании) пережили тяжелые испытания и дорого заплатились за стремление установить неподвижные нормальные формы для боевого порядка и системы ведения боя».⁵⁶⁷

Сочетание просчетов русского командования привело к тому, что недостигнутый тактический успех сражения на Черной речке стал стратегическим поражением Горчакова в Крымской кампании. По мнению Манфреди: «Для судьбы Севастополя, города-крепости, исход сражения на Черной речке был смертельным ударом. Мы не говорим о том, что гарнизон был морально подавлен. Кажется, что он даже не понял всех последствий поражения. Окрыленные же успехом союзники, продолжали осадные работы с еще большей настойчивостью и энергией. Провалившаяся попытка русских помочь осажденным в городе войскам извне, и их отказ повторно осуществить этот план, означали, что падение Севастополя – вопрос нескольких недель, а настойчивость и активность французов при его осаде лишь ускорила этот срок».⁵⁶⁸

Трудно не согласиться со словами итальянского историка, которые высказывались не только им одним. Командующий английскими войсками генерал Симпсон писал генералу Пелисье 17 августа 1855 г., что действия французских и сардинских войск при отражении русского нападения на позиции союзников у реки Черной показали превосходство объединенных армий над войсками русских в полевых сражениях. После этой победы скорое падение Севастополя становится неизбежным.⁵⁶⁹

Итог подвел Энгельс в своем комментарии по поводу сражения и его итогов, сделанный им спустя месяц после описываемых событий для газеты «Neue Oder-Zeitung». «Это – третье регулярное сражение данной войны, и, подобно сражениям на Альме и при Инкермане, оно отличается сравнительной непродолжительностью. Для сражений времен наполеоновских войн был характерен длительный период предварительных стычек; каждая сторона стремилась прощупать силы противника прежде, чем вступить с ним в бой в решающих пунктах и с участием основных масс войск; решающий же удар предпринимался лишь после того, как большая часть войск обеих сторон вводилась в бой. Здесь же мы видим обратную картину: никакого промедления, никакого постепенного изматывания сил противника; удар наносится сразу же, и судьба сражения зависит от результата одной-двух атак. Это выглядит более смело, чем наполеоновский способ ведения боя; однако если двойной численный перевес, подобный тому, который союзники имели на Альме, и хорошо известная неповоротливость русских при маневрировании и могут, казалось бы, служить оправданием для таких прямых действий, то действия все же показывают, что обеим сторонам весьма недостает компетентного военного руководства; и во всех случаях, когда рубкам, действующим по этому принципу, противостоит генерал, хорошо понимающий, как завязать бой с их войсками, какие ловушки для них расставить и как их туда заманить, они очень скоро оказываются в весьма незавидном положении.

И наконец, повторим то, что мы уже часто говорили: храбрость солдат и посредственность генералов являются отличительными чертами обеих сторон, участвующих в нынешней войне».⁵⁷⁰

Не согласиться с классиком трудно....

⁵⁶⁷ Полевая служба по новому уставу // Военный сборник, № 3, 1882 г., СПб., С. 67–68

⁵⁶⁸ Матвеев В., Негостеприимная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 97–98

⁵⁶⁹ Bazancourt, Cesar Lecat, L'Expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol – Chroniques de la guerre d'Orient, Paris, 1856, P. 209

⁵⁷⁰ Энгельс Ф. Сражение на Чёрной (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/11/113.htm>)

ГРУСТНЫЙ ЭПИЛОГ

«Исход сражения оказался для русских более фатальным, чем следовало ожидать»

Сардинский генерал Ла Мармора.

Трудно говорить что-либо после столь тяжких поражений. Но изначально мы договорились, что не будем молчать о них и сменим трубный зов на ушат холодной воды. К сожалению, говоря о сражении на Черной речке, мы не можем употребить тон победных реляций, столь любимый отечественной историей. Да и нет нужды в этом.

В процессе поиска виновных и собственных оправданий главное слово было за Горчаковым, и он недолго утруждал себя сомнениями в ответе на исконно русский вопрос «Кто виноват?». Причину столь неудачного для нас исхода сражения 4 (16) августа князь объяснил в своей реляции следующим образом: «Порыв, оказанный в оном всеми частями войск наших имел бы без сомнения счастливый исход, если бы генерал Ред не сделал преждевременной частной атаки, вместо той, которую я предполагал сделать совокупно войскам его и генерал-лейтенанта Липранди, непосредственно поддержанными главным резервом».⁵⁷¹ Затем главнокомандующий переходит к оправдательным философским размышлениям, которыми отличается его письмо военному министру 5 августа 1855 г.: «...Если я не достиг даже временного успеха и если мы понесли такую большую потерю, причиною этому одно из тех роковых обстоятельств, которые людская мудрость не может ни предвидеть, ни предотвратить».⁵⁷²

Тотлебен ставит все на свои места, корректно, но точно: «Не отрицая несколько влияния, оказанного на исход сражения этим обстоятельством, нельзя не заметить, что и без возникшего тогда недоразумения трудно было ожидать 4 (16) августа успеха, уже в виду одних распоряжений главнокомандующего перед сражением на р. Черной».⁵⁷³ Дальнейшее рассуждение великого фортификатора настолько логично и так правильно рисует причины поражения, что заслуживает приведения его полностью: «Но если бы нам и удалось утвердиться на Федюхиных и Гасфорта высотах, то это несколько не улучшило бы нашего положения, так как мы не имели

⁵⁷¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 288

⁵⁷² Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 288

⁵⁷³ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 288

возможности овладеть позицією на Сапун-горе и тем вынудить неприятеля к снятию осады с Корабельной стороны; притом, в виду превосходства сил союзников, нам весьма трудно было удержать за собою обширную позицию, простирающуюся от д. Карловки до Сапун-горы. Чтобы заставить нас очистить левый берег Черной, неприятель мог даже уклониться от атаки Федюхиных высот; удерживая без всякого затруднения неприступную и вместе с тем укрепленную позицию на ближайшей к этим высотам части Сапун-горы, ему достаточно было, для достижения вышеупомянутой цели, перейти р. Черную вне выстрелов наших батарей, на конце Большой бухты, и занять Инкерманские высоты, в то время как наши главные силы были бы сосредоточены на Федюхиных и Гасфорта высотах и Телеграфной горе. Одним этим движением, при котором неприятель сохранил бы связь со своими войсками, расположенными на Сапун-горе и угрожал бы нашему главному пути отступления, он заставил бы нас поспешно отступить на правый берег Черной.

Однако, если с нашей стороны уже было принято решение атаковать неприятельскую позицию на р. Черной независимо от вышеприведенных соображений, следовало бы, во всяком случае, еще до начала сражения, определить главный пункт атаки, а не отыскивать его во время боя, так как не подлежало сомнению, ключом неприятельской позиции были Федюхины горы, а не Гасфорта высоты. Князь Горчаков, сам сознавал это, судя по диспозиции его, данной генерал-адъютанту Реаду, в которой встречаются подробные указания по взятию Федюхиных гор, между тем как в диспозиции для корпуса левого фланга только слегка упомянуто, что по занятии Телеграфной горы войска генерал-лейтенанта Липранди готовятся к переправе через р. Черную для атаки Гасфорта высот. Избрав заблаговременно главным пунктом атаки Федюхины горы, необходимо было, пользуясь утренним туманом, выставить против них до 100 орудий на правом берегу Черной и после непродолжительного обстреливания этих высот стремительно атаковать их тремя дивизиями, поддерживаемыми главным пехотным резервом. Только при подобном образе действий можно было надеяться стать твердою ногою на Федюхиных высотах, до прибытия сильных резервов союзников, находившихся поблизости на Сапун-горе.

Из ближайшего же разбора сражения при Черной видно, кроме того, что хотя войска наши, благодаря их геройскому самоотвержению, неоднократно одерживали успех, преодолевая местные препятствия и не будучи останавливаемы превосходством неприятельского ружейного огня и выгодным расположением его артиллерии на командующих высотах, но, тем не менее, они все-таки окончательно подверглись поражению, по той единственной причине, что их не поддерживали своевременно резервами и вводили в бой частями, между тем как к передовым французским войскам на Федюхиных высотах непрерывно прибывали подкрепления в продолжение всего боя».⁵⁷¹

Богданович также не соглашается с оправданиями Горчакова и категорически не приемлет попыток главнокомандующего свалить всю вину на Реада: «На основании донесения о деле на Черной князя Горчакова, все дело было испорчено преждевременною атакою генерала Реада, который не понял полученного им приказа. Но точное исполнение приказаний обеспечивается, паче всего, их определенностью. Генерал Реад, получив приказание: «начинать», весьма естественно спросил: „что начинать?“ — Этот вопрос остался без разъяснения. Если в чем можно винить Реада, то

⁵⁷¹ Описание обороны города Севастополя, под рук. Генерал-адъютанта Тотлебена, Ч. 2, СПб., 1871 г., С. 288–289

вовсе не в том, что он не разгадал мысли главнокомандующего; гораздо справедливее поставить ему в укор атаку сильной неприятельской позиции полками 5-й дивизии порознь, одним вслед за другим, что напрасно подвергло их страшной потере. Впрочем, такое неискусное употребление войск, наступавших без всякой взаимной между собой связи, видим в продолжение всего боя: сперва была введена в огонь 12-я дивизия, несколько позже — 7-я; затем следовали, одна после другой, атаки Галицкого, Костромского и Вологодского полков, и наконец — трех полков 17-й дивизии. Войска дрались храбро; начальники их не щадили себя; но все их подвиги, не будучи направленными к общей цели, были напрасны».⁵⁷⁵

Подведем итог всему вышесказанному. Попытаемся выделить общие причины, которые привели к поражению русских войск в сражении на Черной речке, на них указывают все исследователи:

1. Отсутствие четкого плана сражения и неопределенность главного направления действий;

2. Отсутствие скоординированности в действиях войск. Сражение распалось на отдельные эпизоды, которые не были связаны между собой ни по ситуации, ни по времени. Явная децентрализация командования русскими войсками, приведшая к «ослаблению единства силы».⁵⁷⁶

3. Слабость артиллерийской поддержки атакующей пехоты;

4. Плохая организованность марша, отсутствие должной рекогносцировки путей выдвижения;

5. Тактические ошибки непосредственных атак (прежде всего — ввод в бой по частям);

6. Опоздание выхода резервов.

И еще — полное несоблюдение элементарной секретности, в результате чего планы русского командования стали известны союзникам, что позволило создать условия, которые они смогли навязать Горчакову. Как результат: удар был нанесен именно туда, куда хотели французы и где, соответственно, они создали все условия для его отражения.

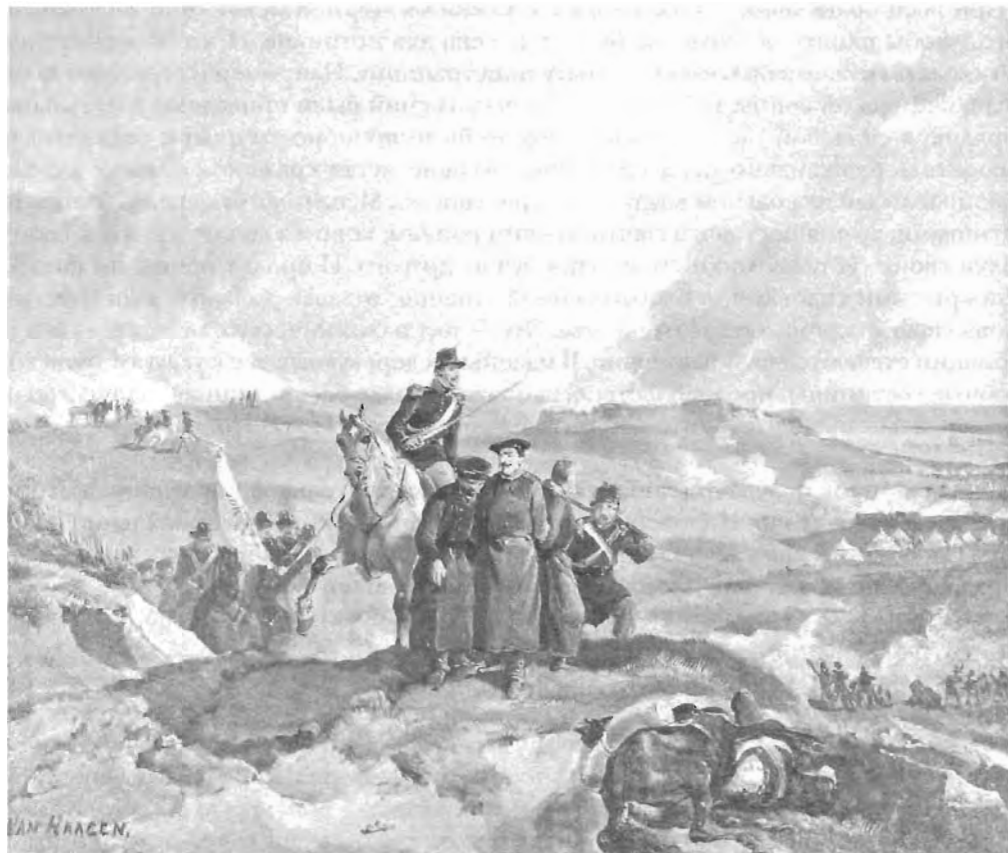
Знала ли история впоследствии что-либо подобное сражению на Черной речке? К сожалению, — да, и притом неоднократно. Почти скопировано с него одно из первых столкновений Гражданской войны в США — сражение при Бул-Ране летом 1861 г. Федеральные войска под командованием генерала Мак-Дауэла не только совершенно аналогично с русскими атаковали укрепленные южанами гребни высот, но и вводились в бой бригада за бригадой: «Фронтальные атаки против хорошо укрепившейся пехоты, как наглядно продемонстрировало это первое крупное сражение гражданской войны, граничили с самоубийством, хотя воюющим генералам это еще предстояло осознать. Кроме того, северяне, очевидно в силу необученности взаимодействию в составах бригад, наступали разрозненными силами. Как считал генерал Джонстон, именно этот их образ действий явился одной из главных причин в первом поражении при Бул-Ране».⁵⁷⁷

Протрезвление Крымской войной, наступившее у нас сразу же после её окончания, к сожалению, было недолгим. Начавшиеся были реформы военного образова-

⁵⁷⁵ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁵⁷⁶ Войде К. К вопросам стратегии // Военный сборник, № 10, 1896 г., СПб., С. 218

⁵⁷⁷ Малье К. Гражданская война в США 1861–1865, М., 2002 г., С. 167

Русские пленные во время штурма Севастополя. Рисунок В. Хаагена. XIX в.

ния, сближения его с военным опытом, которые проводились Академией Генерального штаба, оказались очередной кампанией.

Мы же теперь не имеем право закрывать глаза на события истории (и не только военной), даже если они и не принесли славы русскому оружию. Опыт, пусть даже горький, — это все же опыт. Как бы то ни было, поле этого сражения — это в большей степени поле славы, поле чести русского солдата, а не поле позора. Никакие просчеты командования, его ошибки, порой граничившие с глупостью, не могут очернить доброе имя основной массы безропотно исполнивших долг защитников Отечества. При всей нераспорядительности начальников, бестолковости управления, ни один из полков не оставил поля боя (как это было при Альме). Наоборот, каждый из них, идя на склоны Федюхиных высот, заваленные телами убитых и раненых в предыдущих атаках, стремился выполнить свой долг. Да, были ушедшие, были малодушные (а в какой армии и когда их не было?), но не было массового бегства, паники, потери управляемости. Это сражение еще раз доказало, что «...русскому солдату нельзя отказать в храбрости. Вся военная история доказала, что русский солдат храбр».⁵⁷⁸

⁵⁷⁸ Братская помощь, №9. М., 1910 г. // О долге и чести воинской в российской армии, М., 1990 г., С. 308

При всей трагичности неудачного сражения на Черной речке, оно заслуживает того, чтобы память об этом дне была донесена для потомков. И чтобы понять, как это сделать, нужно обратиться к опыту иностранному. Например в Германии после франко-прусской войны 1870–1871 гг. поля сражений были приведены в идеальный порядок, «...в любой табачной лавке можно было приобрести план и толковый путеводитель ближайшего поля сражения. Бывшие места сражений — ныне художественные музеи на вольном воздухе. В окрестностях Меца поля буквально усеяны памятниками: армия поставила своим павшим воинам, корпуса своим, дивизии своим, полки своим. И памятники стоят один лучше другого. И бродят немцы по полям с непокрытыми головами, в благоговейной тишине, отдавая должную дань тем, кто кровь свою отдал на алтарь отечества. Это — ряд паломнических мест, куда со всей Германии стекаются на поклонение. В маленьких деревушках все к услугам туристов, удобные гостиницы, продовольствие, экипажи и везде бесчисленное количество открыток, альбомов, путеводителей, карт, планов и проч. И все это, разумеется, находит сбыт...».⁵⁷⁹

Для французов поле Ватерлоо, несмотря на сокрушительное поражение, которое потерпела в нем армия Наполеона — это «поле чести», символ национальной доблести и славы. Так и для нас, поле сражения на Черной речке несмотря на всю тяжесть поражения, не может быть никогда местом национального позора.

⁵⁷⁹ Галкин М. С. К познанию армии, Военный сборник № 1, СПб., 1914 г. // О долге и чести воинской в российской армии, М., 1990 г., с. 208

КОГДА КРЕПОСТИ НЕ СДАЮТСЯ

«...даже самые укрепленные позиции не в состоянии отразить атаку, если их не обороняет достаточно сильный гарнизон».

Генерал А. Брусилов, «Записки солдата».
(1930 г.)

Многие из современных авторов и очевидцев обороны Севастополя в 1854–1855 гг. не стесняются высоких слов, говоря о массовом героизме защитников крепости. Для этого, безусловно, есть веские основания. Храбрости и мужеству гарнизона мы обязаны отдавать почести всегда. Имена его защитников навечно вписаны в скрижали отечественной военной истории. Русские исследователи спустя несколько десятков лет утверждали, что доблесть солдат и матросов армии и флота Российской империи компенсировала отсутствие заблаговременно подготовленных оборонительных позиций. От себя дополню: и полную неготовность императорской армии к войне с европейскими армиями.

«Вообще стара, но вечно верна будет мысль, что крепостные верки мертвы без живой, энергичной и умелой обороны их, причем, в особенности в виду сложности нынешней военной техники, живая сила эта должна действовать не только храбро и энергично, но и умело... Достаточно вспомнить славную оборону Севастополя для того чтобы убедиться в преобладании значения вышеупомянутых качеств защитников перед значением мертвой силы верков, которых, как известно, на южной стороне Севастополя в начале обороны почти и не было».⁵⁸⁰

На фоне того, что творилось в армии вне оборонительной линии, защита Севастополя стала феноменом в истории осад и штурмов крепостей или укрепленных позиций. Будем объективны, оборона была оригинальна не столько длительностью, сколько умением и искусством, с которым велась.

Особенно драматичной она оказалась весной-летом 1855 г., когда казалось, у города нет шансов, а те минимальные которые еще были, давно исчезли. После Балаклавы ни одной победы вне стен города. Только поражения. Даже когда ситуация была выгодной для русских, особенно после прибытия подкреплений, гарнизон оттягивал на себя основные силы нападающих, но командующие не смогли использовать ее с толком. «...Крепости оттягивают значительную часть неприятельской армии

⁵⁸⁰ Случевский К. О крепостной войне // Военный сборник, № 8, 1889 г., СПб., С. 299

Последний взгляд. Русские войска оставляют Севастополь. Рисунок Ф. Рубо.

на осады. Подобным моментом следует пользоваться для разбития остальной части армии».³⁸¹

Императорские войска в Крыму делали все, что умели, а умели то, чему их учили до войны. Как и чему — мы уже хорошо знаем. С маневрами на плацу проблем у армии не было. Проблемы массово появлялись на поле боя. Как результат — проваленные попытки нанесения поражения союзным войскам при Инкермане и Черной речке. Успех Балаклавы, но позор Евпатории.

Все это усугублялось невиданным, даже по меркам казалось ко всему привыкшей Российской империи, казнокрадством полчищ военных и гражданских чиновников, с невероятным «патриотизмом и энтузиазмом» хуже саранчи обдиравших и обиравших без всякого зазрения совести защитников Отечества. Севастополь неприступно стоял почти год не благодаря, а скорее вопреки всей военно-административной системе императорской России. По сути дела армия вела две войны. Одну — с союзными силами четырех европейских государств, вторую — с собственной бюрократической системой. И непонятно, какая из них была более успешной.

С другой стороны — невероятная стойкость и упорство на бастионах, беспощадная резня в траншеях при ночных вылазках, к которым неприятель так и не смог привыкнуть за долгие месяцы войны, высокий моральный дух защитников Севастопольской крепости. Даже вышеупомянутые поражения в полевых сражениях были

³⁸¹ Драгомиров М. Важнейшие принципы ведения войны // Военный сборник, 3 11, СПб., 1888 г., С. 12

на грани героизма нижних чинов и младших офицеров, с отчаянной неустрашимостью защищавших город. Хотя мы уже говорили о моряхах не раз, но справедливости ради отметим, что и стойкость пехоты была традиционно высокой, а выучка артиллерии — превосходной.

Часто можно слышать от современных исследователей, что «Севастополь не был крепостью в ее современном понимании». То есть, по их разумению, у него не было крепостных стен, башен, ворот с ключами, предназначенными для вручения победителю и прочих атрибутов средневековья. Это не так. Севастополь был крепостью и не просто крепостью, а крепостью первого ранга, которых в России середины XIX в. было только две — Севастополь и Кронштадт: «...хотя Севастополь по устройству своей оборонительной линии и не являлся вполне современной для той эпохи крепостью, но он все же подошел к типу новых фортовых крепостей, появившихся в Западной Европе в 30-х годах XIX века значительно более, чем то имело место в предшествовавших осадах».⁵⁸²

Естественно, что Севастополь и Кронштадт никогда не готовились к обороне с сухопутного направления. Эта функция возлагалась на полевую армию. Но то что сделали защитники города в кратчайшие сроки, сделало позиции Севастополя неприступными. Выигравшие начисто инициативу первого этапа войны союзники, вынуждены были принять навязанный им военным гением Тотлебена вариант действий, и увязли, упуская из рук достигнутое.

Тотлебен переиграл их прежде всего сочетанием своего высочайшего военного образования и талантливого организатора. Генерал Шильдер так характеризовал его: «Тотлебен не обладал умом теоретика; это был по преимуществу ум-практик. В нем никогда не проявлялось увлечение несбыточными мечтами и теориями; напротив того, все, что отзывалось теориею и бесцельным рассуждением, беспощадно отстранялось; если он не мог тотчас извлечь пользы из той или иной меры, он бросал ее и никогда не сходил с почвы практически выполнимого мероприятия. При таком складе ума и дарований Тотлебен не сделал новых шагов и открытий в инженерной науке, но он умел только с необыкновенным искусством пользоваться обстоятельствами и применяться к ним. Когда Тотлебен приступил к осуществлению проектированных им оборонительных работ, он не мог предвидеть, что союзники подарят ему время, необходимое для окончания начатой импровизации. Поэтому нельзя не признать за автором севастопольской импровизации выдающейся настойчивости и редкой силы воли в руководстве предприятием, выполнимость которого представилась бы сомнительною для менее предприимчивого характера».⁵⁸³

Сравнение Тотлебена с Вобаном — «русский Вобан», как иногда называют его исследователи, мягко говоря, неуместно. Тотлебен — это Тотлебен! Лично я согласен с тем, что сравнивать Тотлебена и Вобана не только бессмысленно, но и некорректно по отношению к памяти русских генералов, адмиралов, офицеров, солдат и матросов, защищавших Севастополь. И не только в патриотических приоритетах здесь дело. К середине XIX в. значение крепостей в войне изменилось коренным образом. Это было связано, прежде всего, с появлением новых видов огнестрельного оружия, новыми приемами ведения боя. С этого времени крепости стали сильны «...не сво-

⁵⁸² Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000 г. С. 154–155

⁵⁸³ Граф Эдуард Иванович Тотлебен // Военный сборник, 1890 г., № 7, СПб., С. 218

ими препятствиями штурму, не пассивной силой своих верков, а многочисленной артиллерией и соображенным с объемом крепости сильным гарнизоном».⁵⁸⁴ Сам Тотлебен не очень любил, когда его сравнивали с Вобаном, считая, что последний являл из себя образец чистого фортификатора, в то время как он не только производил расчеты и организовывал работы, но и в некоторые периоды руководил действиями артиллерийских масс, чего не удавалось за свою военную карьеру многим пехотным или «чисто» артиллерийским начальникам.

Севастополь стал первым сигналом для русской военной науки об опасности следования канонам устаревшей безнадежно европейской фортификации. До событий в Крыму «...крепостное дело, при наружном его блеске и расцвете, в сущности погружалось в глубокую рутину. Воцарялась схема; крепостная война сделалась областью исключительно военных инженеров; появились теории вроде «анализа крепостей», где исчислялось, так сказать, законное время сопротивления крепости, а затем комендант мог сдавать ее с чистой совестью, с сознанием до конца исполненного долга! Эта отрасль военного дела превращалась в молчаливый договор между осажденными и осаждающими... В школах преподавалось уже не искусство оборонять крепости, а искусство почетно сдавать их...».⁵⁸⁵

Севастопольская оборона происходила в тот период развития военного искусства, когда значение долговременных крепостных укреплений во многом снизилось, прежде всего, по причине произошедших изменений в способах ведения войны. Понятие «крепость» постепенно уступало понятию «крепостной район», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это определение включало в себя большую территорию, не ограничивавшуюся городскими окраинами или крепостными стенами. В обороне сама крепость, как комплекс долговременных оборонительных сооружений, играла роль в первую очередь защищенного места нахождения резервов, arsenалов, тыловых учреждений. Основная борьба выносилась за ее пределы. И главная тяжесть ложилась на продуманную систему полевых укрепленных позиций, опиравшихся на долговременные крепостные оборонительные сооружения. Все большее значение приобретала не столько численность гарнизона, сколько его вооружение, обученность, организованность, способно быстро и адекватно реагировать на любые изменения в обстановке. Утверждение, что «...всякое укрепление стоит, главным образом, того, чего стоят его защитники», становилось аксиомой.⁵⁸⁶

Применительно к Севастополю, значение крепостных стен, как долговременных укреплений, сводило их роль к «...редюиту линии передовых фортов».⁵⁸⁷ Но и без них еще нельзя было обойтись. Тотлебен находил, что будь таковые в Севастополе, «...не пришлось бы работать в нем ежедневно во время обороны 5000–10 000 чел. под сильным огнем неприятеля, и гарнизон мог быть уменьшен вдвое; кроме того, потери наши значительно уменьшились бы и вне Севастополя могла бы действовать в конце августа наша армия не в 115 000, а в 165 000 человек».⁵⁸⁸

Более того, к началу Крымской войны уже обозначился переход крепостей из ранга бывших «твердынь и опор государства», в «...разряд складочных пунктов, мест

⁵⁸⁴ Елчанинов А. Крепость в войнах Наполеона и новейшего времени // Военный сборник, 1905 г., № 8, СПб., С. 113

⁵⁸⁵ Елчанинов А. Крепость в войнах Наполеона и новейшего времени // Военный сборник, 1905 г., № 8, СПб., С. 114–115

⁵⁸⁶ Случевский К. О крепостной войне // Военный сборник, № 8, 1889 г., СПб., С. 301

⁵⁸⁷ Бой четвертого рода оружия // Военный сборник, № 1, 1890 г., СПб., С. 57

⁵⁸⁸ Случевский К. О крепостной войне // Военный сборник, № 8, 1889 г., СПб., С. 274–275

Третий бастион после оставления русскими войсками Севастополя. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

заклучения и даже просто памятников военно-инженерного зодчества».⁵⁸⁹ Соответственно, постепенно и сама тактика крепостной войны все более и более принимала формы и методы войны полевой, еще только зарождающейся, ставоясь предвестниками грядущих Верденов, Сомм, Ипрво и других мест массового истребления людей.

Военным исследователям второй половины XIX в. пришлось вновь повернуться лицом к крепостной войне, как одной из важнейших составляющих кампаний. Это произошло после трагических событий под Плевной в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда русская пехота большей частью даже не доходила до долговременных фортификационных сооружений, останавливаемая огнем из окопов и редутов, связанных турками в единую продуманную систему, как это было сделано Тотлебенем под Севастополем. Впоследствии, в курсе предмета «Крепостная война» академии Генерального штаба Германии, оборона Севастополя изучалась как первый в истории военного искусства «пример деятельной, преднамеренной обороны».⁵⁹⁰

Заслуга Тотлебена в том, что ему удалось отойти от сложившихся стереотипов и навязать армиям союзников, привыкшим действовать по старым стандартам и вести правильные осады, нестандартные контрдействия. При отсутствии умов, равных по уровню мышлению Тотлебена,⁵⁹¹ союзное командование повело осадные действия по привычной, но уже очень устаревшей схеме, и попало в стратегическую ловушку:

⁵⁸⁹ Плюцинский А. Из области вопросов тактики крепостной войны // Военный сборник, № 9, 1884 г., СПб., С. 27

⁵⁹⁰ Военные академии первостепенных государств Европы // Военный сборник, № 11, 1898 г., СПб., С. 55

⁵⁹¹ Travis D. Waltres, captain USAF Military Genius in the Crimean War, Part 2 // The War Correspondent Vol. 22, # 3 October 2004, P. 42–45

К чести их, они все-таки постепенно вылезли из нее, используя недостатки других военачальников с русской стороны.

Незадолго до войны 1877–1878 гг. Тотлебену удалось встретиться в Вене с Омер Пашой. Вспоминая кампанию в Крыму, Эдуард Иванович выделил как недостаток русской армии явление, когда «...генерал, стяжавший себе репутацию, потом обыкновенно боится потерять ее и делается поэтому нерешителен и медлителен».⁵⁹²

Морские офицеры, взвалившие на свои плечи оборону Севастополя в начальный период, были прекрасными организаторами. Но, увы, вторая составляющая любой кампании – полевые сражения, находились вне их компетенции. Проигранные сражения при Альме, Инкермане, Черной речке, целый ряд неудачных наступательных операций вне крепостной оборонительной линии, не способствовал продолжению длительной обороны и отрицательно сказывались на моральном состоянии гарнизона.

Плевна подтвердила севастопольский опыт, говоря, что «...цель всякой обороны должна считаться достигнутой, когда удалось заставить атакующего обратить осаду в блокаду. Осман-Паша под Плевной этого достигнул, заставив нас после трех атак перейти к блокаде, а между тем Плевна вовсе не была укреплена, потом имела полевые укрепления, которые, постепенным усилением своей профили, приобрели характер и силу временных».

Под Севастополем было то же самое: сначала были лишь одни трассировки, затем появились бруствера высотой до 6-ти фут. с наружными рвами до 5½ фут. глубиной; потом все это совершенствовалось и в конце концов бастионы имели валы, высотой до 21 фут. Думаем, что и долговременные укрепления сопротивлялись бы не долее севастопольских!

Из двух приведенных примеров видно, что бывают случаи, когда временные укрепления вполне заменяют долговременные и тяжких разочарований при этом не бывает. Надо лишь помнить, что сопротивляются не верки, а люди, которые их защищают».⁵⁹³

В истории русского военного искусства Севастополь и Плевна неразделимы.⁵⁹⁴ Это две стороны одной медали: с одной – пример обороны, с другой – пример преодоления такой же обороны, но уже созданной турками, опиравшимися на севастопольский опыт русских. В то же время, необходимо признать, что опыт Севастополя и Плевны долгое время оставался в императорской армии не более чем «преданием старины седой» и никак не мог пробить себе дорогу в войсках.⁵⁹⁵

Практический гений Тотлебена, его умение правильно сочетать наличествующие сооружения с быстро возводимыми укреплениями, объединенными в продуманную систему обороны, сделало оборону Севастополя поистине революционной. Поняв, что концентрация батарей в долговременных сооружениях неэффективна, он свел ее в систему, обеспечивая надежное прикрытие тех же самых сооружений. Этим Тотлебен срывал все планы союзников и благодаря этому первый штурм был успешно отбит.

Оборона Севастополя сразу опрокидывает значительную часть прежнего учения об осадной войне. Выдающаяся энергия и талант руководителя обороны, а также сила необходимости, повели к факту в истории крепостных войн небывалому. Гарни-

⁵⁹² Иловайский Д. И. Поездка под Плевну в 1877 г. // Русская старина, Том XXXVI, СПб., 1882 г., С. 367

⁵⁹³ Старая и новая терминологии в фортификации // Военный сборник, № 2, 1902 г., СПб., С. 170 – 171

⁵⁹⁴ Элементы укрепления полевых позиций // Военный сборник, № 1, СПб., 1904 г., С. 126

⁵⁹⁵ Элементы укрепления полевых позиций // Военный сборник, № 1, СПб., 1904 г., С. 128

зон перекинулся через валы и перенес оборону в поле, где и захватил значительный район. Крепостная война соединилась с полевой.

К каким результатам привел такой способ обороны — напоминать ни к чему: они и так надолго останутся в памяти всех, интересующихся военным делом, но не лишнее будет указать, что после этой героической обороны военная терминология обогатилась новым, весьма веским термином — «активная оборона крепости». Тотлебен вел прямо-таки инженерную войну с союзниками. На каждое действие их саперов следовал не менее, а порой и более агрессивный ответ со стороны русских фортификаторов. Порой сама жизнь приводила к нужному решению. Так родилась система ложементов, «...которая была подсказана самими войсками, ...части наши, выдвигавшиеся на ночь для аванпостной службы, устраивали по собственному почину, на скорую руку, завалы, которые способствовали им более самостоятельно и надежно занимать выгодные для обстреливания противника пункты. Той же самой цели должны были служить ложементы. Это были те же завалы, но выбранные и устроенные с помощью науки».⁵⁹⁶

Основные идеи обороны Севастополя, которые могли дать такие благотворные результаты, приводясь в исполнение на глазах неприятеля и при деятельном его противодействии, проявляются теперь заблаговременно выполненными в типе лагеря-крепости, чем, так сказать, освящается на будущее время принцип активности обороны крепостей, т.е. присоединения к чисто крепостным, оборонительным действиям — действия, присущие полю.

«Таким образом, громадная доля дела атаки-обороны крепости перешла из рук специалиста-инженера в руки тактики, а отсюда уже сама собой вытекает и необходимость того, чтобы тактика, как наука, приняла в свои недра этот отдел военных действий. Настала Русско-Турецкая война, — явилась Плевна. В Севастополе крепость вышла в поле, в Плевне поле укрылось за крепостью. Отзвуки идей обороны Севастополя проявились уже при обороне Бельфора; нет сомнения, что новая война даст и новую Плевну. Все это заставляет тактику деятельно заняться разбором этого нового вида военных действий, где крепостная война идет рука об руку с полем».⁵⁹⁷

Исследователи еще долго обращались к теме стойкости севастопольских укреплений, ставя их в пример как образец воли защитников. «Дай Бог, чтобы и долговременные укрепления сопротивлялись так же долго, стойко и доблестно, как сопротивлялись временные укрепления Севастополя».⁵⁹⁸

Заслуга Тотлебена в том, что он слабые стороны Севастопольский крепости сделал сильными. Еще до начала кампании в Крыму Николай I трезво оценивал то положение, в которое был бы поставлен Севастополь, укрепления которого «...могли противостоять разве что татарам».⁵⁹⁹ Он писал Паскевичу, что защита Севастополя с суши «...невозможна почти, без значительной силы».⁶⁰⁰ В своей записке Вревскому в 1854 г., император, осознавая возможность сухопутной и морской блокады крепости, требовал от Меншикова ответа, почему ничего не сделано по укреплению города.⁶⁰¹

⁵⁹⁶ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 3, СПб., 1895 г. С. 24

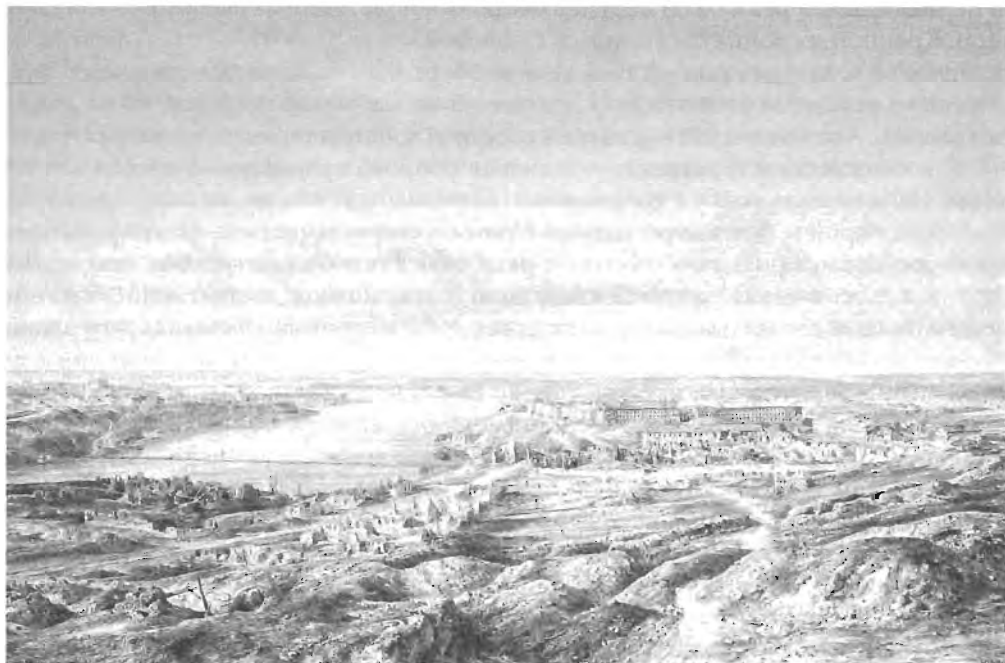
⁵⁹⁷ Бой четвертого рода оружия // Военный сборник, № 1, 1890 г., СПб., С. 53

⁵⁹⁸ Старая и новая терминологии в фортификации // Военный сборник, № 2, 1902 г., СПб., С. 170

⁵⁹⁹ Приезд Э. И. Тотлебена в Севастополь в августе 1854 г. // Русская старина, Т. XVIII, СПб., 1877 г., С. 508

⁶⁰⁰ Приезд Э. И. Тотлебена в Севастополь в августе 1854 г. // Русская старина, Т. XVIII, СПб., 1877 г., С. 508

⁶⁰¹ К истории Севастопольского погрома. Записка императора Николая Павловича барону Вревскому. 1854 // Русская старина, Том. VIII, СПб., 1873 г., С. 391

Панорама Севастополя после Крымской войны. Рисунок Гаспара Гобо (Gaspard Gobaut). Вт. пол. XIX в.

Уже много лет спустя после Крымской войны большинство русских фортификаторов признали, что «...оборонять можно всякую крепость, хорошую и плохую, но разница будет в том, что во втором случае необходимо больше войск, последние будут нести большие потери, должны переносить больше тягостей и т. д., чем в первом. Какие бы недостатки не приписывали современным крепостям из ограда, окруженной поясом фортов, но они имеют одно достоинство, которое имеет огромное значение: благодаря прерывчатости их главной позиции — линии фортов, — они представляют обороняющемуся широкое поприще для искусного в тактическом отношении употребления артиллерии и гарнизона. Интервалы между фортами дают простор для наступательных движений большими массами, позволяют развернуть огромные силы крепостной артиллерии в промежуточных батареях на атакованном фронте, дают место и простор для устройства контр-апрошей, тыловых позиций и т. д. Успешность обороны будет зависеть от того, насколько обороняющийся сумеет воспользоваться этими свойствами современных крепостей».⁶⁰²

Практика Тотлебена показала, что русская военно-инженерная мысль в Севастополе опередила время. Мощные, прекрасно оборудованные сооружения, безусловно, нужны, но только при том непереносимом условии, когда боец и гарнизон с помощью их лучше решают поставленную им задачу. Уместно вспомнить, что система отдельных небольших фортов, предложенных еще во второй половине XVIII века Монталамбером вместо всюду принятой тогда классической крепости, открывала

⁶⁰² Энгман Э. Излишние опасения // Военный сборник, № 4, 1893 г., СПб., с. 289

новую эру не только в фортификации, но также и в способах нападения на крепость, в ее обороне и даже в общей стратегии.

Наиболее успешно реализовавшая практический опыт Крымской войны немецкая военная наука, устами военного исследователя второй половины XIX в. Шерфа проведя серьезный разбор обороны Севастополя, ввела новый термин для обозначения усиленной в фортификационном отношении местности – «Четвертый род оружия».⁶⁰³

Укрепление артиллерийских позиций, меры по защите орудийной прислуги от ружейного огня стрелков, специально выделенных для ее обстрела, вошли в практику и не только европейскую. Во время Гражданской войны США генерал федеральных войск Беррис из армии Потوماка докладывал, что на основании предложения генерал-майора МакКлееллана, одобренного комиссией Делафилда, им было организовано плетение из канатов защитных мантий для орудий, по образцу севастопольских. Они были размещены в амбразурах орудий двух батарей и позволили в течение шести часов без всякого ущерба для личного состава вести огонь по позициям конфедератов. При этом отмечалась великолепная точность стрельбы.⁶⁰⁴

Но как бы мы не воспевали Тотлебена, все имеет свои пределы. Так и стойкость обороняющих Севастополь к августу 1855 г. заметно пошатнулась. Чернореченская катастрофа ускорила падение крепости...

⁶⁰³ Бой четвертого рода оружия // Военный сборник, № 1, 1890 г., СПб., с. 53

⁶⁰⁴ Gen. J. G. Barnard, Gen. W. F. Barry Report of the engineer and artillery operations of the Army of the Potomac, from its organization to the close of the Pmainsular campaign. 1863, New York, P. 133

ПОЛОЖЕНИЕ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ К АВГУСТУ-СЕНТЯБРЮ 1855 г.

«Артиллерия, как и другие виды вооружения, должна быть сконцентрирована для огня, если полководец хочет достичь решительных результатов».

Наполеон III, император Франции.

СОЮЗНИКИ

К середине августа 1855 г. положение Севастопольской крепости изменилось, притом явно не в сторону русских. Союзники оправились от деморализации, вызванной июньской неудачной попыткой взятия крепости. Особенно британцы, которые по воспоминаниям будущего фельдмаршала, а тогда командира 46-го пехотного полка Колина Фредерика Кемпбелла, «...начали немного падать духом».⁶⁰⁵

В определенной степени свою роль сыграло сражение на Черной. Почти все современные исследователи, а также очевидцы и современники событий начала августа 1855 г., в один голос говорят о том сильном моральном потрясении, которое испытал гарнизон Севастополя после поражения в этом, по словам Свечина, «жесте отчаяния». Понеся потери, расстроенная русская армия отошла на исходную позицию к Мекензиевым высотам. Стало очевидным — войска в новых условиях воевать не умели. Они этому просто не были обучены. А пол : боя, к сожалению, не академический класс и не полигон. Особенно тяжело пришлось тем частям, которые только прибыли в Крым и первым их практическим уроком стал «разгром», учиненный французскими войсками. Вместо победного марша на Балаклаву, русская пехота оставила сотни растерзанных картечными пулями тел на склонах Федюхиных высот и в Чернореченской долине.

У противника ситуация была диаметрально противоположной. После Чернореченского сражения — «бойни», устроенной князю Горчакову французами и сардинцами, в рядах союзных войск воцарилось ликование и невероятный эмоциональный подъем. Французский главнокомандующий почувствовал, как вера в близкую победу вновь вернулась в войска. Появилась возможность избежать грустных перспектив зимовки в траншеях вокруг Севастополя, она могла обернуться катастрофой. Повторного испытания катаклизмами непредсказуемой крымской погоды союзные армии

⁶⁰⁵ Colin Fredrick Campbell Letters from Camp to his relatives during the siege of Sebastopol London 1894, P. 291

не хотели. Еще одной зимы союзники могли и не выдержать. Британцы были в ужасе от одной мысли об этом. В Англии общественное мнение плавно перешло от эйфории побед первых месяцев к протрезвлению. Кошмары зимы 1854–1855 гг. и потери летнего штурма оптимизма не добавляли. По этому поводу Флоренс Найтингейл в своем письме, отправленном из госпиталя в Скутари, выразилась предельно точно: «Вам, английским джентльменам, которые сидят дома и пользуются заслуженными плодами своих медицинских успехов, трудно представить из чтения газет весь ужас операций над умирающими истощенными людьми».⁶⁰⁶

Вынудив русских после сражения на Черной речке отойти, союзники в течение нескольких дней укрепили оборонительные позиции вдоль реки и водопроводного канала: «Французы на этот раз начали строить новые фортификационные укрепления. Были определены места и размещены три новых артбатареи для обстрела подъездов к Трактирному мосту. И уж если начали укрепляться солидно французы, то что говорить тогда о пьемонтцах!».⁶⁰⁷ Среди английского, французского и сардинского командований витала мысль о неминуемом повторении атаки Горчаковым. Призрак вошедшей в Крым русской гвардии не давал им покоя. Появление частей Гренадерского корпуса у Перекопа вызывало обоснованные опасения. Англичане до такой степени были обеспокоены перспективой потери «маленького Лондона», что извели французов, сардинцев и турок постоянной боевой готовностью. Только в одном солдаты и офицеры союзных армий были едины — Севастополь должен быть взят и притом в ближайшее время.

Задолго до штурма союзное командование начало принимать меры к усилению войск. К августу 1855 г. силы французских войск достигли своего максимального численного уровня. В 1854 г. военный контингент Наполеона III в Крыму составлял 10 4098 человек. По воспоминаниям французского солдата Жана-Мари Дегине, в его полк, дислоцировавшийся в лагере Сантонэй в Лионе, в начале августа 1855 г. пришел приказ «...поставить определенное количество людей, чтобы заполнить брешь, созданную русскими ядрами и пулями в рядах Крымского контингента. Сначала следовало вызвать добровольцев, а в случае недостатка, прибегнуть к жребию». Отобранный личный состав должен был поступить на пополнение 26-го линейного полка.

Солдаты потоком шли в Крым, восполняя потери понесенные полками.

РУССКИЕ

Русская армия в Крыму и в Севастополе к августу 1855 г. находилась в трудном положении. Среди солдат и матросов, офицеров армии и флота о сдаче крепости речи не шло. Но и настрой на продолжение его обороны был далеко не у всех. Энтузиазм, с которым это делалось в первые месяцы, иссяк. Сказывались усталость, отсутствие явных побед, психическое истощение личного состава, каждодневные потери, плохое тыловое обеспечение гарнизона. Дальнейший расчет на его отменную стойкость терял смысл: «Наша доблестная армия всегда встречала врага с героизмом и полной нравственной бодростью. Нравственный элемент и дух на-

⁶⁰⁶ Тоурас Питер. Энциклопедия военной мысли, М., 2002 г., С. 328

⁶⁰⁷ Матвеев В. Негостеприимная Таврида. Сардинское Королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 97

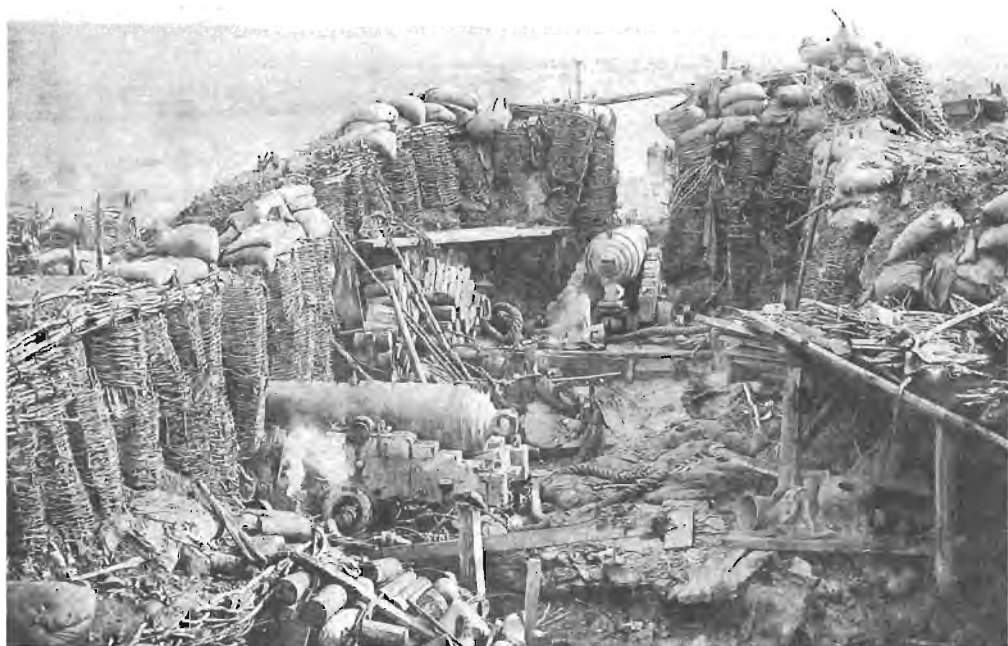
ших войск не подлежит сомнению, но необходимо научиться бить врага с наименьшими усилиями и жертвами, а это немыслимо без искусства военачальников и искусства войск. Высокое сознание долга, присущее нашей армии, ведет к стойкости и твердой готовности умереть на своем посту, но всем нам нужно помнить, что долг офицера не только в жертве своей жизнью, как заурядного рядового, а еще в исполнении обязанностей начальника. Кто вместо того, чтобы распорядиться, предоставляет свою часть на произвол случайностей и проявляет свое участие к делу только храбростью рядового, кто опустит принять меры для охранения своей части от неожиданностей, кто без нужды рискует частью, бросая ее в дело, не выяснив обстановки, кто не умеет или не хочет думать о вверенной ему части, а видит только около себя, — тот не исполнит долга начальника, несмотря даже на личный энтузиазм и готовность погибнуть. Энтузиазм начальника. при высоком сознании им своего долга, должен выразиться в полном напряжении усилий для руководства частью, для парирования ударов противника, для достижения поставленной ему цели с наименьшими жертвами и для возможного обеспечения своих подчиненных от неожиданных ударов. Только в решительные минуты, с последним своим резервом, начальник наравне с рядовым идет в рукопашную, чтобы умереть или достигнуть цели; но раз неприятель отброшен или наоборот, — начальник опять должен напрячь свою мысль для дальнейшего руководства своей частью. Кто забывает об этом или не умеет стать на свою настоящую роль, тот не может исполнить своего долга, какие бы чудеса храбрости он не оказал».⁶⁰⁸

Понимание пришло задним числом. Потребовалась не одна война, чтобы в русской армии смогли понять всю ненужность жертвенности и самоотречения, если они не подкреплены материальными ресурсами и не могут обеспечить выполнения задачи.

Длительные военные действия в Крыму расшатали и до того никуда не годную систему снабжения, усугублявшуюся до того невиданным разгулом коррупции в среде военной и гражданской администрации. А почва для этого была невероятно благодатной. Крымский контингент по мере увеличения его численности требовал все большего и большего обеспечения. Одних только продуктов требовалось по существующим нормам снабжения гигантское количество. В одни сутки русская армия потребляла около 8000 пудов муки и 1200 пудов крупы. Все это требовалось заготовить в тыловых магазинах и доставить гужевым транспортом, но содержание конского состава тоже требовало затрат. Количество потребляемого овса (8000 пудов/сутки) и сена (6000 пудов/сутки) на 20 000 лошадей ложилось тяжелым бременем не только на армию, но и на окрестные губернии. И это не считая остальных видов довольствия, не говоря о боеприпасах для артиллерии и стрелкового оружия.

Созданные перед кампанией подвижные магазины с месячным запасом продовольствия давно растаяли. Накопленный опыт полевого снабжения войск в Венгерскую кампанию 1849 г., когда русская армия не имела недостатка ни в чем, был забыт. Руководство тыловых служб находилось в руках множества проходимцев, а часто просто случайных людей, безнаказанно и без зазрения совести грабивших собственные войска: «Связь с родиной, особенно в распутицу, была весьма затруднена. Подвоз продовольственных запасов встретил такие препятствия и так плохо был организован, что войска не только терпели лишения, но в отдельных случаях голодали. Госпитальная часть организована была плохо. Пьянство и картежная игра среди офицеров и чи-

⁶⁰⁸ Свидзинский Э. Задачи и постановка тактических занятий с офицерами // Военный сборник, № 11, 1889 г., СПб., С. 24

Укрепления Севастополя после оставления русскими войсками. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

новников, особенно вдаль от боевых позиций, составляли, к сожалению, обычное явление. Хищения всякого рода достигали больших размеров».⁶⁰⁹

В армии все более явственно стали проявляться усталость и падение духа. Даже только выступившие в поход полки имели признаки разложения. Н.М. Пржевальский в конце 1855 г. поступил юнкером в Белевский пехотный полк. Его высокие патриотические мотивы рассеялись после выступления полка в поход в начале 1856 г.: «Товарищей у меня было человек сорок всякого сброда; некоторые из них на первом же переходе украли где-то сапоги и пропили в кабаке. Это происшествие крайне тяжело подействовало на меня и впервые меня разочаровало в военной службе...».⁶¹⁰ Дальше было хуже. К лету 1856 г. «...полк представлял собой шайку грабителей, потому что обыкновенно ничего не покупалось, как людям, так и лошадям, — все добывалось даром...».⁶¹¹

Ситуация усугублялась последовательной гибелью наиболее популярных, особенно в матросской и солдатской среде, адмиралов: Корнилова, Нахимова, Истомина. Для русского солдата и матроса, отличавшегося всегда верой в любимых ему начальников, это был серьезный удар. Новые вожди не смогли доказать своей состоятель-

⁶⁰⁹ Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904–1905; Итоги войны, СПб., 2002 г., С. 30–31

⁶¹⁰ Автобиография Н. М. Пржевальского // Русская старина, Том. 60, СПб., 1888 г., С. 531

⁶¹¹ Автобиография Н. М. Пржевальского // Русская старина, Том. 60, СПб., 1888 г., С. 532

Севастополь после оставления русскими войсками. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

ности и не завоевали любовь солдатских и матросских сердец. Как писал задолго до Крымской войны адмирал П. В. Чичагов, нижний чин отличался: «...одной особенностью, делающей ему большую честь: он в состоянии показать всему свету чудеса храбрости, выносливости и геройства, но все это возможно лишь тогда, когда начальник пользуется полным его доверием. Русская история доказывала это постоянно...».⁶¹²

Вспомним, что к началу обороны Севастополя в сентябре 1854 г. системы укреплений вокруг города как таковой не существовало. Она экстренно начала возводиться силами гарнизона и местных жителей в те несколько дней, которые были отведены защитникам города союзниками, отказавшимся от штурма после неудачного для русских сражения на Альме: «Севастопольские укрепления с сухопутной или южной стороны не существовали до появления союзников у Камыша и Балаклавы, за исключением нескольких батарей, соединенных между собою каменными, из бутового камня, стенками, а местами земляными валами без рвов. Сплошная оборонительная линия стала воздвигаться наскоро, перед глазами неприятеля, когда он уже приступил к заложению первой своей параллели. Осаждающий с самого начала повел атаку против правого нашего фланга, где искусство Тотлебена соединило все усилия гарнизона для быстрого создания сильной обороны. На левом же фланге, не угрожаемом неприятелем, ограничились только разбивкою линии укреплений, вырытием широкого и глубокого рва перед Малаховым курганом, выведением оборонительной прямолинейной стенки от одного до 2-го бастиона из бутового камня, и вооружением последнего девятью шестнадцатифунтовыми каронадами. Корабельная сторона долгое время оставлена была без защиты: батареи, называемой 1-м бастионом, 2-го

⁶¹² Записки адмирала П. В. Чичагова. Приготовление к войне с Швецией // Русская старина, Том. 58, СПб., 1888 г., С. 555

бастиона и Малаховой башни». ⁶¹³ Эта башня и ее значение до сих пор вызывают споры в среде военных историков. Существует мнение, которое иногда можно было услышать от участников обороны, что от нее было больше вреда, нежели пользы. При этом некоторые ссылаются на Тотлебена: «Мне говорили, будто бы Тотлебен с самого начала просил князя Меншикова уничтожить эту башню, которая могла только привлечь на себя усилия атакующего и быть нам более вредною, чем полезною, ибо самые камни оной, как и было, поражали». ⁶¹⁴

Условия, в которых производились фортификационные работы, при учете явного дефицита времени, ограниченного количества шанцевого инструмента (особенно в начальный период), недостатка рабочей силы, можно без преувеличения назвать экстремальными.

При всех недостатках Горчакова он сумел предвидеть проблемы с наличием защитных сооружений по периметру сухопутной линии Севастопольской крепости и еще в августе 1854 г. «...решился отправить в Крым опытного военного инженера, который мог бы укрепить сообразно обстоятельствам Севастопольскую позицию». ⁶¹⁵

2 августа 1854 г. в Фокшанах Горчаков объяснил подполковнику Тотлебену ситуацию в Крыму. Князь настоятельно рекомендовал военному инженеру использовать для создания оборонительной линии систему полевых укреплений и «...защищать их, подобно туркам, устраивая контр-апроши». ⁶¹⁶ Приехав в Крым не более чем советником, подполковник Тотлебен получает, хотя и не сразу, благоприятное расположение к себе князя А. С. Меншикова. ⁶¹⁷ Князь удерживает его в Севастополе, чем несомненно оказывает большое влияние на ход будущей обороны крепости.

Итак, ключом Севастополя был Малахов курган. Это не было чем-то новым для русских. Знали и понимали это и союзники: «Начальник инженеров Английской армии генерал Бургойн правильно определил еще в декабре 1854 года, что Малахов курган составляет ключ позиции, без обладания которым нельзя владеть Севастополем. С ним вполне согласился и приехавший генерал адъютант Наполеона Ниель, и на военном совете 20 января решено было открыть против Малахова кургана осадные работы. Эти энергические работы, предпринятые союзниками, заставили, наконец, и нас подумать о безопасности Малахова кургана, 3-го бастиона и всей Корабельной стороны». ⁶¹⁸

⁶¹³ Последние дни обороны Севастополя // Военный сборник, № 2, 1906 г., СПб., С. 40

⁶¹⁴ Последние дни обороны Севастополя // Военный сборник, № 2, 1906 г., СПб., С. 40

⁶¹⁵ Приезд Э. И. Тотлебена в Севастополь в августе 1854 г. // Русская старина, Т. XVIII, СПб, 1877 г., С. 508

⁶¹⁶ Приезд Э. И. Тотлебена в Севастополь в августе 1854 г. // Русская старина, Т. XVIII, СПб, 1877 г., С. 508

⁶¹⁷ Панаев А. А. Заметка о приезде Тотлебена в Севастополь // Русская старина, Т. XVIII, СПб, 1877 г., С. 512

⁶¹⁸ Ильинский Д. В. Из воспоминания и заметок севастопольца // Русский архив, № 1, М., 1893 г., С. 85

Артиллерийский обстрел крепости

«Если мы не загоним их в преисподнюю... преисподняя поглотит нас»

Фельдмаршал князь А. В. Суворов
в сражении при Кинбурне

Организация артиллерийского обстрела крепости

То, что артиллерийский обстрел крепости начался сразу же после окончания сражения на Черной речке, лишний раз наводит на мысль о заранее спланированном характере прошедшего сражения. Английская и французская армии начали свою последнюю военную операцию в Крыму.

5 августа 1855 г. «...последняя и решающая канонада была открыта французами утром в среду... и с неослабной губительной силой продолжалась до вечера, когда ее сменила разрушительная бомбардировка, в которой участвовали все союзные батареи».⁶¹⁹

Это было самое массовое за время кампании применение артиллерии по укреплениям Севастополя: «...бомбардировка... была направлена больше всего на Малахов курган и другие укрепления Корабельной стороны. Собственно, с 5 (17) августа бомбардировка уже не прекращалась ни на один день, вплоть до финальной катастрофы».⁶²⁰

Бомбардировка Севастополя состояла из двух последовательных, длительных обстрелов крепости. Первый из них, начавшись 5 (17) августа, закончился 8 (20) августа 1855 г. Вторым было начато 24 (5 сентября) августа и завершено непосредственно перед штурмом 26 (7 сентября) августа 1855 г. Обычно исследователи не делают такого деления, объединяя события этих дней, предшествовавших взятию Севастополя, в одно понятие — последняя бомбардировка. Это не является грубой ошибкой, если, конечно, мы не ставим целью детальное рассмотрение организации системы артиллерийского огня осадной артиллерии.

Ко дню начала последней бомбардировки, предшествовавшей штурму города, концентрация артиллерии союзников на осадных позициях достигла своего максимума. Это было торжество осадной артиллерии. Более 800⁶²¹ орудийных стволов смотрели

⁶¹⁹ Рассел, Уильям Ховард. Британская экспедиция в Крым. Том 2. М., 2014 г. С. 837

⁶²⁰ Тарле. Е. Крымская война, соч. в 2-х томах, Т. 2, М., 1950 г., С. 488

⁶²¹ Guerin L. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853–56). II. P. 379

на Севастополь. К орудиям были поставлены все имевшиеся силы личного состава. На батарее отпраздновали даже номера расчетов полевой артиллерии, у орудий которой оставались минимальное число людей, необходимое для поддержания их готовности (не более 3–4 человек).

Вся эта невиданная доселе мощь с утра 5 августа открыла ураганный огонь по русским позициям. Интенсивный огонь союзной артиллерии требовал постоянного и непрерывного снабжения. Для подвоза боеприпасов привлекались все тыловые подразделения, усиленные турецкими солдатами, моряками с военных, а в некоторых случаях и гражданских кораблей, наемными рабочими. Снабжение работало круглосуточно, обеспечивая бесперебойное обеспечение артиллерийских позиций всем необходимым, в первую очередь боеприпасами. В середине XIX в. гладкоствольной артиллерии требовалось производство значительного числа выстрелов для достижения надежного поражения целей или разрушения оборонительных сооружений: «Нормальная дистанция для борьбы батарей между собою в ту эпоху не превышала обыкновенно 500 сажень. При этом условии артиллерия, стреляя ядрами, могла иметь целью единственно подбитие неприятельских орудий, на что требовалось около 150 очередей, т.е. полный комплект батарей».⁶²²

Артиллерийские позиции были максимально рассредоточены, этим союзники уменьшили степень противодействия русской крепостной артиллерии. В то же время, за счет согласованного огня, достигалось его массирование на одной цели. Когда же огонь переносился на другие объекты, по предыдущей цели обязательно продолжала стрельбу одна или несколько батарей. Таким образом гарнизону затруднялись восстановительные работы. Боеспособность укреплений постепенно снижалась.

Первой задачей для артиллерии союзных войск стало разрушение инженерных сооружений Севастополя. Задача эта была из нескольких составляющих:

- разрушение непосредственно фортификационных сооружений;
- воспрепятствование саперам и личному составу гарнизона их восстановлению и ремонту;
- уничтожение подготовленных к взрывам минных галерей и заложенных противопехотных фугасов.

Особенно важно было разрушить передовую линию русских. Сила обороны Севастополя заключалась в прекрасно оборудованной местности, которую за несколько месяцев гарнизон крепости смог превратить в линию фортов, соединенных между собой в одно целое. Преодолеть эту линию было непросто. Немецкий военный исследователь Шерф так говорил о возможностях севастопольской обороны: «Если обладающий высокими боевыми качествами гарнизон крепости, поддерживаемый благоприятными условиями местности и сильной крепостной артиллерией, перенесет центр тяжести своего первого отпора с валов атакованного форта на местность, лежащую впереди его (Севастополя), то уже и при занятии первой оборонительной позиции полевыми войсками, атака может встретить затруднения, преодолеть которую без содействия собственной артиллерии она будет не в силах».⁶²³

Второй задачей, не менее важной, чем первая, было подавление артиллерии крепости, прежде всего той, которая могла своим огнем нанести потери атакующей пехоте. Огонь концентрировался на ближайших батареях русских. Смета-

⁶²² Место артиллерии среди прочих родов оружия // Военный сборник, № 9, 1896 г., СПб., С. 110

⁶²³ Бой четвертого рода оружия // Военный сборник, № 9, 1890 г., СПб., С. 45

Укрепления Севастополя после оставления русскими войсками. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

лись орудия и позиции, на которых устанавливались орудия, предназначенные для стрельбы картечью по атакующей пехоте. Этой задаче союзники придавали большое значение. Им нельзя было допустить, чтобы, как это уже не раз было раньше, севастопольские артиллеристы выиграли противоборство с коллегами из армии союзников. В противном случае, штурм, точнее его успех, приобретал сомнительный перспективы, на что, в том числе, опирался замысел Тотлебена: «Если крепостной артиллерии удастся взять перевес над артиллерией осаждающего, то осада может продлиться на значительное время и даже исход ее сделается сомнительным».⁶²⁴

Фортификатор прекрасно понимал, что пока в Севастополе есть сильная артиллерия, он может держаться. Именно артиллерия представляла это первое и главное средство обороны города. «Дайте много хороших пушек, тогда мне и бруствера не надо», – говорил Тотлебен, развивая идеи инженерного генерала Бриальмона и артиллерийского генерала Наполеона III, состоявшие в том, что крепость – «...всего лишь лафет для пушки».⁶²⁵

Однако не нужно было забывать, что «...за валами крепостей и их фортов борются не одни орудия, но и люди».⁶²⁶ А о том, как они могут сопротивляться, союзники успели достаточно хорошо убедиться за время почти года осады. И потому, третьей задачей, которую союзники ставили перед артиллеристами, было разрушение систе-

⁶²⁴ Энгман Э. Излишние опасения // Военный сборник, № 4, 1993 г., СПб., С. 284

⁶²⁵ Французские крепости // Военный сборник, № 10, 1884 г., СПб., С. 253

⁶²⁶ Плюцинский А. Из области вопросов тактики крепостной войны // Военный сборник, № 9, 1884 г., СПб., С. 47

мы снабжения войск на передовых позициях, парализация перемещения войск, прежде всего резервов. Для создания условий максимального снижения возможных при штурме потерь требовалось:

- загнать русскую пехоту в укрытия;
- разрушить батареи, вывести из строя орудия и нанести потери орудийным расчетам;
- деморализовать личный состав крепости, в первую очередь, находившийся на передовых позициях, батареях, ослабив или минимизировав его способность к организованному сопротивлению.

Кроме того, союзники организовали изматывание войск гарнизона, создание для них режима постоянной готовности, лишения отдыха, в том числе и в ночное время: «По ночам неприятель делал иногда фальшивые тревоги, и когда вызываемы были наши люди на банкеты, их встречал усиленный огонь осадной артиллерии. Так в одну ночь, часу в 11-м, в английских траншеях был подан сигнал тремя ракетами, и вслед за тем, вместе с канонадою против 8-го бастиона раздались крики: „Ура!“ Наши отозвали цепь; но, как в неприятельских траншеях крики и барабанный бой усилились, и в темноте нельзя было разобрать, что англичане оставались на месте, то у нас вызвали людей на банкеты. Неприятель между тем, предвидя что мы примем меры для его встречи, открыл по бастиону самый частый огонь. Здесь, в числе прочих, был поражен в голову осколком бомбы отважный строитель Камчатского люнета, генерал-майор И. П. Голев».⁶²⁷

Четвертой задачей союзников стало прикрытие собственных инженерных работ, от интенсивности и эффективности которых зависело – скоро или не скоро будет взят Севастополь. Каждый кубический метр выработанного грунта сокращал число возможных потерь. Обычная лопата наряду с киркой и ломом определяли в этот момент судьбу Севастополя.

Не менее важным стало создание возможности назначенным для штурмовых действий войскам выйти как можно ближе к русским позициям – буквально на дистанцию одного броска. Для этого все инженерные подразделения союзников, сменяя друг друга, сутками удлиняли траншеи, готовили выходы из них, набрасывали эполемента, прикрывавшие изготовившуюся к броску пехоту от огня русских пушек. Число лопат, ломов и кирок сравнивалось по важности с числом орудий.

Пятой задачей было обеспечение скрытного подхода назначенных для штурма войск на максимально близкое расстояние к заранее определенным объектам атаки. Линейная пехота, назначенная к штурму, концентрировалась в отдалении от осадных позиций. Все лишние люди, за исключением стрелков, прикрывавших работы саперов, были удалены. Это, с одной стороны, обеспечивало скрытность подготовки, с другой – помогало избежать лишних потерь от ответного огня русской артиллерии. Кроме того, войска могли не переутомлять себя изматывающим ожиданием под огнем.

По существовавшей в середине XIX в. доктрине взятия крепостей и укрепленных позиций, огонь артиллерии следовало массировать на одном или нескольких пунктах неприятельской оборонительной линии. Один из них назначался основным, остальные носили, как правило, вспомогательный или отвлекающий характер. Союзное командование понимало, что оборона города потеряла свою устойчивость и

⁶²⁷ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

для окончательного ее разрушения достаточно взятия нескольких ключевых позиций. С этого момента любая самая упорная и самая самоотверженная оборона других позиций теряла смысл.

Вид наведенного русскими саперами моста через Севастопольскую бухту подтверждал уверенность союзников в готовности русских оставить крепость и перейти на Северную сторону.

В последние месяцы обороны Севастополя для сообщения между Северной и Южной сторонами построили наплавной мост через Севастопольскую бухту. Строили его сто моряков и сто плотников, которым помогали ратники 45-й дружины Курского ополчения и саперы 4-го батальона с 14 июля по 15 августа 1855 г. Мост по проекту начальника инженеров Крымской армии генерал-лейтенанта А.Е. Бухмейера навели из 86 плотов, каждый длиной 13 метров, шириной проезжей части более пяти метров. Общая ширина моста была 11 метров, длина – 960 метров, на плаву удерживался якорями.⁶²⁸

ОБСТРЕЛ КРЕПОСТИ

Союзное командование деятельно готовилось к генеральному штурму. Ему предшествовали две бомбардировки: первая из 800 орудий, которая велась с 5(17) по 8(20) августа и вторая с 24 по 27 августа (5–8 сентября) из 807 орудий.

Первые выстрелы бомбардировки раздались утром 5 августа, когда «...неприятель открыл по Корабельной стороне артиллерийский огонь, навесной и прицельный, продолжавшийся 20 суток».⁶²⁹

В этот день «...в пять часов утра началась канонада, превосходившая силою все прежние. Весь Севастополь покрылся густым облаком дыма, которое с этой поры три дня кряду висело над городом. Солнце светило; но его не было видно. Грозовые, потрясающие всю окрестность, залпы сменялись непрерывным ровным гулом орудий и потом снова раздавались с прежнею силою. Сперва огонь осадных батарей был преимущественно обращен на Городскую сторону против 4-го и 5-го бастионов; а в 2 часа пополудни, неприятель, почти совершенно прекратив канонаду по Городской стороне, стал действовать еще сильнее по нашему левому флангу, и в особенности по Малахову кургану и 2-му бастиону, осыпая их градом бомб, гранатной картечи и ружейных пуль. Это был – по выражению одного из участников побоища – ад, пожиравший защитников кургана в продолжение двух часов. В 4 часа неприятель опять усилил канонаду против Городской стороны, а с 6-ти часов вечера возобновил жесточайший огонь против Корабельной. В продолжение этой ужасной канонады, Союзники с умыслом иногда прекращали ее на несколько минут, заметив, что мы в эти паузы из опасения штурма, сосредоточивали на бастионах войска, пользуясь чем, неприятель внезапно громил их еще с большею силою».⁶³⁰

С началом обстрела города стало очевидным главное намерение союзников – нанести последний удар по крепости, вынудив гарнизон оставить ее.

⁶²⁸ Памятники Севастополя (http://www.sevmonument.ru/readarticle.php?article_id=28)

⁶²⁹ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 2

⁶³⁰ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

Второй день бомбардировки мало чем отличался от предыдущего: «...боевых припасов не щадили и стреляли сколько можно более».⁶³¹

6 августа артиллерийский обстрел значительно усилился. Ощущалась его плановость и строгое соответствие ставившимся союзным командованием задачам. Попробуем более детально остановиться на них.

Начатый союзниками артиллерийский обстрел крепости можно с уверенностью назвать самым мощным за все время кампании в Крыму. От его силы впечатлились все. Итальянец Манфреди, наблюдавший его с позиций сардинских войск, отмечал, что «...против Севастопольской крепости был организован и открыт самый мощный артобстрел за время Крымской войны. Все батареи союзников били в открытую, прямой наводкой...».⁶³²

Нужно сказать, что в соответствии с теорией военного искусства по взятию крепостей середины XIX в., артиллерийский обстрел крепости уже являл собой начало штурма Севастополя. Союзники проводили так называемую «постепенную атаку», при которой «...желательно свою первую артиллерийскую позицию занять по возможности ближе к крепости».⁶³³

Вид города, находящегося под круглосуточным обстрелом неприятельской артиллерии, впечатлял. Особенно тех, кто только входил в Крым. Жан-Мари Дегине, увидев Севастополь с моря, был поражен увиденным: «Следующей ночью, не знаю в котором часу, я проснулся от большого шума на палубе. Я поднялся, думая об очередном несчастном случае, и увидел, что все стоят и смотрят в одну и ту же сторону. Я присоединился к ним. Моему взору предстало ни с чем не сравнимое зрелище. Оно напоминало мне мои детские мечты, связанные с рассказами моего отца о военных сражениях. Перед нами простиралось огромное красноватое пространство, над которым пролетали, описывая изогнутые линии, огненные шары. Еще одни, более светлые и более быстрые, летели почти по прямой линии. Наконец послышались крики англичан: „Себастоупоул! Себастоупоул!“ Значит, там находится Севастополь. Это красноватое пространство – горящий город, а эти огненные шары – ядра и бомбы. В моих прошлых сновидениях я, казалось, уже видел эту картину, поэтому все это было как бы продолжением сна, тем более что до нас не доходило ни звука. Так, стоя, мы и созерцали это зрелище вплоть до рассвета. Море было спокойным, и эмоции от увиденного полностью прогнали морскую болезнь. Все хорошо пообедали».⁶³⁴

Заключительная бомбардировка крепости началась 24 августа (5 сентября) 1855 г. В этот день, «...назначенный для начала шестого усиленного бомбардирования Севастополя, на французских батареях находилось 609 орудий, именно: на правой французской атаке 239 (103 пушки, 49 гаубиц и бомбовых пушек и 87 мортир), а на левой французской атаке 370 орудий; на батареях английской атаки – 198 орудий (108 пушек и 90 мортир), всего же на осадных батареях стояло 807 орудий, из коих только небольшая часть была назначена для действия против Северной стороны и по рейду,

⁶³¹ Осада Севастополя (1854 – 1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 299

⁶³² Матвеев В. Негостепримная Таврида. Сардинское Королевство в Крымской войне, Севастополь, 2005 г., С. 96

⁶³³ Бой четвертого рода оружия // Военный сборник, № 1, 1890 г., СПб., С. 67

⁶³⁴ Жан-Мари Дегине. Мемуары выходца из Нижней Бретани. Публикация переводчика Геннадия Беднарчика (<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=270>)

Севастополь после оставления русскими войсками. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

либо находилась в редутах на Сапун-горе; прочие же все 698 орудий должны были громить нашу оборонительную линию».⁶³⁵

Из окопов союзников зрелище было грандиозным. Перед глазами рядового Гоуинга оно осталось надолго: «Утром 5-го сентября 1855 года земля содрогнулась от ужасного грохота: началась последняя бомбардировка. Целый день полторы тысячи пушек и мортир поливали огнем позиции обеих сторон.

Вечером 6-го числа нас отправили в окопы. Мне досталось тепленькое местечко — передовая траншея, где я и просидел всю ночь. Утром нас перевели в одну из тыловых траншей побезопасней, где, несмотря на грохот взрывов, нам удалось прикорнуть на пару часов. Мы чудом спаслись от огромной бомбы, угодившей в самую гущу наших рядов; едва мы прижались к земле, как она взорвалась, разнеся остатки нашего завтрака по окрестностям. Кто-то из офицеров спросил, есть ли пострадавшие; «А как же! — отвечал один из наших. — Нам ведь теперь нечего есть!».

Представьте несколько сотен пушек и мортир, стреляющих залпами. Иногда они затихают, чтобы поостыть, затем снова изрыгают огонь; земля под ногами содрогается от ужасного грохота. Так продолжалось часами; мы света белого не видели за клубами дыма и пыли, градом осколков и заревом огня. Но недаром говорится — чем ближе знаешь, тем меньше считаешь. У меня на глазах под ужасным обстрелом солдаты спокойно играли в карты, а ведь прямо над их головами свистели наши собственные ядра. Я был свидетелем пяти бомбардировок, но эта была самой ужасной; однако, как заметил один из ветеранов, все хорошее быстро кончается.

⁶³⁵ Богданович М. И. Восточная война (1853 – 1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

Огонь русских был очень плотным — у них по-прежнему было больше орудий, чем у нас, и некоторым нашим батареям приходилось несладко; да и пехоте доставалось от вражеских ядер, сеявших смерть в наших рядах — и все же за целый день я не слышал ни одного недовольного голоса. Мы твердо знали зачем пришли и гадали только, пойдём ли в атаку этой ночью...».

Не менее впечатлил обстрел Севастополя сержанта 19-го пехотного полка «Зеленых Говарда» Ашервуда: «Обстрел Севастополя, начавшийся сегодня с восходом солнца, бушевал вдоль всей линии. Это был самый сильный обстрел, который велся главным образом на левом фланге. Метод стрельбы был не такой как прежде. Каждая из союзнических батарей сменяла другую, позволяя использовать время для отдыха в течение дня... С наступлением ночи бомбардировка не прекращалась...».

Следующий день мало чем отличался от предыдущего. Обстрел продолжался с такой же интенсивностью. Английские солдаты могли наблюдать его последствия. Сержант Ашервуд увидел, что часть крепостных укреплений разрушена, в городе бушевали сильные пожары, ответный огонь русских значительно ослабел. Ночная работа союзных батарей не давала русским саперам сделать то, что они научились делать особенно хорошо — восстанавливать поврежденные орудийные позиции. Также возникли проблемы с доставкой боеприпасов для артиллерии.

В городе начался ад, не прекращавшийся круглые сутки. Те, кому судьбой было предназначено быть под этим обстрелом, свидетельствовали о его необычайной мощности: «25 августа, часов в 9 утра, неприятель открыл по всей оборонительной линии Севастополя такой страшный, разрушительный огонь, что едва ли военная история когда-либо видела и слышала подобное. Это просто могло быть подобно треску вулканического извержения и эта потеха над нами продолжалась три дня и три ночи: мы так и предположили, что это должно быть последняя агония наших врагов, и после всего этого что-нибудь да должно быть, а штурм-то непременно...».⁶³⁶

Батарея фон Драхенфельса находилась непосредственно на Малаховом кургане, на котором был сосредоточен огонь французской артиллерии и где впоследствии развернулись наиболее драматические события, решившие исход борьбы за Севастополь. Его воспоминания о бомбардировке и штурме очень интересны и в них, при детальном рассмотрении можно найти ответы на многие вопросы, касающиеся событий последних дней обороны крепости: «На следующий день с рассветом неприятель открыл по нас сильнейшее бомбардирование. Бесчисленное множество снарядов прилетало к нам и страшным образом разрушало брустверы и амбразуры. Как я уже говорил выше, недостаток в разрывных снарядах и мортирах большого калибра был для нас весьма ощутителен, так что мы прицельными своими выстрелами только могли вредить неприятельским пушечным батареям, мортирным же не могли сделать почти ничего.

Из моих семи орудий все почти должны были одно за другим замолчать, потому что у одного был разбит станок, а у других амбразуры были завалены до такой степени фашинами и землею, что не было никакой возможности прицеливаться и стрелять. Во втором часу пополудни, имея только всего две амбразуры, бывшие еще в исправности, я прекратил огонь, зарядил все свои орудия картечью, и кроме того, мешочками с ружейными пулями; ибо мы убеждены были, что после столь сильного

⁶³⁶ Воспоминания Севастопольца с 1854 по 1856 г. // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 33

бомбардирования, непременно последует штурм. Но под вечер французский огонь стал утихать; англичане одни продолжали шибко по нам стрелять, но к ночи замолчали и они. Мы же, воспользуясь этим случаем, принялись исправлять верки». ⁶³⁷

Все защитники крепости почти сразу ощутили на себе силу организованного и концентрированного огня: «Канонада эта, с батареей дальних и воздвигнутых на самом близком расстоянии от оборонительной линии, снарядами, частью разрывными, постоянно действовала на наши верки самым разрушительным образом: мерлоны и траверзы, под жестоким огнем возобновляемые каждую ночь, рассыпались от нескольких снарядов; брустверы глыбами оседали в ров и работы, стоившие невероятных усилий и пожертвований, снова распадались в прах, насыпи из сухой и рыхлой земли уже не имели никакой связи. На левой стороне Корабельной части, которая преимущественно была поражается неприятелем бастион № 2 каждый вечер представлял груды развалин и ни одно орудие оно не могло действовать свободно; 12-ти орудийную батарею, на левом скате Малахова кургана, принуждены были переместить на вторую, еще воздвигавшуюся оборонительную линию; но и эта последняя страдала не менее левого фаса Корнилова бастиона, куда атакующий направил самый усиленный огонь». ⁶³⁸

Свои задачи союзные артиллеристы выполняли успешно. Укрепления Малахова кургана постепенно были приведены в негодность: «Тут только увидели мы весь ужас своего положения! Ров был до такой степени засыпан землею, что не было никакой возможности ходя в нем выпрямившись, не быть замеченным французами, которые тогда тотчас стреляли в нас из ближних траншей. Вал и амбразуры были так взрыты, что каждое неприятельское ядро могло пробить их насквозь, и мы должны были употребить всю ночь напролет для приведения их в такое состояние, чтобы была возможность к утру опять открыть огонь; ров же остался в том же печальном виде, в каком я только что описал его». ⁶³⁹

Подполковник 46-го пехотного полка Кемпбелл писал своему брату Арчибальду перед началом бомбардировки о необходимости сосредоточения огня артиллерии на этом пункте русской позиции, понимая его громадное значение в системе обороны города. Он считал необходимым массировать не менее половины батарей союзников против Малахова кургана. При этом навесной огонь мортир должен быть нацелен на уничтожение живой силы в укрытиях, а настильный полевых и морских орудий — на разрушение укреплений, и продолжаться до той поры, пока они не сравняются с землей. ⁶⁴⁰

Русские офицеры чувствовали, что приближается что-то решающее. Но жизнь на бастионах продолжалась и под огнем: «У неприятеля, как и у нас, чувствовался недостаток в снарядах, но он уже не щадил их — ни в этот, ни в следующие дни. Бомбардирование открывалось залпами; потом, в продолжение нескольких часов, неустанно раздавался батальный огонь артиллерии и рокот штуцерных; канонада более и более усиливалась, потом делалась реже и наконец, после полудня, почти совершенно за-

⁶³⁷ Воспоминания фон Драхенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 49–50

⁶³⁸ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 2–3

⁶³⁹ Воспоминания фон Драхенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 50

⁶⁴⁰ Colin Fredrick Campbell Letters from Camp to his relatives during the siege of Sebastopol London 1894, P. 305

Блиндаж Третьего бастиона после оставления русскими войсками. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

молкала. Этот довольно правильный перерыв длился от двух до трех часов, пользуясь чем гарнизон успевал с какою-то лихорадочною торопливостью навозить снарядов на батареи, убрать убитых и раненых, поужинать большею частью сухарями с водою, другие же лакомились варевом, которое приносили на бастионы под градом пуль неустрашимые матроски».⁶⁴¹

Артиллерия противника не только разрушала батареи — она прикрывала саперов, которые вели непрерывные инженерные работы в непосредственной близости от русских позиций: «На рассвете мы увидели, что французы вероятно всю ночь работали, потому что траншеи их подвинулись вперед на порядочное расстояние. Мы конечно в эту ночь не думали делать вылазки, так как все силы были употреблены на исправления».⁶⁴²

Вскоре саперы подвели апроши почти вплотную к русским позициям. Можно утверждать, что честь взятия Севастополя саперы на равных делят с артиллеристами и пехотой, которой отводилась роль разящего в упор кинжала, добывающего уже раненого противника: «Сближение неприятельских подступов почти к самым рвам наших верков, неисправимые повреждения оборонительной линии, а главное — причиняемый огнем неприятеля гарнизону урон, который возрастал при необходимости

⁶⁴¹ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁶⁴² Воспоминания фон Драгенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 50

все большего и большего увеличения числа рабочих, убедили главнокомандующего в совершенной необходимости прекратить дальнейшее, уже бесполезное, пролитие крови, оставя неприятелю Севастополь, превращенный в груды камней и пепла; но очищение это, в виду стотысячной неприятельской армии, коей подступы уже, так сказать, касались наших укреплений, представляло величайшие затруднения и требовало выбора особо благоприятного для того времени».⁶⁴³

Но это было только лишь начало. С каждым днем сила обстрелов нарастала, росла их эффективность. Гарнизон Севастополя начал терять не только людей, но и моральные силы: «Ежедневный урон наш в этот период времени простирался: в первый день до 1500 человек, в следующие затем по 1000, а с 10-го по 24-е августа от 500 до 600 человек в сутки».⁶⁴⁴

Дальше все было только хуже: «Следующие дни бомбардирование возобновлялось с каждым рассветом, причиняя нам все более и более вреда. Свежо насыпанный вал не мог долго устоять бомбам; каждый день образовывались у нас бреши, которые мы на день забрасывали мешками с землею; потеря людей, наконец, была страшная! Так однажды, я только что поставил к одному орудию 5-ть человек солдат, как английская граната убила разом всех пятерых. Тут признаюсь, роптал я на судьбу, отчего я остался жив, отчего меня не убило вместе с моими товарищами!..

Столь страшное бомбардирование продолжалось без малейшей остановки целых 9-ть дней до 13 августа включительно. Каждый день мы ожидали штурма и теряли все более надежду отбить его, или хоть даже несколько часов удержать атакующего нас неприятеля, при таких разрушенных верках и такой ежедневной потере людей из нашего гарнизона».⁶⁴⁵

Союзники неоднократно меняли цели, стремясь накрыть огнем все, что могло помешать им при штурме. Чем ближе подходил этот день, тем более интенсивным становился обстрел: «... с 24-го августа атакующий усилил до невероятной степени бомбардирование и канонаду, потрясая и сокрушая наши верки на всей оборонительной линии, то залпами со всех своих батарей, то беглым артиллерийским огнем».⁶⁴⁶

Казалось, что какой-то невидимый режиссер виртуозно управлял игрой оркестра из сотен орудийных стволов, чья кошмарная музыка не смолкала сутками. Наиболее употребимое слово, которые используют участники этих событий при описании происходившего на Севастопольских бастионах в эти дни — это «ад», «адский». Действительно, иногда людям казалось, что небеса разверзлись и все силы небесные спустились на землю, забирая с собой то одну, то другую солдатскую душу: «Адский огонь этот, направляемый в амбразуры и мерлоны, ясно показал намерение врага демонтировать наши орудия, осыпать валы и затем уже штурмовать город. Не было никакой возможности исправлять окопы и потому ограничивались насыпкою земли только на пороховые погреба и блиндажи.

Брустверы, обрушиваясь, заваливали рвы, мерлоны рассыпались; должно было непрерывно расчищать амбразуры: артиллерийская прислуга гибла во множестве и едва успевали возобновлять ее.

⁶⁴³ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 3

⁶⁴⁴ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 2

⁶⁴⁵ Воспоминания фон Драгенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 50

⁶⁴⁶ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 3

Потеря в это время была чрезвычайная: с 24-го по 27-е августа выбыло из строя: штаб-офицеров — 4, обер-офицеров — 47 и нижних чинов (кроме артиллерийской прислуги) — 3917».⁶⁴⁷

Говорить о точности подсчета потерь сложно. При одинаковом описании ситуации, количество покинувших строй по причине смерти, ранения или контузии, у разных авторов разнится, иногда очень существенно: «Ад свирепствовал над Севастополем: не было закоулка, безопасного от выстрелов, почти все блиндажи были разбиты. Только ночь приносила — не отдых, а облегчение: по крайней мере, неприятель не мог целиться вернее. К несчастью, на второй же день бомбардирования, бомба упала на транспорт «Березань», нагруженный спиртом, и он горел всю ночь, ярко освещая бухту и весь город; союзники разумеется воспользовались этим. Плавающий транспорт угрожал зажечь мост, — только необыкновенные усилия флотских команд отвратили опасность: судно было потоплено.

Но уже взрывы и пожары следовали один за другим: пороховые погреба осыпались снарядами. Предсмертные часы Севастополя наступали: на следующий вечер, за взрывом погреба, запылал фрегат «Коварна», нагруженный двумястами бочками спирта. Около полуночи ракета взорвала шаланду, подплывавшую к берегу с грузом пороха: оглушительный взрыв этот сотряс все, что еще не было разрушено.

Но все эти взрывы казались ничтожными в сравнении с тем преисподним погромом, который выносил город каждую минуту: в три дня он почти в упор принял на себя 15000 артиллерийских снарядов и несметное число пуль, и лишился 7560 человек храбрых защитников, убитыми и ранеными».⁶⁴⁸

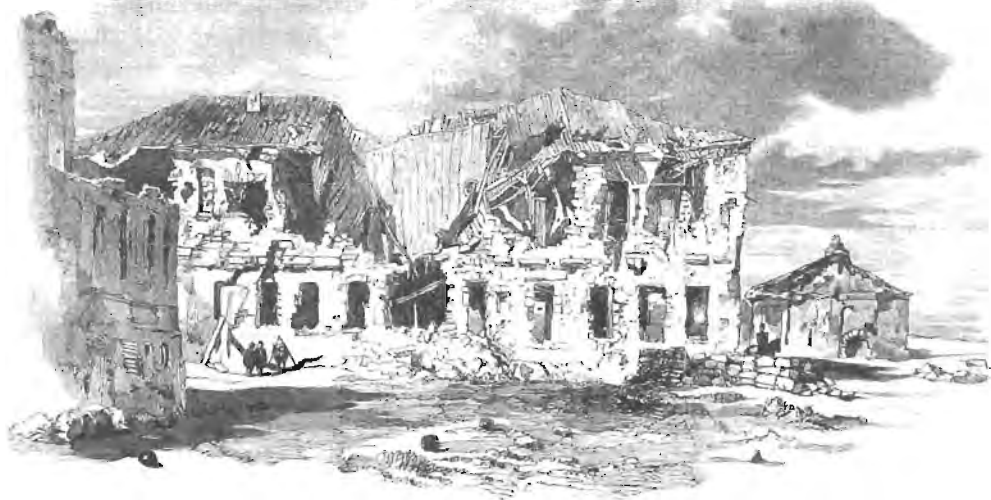
Погосский, как человек гражданский пишет, конечно, слегка высокопарно, но суть подметил правильно — постепенно возможность дальнейшего сопротивления гарнизона крепости ослабевала: «...с утра загремела последняя адская бомбардировка. Слова Хрулева сбывались; город был засыпан снарядами; бомбы, гранаты, ядра во всех направлениях сновали около нашей батареи; здание тряслось от взрыва бомб, особенно когда они лопались в воде, а под нами в погребах было 500 пудов пороха и куча снарядов, одна искра могла зажечь их».⁶⁴⁹

Даже на закаленных месяцами обороны защитников крепости обстрел производил сильное впечатление: «Не будучи лично свидетелем всех ужасов этой войны, невозможно представить себе всего того, что происходило у нас в эти дни. При совершенно чистом небе солнца не было видно от дыму, пыли, земли, осколков и тому подобных, что наполняло воздух, во все это время. Все наши земляные насыпи были так рыхлы, что каждая бомба глубоко углублялась и разрывалась, далеко разбрасывая землю и била наших осколками и камнями. В эти дни у меня было все лицо в крови от песка и камешков, а движение рук и ног было сопряжено с болью от синяков, которые произошли от разлетающихся по воздуху камней и т.п. Едва-едва успевали мы отправлять раненых на перевязочный пункт, трупы уже убитых только относились по ночам, и мы так привыкли к ним, что постоянное присутствие их не производило на нас ни малейшего впечатления. Но постоянно слышать вопли несчастных раненых — раздирало нам сердце. Особенно сильно страдающие почти только и умоляли нас об одном: оказать им единственную милость, заколоть или за-

⁶⁴⁷ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 3

⁶⁴⁸ Погосский А. Оборона Севастополя. Беседы о войне 1853–1855 г. для войск и народа, СПб., 1878 г., С. 118

⁶⁴⁹ Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 4, 1905 г., С. 45

Разрушения Севастополя. Английский рисунок из "The Illustrated London News".

стрелять их! И действительно, многим это была бы большая услуга! Однажды мне случилось услышать, что за большим траверсом кто-то громко молился; я догадался, что это должен быть раненый, один из тысячи моих страждущих товарищей, и, зайдя за траверс, я нашел там одного из наших молодцов матросов с одною оторванною, а другою раненою ногою. Как он мне сказал, он был брошен теми, которым был поручен его отнести до перевязочного пункта. Увидев меня, несчастный схватил меня за ноги, и именем Бога и всего святого просил, чтобы я его заколол. С трудом я мог от него вырваться, чтобы бежать за носильщиками, отыскал их, и со слезами умолял их отнести его и не бросать. Я уверен, что каждый севастополец согласится со мною, что подобные сцены, свидетелями которых так часто приходилось нам быть, особенно тяжело ложились на душу, и были одними из главных трудностей, пережитых нами».⁶⁵⁰

И все же, несмотря на столь интенсивный обстрел и страшные разрушения, союзникам не удалось окончательно поколебать моральные силы гарнизона. Севастополь был готов к обороне. В дальнейшем этот «севастопольский феномен» неоднократно поднимался в военно-научных исследованиях, посвященных теме обороны и осады укрепленных позиций. И каждый раз отмечалось, что массированный огонь артиллерии значит многое, но не все: «Во время славной защиты Севастополя, артиллерия союзников производила страшное опустошение среди защитников, и некоторые укрепления почти ежедневно разрушала, но Севастополь держался 11 месяцев,

⁶⁵⁰ Воспоминания фон Драхенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 51–53

укрепления исправлялись в одну ночь и после нескольких страшных бомбардирований были отбиты.

Казалось бы, что артиллерия в Севастополе, на Шипке и под Плевной, достигала указанной ей цели; отчего же результаты получались отрицательные? Потому нам кажется, что недостаточно нескольких часов артиллерийского огня, местами обрушенных брустверов, чтобы можно было бы считать атаку подготовленной, — нужно поколебать дух обороняющегося, а это не всегда возможно сделать артиллерийским огнем. Вряд ли можно подыскать в военной истории более сильные примеры действия артиллерии, как в Севастополе и Шипке, а между тем защитники, засыпаемые свинцово-чугунным дождем, остаются непоколебимыми». ⁶⁵¹

Неожиданно бомбардировка стала слабеть. Союзники явно взяли паузу для перегруппировки сил. Ни у кого из английских офицеров не было сомнения, что следующий обстрел города будет еще более сильным. ⁶⁵²

С началом бомбардировки командованию гарнизона Севастополя стало ясно, что неприятель готовит штурм крепости. В связи с этим был отдан приказ штуцерным не покидать позиций.

Огонь вражеской артиллерии, сосредоточенный на нескольких пунктах, которые, по мнению союзников, были ключевыми, начал давать первые результаты. Ответный огонь слабел. Большие потери понесли расчеты выведенных в первую линию орудий, предназначенных для отражения картечью атаки неприятельской пехоты. С каждым выведенным из строя орудием возрастали шансы союзников на захват русских бастионов. Позднее, известный русский фортификатор (и не менее известный композитор) генерал Цезарь Кюи, опираясь на опыт защиты фортов севастопольской оборонительной линии, предлагал часть таких батарей размещать за горжей. ⁶⁵³

Союзники уверенно выигрывали бомбардировку. Неоспоримое преимущество давали им многочисленные мортирные батареи, чьи действия были наиболее эффективны. Особенно досаждали они русским частям, находившимся в ближнем резерве: «Севастополь был не вполне обложен союзниками — это была крупная ошибка: бомбардировки союзники открывали не имея сильного численного превосходства, обстреливание велось по веркам высотой всего в 12 футов, преимущественно из пушек, т. е. прицельным огнем; когда атакующий увеличил численность своей артиллерии и выставил большое число мортир, то перевес в артиллерийской борьбе перешел на его сторону; стрельба велась бомбами с трубками весьма несовершенными, часто не дававшими разрыва. Несмотря, однако, на сравнительное несовершенство гладкой артиллерии 1855 года, потери наши, благодаря отсутствию казематов, были громадны и вчетверо превосходили потери союзников; если бы потери гарнизона не возмещались вновь прибывающими войсками, наверное, бомбардировки имели бы решительные результаты. Предположение это можно подтвердить расчетом: полагая по 1000 человек на версту оборонительной линии, для Севастополя, по самому широкому расчету, следовало бы назначить 20 000–25 000 человек гарнизона; в течение всей почти годовой славной обороны мы потеряли 102 000 человек, следовательно, потери наши представляют четверной гарнизон». ⁶⁵⁴

⁶⁵¹ Прескотт Н. Несколько слов об атаке полевых укреплений // Военный сборник № 7, СПб., 1884 г., С. 52–53

⁶⁵² Colin Fredrick Campbell Letters from Camp to his relatives during the siege of Sebastopol London 1894, P. 304

⁶⁵³ Энгман Э. Излишние опасения // Военный сборник, № 4, 1933 г., СПб., С. 285

⁶⁵⁴ Туманов М. Опасна ли для современных крепостей ускоренная атака // Военный сборник, № 9, 1991 г., СПб., С. 101–102

Но даже тяжелая ситуация не сделала русских пассивными наблюдателями. Защитники шли на всевозможные ухищрения, иногда на грани технической гениальности, чтобы подавить мортирные батареи неприятеля. Вышеупомянутый Кюи отмечал, что в Севастополе во время бомбардировок защитники крепости, уступая союзникам в числе мортир, «...устанавливали элевационные станки для стрельбы из длинных орудий под большими углами возвышения».⁶⁵⁵

Но и противник не оставался в долгу, применяя в дополнение к артиллерийскому огню и иные средства. Так например перед началом штурма 27 августа в 8 часов утра перед бастионом Корнилова были подорваны французскими саперами три каменетных фугаса, противник «...еще более осыпал части бруствера и мерлонов в исходящем угле бастиона».⁶⁵⁶

Если 5 сентября русские батареи еще вели организованный огонь, то буквально на следующий день англичане наблюдали его децентрализацию. Русские батареи выделялись на фоне местности черным цветом перерытой обгорелой земли, и защитникам уже не удавалось быстро восстанавливать разрушенные укрепления.⁶⁵⁷

Вторая часть многодневного артиллерийского марафона была главным образом предназначена для превращения укреплений Корниловского бастиона в груды развалин, в которой были бы перемешаны остатки оружия, оборонительных сооружений, и их защитники. Это был период максимальной концентрации суммарного числа орудийных стволов на минимальной по площади накрываемой их огнем цели.

Здесь преуспела французская осадная батарея № 37. Ее артиллеристы удачно пристрелялись по кораблям в Севастопольской бухте и даже сожгли один из них. Они же удачным выстрелом взорвали пороховой погребок на Малаховом кургане, за что после взятия Севастополя Пелисье лично наградил двоих наводчиков батареи медалями и вручил по 150 франков.⁶⁵⁸

К исходу бомбардировки на некоторых участках русская оборона уже не могла обеспечивать «...максимальное сопротивление атакующему во всех стадиях произведения им ускоренных действий».⁶⁵⁹

То что не удавалось сделать русской артиллерии, страдавшей от жестокого огня союзников, пытались сделать стрелки. Часто на грани безрассудства, находясь под огнем, русские снайперы своими выстрелами заставляли жестоко страдать неприятельских саперов и артиллеристов. Так, ружейной пулей был тяжело ранен в лопатку начальник инженерных подразделений правого фланга английской атаки полковник Браун.⁶⁶⁰

⁶⁵⁵ Туманов М., Опасна ли для современных крепостей ускоренная атака // Военный сборник, № 9, 1901 г., СПб., С. 101

⁶⁵⁶ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник № 8, СПб., 1905 г., С. 3

⁶⁵⁷ Woods N.A. The past campaign: a sketch of the war in the East, from the departure of Lord Raglan to the capture of Sevastopol, T. 2 Longman, 1855. P. 390–391

⁶⁵⁸ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 291

⁶⁵⁹ Карпов А. Тактика крепостной артиллерии // Военный сборник, № 10, 1906 г., СПб., С. 150

⁶⁶⁰ Colin Fredrick Campbell Letters from Camp to his relatives during the siege of Sevastopol London 1894, P. 305

ПЛАН АТАКИ

«Бездна причин нередко служила к расстройству самых правильных расчетов. Однако, в конце концов, и в большей части случаев, расчет берет верх над случаем!»

Сульт, наполеоновский маршал.

Каким бы сильным и разрушительным ни был обстрел, судьбу Севастополя мог решить только правильно спланированный, тщательно согласованный и точно рассчитанный штурм — прорыв пояса фортов с их промежуточными позициями.

Наверное, ни один план Крымской кампании не разрабатывался союзниками столь тщательно, как план последнего штурма Севастополя. Особое значение придавалось согласованности действий, точному временному расчету, буквально минутному хронометражу. По мнению французского исследователя Крымской войны Алана Гуттмана, именно планирование стало основной причиной неудачи предыдущего штурма и привело к бессмысленной потере 1500 убитыми и ранеными англичан, 1600 убитыми и 2200 ранеными французов.⁶⁶¹

О плане атаки было доведено непосредственным исполнителям перед ее началом: «26-го августа (7-го сентября), пополудни, генерал Боске, созвав начальников дивизии и бригад, а равно генералов инженерной части и артиллерии своего корпуса, объявил им, что по приказанию главнокомандующего будет произведен решительный штурм на следующий день в полдень. Затем, изложив общий план нападения и предварив, что каждый из главных начальников получит особую инструкцию, Боске предложил генералам обозреть и изучить местность, на которой им придется двигаться и действовать. Вместе с тем, он приказал им соблюсти насчет времени штурма глубочайшую тайну. Еще на военном совете, 22-го (3-го сентября), было решено повести главную атаку на Малахов курган, устремив туда наибольшие силы; но вместе с тем, для развлечения внимания русских, атаковать их на всех пунктах, начав однако же второстепенные атаки не прежде, как по взятии Малахова кургана. Штурм был назначен в полдень — а не на рассвете — именно потому, чтобы атаковать нас в такое время, когда мы не ожидали нападения. К тому же Союзники опасались диверсии со стороны русской армии, действовавшей в поле: если бы штурм начался на рассвете, то вспомогательная армия успела бы в тот же день прийти на реку Черную и атаковать союзников с тыла; напротив того, при начале штурма в полдень русская армия

⁶⁶¹ Gouttman, Alain, La Guerre de Crimée. 1853–1856, Paris, 1995, P. 407–412

не могла собраться до наступления сумерек и должна была отложить нападение до следующего утра. Наконец, чтобы обеспечить взаимное содействие различных частей войск и избежать ошибок, подобных той, которая случилась 6-го (18-го) июня, решено было не подавать никакого сигнала для начала штурма; а при определении назначенного времени руководиться часами генерала Пелисье, по которым начальники частей войск и английский главнокомандующий, генерал Симпсон, поставили свои часы утром 27-го августа (8-го сентября)». ⁶⁶²

Построение боевых порядков было стандартным и для англичан и для французов. Выделялись следующие элементы:

- головы штурмовых колонн;
- колонны саперов и рабочих с резервом;
- штурмовые колонны;
- резервы штурмовых колонн;
- артиллерия сопровождения.

Последний элемент отсутствовал у британцев, что впоследствии в какой-то мере отрицательно сказалось на результатах атаки на третий бастион.

В дальнейшем такой порядок стал классическим и использовался всеми армиями конца XIX в. с незначительными видоизменениями. Первая линия (говоря современным языком — штурмовые группы) должна была дойти до укреплений, занять их и открыть сильный огонь. Они же должны были установить штурмовые лестницы. К каждой было приставлено по 8 человек. По плану за ними подходила линия саперов и рабочих, которые начинали расчистку проходов. Когда проходы будут готовы, в них входит основная штурмовая колонна, занимает все укрепление и очищает его от оставшихся защитников. Подошедшие резервы закрепляются в укреплении и вместе с артиллерией сопровождения не дают неприятелю вернуть его обратно.

Казалось, все рассчитано точно, оставалось единственное — исполнить замысел и взять Севастополь.

ПЛАН БРИТАНЦЕВ

Англичане должны были атаковать ненавистный им третий бастион — «Большой Редан», уже стоивший жизни сотням британских солдат, штурмовавшим это укрепление 6 (18) июня. Главнокомандующий английской армии поручил непосредственное начальство над войсками в день 27 августа (8 сентября) генералу Кодрингтону: «Для штурма назначены две дивизии: 2-я, Маркгама и легкая, самого Кодрингтона, а в главный резерв — дивизии: шотландская, Колин-Кемпбела, и 8-я, Эйра. Число всех этих войск простиралось до 10720-ти человек, которые были распределены следующим образом: штурмовые колонны генерала Ширлея и полковника Виндгама, вообще состоявшие из 1000 охотников 2-й и легкой дивизий, в голове коих должны были идти 200 стрелков и 320 саперов и рабочих, с лестницами и шанцевым инструментом, а в хвосте — 200 саперов и рабочих, также с шанцевым инструментом. Позади штурмовых колонн следовали один за другим три резерва: первый — в 1500, второй — в 3000 и третий, главный — в 4500 человек». ⁶⁶³

⁶⁶² Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁶⁶³ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

Внутри Малахова кургана после взятия его французскими войсками. Английский рисунок из "The Illustrated London News".

Ценой невероятных усилий английские солдаты в короткое время кирками и лопатами проложили себе путь к Третьему бастиону, подведя апроши на 196 м к исходящему выступу укрепления.¹⁶⁶⁴ Почему не удалось приблизиться на меньшее расстояние, англичане объясняют свойствами местного грунта, якобы на их участке преобладали скальные породы, в то время как у французов — глинистые.¹⁶⁶⁵

Неудачи предыдущего штурма действовали гнетуще. Особого воодушевления не было. Некоторые офицеры видели «гнетущую» схожесть планов сентябрьского штурма с неудачным предшественником — июньским.¹⁶⁶⁶ Единственное, что в какой-то мере утешало сыновей Англии — понимание того, что взятие Севастополя может означать конец войне и, соответственно, их мучениям вдали от метрополии. Все понимали, что новая атака, сколь тщательно она ни была бы подготовлена, вновь будет не менее, если не более кровопролитной. Действительно, уже через несколько дней некоторым из них навечно было суждено остаться в негостеприимной крымской земле.

Как и их французские коллеги, британские солдаты и офицеры использовали оставшееся время для того, чтобы написать прощальные письма родным и близ-

¹⁶⁶⁴ Kelly, Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 362–363

¹⁶⁶⁵ Woods N. A. The past campaign: a sketch of the war in the East, from the departure of Lord Raglan to the capture of Sevastopol, T. 2 Longman, 1855. P. 390–391

¹⁶⁶⁶ Woods N. A. The past campaign: a sketch of the war in the East, from the departure of Lord Raglan to the capture of Sevastopol, T. 2 Longman, 1855. P. 394–395

ким. Сержант Гоунг писал своим родителям: «Да, сегодня погибнут тысячи (а мы, по слухам, окажемся в самой гуще боя), но это будет великий день. Да охранит меня рука Господня — Его заботам вверяю я свою судьбу. Признаюсь честно, какой-то тихий внутренний голос пророчит мне смерть — и, если так и случится, надеюсь встретиться с вами в лучшем из миров, где нет места войнам. Мне нечего больше сказать — будь что будет. Уверен, я до конца исполню свой долг перед Родиной и Королевой. В какой-то мере я даже рад, что этот день настал: мы ждали его долгие месяцы, а теперь, еще до восхода солнца (сейчас оно только показалось из-за горизонта) Севастополь будет в наших руках. На этом позвольте закончить; прощай, дорогая, самая лучшая на свете матушка; прощай, мой добрый отец; прощайте, любящие братья и сестры. Это письмо будет отправлено только в случае моей смерти — я передал незапечатанный конверт одному из наших сержантов, что находится на лечении в госпитале; если я погибну, он сделает приписку и отправит письмо по адресу. Да пребудет с вами милость Господня, дорогие родные, и да поможет вам Бог пережить столь тяжкий удар. Ваш любящий сын Тимоти Гоунг, сержант Королевских фузилеров».

Но — солдатское дело выполнять приказ, а схема атаки была разработана тщательно. Горький опыт учитывался в полной мере. Англичане должны были пойти вперед только после начала действий французов против Малахова кургана. Для французов действия союзников были нужны как отвлечение русских и создание условия невозможности переброски подкреплений.

Боевой дух британцев был конечно ниже, чем во время первого штурма города. Они были в ужасе от возможности повторения событий двухмесячной давности. К тому же у них, как ни у кого за время осады, развилась боязнь перед минно-взрывными заграждениями. И тому были основания.

К августу 1855 г. система заграждений перед Севастополем достигла своего апогея, и союзники трезво оценивали ее возможности. Для сардинцев она казалась вообще непреодолимой. Манфреди считал, что она только набрала прочность, несмотря на длительную бомбардировку, и доставит много хлопот при попытке ее преодолеть: «Союзникам, готовящимся к штурму, было известно, что за ближайшими пострадавшими батареями русских имеются другие — бастионные, специально для поражения штурмовых колонн; что если последние достигнут определенного рубежа, то подвергнутся обстрелу артбатерей крупнокалиберных орудий с Северной стороны; что в оборонительных порядках имеются разные укрытия с капонирами и пушками для стрельбы картечью; волчьи ямы, рогатки, различного рода препятствия, ловушки, чтобы держать штурмующих под огнем как можно дольше».⁶⁶⁷

Неменьший ужас внушал англичанам страх подрыва на противопехотных фугасах. Были случаи, когда британцы отказывались двигаться вперед, мотивируя это наличием мин. Один британский офицер, описывая борьбу за третий бастион, писал: «К несчастью, запасные отряды, которые располагались вдоль пятой, самой передовой параллели, состояли из прибывших мальчишек, новобранцев: опровергнуть их заблуждение, что Редан заминирован по всем направлениям и заставить их двигаться вперед не могли ни слова, ни слезы, ни мольбы офицеров».⁶⁶⁸

⁶⁶⁷ Матвеев В. Д. Негостепримная Таврида. Сардинское королевство в Крымской войне. Севастополь, 2005 г., С. 100

⁶⁶⁸ Аннет М. Б. Минкин «Россия. Путешествия и исследования // Историческое наследие Крыма, № 16, Симферополь, 2006 г., С. 196

Сведения об эффективности минных заграждений крайне скупы. Но страх боязни перед ними со стороны солдат и офицеров союзных войск — лучшее подтверждение безошибочности действий русских саперов.

Главным объектом атаки англичан вновь был ненавидимый ими 3-й бастион. Вступать в бой им приходилось уже после того, как французы броском возьмут Малахов курган и начнут закрепляться на нем.⁶⁶⁹ Таким образом единственное, чем британцы могли оказать поддержку союзникам — удерживание русских от перебрасывания на решающий участок резервных подразделений.

Первую, основную, линию составили лучшие британские части: 2-я бригада Легкой и 2-я бригада 2-й дивизий. Атакующие разбивались на несколько эшелонов, каждый из которых имел собственную задачу. Все задействованные в штурме выходили на исходные позиции в 3, 4 и 5-й параллелях. Расстояние от ближайшей из них к бастиону — 5-й, составляло 285 ярдов (примерно 260 м).

Впереди шли две группы, по 100 человек из каждой бригады, под командой старших офицеров. Это был своеобразный таран, на который возлагалась задача максимально быстрого выдвижения к бастиону и прикрытие подхода второй линии. Им не требовалось лезть на вал. Достаточно было ружейным огнем загнать русских стрелков за бруствер. Противодействие артиллерии принималось за минимальное, учитывая, что к тому времени большая часть орудий, особенно выделенных для отражения атаки пехоты, будет выведена из строя длительной бомбардировкой.

За ними размещались еще по 160 человек с лестницами, которые возглавлялись старшими офицерами каждой бригады. Эта группа должна была под прикрытием первого отряда дойти до русских позиций, установить лестницы и удерживать их. На этом их миссия считалась выполненной.

Следующими в действие вступали подразделения первой линии штурмующих. В нее входили 500 человек во главе с двумя старшими офицерами. Они начинали движение сразу после готовности лестниц и по ним входили на бруствера, захватив которые, удерживали укрепление до подхода основных сил. За ними на бруствера поднимались две (чаще говорят об одной) «рабочие» партии (по 150 человек). Они расчищали бруствера, готовили подъемы для второго эшелона. С этого момента начиналось главное действие. В сражение вступали основные силы британцев, занимавшие позиции в «параллелях». Начинался штурм.

Действия передовых групп прикрывали 100 человек из 2-го батальона Стрелковой бригады под командованием капитана Файерса. Они сосредотачивались перед атакой на крайнем левом фланге 5-й параллели. Покинув укрытие, стрелки разворачивались и двигались, ведя огонь на ходу по поверхностям брустверов, не давая таким образом русским пехотинцам высовываться из-за них. Под их прикрытием должны были быть установлены лестницы и взята первая линия русского укрепления.

Как только это совершится, в действие вступят основные силы, разделенные на несколько самостоятельных партий, объединенных в штурмовые колонны Легкой и 2-й дивизий.

1-я штурмовая партия Легкой дивизии: 160 человек из 97-го пехотного полка под командованием майора Велсфорда. В нее отбирались лучшие люди. Они несли дополнительные лестницы, с помощью которых основная масса штурмующих должна

⁶⁶⁹ Kelly. Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 364–365

была подняться на бастион. Свое движение они начинали из 5-й параллели, сразу после того, как ее покидала первая линия атаки.

Следующая партия включала 200 человек из 97-го полка под командованием подполковника Хэнкока и 300 человек из 90-го полка, во главе с капитаном Гроу. Она также концентрировалась перед началом штурма в 5-й параллели.

Вторая волна состояла из 750 человек 19-го и 88-го полков и оставшейся частью 2-й бригады Легкой дивизии. Они занимали перед штурмом 4-ю параллель, но по мере ухода атакующих из 5-й параллели, перемещались в нее.

Рабочая партия второй волны включала в себя 100 человек из 90-го полка. Их действиями руководил капитан Перри. Остатки Легкой и 2-й дивизий формировали резерв, находившийся перед штурмом между 3-й и 4-й параллелями. Легкая дивизия занимала позиции справа, а 2-я — слева.

1-я и Горская дивизии входили в состав главного резерва и находились в 3-й параллели. Другие части играли вспомогательную роль.

Командующий английскими войсками генерал Симпсон свой командный пункт оборудовал слева от батареи № 1. Вместе с ним, кроме офицеров штаба, там находились начальник артиллерии генерал Декр, начальник осадного парка полковник Сен-Джордж, начальник инженеров полковник Джонс.⁶⁷⁰

Выдвигаться в передовые траншеи британцы начали 7 сентября: «...В 11:30 шотландская бригада под командой бригадира Кэмерона маршем выдвинулась от Комаров и расположилась в резерве на правом фланге. Гвардия, также определенная в резерв, была выставлена по ту же сторону Воронцовской дороги. Первая бригада Четвертой дивизии, отстоявшая ночь в траншеях, осталась на своем месте. Вторая бригада Четвертой дивизии была в резерве. Гвардейцы, только утром прибывшие в лагерь после наряда в траншеях левого фланга, были тут же поставлены под ружье и живо вернулись на позиции. Третья дивизия, сосредоточенная на склоне холма перед собственным лагерем, также была в резерве, готовая, в случае необходимости, спуститься и усилить левый фланг».⁶⁷¹

К утру 8 сентября все части, назначенные для штурма крепости, находились в готовности...

ПЛАН ФРАНЦУЗОВ

На французский контингент в очередной раз ложилась основная нагрузка. Понимая важность предприятия, равно как и то, что в случае неудачи, третий штурм уже будет вряд ли возможен, Пелисье планировал операцию с максимальной тщательностью. Учитывалась каждая мелочь, каждая деталь, способная в той или иной мере оказать влияние на успех, или наоборот привести к неудаче. За два дня до штурма прошел военный совет у Пелисье. На нем были поставлены задачи непосредственным исполнителям — командующим участками. Основное внимание было уделено организации взаимодействия. В дело вступало новое, доселе невиданное оружие — время. От согласованности действий, которые должны были быть произведены с

⁶⁷⁰ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 300

⁶⁷¹ Рассел, Уильям Ховард. Британская экспедиция в Крым. Том 2. М., 2014 г. С. 836

Укрепления Севастополя после оставления русскими войсками. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

четкостью до минуты, а в некоторых случаях счет шел даже на доли минут, зависело — удастся ли подавить сопротивление гарнизона Севастополя на основных направлениях.

Второй штурм Севастополя стал первым в истории войны, когда офицерам было приказано перед его началом произвести сверку часов. А сами часы стали с этого времени таким же важным элементом снаряжения офицера, как револьвер и сабля.

В предшествовавший штурму день, совещания происходили у командующих направлениями. Шарль Боше подробно описывает происходившее в штабе генерала Боске, на которого ложилась основная задача: «Накануне вечером все командующие армиями, командиры корпусов, призванные содействовать приступу следующего дня, собрались в нашей штаб-квартире. Там, определенно и ясно внушая свою идею другим, генерал Боске объяснил весь план атаки и роль, которую будет выполнять каждый. Часы были сверены с моими, которые были хороши и настроены на время начала исполнения этой страшной драмы. Несчастный Сен-Поль, не имевший из-за характера особой уверенности, сказал мне при выходе из этого собрания: «Когда приказы так хорошо отданы и каждый знает, что ему делать, успех наполовину гарантирован». Бедного генерала, которого я сильно любил, теперь больше не увижу!».⁶⁷²

⁶⁷² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 89

По задачам и направлениям французские войска также делились на левую и правую атаки, которые, в свою очередь, на штурмовые (в состав каждой водили пехотные дивизии) колонны.

Главная цель действий всех войск, участвующих в этот день в штурме была одна — Малахов курган.⁶⁷³

Левая атака (48 батальонов, 26 000 чел.): для штурма городских укреплений, но после того, как будет достигнут успех дивизией Мак-Магона.

2-я дивизия 1-го корпуса (дивизионный генерал Левальян): 1-я бригада (бригадный генерал Трошю), 2-я бригада (бригадный генерал Кустон).

Задача дивизии: штурм 5-го бастиона и его люнетов.

1-я дивизия 1-го корпуса (дивизионный генерал Отамар): 1-я бригада (бригадный генерал Ниоля), 2-я бригада (бригадный генерал Бретон).

Задача дивизии: подкрепление 2-й дивизии, атаки горжи 4-го бастиона.

Сардинская бригада (генерал Чиальдини).

Задача бригады: штурм правого фланга 4-го бастиона.

3-я дивизия 1-го корпуса (дивизионный генерал Пате).

Задача дивизии: резерв дивизии Левальяна.

4-я дивизия 1-го корпуса (дивизионный генерал Буа).

Задача дивизии: резерв дивизии Отамара.

Правая атака: ее цель была главной и решающей.

В состав входила 1-я дивизия 2-го корпуса (командир — дивизионный генерал Мак-Магон).

1-я бригада (полковник Декен): 1-й полк зуавов, 7-й полк линейной пехоты, батальон пеших егерей.

2-я бригада (бригадный генерал Вино): 20-й и 27-й полк линейной пехоты.

Резервная бригада (бригадный генерал Вимпфен): полк алжирских стрелков, 3-й полк зуавов, 50-й полк линейной пехоты, 2 батальона гвардейских зуавов.

Задача дивизии: штурмовать Малахов курган.

4-я дивизия 2-го корпуса (дивизионный генерал Дюлак): 1-я бригада (бригадный генерал Сен-Поль), 2-я бригада (бригадный генерал Биссон), резервная бригада (бригадный генерал Де Мароль) и приданный батальон гвардейских егерей. В состав входили 17 батальонов.

Задача дивизии (17 батальонов): штурмовать 2-й бастион и, овладев им, обойти с фланга 2-ю оборонительную линию.

5-я дивизия 2-го корпуса (дивизионный генерал де ла Мотруж): 1-я бригада (бригадный генерал Бурбаки), 2-я бригада (бригадный генерал Пикар); резервная бригада (бригадный генерал Меллине). В состав резервной бригады входили 2 полка гвардейских гренадеров и 2 полка гвардейских вольтижеров).

Задача дивизии (21 батальон): атака куртины между Малаховым курганом и 2-м бастионом и позади-лежащей второй оборонительной линией.⁶⁷⁴

Французы насытили штурмовые порядки большим числом саперов. Сказывалась возникшая за месяцы осады боязнь мин, которые мерещились им повсюду. «При каж-

⁶⁷³ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 291–292

⁶⁷⁴ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 291–299

дой из штурмовых колонн находились: по две команды саперов и пехотных рабочих, одна с перекидными мостами и лестницами, а другая с укороченным шанцевым инструментом, для проложения пути штурмующим войскам; команда минер, для отыскания контр-мин и уничтожения приводов; команда артиллеристов, для заклепки, либо расклепки орудий»...⁶⁷⁵

Новым было использование для поддержки действий пехоты, атакующей курган, артиллерии, способной вести навесной огонь. По сути дела это первое в мировой практике использование для непосредственной поддержки наступающей пехоты прообраза минометного огня. Для этого, «... колоннам, назначенным для штурма Малахова кургана и 2-го бастиона, приданы особые артиллерийские команды, для переноски в занятые укрепления небольших мортирок (7-фунтов.) и для действия из этих орудий».⁶⁷⁶

Кроме этого, группы артиллеристов по 30–50 чел. находились при дивизиях 2-го корпуса для заклепывания взятых орудий или, при возможности, использования их против русских. Солдаты этих групп имели при себе ерши, протравники, шнуры, топоры и проч.⁶⁷⁷

Для содействия пехоте правой французской атаки, приказано было иметь в готовности утром в день штурма: 24 полевых орудия на бывшей Ланкастерской батарее и 12 орудий в редуте Виктория; а для содействия левой атаке – 24 орудия.

Для прикрытия тыла союзных войск со стороны реки Черной поставлены: одна бригада из дивизии д'Ореля (7 батальонов, при 24 орудиях, 2700 человек) и наблюдательный корпус генерала Эрбилона (20000 чел. при 100 орудиях) на Сапун-горе и на Федюхиных высотах.

Командный пункт французского командующего генерала Пелисье находился на Зеленой горе у батарей №15. С ним находились генералы Тири и Ниель.

Командующие корпусами находились вблизи от передовых дивизий. Боске – в 6-й параллели напротив 2-го бастиона. С ним – генералы Бере (начальник артиллерии) и Фроссар (начальник инженеров). Де Салль – напротив люнета Белкина у батарей №53 и №54. С ним были генералы Далем (начальник артиллерии) и Лебеф (начальник инженеров).⁶⁷⁸

В готовности были сардинский отряд генерала Ла Мармора (ок. 8000 чел. при 36 орудиях), на Гасфортовой горе и у сел. Комары и кавалерия генерала Алонвиля (около 2000 чел.) в Байдарской долине».

Важнейшим условием была полная секретность подготовки. Союзники совершенно не желали наступить на те же грабли, что стукнули по русским на Черной речке.⁶⁷⁹ С этой целью пошли даже на изменение привычного для таких действий времени. Вместо атаки ранним утром, решили провести ее в совершенно неожиданное для русских время – в полдень.⁶⁸⁰

⁶⁷⁵ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁶⁷⁶ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁶⁷⁷ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 295

⁶⁷⁸ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 300

⁶⁷⁹ Kelly Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 363–364

⁶⁸⁰ Осада Севастополя (1854–1856) с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 292

РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК К НАЧАЛУ ПОСЛЕДНЕГО ШТУРМА СЕВАСТОПОЛЯ

В преддверии штурма, понимая его неизбежность, русское командование приняло меры к наращиванию и усилению севастопольского гарнизона. 7 августа в город вошли части 4-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Шепелева, общей численностью 7500 человек, сведенных в 16 батальонов. Одна бригада ее отправилась на Корабельную сторону, вторая – в главный резерв Городской стороны. В батальонах дивизии насчитывалось к тому времени не более 50% личного состава, а вся дивизия не превышала, по числу находящихся в строю, бригаду.

Главнокомандующий князь Горчаков назначил генерала Шепелева начальствующим над всеми войсками Корабельной стороны и приказал: не подвергать войска напрасным потерям, отбивать атаки и удерживать единственный мост через бухту. Остальные участники обороны были поручены опытному генералу Хрулеву.

Потери в войсках частично получилось компенсировать за счет частей подвижного ополчения. 22 августа Брянскому егерскому князя Горчакова полку была придана 49-я дружина Курского ополчения, Алексопольскому – 48-я дружина Курского ополчения.

26 августа в город вошли части 5-й пехотной дивизии. Перед самым штурмом 27 августа в Севастополь вошли Смоленский резервный, Азовский пехотный, Одесский и Украинский егерские полки.⁶⁸¹

Одновременно началась перегруппировка русских войск, усиление позиций и создание резервов.

Русские войска к 27 августа 1855 г. располагались на оборонительных позициях Севастополя следующим образом.

На береговых батареях:

Александровской и № 8: резервный батальон Виленского полка (400 чел.);

№ 10: резервный батальон Литовского полка (400 чел.).

На 1-м отделении:

батарея Шемякина и 6-й бастион: 2 батальона Вильнского полка (800 чел.) и сводный резервный батальон Брестского полка (400 чел.);

Ростиславский редут и люнет Бутакова: 2 батальона Углицкого полка (800 чел.), треть полка находилась на работах в минах 5-го бастиона и люнета Шварца;

люнет Белкина и 5-й бастион: 2 батальона Подольского полка (800 чел.) и сводный резервный батальон Белостокского полка (400 чел.);

люнет Шварца и Чесменский редут: 2 батальона Житомирского полка (1000 чел.); позади Чесменского редута и в траншее между Чесменским и Ростиславским редутами, в ближайшем резерве 1-го отделения: 2 батальона Минского полка (800 чел.).

На 2-м отделении: батареи Забудского и Петрова:

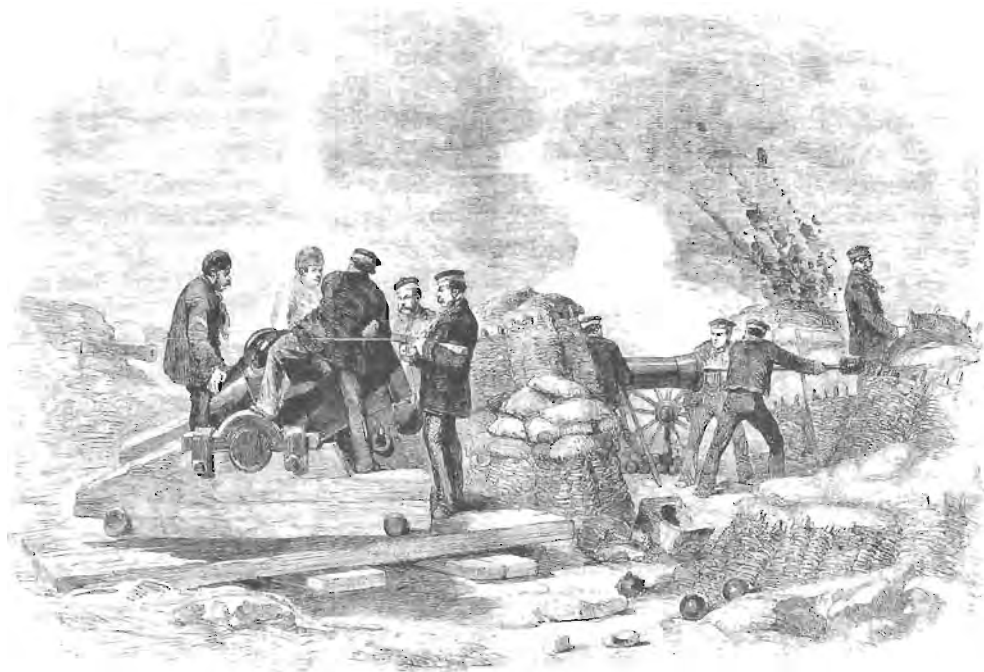
в Городском овраге: 2 батальона Екатеринбургского полка (1400 чел.);

в траншее 2-й линии, в Городском овраге: 2 батальона Колыванского полка (1400 чел.);

4-й бастион и батарея Костомарова: 4 батальона Томского полка (1600 чел.);

бульварные батареи и Язоновский редут: 4 батальона Тобольского полка (1600 чел.).

⁶⁸¹ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник № 9, СПб., 1905 г., С. 4

Обстрел английской артиллерией Севастополя. Английский рисунок из "The Illustrated London News".

В главном резерве Городской стороны: на Городской высоте и на Морской улице: 4 батальона Архангелогородского полка (1800 чел.) и 4 батальона Вологодского полка (1400 чел.) под начальством генерал-майора Дельвига.

На площади близ Николаевской батареи и на Екатерининской улице: 4 батальона Костромского полка (1500 чел.), 4 батальона Галицкого егерского полка (1500 чел.) и 16 орудий легких батарей № 2-го 10-й и № 3-го 11-й артиллерийских бригад.

На 3-м отделении:

на Пересыпи: 2 батальона Охотского полка (1500 чел.);

на батареях вправо от 3-го бастиона (Никонова и проч.): 2 батальона Камчатского полка (1100 чел.) и 6-й сводный резервный батальон Вольнского и Минского пехотных полков (350 чел.);

на 3-м бастионе: 2 батальона Владимирского пехотного полка (750 чел.);

на батареях влево от 3-го бастиона (Яновского и Будищева): 2 батальона Суздальского пехотного полка (800 чел.), 2 батальона Якутского полка (1200 чел.) и 47-я дружина курского ополчения (600 чел.);

позади 3-го бастиона, на 2-й оборонительной линии: 2 батальона Селенгинского полка (1200 чел.).

На 4-м отделении:

на батарее Жерве: 2 батальона Великого Князя Михаила Николаевича (Казанского) егерского полка (900 чел.);

На Малаховом кургане: по переднему фасу: 1 батальон Модлинского резервного полка (400 чел.);

по правому фасу и у горжи: 1 батальон Замостского резервного полка (500 чел.); по левому фасу и на ретраншаменте: 2 батальона Прагского резервного полка (500 чел.). На минных работах: 1 батальон Люблинского резервного полка (500 чел.).

На батарее Никифорова: 2 батальона Муромского полка (760 чел.).

В непосредственном резерве 4-го отделения в Корабельной слободке: под начальством генерал-майора Носова, 2 батальона Елецкого полка (900 чел.), 2 батальона Севского полка (800 чел.); под начальством генерал-майора Юферова: 2 батальона Брянского князя Горчакова⁶⁸² (700 чел.), 2 батальона Орловского князя Варшавского полка (500 чел.) и 49-я дружина курского ополчения (600 чел.).

На 5-м отделении на куртине между батареей Никифорова и 2-м бастионом и на 2-м бастионе: по 2 батальона Олонецкого полка (по 665 чел.);

на куртине между 2-м и 1-м бастионами: 3 батальона Белозерского полка (1200 чел.), 2 батальона Черниговского графа Дибича-Забалканского полка (480 чел.);

на 1-м бастионе и по линии до Килен-балочной бухты: три роты Алексопольского полка (330 чел.) и 48-я дружина курского ополчения (600 чел.).

В непосредственном резерве 5-го отделения, на склонах Ушаковой балки и в ближайших улицах Корабельной слободки:

по траншеям и батареям от рейда близ устья Килен-Балкской бухты до оборонительной казармы – 5 рот Алексопольского егерского полка (450 чел.) и 48-я дружина Курского ополчения;

2 батальона Полтавского полка (550 чел.) и 2 батальона Кременчугского полка (450 чел.).

На Корабельной стороне:

по траншеям и батареям от рейда близ устья Килен-Балкской бухты до оборонительной казармы, – Алексопольский егерский полк и №48 дружина Курского ополчения.

От Парижской батареи лабораторию и стенку до бастиона №2-го занимал Белозерский полк.

От рогатки до Корнилова бастиона – Муромский пехотный полк.

В резерве за 5-м отделением три полка 8-й пехотной дивизии: графа Дибича-Забалканского, Полтавский и Кременчугский (всего – 2355 штыков).

Прагский, Модлинский и Замосцкий полки расположены были на передних фасах Корнилова бастиона, – Люблинский егерский производил работы в минах.

На батарее Жерве, – Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полк.

Резерв для бастиона Корнилова составляла 9-я пехотная дивизия.

На 3-м отделении: на батареях Будищева и Яновского – Якутский полк с дружиной №47.

Бастион №3 занимала 1-я бригада 16-й пехотной дивизии.

Штурмовые батареи – сводный резервный батальон Волынского и Минского полков.

На батареях Усова, Зубова и Никонова – Камчатский егерский полк.

На Пересыпке – Охотский егерский полк.

⁶⁸² Имя князя Горчакова Брянский егерский полк получил после успешного отбития первого штурма Севастополя. «Брянскому егерскому полку, также отличившемуся в сем деле, приказал я именоваться вашим именем...», – писал Александр II князю Горчакову 4 июня 1855 г. (Император Александр II в эпоху войны 1855 г. // Русская старина Том XXXVI, 1883 г., СПб., С. 127)

В главном резерве Корабельной стороны:

в Корабельной слободке и в Аполлоновой балке — 4 батальона Шлиссельбургского полка (1400 чел.) и 4 батальона Ладожского полка (1400 чел.);

В общем резерве Корабельной стороны: находились 2-я бригада 4-й пехотной дивизии и впоследствии батальон патронщиков кашеваров (700 чел.). На этой же половине находился подвижной артиллерийский резерв из 28-ми запряженных полевых орудий легких батарей № 5-го 11-й и №№ 7, 8 и 9-го 12-й артиллерийских бригад.⁶⁸³

На правой стороне оборонительной линии под начальством генерал-лейтенанта Семякина:

на 1-ом отделении: на батарее №10 — 6-й Литовский и 6-й Виленский резервные батальоны;

на батарее Шемякина и бастионе №6 — Волынский пехотный полк и Сводный резервный батальон Брестского полка;

на Ростиславском редуте — батальон Углицкого егерского полка, а другой батальон одного работал в минах;

на бастионе №5, редутах Чесменском и Белкина — Подольский егерский полк и сводный резервный батальон Белостокского полка;

на редуте Шварца — батальон Житомирского; в резерве редуту Шварца — батальон Минского пехотного полка;

резерв 1-го отделения составляли: батальон Минского и батальон Житомирского полков;

2-е отделение. В ложине между бастионами №4 и 5 — Екатеринбургский пехотный полк. На бастионах №4 — Томский егерский;

на Грибке и редуте Язона — Тобольский пехотный полк.

В задней траншее, в ложине — Колыванский егерский полк. Резерв 1-го и 2-го отделений составляла 1-я бригада 5-й пехотной дивизии; в общем же резерве правой стороны находилась 2-я бригада той же дивизии и кроме сего, в артиллерийском резерве 16 полевых запряженных орудий, стоявших на Николаевской площади».⁶⁸⁴

МАЛАХОВ КУРГАН — ГЛАВНЫЙ УДАР

Понимая значение Малахова кургана, как ключевой позиции Севастопольских укреплений, союзники особо тщательно планировали операцию по его взятию. По сути дела, большая часть остальных действий, особенно британцев, носила или характер демонстрационно-отвлекающих, или проводилась с целью затруднить переброску резервов на Малахов курган.

Главной задачей предшествовавших штурму дней было максимально приблизить осадные позиции и оборонительным линиям русских. Это стоило французам не только больших материальных затрат, но и человеческих жизней. Равно как моральные силы севастьяпольского гарнизона, так и осаждающих его, находились на изломе. Война велась не только кровью, но и нервами: «По мере того, как мы продвигаемся к знаменитой Малаховой башне, мы имеем чувствительные потери: не проходит и дня, чтобы мы не теряли от двухсот пятидесяти до трехсот убитыми или ранеными.

⁶⁸³ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 4–5

⁶⁸⁴ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 5–6

Посчитайте, какие будут цифры к концу месяца. Русские понесли больше потерь чем мы».⁶⁸⁵

Давала знать о себе усталость. Следствием переутомления стали несколько несчастных случаев: взрыв запаса пороха на Зеленом холме и взрыв покинутого русскими погребца.⁶⁸⁶ Это приводило к лишним жертвам и тормозило подготовку к штурму. Но, несмотря на трудности, саперные работы не останавливались ни на час. Подземная война продолжалась с еще большим ожесточением. Боше попытался описать происходящее под землей: «Чтобы дать вам представление об этой войне, скажу, что сейчас происходит работа по подземному минированию перед Малаховым, где мины двух лагерей заняты боями, о которых мы не имеем никакого понятия. Генерал Ниель, с превосходным профессиональным опытом, говорил, что никогда, ни в какой осаде не получали подобного развития эти способы атаки и защиты. Я восхищаюсь минерами, призванными на настоящую войну кротов; испытания, которые они выносят столь терпеливо, делают из них самых интересных людей армии».⁶⁸⁷

Отдача, самоотверженный труд и терпение саперов способствовали приближению осадных позиций почти на 20 метров ко рву перед Малаховым курганом.⁶⁸⁸ К началу штурма противники сблизилась настолько, что начали перебрасываться ручными гранатами.⁶⁸⁹

Но и русские саперы не теряли времени даром. Атакующего противника перед фронтом оборонительной линии ждали несколько неожиданных и не самых приятных сюрпризов. С началом войны было принято решение срочно и в массовом порядке начать производство взрывных устройств для защиты севавтопольских укреплений. Таковыми стали самовзрывные устройства, предложенные «штаб-офицером по искусственной части» Киевского арсенала полковником А.Н. Савиным, названные автором «фугасными аппаратами». Они представляли из себя деревянный просмоленный ящик кубической формы, начиненный 20–30 кг. пороха и снабженный «власовской трубкой». Они вкапывались в землю и срабатывали в результате механического воздействия на них. По сути дела — это современная противопехотная мина нажимного действия.⁶⁹⁰

Кроме фугасных аппаратов на ближних подступах использовались орудия, которые постоянно были заряжены или картечными пулями, или металлическими осколками ядер и гранат, которые в изобилии валялись повсюду. Как правило, в этих случаях использовались стволы орудий с неисправными лафетами или с другими неисправностями, позволявшими произвести выстрел. Это были уже более совершенные и более новые средства борьбы. В отличие от камнететных фугасов они могли быть использованы в наиболее выгодное для обороняющегося время. Ими прикрывали ближние подступы к батареям и предотвращали внезапный прорыв неприятеля на позицию, особенно через заранее подведенные траншеи. Умелое сочетание проти-

⁶⁸⁵ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 88

⁶⁸⁶ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 88

⁶⁸⁷ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 88

⁶⁸⁸ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 88

⁶⁸⁹ Воспоминания фон Драценфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севавтопольской обороне севавтопольцами, М., 1998 г., С. 55

⁶⁹⁰ Ченнык С. В. Севастопольский опыт // Military Крым; Ляшук П. Фугасные аппараты на Камчатском люнете // Флаг Родины. Севастополь, 2.09.1998 г.

вопехотных заграждений привело к тому, что во время первого штурма Севастополя, двинувшиеся на штурм 3-го бастиона британцы, мало того что нарушили порядок, и «...штурмовые колонны, превратившиеся в толпу, смешались с подошедшими резервами», но и были вынуждены в ходе атаки разбирать засеки, рубить палисады, неся тяжелые потери.⁶⁹¹

14 августа на позиции Малахова кургана прибыл князь Горчаков — «...любимый нами... бодрый и бравый старик».⁶⁹² С ним был начальник его штаба генерал-адъютант Коцебу. В сопровождении коменданта Малахова кургана капитан-лейтенанта Карпова главнокомандующий осмотрел позиции, наградил нескольких офицеров орденами, которые тут же, согласно написанному на пустой пороховой бочке приказу, прикрепил на грудь новоиспеченных кавалеров. Горчаков был достаточно обрзован, чтобы понять — на этой позиции должно было решиться все. В этом пункте обороны подводился итог неудачам его и предшественников.

Он был не одинок в своем убеждении. Все участники предстоящей драмы понимали, что в стойкости и удержании Малахова кургана заключается перспектива удержания и самой крепости.

Немного внимания уделим теории. По существовавшей в середине XIX в. теории крепостных действий, долговременное укрепление могло быть взято тремя способами или их сочетанием. К таковым относились:

- внезапное (нечаянное) нападение;
- штурм;
- бомбардировка.⁶⁹³

В сложившейся ситуации, когда союзные фортификационные работы уже вплотную подошли к русским укреплениям, наибольшую опасность представляла именно возможность внезапной атаки. Для того чтобы не допустить перспективы взятия кургана таким способом, необходима в первую очередь высокая бдительность его гарнизона. При соблюдении этого условия, чтобы нельзя было эскалрировать фортификационное сооружение, оно должно быть:

- сомкнутым;
- иметь одетый ров;
- иметь обстреливаемый ров.⁶⁹⁴

Гарнизон Малахова кургана составляли четыре батальона трех полков 15-й резервной пехотной дивизии: Модлинского, Прагского и Замосцкого, «...составленных большею частью из новобранцев, всего в числе 1400 человек».⁶⁹⁵ Непосредственно на самом кургане «...гарнизон состоял из резервного Модлинского пехотного полка, который до такой степени потерпел от этого, по истине адского огня, что, по ежедневно подаваемому списку коменданту, о числе на лицо находящихся штыков, в день 27-го августа, в нем было только 394 человека нижних чинов на бастионе».⁶⁹⁶

⁶⁹¹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Осада Севастополя // История русской армии М., 2004 г. С. 136

⁶⁹² Воспоминания фон Драценфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 53

⁶⁹³ Французские крепости // Военный сборник, № 10, 1884 г., СПб., С. 251

⁶⁹⁴ Французские крепости // Военный сборник, № 10, 1884 г., СПб., С. 251

⁶⁹⁵ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный сборник, № 1896 г., СПб., С. 270

⁶⁹⁶ Воспоминания фон Драценфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 55

Командир Модлинского полка полковник Н. А. Аршеневский не тешил себя надеждами – будучи достаточно опытным, он вполне понимал, что вряд ли удастся удержать курган. Разрушения были настолько сильны, а гарнизон столь незначителен, что среди защитников кургана преобладало мнение о неизбежности собственной гибели.

Из батальона четвёртого полка, защищавшего курган – Люблинского, насчитывавшего не более 500 человек, одна треть находилась постоянно на работе в минах, а прочие две трети – на отдыхе в Корабельной слободке. Кроме того «... на кургане состояло до 500 челов. артиллерийской прислуги, штуцерных и сапер, да на работах до 1000 челов. Орловского князя Варшавского полка и 49-й курской дружины. В резерве, за горжею Корнилова бастиона, и на 2-й оборонительной линии, были расположены остальные три полка 9-й дивизии: Елецкий, Севский и Брянский, всего 6 батальонов в числе 2,400 человек. Начальником войск на Малаховом кургане был старый опытный воин генерал-майор Буссау. Как в продолжение канонады с рассвета до полудня убыло на кургане несколько сот человек, то число защитников его вместе с резервом не превосходило 4000 штыков».⁶⁹⁷

Французы небезосновательно считали, что Малахов курган уязвим. Единственной помехой могли стать какие-либо активные действия русской армии, способные отбить у союзников желание штурмовать крепость.⁶⁹⁸

Трудно говорить, было ли действительно неожиданным для русских столь стремительное и внезапное взятие союзниками укреплений, или судьбу Севастополя решила банальная беспечность. «При получении известия о сборе войск в передовых неприятельских траншеях перед Малаховым курганом, по распоряжению генерал-лейтенанта Хрулева, направлена была ко 2-й оборонительной линии 9-я пехотная дивизия, составлявшая резерв Корнилова бастиона: Севский полк расположился за стенкою Корнилова бастиона и Белостокскую церковь; Елецкий – занял линию на 2-й оборонительной стенке, сзади батареи Жерве; а егерские полки сей дивизии, за исключением части егерского князя Варшавского полка, бывшей ночью на работах у бастиона Корнилова, остались в слободке».⁶⁹⁹

Так почему французам удалось так быстро овладеть ключевой позицией? После этого самая героическая защита остальных пунктов оборонительной линией была лишь слабым утешением и не имела никакого смысла. Внимательно изучив все имеющиеся материалы с обеих сторон, мы можем смело отметить как минимум три фактора способствовавших неприятелю.

Первое: внезапность нападения, которая сыграла определенную роль при штурме ключевого оборонительного сооружения – Малахова кургана. Французские солдаты 25-тысячного корпуса генерала Боске в считанные мгновения преодолели сорокаметровое пространство между двумя линиями траншей и устремились на валы укреплений. Завязался ожесточенный рукопашный бой. Внезапность была достигнута, прежде всего благодаря непрерывной и напряженной, предшествовавшей штурму работе саперов. С уверенностью можно утверждать, что путь штыку проложила лопата, а работу лопаты обеспечила артиллерия. Ни на одном из участков союзники

⁶⁹⁷ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁶⁹⁸ Воспоминания фон Драгенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 55

⁶⁹⁹ Аврамов Н. Описание хода обороны Севастополя с 5-го по 28-е августа 1855 г. // Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб., С. 6

не подошли столь близко к русским позициям. Остальное было делом обученности. Привыкшая к быстрым действиям и любившая подобные акции французская легкая пехота одним броском преодолела участок шириной не более 50 м, затратив для этого не более 15 сек. Офицеры русской артиллерии спустя много лет после окончания Крымской войны вынуждены были принимать в свой адрес обвинения, что по причине успокоенности, они попросту «проспали» штурм.⁷⁰⁰

Второе: подавленная русская противостурмовая артиллерия. По атакующим французам защитники смогли сделать всего по выстрелу картечью из 6 уцелевших орудий.

Третье: численный перевес, достигнутый благодаря умелой концентрации сил на направлении главного удара.⁷⁰¹

Нельзя категорически утверждать, что штурм оказался совершенно неожиданным для севастопольского гарнизона. Весь опыт многомесячной обороны подсказывал всем: от рядового матроса до генерала, что как только закончит свою работу артиллерия, вперед двинутся массы пехоты. Так оно и произошло. 27 (8) августа «...секреты перед Малаховым на заре заметили неприятельские войска в полной форме, о чем было донесено и растолковано, что в этот день быть штурму, но... не ожидали его в полдень».⁷⁰²

ПЕРВЫЙ БРОСОК

Что же произошло в этот день на кургане? Постараемся проследить ход развития событий глазами очевидцев с обеих сторон.

Фон Драхенфельс, находившийся в этот день на Малаховом кургане, где командовал противостурмовой батареей, действовавшей, преимущественно, против взятых французами в мае Камчатского люнета. 27 августа, признает, что офицеры «...были почти уверены, что и этот день пройдет, как и все предыдущие».⁷⁰³ Это означало, что утомленный ночными работами неприятель уйдет на отдых, а остальную часть светлого времени займет ставшая уже привычной перестрелка.

Однако все пошло совсем не так. Ранним утром в траншеях началась концентрация пехоты. Та самая, которую Липранди заметил после 5 часов утра. К 9 часам по системе ходов сообщения первые штурмовые группы вышли на рубежи атаки. Через час заняли свои позиции батальоны второго эшелона.

Интересно, что задача ставилась всему личному составу перед тем, как подразделения входили в апроши. Лейтенант Варень из 39-го полка линейной пехоты говорит, что к 10-ти часам утра его полк направился к Колоколенке, месту сбора всей бригады. Там «...генерал Бретон обратился к нам с мужественной речью, запретив любое движение в сторону отступления. Затем он повел нас на позиции, расположенные напротив Центрального и Мачтового бастионов».⁷⁰⁴

⁷⁰⁰ Воспоминания фон Драхенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 43

⁷⁰¹ Рахматуллин М. А. Воины России в Крымской кампании // Вопросы истории. № 8. М., 1972 г. С. 94–118

⁷⁰² Из бумаг генерала Меншикова о штурме Севастополя // Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947 г., С. 448

⁷⁰³ Воспоминания фон Драхенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 55–56

⁷⁰⁴ Varaigne, Ernest Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage. Nice 1992 P. 78

Много значащее свидетельство. Мы уже говорили, что во время Крымской кампании ни один из русских военачальников не снисходил до постановки задачи не только нижним чинами, но даже и младшим (а иногда и старшим) офицерам. В таинство мыслей главнокомандующих посвящались лишь избранные из числа генералитета, что, однако, не мешало знать их замыслы неприятелю. Трудно представить, что с теми представителями петербургской военной аристократии, которые заполнили русские штабы, могло быть иначе: «В главном штабе скопилось до 450 офицеров; конечно, из них 50 работали неутомимо; но что же было делать остальным? Поручений не могло доставать, изредка являлись они в Севастополь, а остальное время кутили и играли; игра оканчивалась большими кушами, потому что большая часть их принадлежала к богатым и знатным фамилиям. Чтобы получить награду, они иногда прикомандировывались к севастопольским штабам и, пробыв несколько дней, пользовались первым случаем, чтобы их представили к награде, и когда представление было сделано, сейчас уезжали.

Не говоря о бесчисленном числе анненских сабель, много раздавалось золотых; но очень трудно было получить Георгия и Владимира, который не дворянам запрещено было давать. Хрулева очень бесило, что он не мог отказывать ходатайству старших лиц; этих искателей наград он называл „крестоносцами“, т.е. совершавшими поход за крестами».⁷⁰⁵

Ну, двинемся дальше. По воспоминаниям фон Драхенфельса, в 9 часов утра был проинформирован о действиях союзников адъютантом коменданта Малахова кургана начальник войск на Корабельной стороне Севастополя генерал-лейтенант Хрулев. Посыльные, по утверждению тех, кто находился на бастионах, буквально осаждали командование крепости: «...посылались известия всем в городе находящимся начальникам. К несчастью, я не могу назвать последующих посыльных, потому что и не знаю, кто именно посылался, но сам слышал, как начальник войск на Малаховом кургане генерал-майор Бусая Петру Александровичу Карпову при мне говорил, что он уже в четвертый раз посылает к генерал-лейтенанту Хрулеву с просьбой об усилении нашего гарнизона. Это было, если не ошибаюсь, около одиннадцати часов».⁷⁰⁶

Вместо подкрепления на батарею к 11 часам прибыл флигель-адъютант. *Цель его прибытия осталась исполненной. Но он вскоре удалился, пообещав доложить Хрулеву о необходимости усиления гарнизона кургана.*⁷⁰⁷ К моменту этой «экскурсии» штабного офицера на бастион, его защитники уже отчетливо видели, что с 8 утра «...неприятельские колонны в направлении 22-х пушечной английской батареи и от траншей позади Камчатского люнета начали сосредотачиваться во 2-й параллели и вскоре войска его заполнили ближайшие к нам апроши».⁷⁰⁸

После 11 часов неприятельская артиллерия ослабила огонь. В 11½ часов утра 27 августа французская пехота атаковала исходящие угла бастионов Корнилова и № 2.⁷⁰⁹ Непрерывный артиллерийский обстрел, непрекращавшийся 20 дней, сделал свое

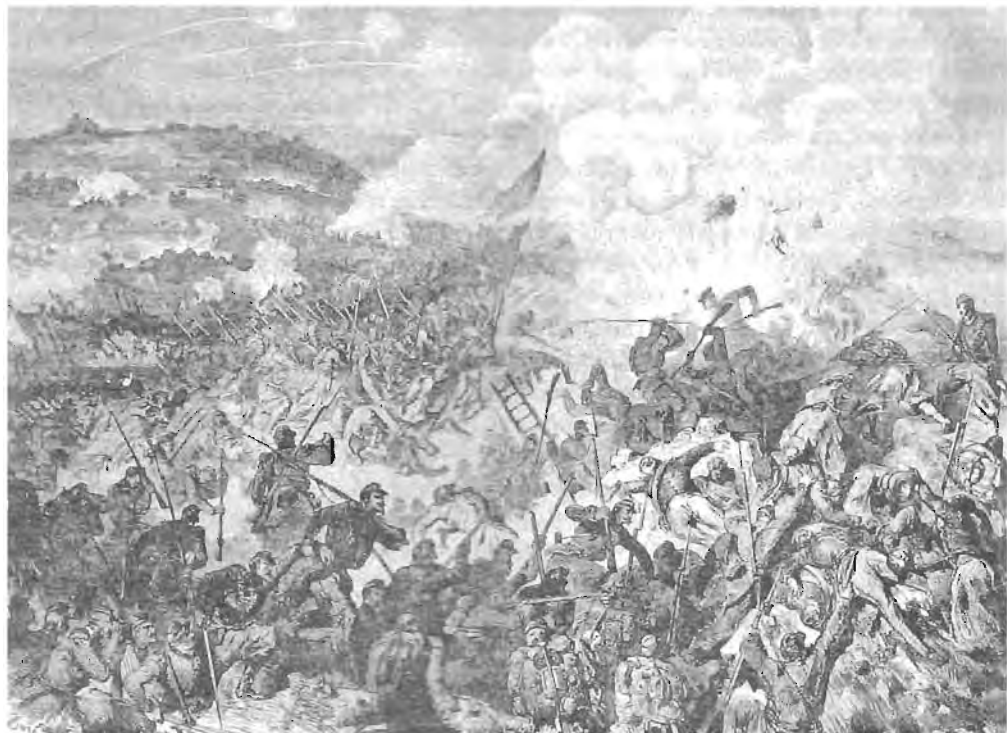
⁷⁰⁵ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник № 9, СПб., 1905 г., С. 40–41

⁷⁰⁶ Воспоминания фон Драхенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 56

⁷⁰⁷ Воспоминания фон Драхенфельса // Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 56–57

⁷⁰⁸ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник № 8, СПб., 1905 г., С. 3

⁷⁰⁹ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник № 8, СПб., 1905 г., С. 6

Бой за Малахов курган. Английский рисунок из "The Illustrated London News".

дело. Одно из слабых мест обороны форта — ров, оказался засыпанным. Простреливать его было нечем, артиллерия оказалась на большинстве участков не готовой встретить столь быструю атаку. Сомкнутость укреплений также не пригодилась — неприятель вел фронтальную атаку.

В 10.45 французская пехота заполнила передовые траншеи. Русские, вероятно просто не могли видеть их, так как в воздухе висели густые клубы пыли и дыма, сквозь которого не было ничего видно в нескольких шагах.⁷¹⁰

БОЙ ЗА БАСТИОН

Малахов курган и подступы к нему стали целью 5 французских дивизий. Но это не значит, что на штурм ринулся весь личный состав этих частей — около 30 тыс. человек.⁷¹¹ Смертельный бросок сделали солдаты 1-го полка зуавов и 7-го полка линейной пехоты. Это были два закаленных полка, за спинами которых был огонь почти всех сражений в Крыму: Альмы, Инкермана и Черной речки.

Свидетелем стремительной атаки стал Рассел: «...За пять минут до полудня французы, словно пчелиный рой, вырвались из траншей у Малахова, вскарабкались по нему

⁷¹⁰ Рассел, Уильям Ховард. Британская экспедиция в Крым. Том 2. М., 2014 г. С. 838–839

⁷¹¹ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник № 8, СПб., 1905 г., С. 6

и в мгновение ока проникли в амбразуры. Семь метров, отделявшие их от врага, они преодолели в несколько скачков. Батальон за батальоном, с быстротой и легкостью осенних листьев, гонимых ветром, они врываются в амбразуры. Не прошло и пары минут, как голова штурмовой колонны показалась из траншеи, а над Корниловским бастионом уже трепетал триколор».⁷¹²

Основные силы штурмующих ворвались на бастион у его левого плечевого угла. Все было кончено. Фактор внезапности всегда оказывается решающим на войне.

Артиллерийский офицер, прапорщик Ершов, писал в своих воспоминаниях: «На исходящий угол Малахова кургана кинулись главные и лучшие колонны Французов. Всего 12 сажень расстояния надо было им пробежать (по проекции было меньше того); дело совершилось в полминуты. Головная колонна неприятеля ворвалась на бастион у левого плечевого угла так быстро, так неожиданно, что даже полевые орудия не успели встретить врага картечью. Как муравьи полезли французы на Малахов курган завидев свое знамя на башне, заняли всю верхнюю оконечность кургана, прорвались к развалинам башни и, засевши здесь, открыли частую ружейную пальбу по строившемуся гарнизону. Прагский полк, сначала вытесненный ворвавшимся неприятелем, снова ударил в штыки со сводной командой из матросов и разных других охотников. Завязалась одна из тех ужасных рукопашных свалок, когда целые толпы перемешиваются в крайнем опьянении боя, поражая друг друга железом, камнями, деревом, что ни попадет под руку, душа друг друга за горло, царапаясь и кусаясь в зверском иступлении».⁷¹³

Происходившее на бастионе, до настоящего времени описывалось с множеством ошибок и неточностей. Уже в наше время одну из тайн случившегося в тот день раскрыл известный севастопольский историк Павел Ляшук – один из лучших исследователей Крымской войны. Его исследование было опубликовано в военно-историческом журнале «Military Крым» и ниже мы лишь приведем его краткое содержание.

После подписания Парижского мирного договора 18 (30) марта 1856 г. старший адъютант штаба 11-й пехотной дивизии капитан Алабин нередко сопровождал своего дивизионного начальника генерал-лейтенанта П.Я. Павлова во время визитов последнего к бывшему противнику. В один из весенних дней 1856 г. Павлов со свитой посетил дивизионного генерала Мак-Магона, командира французской дивизии, захватившей Малахов курган 27 августа (8 сентября) 1855 г.: «Мак-Магон, один из замечательнейших генералов французской армии, – пишет Алабин, – [...] однажды у себя за завтраком, говоря со мной о штурме Малахова кургана, с величайшим уважением рассказывал о нашем генерале, удивившем при штурме кургана всех французов своим мужеством. Когда французы ворвались на бастион, он с несколькими человеками был оторван от своих и прижат в одном из уголков бастиона толпой зуавов. Высокого роста, худощавый, впереди своего маленького отряда, он рубился с французами, отвечая проклятиями и ударами сабли на их просьбы и предложения сдаться. Французы расстреливали эту кучку, уже не имевшую патронов и ежеминутно уменьшавшуюся, но кто только решался броситься на горсть героев – платил жизнью за отвагу. Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала и его солдат. „Как фамилия этого генерала или офицера? Но наши солдаты утверждали, что это точно был генерал“, – спрашивал Мак-Магон. Ни я, ни товарищи мои, к сожалению, не могли определить,

⁷¹² Рассел, Уильям Ховард. Британская экспедиция в Крым. Том 2. М., 2014 г. С. 839

⁷¹³ Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858 г. (<http://adjutant.ru/crimea/ershov00.htm>)

наверное фамилию героя, но мы предполагали, что это был генерал-майор Юферов. „Непременно“, – продолжил французский генерал, – „надо знать имя этого героя“, и записал названную мною фамилию. „Подобная смерть, такие имена – достояние всемирной истории: не говорю уже, что они должны сродниться с памятью того народа, которому принадлежали их носившие“».

До публикации Алабиным рассказа Мак-Магона, в России никто не писал о приведенных выше обстоятельствах гибели на Малаховом кургане 27 августа 1855 г. неизвестного русского генерала. Только им никак не мог быть Д. С. Юферов, поскольку официальные источники и уцелевшие очевидцы свидетельствовали о гибели генерала у подножья Малахова кургана в конце боя за курган, а не в его начале. Однако в 1872 г. группа авторов «Описания обороны г. Севастополя», изданного под руководством генерал-адъютанта Тотлебена, «взяла грех на душу и, переведя часы на 2–3 часа вперед, подкорректировала Мак-Магона. С тех пор и по сей день практически ни одно из исследований по истории обороны и осады Севастополя 1854–1855 гг. не обходится без описания героической гибели генерала Юферова и его солдат на Малаховом кургане.

Вернемся к событиям 27 августа 1855 г., происходившим на Корабельной стороне Севастополя. После неудачных атак генерал-лейтенантов Хрулева и Лисенко на захваченный французами Корниловский бастион, русские солдаты у Малахова кургана «частью разбрелись у домиков, рассыпанных вокруг, частью стояли в нестройных кучах перед горжей и не двигались ни туда, ни сюда [...]».

Что происходило дальше, мы находим в «записках» Н.В. Берга. При изучении приводимых им сведений становится ясно, что Берг узнал о последних попытках вернуть Корниловский бастион от капитан-лейтенанта Ильинского, непосредственного участника событий: «Капитан-лейтенант Ильинский (старший в чине из оставшихся в строю) стал советоваться с окружившими его офицерами [...] – что делать? Решили послать к главнокомандующему и просить войск и начальника. Вдруг со стороны батареи Жерве показался генерал Юферов. Вот нам начальник! Сказали все: „Ваше превосходительство, примите команду!“ – „С большим удовольствием“, – сказал он грустно, очень расстроенный и страдая от полученной незадолго перед тем раны».

Командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии (Севский и Елецкий пехотные полки) генерал-майор Д. С. Юферов командовал частью резерва Корабельной стороны. Было около 2 часов дня, когда посоветовавшись, Ильинский, Юферов и флигель-адъютант гвардии ротмистр П. А. Воейков решили поступить следующим образом: собрав солдат, Юферов поведет их в атаку с горжи, Воейков – от батареи Жерве, Ильинский же атакует от куртины 2-го бастиона. Не доехав до куртины, Ильинский услышал, что Юферов убит. Прошло всего несколько минут, как они расстались.

Трудно представить, чтобы за столь короткое время генерал Юферов собрал солдат, преодолел расстояние до горжи под огнем засевших за траверсами алжирских стрелков, ворвался в горжу и погиб в углу бастиона, окруженный зуавами, отбиваясь до последнего саблей и отказываясь сдаваться.

Но именно так описывают смерть Дмитрия Семеновича в своих трудах Тотлебен, Богданович и Дубровин.

Совершенно непонятно, как тело «умирающего генерала с пулей в груди» оказалось в Павловской батарее, если указанные авторы утверждали, что все солдаты Юферова погибли вместе с генералом, и вынести его из бастиона было просто некому.

Нисколько не умаляя героизм и мужество Юферова, замечу, что он был смертельно ранен на подходе к горже, как были ранены до него генералы Хрулев и Лисенко. От Павловской батареи умирающего Юферова на лодке переправил на Северную ординарец Хрулева Петр Степанов, где генерал вскоре умер и был похоронен «близ бухты».

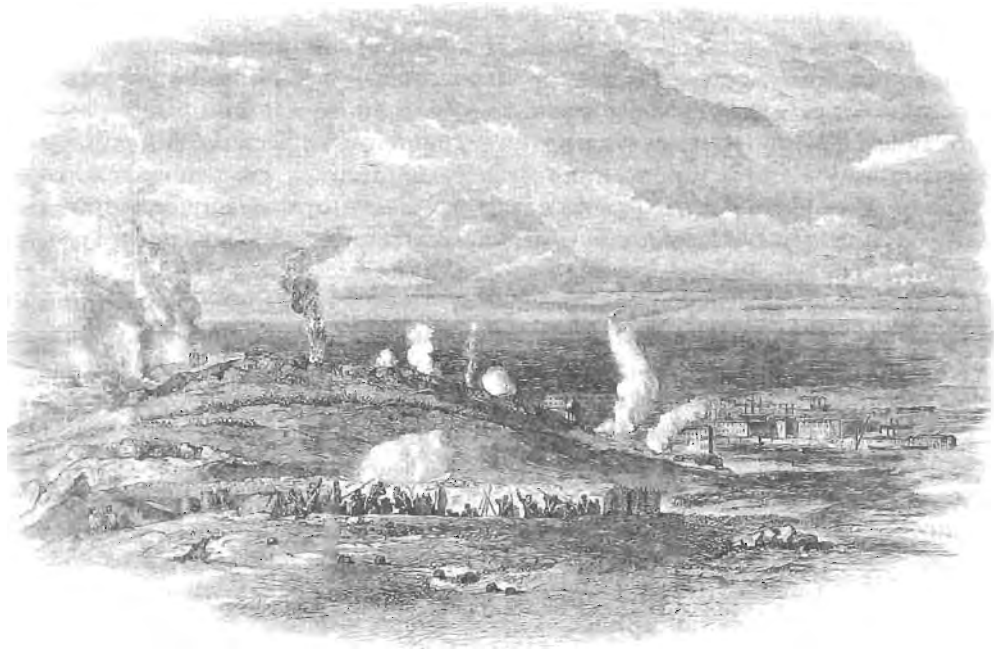
Так кто же был тот неизвестный генерал из рассказа Мак-Магона? По официальным данным, при штурме Малахова кургана на самом кургане в начале боя погиб только один генерал – начальник войск 4-го отделения оборонительной линии командир 2-й бригады 15-й резервной пехотной дивизии генерал-майор В.Х. фон Буссау. В «Описании обороны г. Севастополя» генерал погибает в начале штурма, в 12 часов дня. Участник боя на кургане, последний командир Корниловского бастиона П.А. Карпов, свидетельствовал, что ополченцы, видя генерала без прикрытия, «окружили его и отбивались камнями до тех пор, пока генерал-майор Буссау не был убит». И наконец Николай Берг на основе опроса очевидцев нарисовал следующую картину: «[...] Шагах в 15-ти от башни показался генерал Буссау с маленькой шкапулкой в руках, окруженный кучкой ополченцев (человек 12), побросавших ружья и взявшихся за палки и топоры, Буссау был совершенно безоружен и кидал в неприятеля камнями [...], вдруг пуля ударила ему в грудь и он упал».

Ординарец начальника войск Корабельной стороны генерала Хрулева Петр Степанов сделал в своем дневнике следующую запись, датированную 27 августа 1855: «[...] Все офицеры на нем (Малаховом кургане) перебиты или взяты в плен, Буссау израненный умер «на Камчатке». Имеется в виду Камчатский люнет, куда отводили с кургана русских пленных.

Как видно из приведенных выше свидетельств, генерал Буссау погиб безоружным в окружении курских ополченцев и солдат, предпочтя смерть плену. Генерал же из рассказа Мак-Магона «рубился до последнего» саблей. Или французские солдаты, оправдывая убийство безоружного, «вооружили» Буссау саблей, или существовал еще один, неизвестный нам генерал.

Напомню вопрос Мак-Магона, заданный Алабину с товарищами: «Как фамилия этого генерала или офицера? Но наши солдаты утверждали, что это точно был генерал». Конечно, французские солдаты могли просто перепутать звание погибшего, либо сознательно исказить его, для того чтобы придать своим подвигам большую значимость. Тогда героем рассказа французского генерала мог быть кто-то из русских штаб-офицеров, погибших в этот день на кургане. К тому же, генералы в отличие от офицеров, были вооружены шпагами, а не саблями.

Когда в начале штурма кургана 1-й полк зуавов и 7-й линейный, преодолев без выстрелов бруствер, оказались внутри укрепления, им навстречу бросились солдаты Модлинского резервного пехотного полка во главе с полковым командиром полковником Н.А. Аршеневским и командиром батальона майором А.А. Кованько. Оба офицера вскоре пали в рукопашной схватке, «являя своим подчиненным пример геройского самоотвержения». В этот же день пропал без вести на Малаховом кургане исполнявший должность дивизионного квартирмейстера 4-й пехотной дивизии, штабс-капитан Генерального штаба Н.А. Бельшев. Выпускники Академии Генштаба имели особую форму с аксельбантами из золотого жгута, и французские солдаты могли принять его за генерала. В пользу этой, может быть не самой эффектной версии, говорит примечание, которое сделал на страницах своих записок о Восточной войне П.К. Меньков. Дело в том, что полковник Меньков вел «Журнал боевых действий»

В английских траншеях перед Третьим бастионом. Английский рисунок из "The Illustrated London News".

и как никто другой обладал самой подробной информацией обо всем, что делалось в осажденном городе. Так вот, давая описание штурма Севастополя 27 августа 1855 г. он сделал сноску в подстрочник: «Модлинского полка майор Кованько был глубокий малоросс — отменно brave офицер, павший 27 августа при штурме Малахова кургана. Французы, ворвавшиеся на бастион, окружили майора и требовали сдачи... «Нехай меня сгубят, а жив не дамся!», — крикнул Кованько и погиб на французских штыках».

Генерал Буссау, полковник Аршеневский, майор Кованько, штабс-капитан Бельшев... Кто бы из них ни был героем загадки Патриса Мак-Магона — ясно одно — этот человек был российским солдатом, презревшим смерть, и скорее всего он лежит в братской могиле русских и французских воинов, павших на Малаховом кургане в Севастополе 27 августа (8 сентября) 1855 г.⁷¹⁴

Когда французы овладели орудиями слева от оборонительной башни и оттеснили находившиеся там две роты Прагского полка, полковник Фрейнд, собрав несколько своих рот, атаковал неприятеля и выбил его с батареи; но сам был смертельно ранен.⁷¹⁵ Генерал Мак-Магон поддержал свои передовые войска 20-м и 27-м линейными полками, которые ворвались на батарею, вновь оттеснили Прагские роты и снова заняли Корниловский бастион. Прагский полк отошел назад, соединившись с

⁷¹⁴ Ляшук П. Загадка генерала Мак-Магона. Эпизод из обороны Севастополя 1854–1855 гг. // Military Крым. №4. Симферополь, 2006 г. С. 26–28

⁷¹⁵ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

ротами Модлинского полка. Едва это произошло, как русские пехотинцы попали под ураганный ружейный огонь из-за траверсов и из блиндажей, частью с бруствера левого фаса. Вынужден был начать отступление и Замостский полк. Русские продолжали защищать позиции «... стреляя из-за горжи ретраншаменты и сражаясь врукопашную на последней площадке перед горжею».⁷¹⁶

Спустя час французская пехота прочно закрепилась на всех позициях Корниловского бастиона. Взятые укрепления быстро зачистили от последних защитников, которые частью были убиты, частью взяты в плен и отправлены под конвоем на служивший местом сбора военнопленных Камчатский люнет. Однако борьба еще не была окончена.

Часть защитников отошла, но оставшиеся, «...которые не успели отступить к ретраншаменту, ушли в блиндажи, завалили входы всем, что попало под руку, и били оттуда в упор неприятелей».⁷¹⁷

Наиболее известен подвиг 30 солдат Модлинского полка с тремя офицерами: поручиком Юнием, подпоручиками Данильченком и Богдзевичем, и двумя кондукторами морской артиллерии Дубининым и Венецким. Эти бесстрашные люди, будучи оставлены для охранения пороха и снарядов в башне, завалили отверстие в нее ведущее — каменную арку, турами и фашинами и очищая меткими выстрелами сквозь ружейные бойницы площадку за башнею, продолжали вести бой.⁷¹⁸

Но как бы ни были готовы русские к встрече неприятеля, тщательное планирование удара союзниками принесло свои плоды — он был внезапным и неожиданным. Часто исследователи и участники считают, что его начало было просто «проспанным». Подтверждение тому можно обнаружить в записках Липранди. Павел Петрович Липранди, единственный из русских командующих имевший успех в сражении на Черной речке, к 27 августа был возвращен на Мекензиевы высоты и до дня штурма крепости оставался «...праздным зрителем овладения неприятелем севастопольскими укреплениями».⁷¹⁹ В этот день он по своему обыкновению поднялся на расположенный рядом с биваком курган, называемый «вышкой», и начал осматривать панораму местности. Ему были отлично видны весь неприятельский лагерь и осадные работы, ведущиеся у севастопольских укреплений.⁷²⁰ «Усиленное бомбардирование севастопольских укреплений, произведенное неприятелем в предшествующие дни, давало Павлу Петровичу как бы предчувствовать, что союзники после такой бомбардировки намерены что-либо предпринять. Не спав всю ночь, предшествовавшую последнему штурму Севастополя, он в пять часов утра был уже на вышке. Всмотреваясь в неприятельское расположение, он при рассвете заметил общую суматоху во всех частях войск и скоро после того половина армии встала в ружье и стала двигаться. Павел Петрович тотчас же послал своего адъютанта Талызина с этим известием к начальнику главного штаба армии. Последний не верил сообщению и хотя отвечал, что этого быть не может, что погода сырая, что в такой день штурма быть не может, что такие движения неприятель производит каждый день и проч., но тем не менее спросил по телеграфу в Сева-

⁷¹⁶ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷¹⁷ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷¹⁸ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷¹⁹ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография)//Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 333–334

⁷²⁰ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография)//Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 334

стополь: не замечается ли чего-нибудь у неприятеля? И получил в ответ: „ничего не замечается“». ⁷²¹

Что генерал Липранди не заблуждался, мы можем найти и у противника. Например, у Шарля Боше в «Крымских письмах»: «С самого раннего утра большинство находилось в траншеях. Чтобы не разбудить врага, мы воспользовались полумраком утренней зари». ⁷²²

Последовавшее затем — почти анекдотично, но последствия не были веселыми. Естественно, что не видя того что открылось взору генерала Липранди, начальник штаба отправил Талызина назад со словами: «Павел Петрович, конечно, все это видел во сне». ⁷²³

Сон быстро стал явью. Едва первые части союзников в полной боевой экипировке скрылись в траншеях, поднялась вторая половина союзной армии. Действие повторилось. Липранди отправил поспешно с этим новым известием штабс-капитана гвардейского генерального штаба Веймарна, «...но и это известие в глазах начальника главного штаба имело одинаковый же исход, что и известие привезенное Талызиным. Не было даже дано знать на Малахов курган, от которого неприятельская траншея находилась лишь в нескольких шагах, так что неприятель совершенно неожиданно ворвался в укрепление». ⁷²⁴

Французы готовились к последнему акту растянувшейся почти на год драмы. Всё было направлено к одному — сегодня город должен пасть! Солдаты и офицеры, понимая торжественность момента, готовились к нему с ритуальным благоговением: «На следующий день каждый готовился к бою так, будто должен был идти на смотр. Я нигде не отмечал на лицах малейших следов беспокойства. Нужно также сказать, что мы были весьма рады с этим покончить во что бы то ни стало. Испытанные страдания, впрочем, лишь закалили нас перед этим последним и торжественным испытанием. У меня было время написать два письма, передающих вам мои приветы в момент, когда мы, не без сожалений, думаем о вечной разлуке и готовимся к ней». ⁷²⁵

И солдаты, и офицеры, и генералы прощались друг с другом, отдавали последние распоряжения на случай своей гибели. Остальное идет своим чередом: «Завтрак, в котором, следуя моим привычкам, я принимаю мало участия, был приготовлен как обычно. Он не был ни веселее, ни грустнее. Мой брат Альфред, проходя мимо нас со своими солдатами, спокойно отправляющимися в траншеи, оторвался от них, чтобы обнять нас...». ⁷²⁶

Лейтенант Варэнь из 39-го линейного полка за сутки узнал о приближении решающего штурма: «7-го сентября, когда я выходил из штаба дивизии, меня задержал заместитель начальника штаба полковник Кольсон. Это был бывший соученик моего брата Жюля по лицею города Нанси. Он сообщил мне по секрету, что очередной штурм назначен на следующий день. Часть ночи я провел за написанием писем, самое длинное из которых было предназначено моим родителям на случай моей возможной смерти. С раннего утра я отправился в госпиталь навестить Гремийе. Я пообещал

⁷²¹ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 334

⁷²² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷²³ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 334

⁷²⁴ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография) // Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 334–335

⁷²⁵ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 89

⁷²⁶ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 89

сообщить ему важную новость при условии, что он в дальнейшем сделает вид, что ничего не слышал. Получив обещание и сообщив ему о штурме, я передал Гремийе свои письма на случай, если погибну. В отчаянии, храбрый юноша порывался немедленно вернуться в часть, но я напомнил ему о его обещании, и он был вынужден смириться с участью хранителя моих писем».⁷²⁷

При движении к русским позициям французские батальоны находились под обстрелом русских стрелков, свидетельствующих о том, что далеко не все защитники Севастополя деморализованы и сопротивление будет минимальным. Некоторые из неприятельских солдат расстались жизнью, едва дойдя до передовых линий: «За несколько шагов до траншей, шедший рядом со мною сержант Пеше, был смертельно ранен неприятельской пулей».⁷²⁸

Непосредственно перед началом атаки союзные батареи сделали три последних залпа из всех орудий. Не успел рассеяться пороховой дым, как «...густые цепи в несколько линий, поддерживаемые резервами в колоннах, внезапно выскочили из траншей и стремительно бросились на наши верки».⁷²⁹

Артиллерийский обстрел в последние минуты перед штурмом достиг своего апогея за последние две бомбардировки. И это было не просто желанием расстрелять оставшиеся заряды. Усилив огонь, союзники старались заставить защитников крепости отойти от своих батарей, деморализовать их окончательно, давая возможность собственной пехоте с минимальными потерями ворваться на бастионы.

«Необходимая и неизбежная прелюдия всего приступа — наша осадная артиллерия, великолепная как в качестве, так и в количестве — с крайней яростью загрела против города по всей линии одновременно. Речь шла о том, чтобы привести в смятение несчастных защитников и отбросить их как можно дальше от насыпей, которые мы будем штурмовать».⁷³⁰

В определенной степени это удалось. Со стороны русских это выглядело так: «Наши секреты в продолжение ночи доносили о сборе в неприятельских траншеях значительных сил и мы готовились к отражению штурма: орудия были заряжены картечью, банкетты заняты пехотою, резервы поставлены вблизи укреплений. Но прошло несколько часов, и неприятель, не производя штурма, продолжал истреблять наши войска адским огнем, что заставило нас отвести назад резервы, оставя на банкетах и при орудиях только необходимое число людей».⁷³¹

Ровно в 12 часов, в строго установленное время, без дополнительных команд, союзники начали активно действовать против позиций внешнего укрепленного пояса Севастопольской крепости: «...генерал Боске, находящийся в наиболее приближенной к городу со стороны малого редана 6-й параллели, окруженный своим штабом, обнажает шпагу и командует сильным и грозным голосом: „Барабаны и трубы, играть атаку! Друзья мои, вперед! Да здравствует император!“ (Восклициания французов как в крайних опасностях, так и в великих радостях, такие же как „Да здравствует король!“). Этот приказ повторяется одновременно по всей линии, его разносит ветром так же,

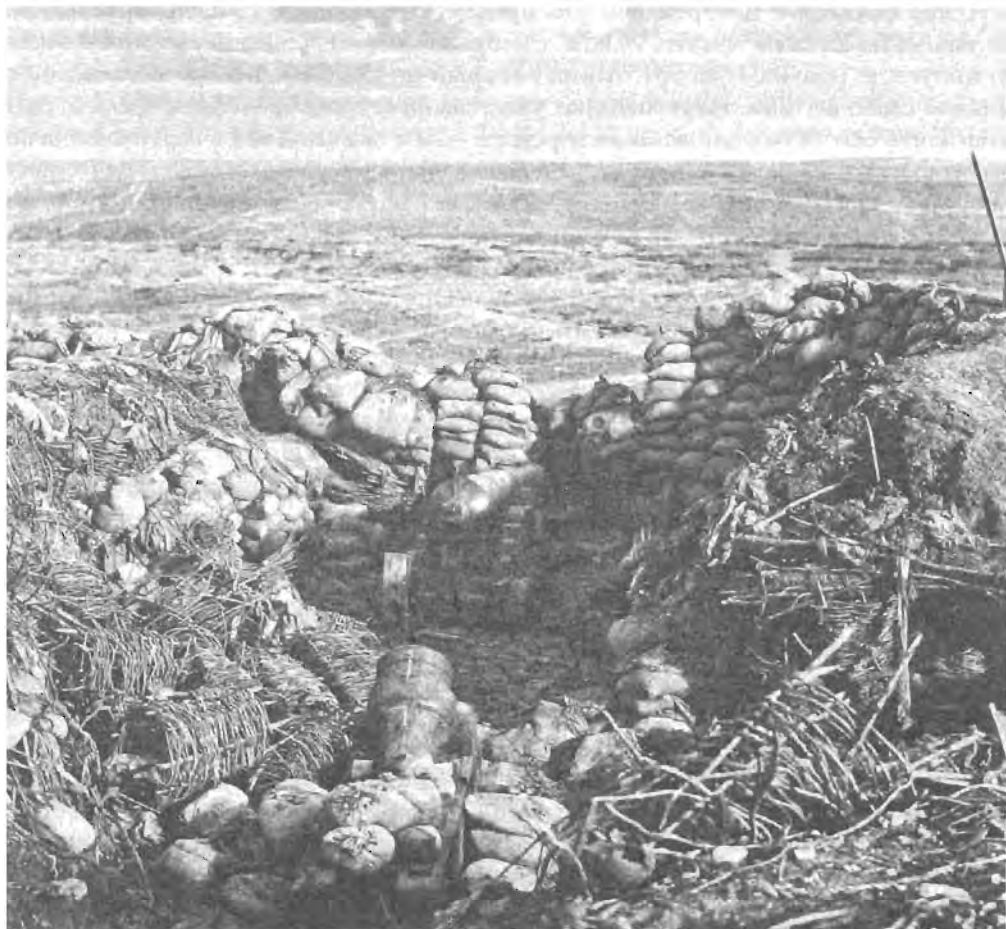
⁷²⁷ Vairaigne, Ernest *Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimee. Temoignage.* Nice 1992 P. 78

⁷²⁹ Vairaigne, Ernest *Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimee. Temoignage.* Nice 1992 P. 78

⁷²⁹ Из бумаг генерала Меншикова о штурме Севастополя // Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947 г., С. 449

⁷³⁰ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷³¹ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

Укрепления Севастополя после оставления русскими войсками. Фотография Дж. Робертсона. 1855 г.

как звуки музыки всех наших фанфар. Войска во главе с офицерами, обнажившими шпаги, выходят одновременно из траншей. Вот знак, торжественный момент! Наиболее кровавые бои, на которых только можно присутствовать, длившиеся весь день, подробности которых будут вам преподнесены личными и официальными докладами. В военном деле такой важности и охватывающем довольно большое пространство — несколько лье — видно только то, что происходит возле тебя, в поле зрения».⁷³²

Казалось, удача сопутствовала неприятелю. Первые линии русских укреплений были взяты почти сразу. Соппротивление было очаговым: «В первые моменты штурма мы поверили, что дело выполнено блестяще и почти закончено так же быстро, как удар молнии; но русские, спрятавшиеся под землей от нашего адского огня, вскоре возобновили оборону; мы едва смогли удержаться на завоеванных позициях со стороны куртины и малого редана».⁷³³

⁷³² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷³³ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

Русские солдаты и матросы еще раз продемонстрировали свои прекрасные боевые качества. Хотя на многих участках неприятель уже «сидел верхом на пушках», это ничуть не повлияло на тот отпор, который он получил. Вскоре положение союзников стало шатким. На некоторых участках французские солдаты были выбиты и спасались бегством в ближайших апрошах: «...мы оказываемся в настоящей огненной буре; на нас сыпался со всех сторон дождь снарядов; будто это был град, уничтожающий колосья в поле. Мертвые и раненые лежали грудками на нашем пути. Мы не знали, что делать: этот прилив и отлив наших солдат, бегущих к нам назад от врагов отбросивших их, — из-за всего этого можно растеряться».⁷³⁴

Ключевая позиция русской обороны пала не сразу. Французам пришлось отражать несколько яростных контратак защитников Севастополя...

РУССКИЕ КОНТРАТАКИ В НАПРАВЛЕНИИ МАЛАХОВА КУРГАНА

После того как Малахов курган был окончательно захвачен французами и очищен от последних оказывавших сопротивление защитников, русские предприняли несколько попыток вернуть его.

Хотя французам и удалось взять очень быстро передовые линии укреплений, прирзак близкой победы внезапно начал ускользать от них. Очнувшись, загрохотала русская артиллерия. Огонь пехоты, пересидевшей наиболее опасное время бомбардировки в укрытиях, а теперь покинувшей их, был открыт с самых близких дистанций. Теперь и неприятель начал нести потери. Одним из первых был ранен генерал Боске. Первые минуты боя именно его спокойствие и распорядительность, с которыми он, сохраняя «...совершенное спокойствие и хладнокровие» отдавал приказы, давали французам удерживать инициативу за собой.⁷³⁵ Вскоре осколок разорвавшейся позади его штаба гранаты вошел ему в правый бок. Немного постояв, генерал побледнел и упал на руки своего адъютанта Боше.⁷³⁶ Это ранение не дало генералу долгой жизни, став причиной его ранней смерти в 1861 г. Первое чувство, охватившее его штаб — был шок. Все понимали, насколько зависело взятие крепости от умелого командования, бывшее в руках столь умного и расчетливого военачальника, которым проявил себя в Крыму Боске. И он сделал все, чтобы сохранить управляемость ходом боя: «...Какое тяжелое чувство среди нас! Потеря такого командующего может помешать успеху! Смелый раненый был еще в силе справляться обо всем, предупредить генерала Пелисье, находящегося на Зеленом холме, чтобы тот заменил его. И только немного позже, когда силы его вдруг покинули, он позволил унести себя с поля брани».⁷³⁷

Сопровождавший раненого генерала капитан Боше был у ужасе от увиденного на обратном пути к своим линиям. Панорама, где «...мертвые и раненые лежали грудками на нашем пути», сменилась узостью траншей, которые были настолько «...загромождены... мертвыми и ранеными», что по ним можно было передвигаться с большим трудом.⁷³⁸

⁷³⁴ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷³⁵ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷³⁶ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷³⁷ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷³⁸ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

Но было не до сантиментов. Тот кто рисковал выйти наверх, не желая наступать тяжелыми ботинками на тела мертвых и раненых, тут же попадал под дождь пуль и осколков, и мог быстро присоединиться к компании покойников.

Еще недавно крушившая русские позиции союзная артиллерия сама попала под ответный удар. На глазах выносивших Боске офицеров, «...хорошо оснащенная артиллерийская батарея, направленная к городу, была почти уничтожена».⁷³⁹

Если 1-му полку зуавов и 7-му полку линейной пехоты удалось сравнительно легко ворваться на бастион, то 61-й линейный полковника де Таксиса добирался к кургану уже под ураганным огнем русской пехоты и артиллерии. Потери полка были большие. В день штурма полк оставил на склонах Малахова кургана 34 офицера и 286 сержантов и рядовых.

В № 12 за декабрь 1871 г. журнала «Военный сборник» была помещена статья отставного штабс-капитана Люблинского пехотного полка Корвин-Павловского под названием «Записки Севастопольца».⁷⁴⁰ В этой статье автор как очевидец описывает взятие французами Малахова кургана. Появление этой статьи вызвало бурное возмущение среди участников последних боев за крепость, особенно защищавших непосредственно Малахов курган. Корвин-Павловский утверждал, что Малахов курган не был отбит назад немедленно лишь потому, что его рота, находившаяся, якобы, на земляных работах в минных галереях, оказалась заблокированной в них. Притом заблокировал их не противник, а собственные русские солдаты из какого-то неизвестного ему полка, в панике забежавшие в нее, удирая с позиций на кургане, и никакие уговоры и напоминания о воинском долге не могли заставить их покинуть укрытие. По его словам, находившиеся в панике, полностью деморализованные солдаты принадлежали Брянскому генерал-адъютанта князя Горчакова полку, который был незадолго до начала штурма отправлен генералом Хрулевым на бастион из резерва.

Трудно говорить, кто тут прав, а кто нет. Но так или иначе французы быстро укрепились на кургане.

БОЙ ЗА БАТАРЕЮ ЖЕРВЕ

Вторым важным эпизодом борьбы за Севастополь во время его последнего штурма стал бой за батарею Жерве. Для пехотного прикрытия батареи был назначен в первых числах августа Казанский егерский полк, которым временно командовал подполковник Китаев, откомандированный из Костромского полка по случаю ранения полковника Всеволода Густавовича Гасфорта. Основные силы полка были отведены во избежание лишних потерь к Владимирской казарме. На батарее оставались лишь штуцерные под командованием майора Завадского в числе 68 человек. Однако ночью полк выдвинулся к батарее в связи с ожидавшимся нападением союзников. До этого дня штуцерные стрелки всегда выводились по ночам в тыл для промывки засорившихся от непрерывной стрельбы ружей и пополнения запаса патронов. С 25 августа, в предчувствии штурма, эта практика была прекращена. Мера

⁷³⁹ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 90

⁷⁴⁰ Корвин-Павловский Записки Севастопольца // Военный сборник, № 12, 1871 г., СПб., С. 14–34

эта чисто технического характера была, конечно, нужной, но оказалась совершенно несвоевременной.⁷⁴¹

Литтихские штуцера, которыми были оснащены русские стрелки и штуцерные пехотных и егерских полков имели одно свойство, не самое лучшее в условиях позиционной войны. При повышенном расходе патронов, нарезы в них до такой степени освинцовывались и забивались нагаром, что для промывки необходимо было использовать воду (желательно горячую): «Постреляв два дня, штуцера засорились до такой степени, что не было возможности заряжать их; не имея воды на батарее, а при том патронов, по распоряжению командующего полком, я со всей командой в числе 68 человек, 27 числа с рассветом отправился во Владимирскую казарму (вблизи Павловского форта), где находились наши кухни, для промывки штуцеров и за патронами».⁷⁴²

В 11 часов утра к месту расположения штуцерных донесли крики и частая ружейная перестрелка. Когда штуцерные бегом бросились к батарее, было уже поздно. Заняв Корниловский бастион «...1-й стрелковый батальон и 1-й зуавский полк обратились влево и, ударив во фланг батареи Жерве, отгеснили к правой стороне ее егерский Его Имп. Высочества Михаила Николаевича (Казанский) полк. Командир полка полковник Китаев был ранен и многие офицеры перебиты».⁷⁴³ Казанский полк отходил от позиции, вынося раненых. Остатки полка укрылись за оборонительной стенкой за морским госпиталем. Здесь же находился раненый подполковник Китаев. Возле него был и один из командиров батальонов майор Дембинский. Потеряны были почти все командиры рот.

Французы в это время уже находились на батарее. Они суетились возле орудий, догоняли и брали в плен оставших солдат пехоты и артиллерийской прислуги, не успевших оставить позиции.⁷⁴⁴

Появление более чем полусотни солдат, вооруженных штуцерами и являвшихся, кроме всего прочего, прекрасными стрелками, стало для неприятеля не совсем приятной неожиданностью. Под ливнем пуль французы «...засуетились, скрываясь за орудия, блиндажи, старые туры и т.п.».⁷⁴⁵ Командир 3-й егерской роты штабс-капитан Гинглят (единственный из оставшихся невредимым ротных командиров) привел в порядок остатки полка и принял решение отбить утраченную батарею. Практически это было сделано силами команды штуцерных, которые, примкнув кортики, в течение пяти минут выбили французов. По ходу атаки к ней присоединялись остальные офицеры и солдаты Казанского егерского полка. За эти действия штабс-капитан князь Гинглят был впоследствии награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

Противник, явно не ожидавший столь активного противодействия, не принял боя и отошел за банк. Однако, как только французское командование поняло, что бата-

⁷⁴¹ Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С.38–39

⁷⁴² Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С.39

⁷⁴³ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷⁴⁴ Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С.39

⁷⁴⁵ Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С.40

рея Жерве снова в руках русских, оно не стало готовить повторной атаки, понимая, что она будет сопряжена с никому не нужными потерями. Вместо этого территория батареи подверглась активному обстрелу из стрелкового оружия со стороны Малахова кургана и банкета. Очевидцы называют этот огонь «убийственным».⁷¹⁶

Зная, что ключевая позиция в их руках, французы понимали, что рано или поздно русские оставят и близлежащие позиции. Потому они стремились выдавить их оттуда ружейным огнем. Кроме того, этим они не давали артиллеристам вернуться к своим орудиям. Хотя, судя по русским описаниям, орудийные расчеты батареи Жерве к моменту отбития позиций были в большей части перебиты, взяты в плен или просто рассеяны. Кроме того, атаковать батарею, равно как и другие пункты, считалось не нужным, так как все действия на всех направлениях, кроме Малахова кургана, считались вспомогательными, и после взятия последнего теряли всякий смысл.⁷¹⁷

Отойдя на вторую линию, казанцы продолжали удерживать батарею. В этом им помогли своевремененно подошедшие на Корабельную сторону, направленные туда начальником гарнизона с Городской стороны Костромской и Галицкий егерские полки, «...которые, располагаясь за второю линией, правее Малахова кургана, вместе с Казанским полком остановили неприятеля».⁷¹⁸

Казанцы понесли большие потери. Были убиты поручик Степанов, прапорщик Кедров. Из всей команды штурцнерных не были ранены лишь трое (штурцнерные Чернов, Шорохов и Чеснович).⁷¹⁹

В 4 часа к егерям на батарею прибыл адъютант главнокомандующего с приказом «...удерживать батарею до 7-ми часов вечера, а тогда отступать по траншее на батарею Будищева (3-го бастиона), откуда, оставаясь в арьергарде, отступить на северную сторону».⁷²⁰

Окрыленные успехом казанцы не поверили присланному офицеру. Князь Гинглат отправил вместе с адъютантом прапорщика Степового для подтверждения полученного приказа. Последний вскоре прибыл, приведя с собой две роты Курского ополчения, и подтвердил услышанное ранее. «К вечеру огонь со стороны неприятеля утих, и мы в назначенное время отступили благополучно; французы нас не преследовали; затем, оставаясь в арьергарде, из Корабельной отступили последними».⁷²¹

БОЙ ЗА 2-Й БАСТИОН

Это – третий из главных эпизодов борьбы за Севастополь и он мало чем отличался от происходившего на главном пункте российской обороны: «Ровно в полдень дивизи-

⁷¹⁶ Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 40

⁷¹⁷ Varaigne, Ernest Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimee. Temoignage. Nice 1992 P.79

⁷¹⁸ Богданович М.И. Восточная война (1853-1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷¹⁹ Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 40

⁷²⁰ Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С.40–41

⁷²¹ Казанский полк при штурме 27-го августа//Сборник рукописей представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., С. 41

зия Дюлака в составе 12-ти батальонов, числом до 5000 человек, двинулась на штурм 2-го бастиона. Впереди шла бригада Сен-Поля».⁷⁵²

Повторялось в точности произошедшее на Малаховом кургане. Личный состав был отведен с бастиона для отдыха и приема пищи, «...нижние чины, истомленные продолжительным ожиданием штурма, сойдя с банкетов и, укрывшись по возможности от сильной канонады, ели кашу».⁷⁵³

Генерал Сабашинский в это время, говорил с капитаном генерального штаба Черняевым, присланным на 5-е отделение генералом Хрулевым с предложением сменить 4-ю дивизию 8-ю дивизию, чтобы дать последней сколько-нибудь отдыха. Сабашинский отказался от предложения и сказал Черняеву: «Ни за что не расстанусь с моею 8-ю дивизией, давайте лучше закусим».⁷⁵⁴

В это время раздался сигнал тревоги и почти одновременно с ним французские пехотинцы броском преодолев «... шагов 30 или 40, перескочили ров, почти совершенно засыпанный, мгновенно ворвались в бастион и опрокинули бежавшие враспынную им на встречу Олонецкие батальоны».⁷⁵⁵

Бригадный генерал Сен-Поль практически не закрепившись на батарее, начал преследовать остатки Олонецкого полка, уходившие в Ушакову балку. Неприятель почти достиг батареи Генериха. Но вновь сработала способность русской пехоты в критические моменты действовать с отчаянной самоотверженностью: «В эту самую минуту, заведовавший инженерными работами на 5-м отделении 3-го саперного батальона капитан Лебедев, собрав остатки Олонецких батальонов и несколько саперов, атаковал Французов. Майор Ярошевич с батальоном Белозерского полка и сам генерал Сабашинский, взяв из резерва батальон Кременчугского полка майора Ваггаузена, ударили на неприятеля, который между тем, успев заклепать ближайшие орудия, покушался остановить наши войска, но был выбит из бастиона, потеряв до полутораста человек убитыми и ранеными и несколько офицеров пленными: в числе убитых находились полковники Дюпюи и Жавель и начальник штаба 4-й дивизии, подполковник Маньян. С нашей стороны тяжело ранены: майоры Ярошевич и Ваггаузен и капитан Лебедев».⁷⁵⁶

ПЕРВАЯ АНГЛИЙСКАЯ АТАКА: ОЧЕРЕДНОЙ ПРОВАЛ

Английская пехота изготовилась к атаке третьего бастиона примерно к 5 часам утра, когда штурмовые отряды первой линии, состоявшие в основном из рот Легкой и 2-й дивизий, заняли свои места в ближайших к русским позициям параллелях. Солдатам было приказано быть налегке. Никаких продуктов, никаких ранцев и другого имущества. Все это относилось к категории лишнего. Красный мундир, фуражная шапка, фляга с водой, ружье, штык и увеличенный запас патронов. Дополнительный боекомплект помещали в сухарные сумки. «Большой редан» возвышался в нескольких сотнях метров, воскрешая в памяти большинства английских солдат

⁷⁵² Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷⁵³ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷⁵⁴ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷⁵⁵ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

⁷⁵⁶ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

трагические события недавнего летнего штурма. Все повторялось. От неприятеля их отделяли не более 250 метров. Опытным британским пехотинцами было ясно, с каким яростным сопротивлением придется столкнуться. Сержант Тимоти Гоунг очень хорошо передал ощущения солдат: «Часов до пяти утра я отдыхал; затем людей подняли по тревоге, и больше поспать не удалось. В то утро я написал еще несколько писем к родным тех несчастных, что выбыли из строя — многие навсегда — еще до рассвета».⁷⁵⁷ Действительно, многие из тех, кому предстояло пройти через эти две сотни метров, понимали, что этот путь может стать их дорогой к Всевышнему. Мысленно они готовили себя к этому: «Да, сегодня погибнут тысячи (а мы, по слухам, окажемся в самой гуще боя), но это будет великий день. Да охранит меня рука Господня — Его заботам вверяю я свою судьбу. Признаюсь честно, какой-то тихий внутренний голос пророчит мне смерть — и, если так и случится, надеюсь встретиться с вами в лучшем из миров, где нет места войнам. Мне нечего больше сказать — будь что будет. Уверен, я до конца исполню свой долг перед Родиной и Королевой. В какой-то мере я даже рад, что этот день настал: мы ждали его долгие месяцы, а теперь еще до восхода солнца (сейчас оно только показалось из-за горизонта) Севастополь будет в наших руках...»⁷⁵⁸

«Львиная доля солдат спокойно готовилась к смерти. В ночь на седьмое сентября сотни становились перед строем и в горячей молитве препоручали себя Господней милости, в то время как другие пели гимн. Таковы были храбрецы, штурмовавшие Севастополь».⁷⁵⁹

С рассветом пехотинцы начали готовиться к атаке: «Всем, кто был в строю, выдали по чарке рому и двойной паек. Среди нас было немало новобранцев, не имевших ни малейшего представления о предстоявших испытаниях; но были и другие, знавшие это слишком хорошо после почти двенадцати месяцев ожесточенных стычек с врагом, и врагом не из слабых. Теперь мы снова должны были столкнуться с ним лицом к лицу. Отстаивая Севастополь, русские заслужили звание храбрейших из храбрых — ни их царю, ни русскому народу не пришлось пожалеть о выборе защитников крепости».⁷⁶⁰

Несколько часов томительного ожидания, во время которых шла яростная схватка слева и справа от английских позиций. Наконец французам удалось окончательно закрепиться на Малаховом кургане. Пришло время английской пехоте поддержать успех союзников.

Гоунг отмечает, что английская артиллерия поддерживала пехоту вплоть до самого момента штурма, стремясь расчистить ей путь: «Без пятнадцати двенадцать часть наших орудий открыла огонь по заграждению из рогатин, так помешавшему нам 18-го июня, и разнесла его в щепы».⁷⁶¹

Однако память о недавней июньской неудаче надолго поселилась в душах британских солдат: «Многие сомневались в успехе предприятия, но никто не рискнул озвучить эти сомнения. Нам явно недоставало людей для штурма столь внушительного укрепления как Редан; к тому же, большая часть штурмовых колонн состояла из мо-

⁷⁵⁷ Гоунг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

⁷⁵⁸ Гоунг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

⁷⁵⁹ Гоунг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

⁷⁶⁰ Гоунг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

⁷⁶¹ Гоунг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

лодых и неопытных новобранцев. Но, как сказал один старый вояка, «нам оставалось только умереть». Уцелеть в таких условиях казалось невозможным — то и дело прибывали партии новобранцев для восполнения потерь. Многим из них не было и семнадцати, а срок службы большинства не превышал пары месяцев».⁷⁶²

Кадровый вопрос действительно ставил под сомнение успех англичан, тем более, что дело им предстояло сложное: «...среди нас было много новобранцев... храбрости им было не занимать, но нам ведь предстояла работа, какую не всякий выдюжит. Будь с нами те, кто погиб в последнюю зиму по халатности руководства, и русским пришлось бы похуже, чем под Альмой и Инкерманом».⁷⁶³

Это, кстати, развенчивает еще один миф Крымской войны. Британские солдаты, особенно последних прибывших в Крым партий, не были «грозными колонизаторами с огромным опытом заморских экспедиций». В своем большинстве это были совсем молодые люди, без всякого военного опыта. Многих из них загнали в ряды английской армии только крайняя нужда и тяжелые условия жизни.

Вскоре ожидание сменилось действием — штурмовые колонны английской пехоты рванулись вперед. Как и ожидалось, две с половиной сотни метров оказались усыпанными не розами, а телами убитых и раненых британских пехотинцев, хотя казалось, на сей раз они были близки к успеху: «...В двенадцать с минутами наши люди покинули пятую параллель. Тут же заработали ружья, и менее чем в пять минут, нужных чтобы преодолеть 230 ярдов от ближайшего апроша до парапета Редана, наши потеряли многих офицеров и лишились всех командиров.... Стрелки, как обычно, держались молодцом, но со своих позиций мало что могли сделать для подавления пушек на флангах и под входящими углами. Когда они подошли ближе к выступу, вражеский огонь сделался менее смертоносен. Они без труда преодолели засеку. Наши ядра разнесли ее вдребезги и люди легко перешагивали ее и проходили в проломы. Легкая дивизия устремилась прямо к выступающему углу Редана и достигла рва, имевшего в этом месте глубину около 15 футов. Люди, ведомые офицерами, прыгнули в ров, вскарабкались на противоположную сторону и почти без сопротивления преодолели парапет».⁷⁶⁴

Одним из первых шел 77-й полк. 160 человек он выделил в лестничный отряд и 200 в штурмовой, первому, под командой майора Уэлсфорда, было приказано выдвинуться на передовую параллель, а второму, под командой полковника Хэндкока, — находиться на пятой параллели. По сигналу с Малахова солдатам предстояло покинуть траншеи. Им должны были предшествовать 100 человек из Стрелковой бригады, а также саперы и минеры, чтобы разрушить засеку. За ними шли 160 человек из 3-го полка, также с 20 лестницами. Штурмовой отряд должен был следовать за лестницами. В двенадцать с минутами майор Уэлсфорд, увидев сигнал на Малаховом кургане, дал приказ: «Лестницы вперед!». Его люди рванулись из параллели к выступу 3-го батальона. Одновременно параллель покинул полковник Хэндкок со своим штурмовым отрядом, который составляли 200 человек из 97-го полка и 100 из 90-го.

Лестницы установили не без труда, зато в бастион вошли почти беспрепятственно. Русские, немного отойдя, повели плотный огонь по людям, карабкавшимся через парапет и в амбразуры. Много англичан было убито, а оставшимся невредимыми уже

⁷⁶² Гоунг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

⁷⁶³ Гоунг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

⁷⁶⁴ Рассел, Уильям Ховард. Британская экспедиция в Крым. Том 2. М., 2014 г. С. 845–846

не хватило сил преодолеть открытое пространство между выступом и траверсами. Умело «взяв» англичан в два огня (прямой и фланговый), русские все беспощадней косили их ряды.

Были выбиты почти все офицеры. Командир штурмового отряда был сражен пулей на входе в амбразуру, капитан Сибторп получил два ранения, лейтенант Фитцджеральд и младший лейтенант Хилл также были ранены, подполковник Хэндкок получил смертельную рану внутри бастиона. Капитан Ламли, застреливший на выступе двух русских, был тяжело ранен. Лейтенант Гудэнаф получил ранения, от которых скоро скончался. И это только первая часть длинного мартиролога. Из 13 офицеров, занятых в деле, 97-й полк потерял 5 убитыми и 6 ранеными. Из нижних чинов из строя выбыли 201 человек из 360.

Отряды 3-го и 41-го полков полезли в амбразуры немедленно вслед за отрядами 97-го и 90-го, но тут русские нанесли удар, загнав англичан в угол, а затем «выбросив» их через парапет на внешний склон, где плотным строем стояли отряды разных полков Легкой и 2-й дивизии и вели огонь по бастиону, пока не кончились патроны. Отправленные боеприпасы им тылом частей частью не дошли, частью были расстреляны в самое короткое время без видимого успеха.

Через полтора часа русские очистили бастион, но еще не взяли обратно парапетов. Тогда они пошли в штыковую, прикрыв ее сильным огнем стрелков. Англичане были отброшены, оставшиеся в живых попадали в ров. Некоторые, решив, что все потеряно, укрывались в пятую параллель.

АТАКА ВТОРОЙ ЛИНИИ: КАТАСТРОФА

Отряд 30-го полка первым поднялся из пятой параллели и побежал к выступу Редана, где понес жестокие потери: «...Пришел наш черед. Долгие месяцы ждали мы этого дня, ждали с нетерпением; нам предстояло тяжелое испытание. Как только французский флаг показался над Малаховым, наши штурмовики под командой полковника Виндхэма рванулись вперед — вначале 300 человек 90-го полка Легкой дивизии, столько же из 97-го и около 400 из 2-го батальона стрелковой бригады; затем несколько отрядов Второй и Легкой дивизий и матросы с осадными лестницами. Уроженец Норфолка, Уиндхам, вел нас к победе, и вел превосходно — „За мной, ребята, я покажу дорогу!“».⁷⁶⁵

Людей поднял в атаку (или по крайней мере первым выскочил из окопов) некий рядовой по фамилии О'Брайен. Но долго быть героем ему не удалось — пуля свалила его, когда он пересекал ров. Капитан Роулэндз из 41-го полка с горсткой людей

Английские раненые в госпитале в Челси читают сообщение о взятии Севастополя. Английский рисунок. 1855 г.

⁷⁶⁵ Гоунг Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 7. 2007 г. Симферополь, С. 13–16

предпринял отважную попытку махом пересечь открытое пространство, но большая часть его солдат была убита или ранена, и ему пришлось отойти. Лейтенант Уайтхэд, капитан Сибторп, лейтенанты Браун и Фитцджеральд находились в укреплении с полковником Ли, пока у входящего угла не осталось всего трое рядовых, после чего они все вместе отступили. Как только голова штурмового отряда Легкой дивизии проникла в укрепление, справа в Редан вошел полковник Уиндхем со 2-й дивизией. Он подошел под выступающий угол на левом от русских фасы Редана, но, несмотря на все усилия, преуспел немногим больше, чем славные офицеры 90-го, 97-го и тыловых полков.

Штурмовые колонны 2-й дивизии покинули пятую параллель и ринулись на штурм сразу вслед за Легкой. Однако на подходе к выступающему углу полковник Уиндхем взял несколько в сторону и подвел людей к правому флангу Легкой дивизии, так чтобы оказаться чуть ниже на скате левого фаса Редана. Здесь их тоже остановил шквальный огонь с бастиона. Уиндхему не оставалось ничего лучшего, как оставить своих солдат под огнем и броситься за подкреплением. Современники оценивали эти его действия неоднозначно, а собственные солдаты и вовсе не могли простить ему того, что он бросил их, уехав за подкреплением. Хотя день закончился неудачей, Уиндхем заслужил благодарности за свои действия в бою от главнокомандующего английскими войсками в Крыму генерала Джеймса Симпсона. Уиндхем оказался единственным английским офицером, которому удалось не только дойти до русских позиций, но и ворваться в батарею. Правда один французский офицер намекнул о сомнениях в истинной доблести англичанина. Потерпев неудачу в первые минуты атаки, не сумев организовать своих людей, Уиндхем оставил их под огнем за траверсами у русской батареи и вернулся назад, потребовать у Кодрингтона поддержки. Сделал он это в некорректной форме, как утверждали очевидцы, — предельно грубо орал на генерала, не сильно сдерживаясь в выражениях, несвойственных джентльмену и офицеру.

В Англии описание штурма, написанное детально корреспондентом "The Times" Расселом, вызвало небывалый энтузиазм. Поведение Уиндхема оказалось единственным утешением национальному самолюбию, он быстро стал всеобщим любимцем, «Героем Редана» и на какое-то время самым популярным человеком в стране. 2 октября 1855 г. он, минуя чин бригадного генерала, повышается в звании до генерал-майора, назначается командиром 4-й дивизии и комендантом английского сектора взятых Севастополя. Еще через небольшое время становится начальником штаба у Кодрингтона, сменившего на посту главнокомандующего отправленного в отставку Симпсона. На этой должности Уиндхем вновь показывает свои способности эффективно выполнять задачи. После войны он написал книгу «Крымский дневник», где подробно описал события кампании. Текст книги редактировал Рассел, с которым у Уиндхема сложились дружеские отношения.

Вернемся на поле боя, где батальоны второй линии устремились на помощь своим товарищам, уже дравшимся на бастионе, но державшимся там из последних сил. В их числе шел Тимоти Гоуинг: «Под громкое британское „ура“ мы продвигались вперед, хоть противник и открыл ужасный огонь, осыпая нас градом пуль и картечи; залпы эти косили нас целыми ротами. Мы, группа поддержки, прикрывали наступающих с тыла, но хватило бы и взгляда, чтобы понять, что перед вами уже не те хладнокровные, сдержанные герои Альмы и Инкермана; впрочем, кое-кто из ветеранов и здесь пытался сохранить хорошую мину при плохой игре. Счастлив заметить, что

ветераны Инкермана отнеслись к происходящему с величайшим хладнокровием; некоторые из них курили трубки, и я в том числе.

Храбрый молодой офицер мистер Кольт признался мне, что дорого дал бы хоть за часть этого хладнокровия — то был его первый день под обстрелом. Он был бледен как смерть и трясся как осиновый лист, но смело встречал врага лицом к лицу. Бедный мальчик (он ведь был очень молод) просил меня не оставлять его; он погиб на подступах к Редану». ⁷⁶⁶

Те, кому повезло не быть сраженным картечной или ружейной пулей, добежали до брустверов третьего бастиона: «Мы атаковали во фронт. Приблизившись как можно быстрее к передней траншее, мы перемахнули через парапет и бросились на окровавленные стены Редана, преодолев двести ярдов под убийственным дождем пуль и картечи. Пробежать эти двести метров невредимым казалось чудом. Бедные наши парни падали друг на друга, но только смерть могла остановить атакующих. Пули сыпались на нас градом, картечь рвала на части; помимо фронтального огня, русские открыли еще и перекрестный. Казалось, мы попали в самое пекло, но я, как ни странно, не получил на подступах к Редану ни царапины». ⁷⁶⁷

Однако, просто дойти до укрепления невредимым было мало — требовалось еще и уцелеть перед ним: «Стоя на краю рва, я прикинул, как бы лучше спуститься. Ров был глубиной футов двадцать, на дне его грудями лежали наши солдаты, убитые и раненые, штыки их нацелились вверх. Но решение пришло само собой — кто-то из наших со звонким „ура“ ринулся вниз, а за ним, сломя голову, посыпались и мы. Возбравшись как можно скорее по противоположному склону, мы истоиво, по-английски, бросились в атаку на редут.

Внутри закипела ожесточенная борьба — в дело шли штык и приклад, руки и ноги. Вражеские пушки тотчас были заклепаны. Ветераны пытались собрать побольше людей, чтобы опрокинуть врага единым ударом — мы уже успели убедиться, что русские боятся штыковой; но, стоило нам приблизиться к этим чертовым парапетам, как мы тут же попадали под перекрестный огонь орудий, размещенных в тылу укрепления, и силы наши таяли на глазах. Поле брани стало красным от нашей крови; проникнув на Редан, наши штурмовики были атакованы полчищами русских, но сдержали их штыком». ⁷⁶⁸

Гоуинг преувеличивает в чисто английском стиле — русские попросту не оставили британцам ни единого шанса. Похоже, что французы в этот день «отплатили» своим союзникам за все. Они просто подставили их под сумасшедший смертоносный огонь сотен орудийных и ружейных стволов, заставив идти по местности напичканной самыми разнообразными заграждениями на уже ожидавшего в готовности к бою врага. Результат оказался предсказуемым: «Бой за Редан продолжался часа полтора. Зря наши генералы не послали в атаку побольше людей. Двадцати тысяч хватило бы с лихвой, в этом случае потери наши были бы на порядок меньше. Мы потеряли много солдат и офицеров при отступлении, но сдерживали врага так рьяно, что русские больше не пытались нам досаждать.

Французы были восхищены нашими подвигами на Редане и восклицали: „Англичане, в этот день вы стяжали себе великую славу!“ Готов поклясться, солдаты, штурмо-

⁷⁶⁶ Гоуинг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тулахиной // Military Крым. № 8. 2008 г. Симферополь, С. 28–31

⁷⁶⁷ Гоуинг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тулахиной // Military Крым. № 8. 2008 г. Симферополь, С. 28–31

⁷⁶⁸ Гоуинг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тулахиной // Military Крым. № 8. 2008 г. Симферополь, С. 28–31

Севастополь. Башня Малахова кургана. Открытка XX в.

вавшие это кровавое укрепление, стали героями дня. В сравнении с вражескими ордонами мы были жалкой горсткой, но при всем их численном превосходстве русские не решались сойтись с нами в ближнем бою. Будь нас хотя бы тысяча десять, мы гнали бы русских штыками до самой бухты (если бы к тому моменту они не сложили оружие). Увы – мы шли на штурм небольшими группами и гибли поодиночке!

Те несколько сотен, которым удалось проникнуть за орошенные кровью стены укрепления, дрались штыком и прикладом, и по возвращении почти все были отмечены ранениями всех степеней тяжести. Но им удалось преподать врагу хороший урок – русские не рискнули преследовать нас, как если бы перед ними была стая львов.

Невзирая на перекрестный огонь и превосходящие силы противника, нам удалось бы удержать позицию, если бы все те солдаты, что томились в окопах в ожидании сражения, получили приказ наступать! Да, с нами был Уолсли, но и он был принужден выполнять чужие приказы. Если бы нами командовал он или сэр Колин Кэмпбелл, или Робертс – мы сокрушили бы кого угодно. Вот тогда-то, по всей вероятности, мы и взяли бы Севастополь, пусть и ценой значительных усилий. Увы, в тот раз нам не повезло, хотя за плечами у нас было долгих двенадцать месяцев постоянных сражений».⁷⁰⁹

На самом деле это всего лишь эмоции. Британцы, достигнув бруствера русского бастиона, были настолько ослаблены потерями, что остановились и никакой отчаянный порыв офицеров не мог заставить их двигаться вперед. Рассел пытается дать объяснение этому и кое в чем мы можем с ним согласиться: «Следующий эпизод, не-

⁷⁰⁹ Гоуинг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тупахиной // Military Крым. № 8. 2008 г. Симферополь, С. 28–31

сомненно, покажется трагическим и невероятным всем, кто знает как умеет воевать британский солдат. Достигнув парашета, люди, словно одурманенные, принялись заряжать винтовки и открыли шеренговую стрельбу вместо того, чтобы последовать за своими офицерами, которые напали один за одним, безуспешно пытаясь увлечь солдат вперед. Несмотря на распространенное мнение, большинство солдат гораздо лучше выдерживает обстрел, нежели штыковую. Они скорее отступят на пару шагов и возобновят стрельбу, чем пойдут в рукопашную. Порой довольно сложно двинуть кавалеристов в атаку, если есть возможность без ущерба для репутации сунуть сабли в ножны и взяться за пистолеты и карабины — тут уж они готовы палить до скончания века. Да и бывалый пехотинец, прошедший траншейную школу, не может устоять перед чарами винтовки, имея поблизости какое-никакое прикрытие».⁷⁷⁰

После четырех часов боя британцы оставили поле сражения, покрытое десятками тел убитых и раненых. Очередной провал дорого обошелся английской армии. По воспоминаниям рядового 19-го полка «Зеленых Говарда» Чарльза Ашервуда, его полк потерял убитыми 1 старшего офицера (подполковника Унетта, командира полка), 1 младшего офицера (капитана Годфри), 3 сержантов и 23 рядовых. 8 офицеров, 9 сержантов и 144 рядовых были ранены, 5 рядовых пропали без вести. Что скрывается за этой арифметикой легко представить — перед атакой в строю «Зеленых Говарда» было 418 человек.

Сержант Коффи из 34-го полка, выходя из боя, видел переполненные ранеными окопы, напомнившие ему о неудаче первого штурма.⁷⁷¹

⁷⁷⁰ Рассел, Уильям Ховард. Британская экспедиция в Крым. Том 2. М., 2014 г. С. 846–847

⁷⁷¹ Gaine, Simon. The story of sergeant William Coffey VC DCM (<http://www.williamcoffeeyvc.org/index.html>)

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН К ВЕЧЕРУ 27 АВГУСТА 1855 г.

«Севастополь наш, но мы за это дорого заплатили».

Генерал Боске, вечером 27 августа
1855 г.

К вечеру единственным местом, которое союзники достаточно прочно удерживали за собой, оставался Малахов курган.

«Малахов — ключ к Севастополю, и однажды став хозяевами этой позиции, мы господствуем над городом, который можно поразить, повернув пушки крепости на него; русские, не в силах ни снова овладеть Малаховым, ни взорвать его, решились эвакуировать южную часть, которую нам только и важно было захватить».⁷⁷²

Этот единственный успех в безошибочно выбранной точке обеспечил французам общий триумф. Тотлебен признал, что, хотя «...Штурм 27-го августа был блистательно отбит на всех пунктах, — однако французам удалось овладеть Малаховым курганом; 30000 человек было направлено на этот пункт, который вследствие ужасной бомбардировки потерял свою артиллерию и превратился в развалину. Несмотря на это, наши несколько раз опять проникали в это укрепление. Французы вначале подались назад, но были опять поддержаны сильным резервом.

С потерей Малахова кургана невозможно было удерживать более город, потому что этот пункт господствует над Севастополем».⁷⁷³

На остальных участках сражение постепенно затихало. Обе стороны выдохлись и нуждались в отдыхе. У французов «...введенные с самого утра в бой войска были отброшены со всех сторон и вынуждены были укрываться в траншеях».⁷⁷⁴

Англичане, потеряв всякую надежду взять неприступный третий бастион, отошли, оставив сотни убитых и раненых. Им в очередной раз пришлось довольствоваться трагедией, которую традиционно очень быстро превратили в великий подвиг английского духа, вызвав злобу среди солдат и офицеров под Севастополем: «... что за чушь несут в газетах — сущие выдумки или, по-простому говоря, пустая похвальба.

⁷⁷² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 91

⁷⁷³ Шильдер Н. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Том 1. СПб, 1885 г. Приложение к главе 5-й. С. 49–87

⁷⁷⁴ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 91

если уж не можешь писать правдиво, лучше вовсе не пиши, чем становиться посмешищем всей армии». ⁷⁷⁵

ОСТАВЛЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Ознакомившись с положением дел, Горчаков решил отвести войска на северную сторону. Это было единственно верное решение: «...Севастополю держаться долее было невозможно. Оба неприятельские флота давали союзникам средство выставить громадную артиллерию, с которою наша не могла соперничать. В четыре дня бомбардировки потеряли мы 8000 человек, а в последний день при штурме и бомбардировании лишились 9000 человек. Если бы мы даже овладели вновь Малаховым курганом, и неприятель продолжал бы бомбардирование, то теряли бы мы ежедневно до 2000 человек, и Севастополь сделался бы могилой всей армии». ⁷⁷⁶

К этому времени был контужен генерал Шепелев. Вскоре он получил ранение в грудь и лопатку, но остался в строю. Генерал позаботился о снабжении патронами остатков 9-й и 15-й дивизий, подтянул единственный резерв — Азовский и Одесский полки для удержания Корабельной стороны и моста, но получил приказ отступить на Северную сторону.

Вечером 27 августа (8 сентября), без противодействия со стороны противника, русская армия отошла. Переправа по уже давно наведенному наплавному мосту шла до утра. Защитники Севастополя, основная часть гарнизона, переправились на Северную сторону. Последним по нему прошел генерал-майор Хрущов в сопровождении капитана Воробьева.

Вопрос: кто же последним оставил Севастополь, много лет тревожил исследователей — слишком много было претендовавших на роль последнего защитника крепости и слишком эпическим было оставление «Русской Трои». Конечно, с точки зрения военной истории он не имеет никакого значения, но с точки зрения свойственной каждому из нас любознательности — очень и очень интересен.

Послушаем очевидцев. Первым, известного нам по сражению на Черной И. Красовского: «...С некоторых пор вопрос о том, кто последний оставил Севастополь, слышится отовсюду. Он сделался вопросом столько же интересным, сколько и щекотливым. Я не буду рассказывать о тех обстоятельствах, при которых возник этот вопрос, а постараюсь, согласно с письменными документами, с рассказами очевидцев и затем по собственной, никогда не изменявшей мне памяти, изложить дело, как оно было и действительности: «в „Описании обороны Севастополя“, составленной под руководством генерал-адъютанта Тотлебена сказано, что на южной стороне оставлены были только умирающие и безнадежно раненные, в числе около 500 человек, при медике, с письмом к Французскому главнокомандующему, в котором князь М. Д. Горчаков поручал вниманию его этих страдалцев.

Далее говорится, что на рассвете 28-го августа лейтенант Афанасьев развел малый мост через южную бухту, в 8-мь часов утра выехал из города начальник гарнизона граф Дмитрий Ерофеевич Сакен со своим начальником штаба князем Виктором Ил-

⁷⁷⁵ Гоуинг, Тимоти. Голос из строя. Перевод с английского Е. Тулахиной // Military Крым. № 8. 2008 г. Симферополь, С. 28–31

⁷⁷⁶ Шильдер Н. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Том 1. СПб, 1885 г. Приложение к главе 5-й. С. 49–87

ларионовичем Васильчиковым; в то же время генерал-лейтенант Щепелёв и вице-адмирал Панфилов оставили Корабельную, когда последние части войск отплыли от берега.

Последним отступил по мосту генерал Хрущов, после чего, по распоряжению генерал-лейтенанта Бухмейера, начали разводить большой мост». ⁷⁷⁷

По прошествии после события последней переправы времени число кандидатов в последние защитники возрастало. Генерал-адъютант Коцебу полагал, что главнокомандующий князь Горчаков и он последними оставили Севастополь.

Генерал Хрущов говорил, что последними покинули развалины оставленного города граф Остен-Сакен и князь Васильчиков. Генерал-лейтенант Меньков, который, по поручению главнокомандующего армией вел «Журнал обороны Севастополя», и князь Урусов подтверждают сказанное Хрущовым. ⁷⁷⁸

Очевидец переправы, поручик артиллерии Лев Толстой, с документальной точностью описал этот переход и внутреннее состояние защитников: «Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой темноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места, всего облитого его кровью; от места, одиннадцать месяцев отстаиваемого от вдвойне сильнейшего врага, и которое теперь велено было оставить без боя... Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам». ⁷⁷⁹

После отхода полков, прикрывавших переправу, понтонный мост развели и подтянули к северной стороне. Уничтожилось все, что могло быть использовано союзниками. По приказу Горчакова были затоплены остатки Черноморского флота, кроме нескольких паровых кораблей. Когда через два дня противник стал обстреливать пароходы, собранные у северного берега, Горчаков приказал также затопить и их — ко дну пошли 10 пароходофрегатов и 6 транспортов.

28 августа 1855 г. с линейного корабля «Париж» сошли на берег 214 человек экипажа и он был затоплен на рейде между Павловскскй и №4 батареей.

Следующее утро явило страшное зрелище: по линии оборонительных позиций, на улицах города лежали трупы. Чарльз Ашевурд вспоминал, что утро 9 сентября явило многочисленным наблюдателям «...грустную картину с ранеными, доставленными в ближайшие госпитали в течение прошедшей ночи, оставленными умирающими, корчившимися в агонии в спокойном и безмятежном окружении мертвых тел, лежащих вокруг».

Такую же мрачную картину всеобщего разрушения и витавшей над городом смерти увидели французские офицеры: «К полуночи раздаются страшные взрывы: никто не мог предположить, что происходило; мы могли поверить во все, по меньшей мере, в поражение армии. Только на следующий день утром по возвращении наших первых офицеров с моим братом Альфредом, среди нас стала известна правда. Мы узнали,

⁷⁷⁷ Красовский И. Кто последний оставил Севастополь. Из воспоминаний о войне 1853–1856 годов // Русский архив. Том 26. М., 1875 г. С. 360–363

⁷⁷⁸ <http://www.proza.ru/2014/05/06/1522>

⁷⁷⁹ Памятники Севастополя (http://www.sevmonument.ru/readarticle.php?article_id=28)

что русские, посчитавшие себя не в силах снова овладеть Малаховым — ключом обороны, — отправились в северную часть города по построенному ими мосту и позаботились о подрыве укреплений южной части, минированной заранее».⁷⁸⁰

Перед отходом русским войскам было приказано взорвать укрепления, что частично и было исполнено. Взорвали две оборонительные казармы крепости бастионов №5 и №6. Казарме бастиона №1 удалось уцелеть только потому, что после штурма в неё снесли большое количество раненых, оставшихся после сражения, как русских, так и французов. Ввиду того, что в первые часы после штурма шла активная подготовка к атаке с целью отбить Малахов курган, войскам 4-го и 5-го отделений оборонительной линии было запрещено оставлять свои позиции, даже для отнеса раненных на тыловые перевязочные пункты. Именно по этой причине всех раненых собрали в ближайшем целом укрытии на поле боя — казарме бастиона №1. А когда же пришел приказ о спешной эвакуации на Северную сторону, оказалось, что ни средств, ни времени для отправки раненных через бухту нет, и их пришлось оставить на милость победителя.⁷⁸¹

То, что досталось союзникам, производило самое жалкое зрелище. В Севастополе не оставалось ни одного нетронутого войной здания. Все вокруг носило следы жестокого обстрела: «Какое зрелище сравнится со зрелищем подобного разгрома! Все казармы, все общественные заведения, прекрасные величественные сооружения, потребовавшие таких больших расходов, пробиты, потрескались, разрушены нашими бомбами и ядрами; они стоят лишь чудом. Обширные площади заполнены руинами, почерневшими балками, кусками обуглившейся древесины, осколками оружия, лоскутьями мундиров, остатками лагерного расположения, экипировки и т.д., и т.д. Безлюдье сливается с ужасом места; видно лишь несколько редких офицеров, в основном английских, так как нужно специальное разрешение, чтобы войти в город. Он был в первый же день оккупирован мародерами, которые находятся повсюду и которых ничего не пугает. Здесь опасно долго оставаться: оплакивается уже несколько жертв; взрывы не прекращаются, и русские продолжают нам посылать ядра и снаряды, выпущенные из их пушек северной части города, — скорее из ярости, чем в надежде причинить нам зло. Я вам даю представление о времени, понадобившемся для уборки трупов и раненых, распростертых повсюду в этой огромной цитадели со дня штурма! Я не знаю наших потерь; потери введенных в бой армий двух сторон должны быть огромными. Официальные показания докажут нам это позже, если их вообще когда-нибудь обнаружат».⁷⁸²

⁷⁸⁰ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма №6–7, Симферополь, 2007 г., С. 91

⁷⁸¹ Александров С. Оборонительная башня // Military Крым. № 18. Симферополь, 2010 г. С. 24–28

⁷⁸² Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма №6–7, Симферополь, 2007 г., С. 93

ПОТЕРИ СТОРОН

«...27 августа 1855 года история впишет в свои страницы кровавыми буквами».

Русский офицер, участник последних дней обороны Севастополя

Вынесенные в эпиграф этой главы слова одного из последних защитников Севастополя как нельзя лучше свидетельствуют о драматизме событий и их многотысячных жертвах. Нужно сказать, что в отличие от других сражений кампании в Крыму, потери во время последнего штурма Севастополя подсчитаны довольно точно. По данным генерала Богдановича стороны в этот день потеряли:

	Генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Нижних чинов
Русские				
Убитыми	2	5	65	2900
Ранеными	4	28	230	6500
Контуженными	1	10	43	1250
Без вести пропавшими	—	3	34	1838
<i>Итого</i>	7	46	372	12488
Французы				
Убитыми	5	24	116	1489
Ранеными	4	20	224	4259
Без вести пропавшими	—	2	18	1400
<i>Итого</i>	9	46	358	7148
Англичане				
	Генералов	Штаб- и обер-офицеров	Нижних чинов	
Убитыми	—	29	356	
Ранеными	3	124	1752	
Без вести пропавшими	—	1	175	
<i>Итого</i>	3	154	2283	

110 сравнению с основными участниками этого грандиозного сражения, сардинцы «отделались легким испугом»: «Сардинцы потеряли (в траншеях против 4-го бастиона), убитыми и ранеными 40 человек, в числе коих 5 офицеров»⁷⁸³.

Английские потери отличались большим числом убитых и раненых офицеров. В Легкой дивизии больше всего пострадали два полка 90-й и 97-й. В 90-м были убиты 3 офицера, 3 рядовых; ранено 12 офицеров и 126 рядовых. В 97-м полку убито: 4 офицера, 1 рядовой; ранено: 7 офицеров, 88 рядовых. Полковник, раненный в голову, был доставлен в палатку, но пуля засела у него в мозгу, и он умер в ту же ночь, не приходя в сознание. В 7-м Королевском фузилерном полку были убиты 2 офицера и 11 нижних чинов. Ранены 5 офицеров и 67 рядовых. В 23-м полку убито 2 офицера и 1 рядовой, ранено 13 офицеров и 130 рядовых. В 33-м полку убит 1 офицер, ранено — 5 офицеров и 45 рядовых. В 34-м полку, находившемся на параллели позади колонн, было убито 3 рядовых. Ранены 2 офицера и 62 рядовых. В 19-м так или иначе задело почти всех 10 офицеров (из них один скончался). Рядовых ранено 128 человек, убито — 25. В 77-м полку 1 офицер убит, 4 офицера и 42 рядовых ранены. В 88-м полку убит 1 офицер, ранено — 9 офицеров и 105 рядовых.

В Стрелковой бригаде убито 2 офицера, 13 рядовых, ранено — 8 офицеров и 125 рядовых. Не менее тяжелы оказались потери офицерского состава в бригаде Уиндхема и выдвинутой ей в поддержку части бригады Уоррена.

Во 2-й дивизии было ранено 5 офицеров. Во 2-м батальоне 1-го полка Королевской пехоты убит 1 рядовой, ранено 4 офицера и 18 рядовых. В 3-м полку 39 рядовых убито, 76 рядовых и 7 офицеров ранены. В 41-м полку убито 2 офицера, 2 рядовых, ранено 6 офицеров, 111 рядовых. В 47-м полку убито трое рядовых, ранено 27. В 49-м убиты 1 офицер и 2 нижних чина. 2 офицера и 28 рядовых ранены. В 55-м полку был убит 1 офицер, 5 офицеров и 105 рядовых ранены. В 62-м полку 2 офицера, ранены 5 офицеров и 67 нижних чинов. В 95-м пехотном полку 2 офицера контужены, 3 рядовых получили легкие ранения.

Во 2-й бригаде 1-й дивизии 31-й пехотный полк еще до начала штурма лишился 1 офицера, смертельно раненного в траншеях. В этом полку 2 рядовых получили небольшие ранения. У Шотландских фузилеров и у 56-го полка были легко ранены 2 рядовых — по одному на каждый полк.

Из 256 рядовых, доставленных в общий госпиталь 3-й дивизии, 17 умерли почти сразу.

В Шотландской дивизии, в 42-м полку, было ранено 12 рядовых. В 72-ом пехотном полку был смертельно ранен 1 офицер, убит 1 рядовой, ранено — 17 рядовых. В 79-м полку было ранено 11 рядовых, в 93-м — 5. В Четвертой дивизии, в 17-м полку, ранения получили 2 офицера и 19 рядовых. В 20-м полку ранено 6 нижних чинов, в 21-м — 8, в 46-м — 1, в 48-м — 6, в 57-м — 4, в 63-м полку был убит 1 офицер, рядовых ранено 4, убит — 1. В 68-м 1 рядовой ранен.

В 1-м батальоне Стрелковой бригады 2 рядовых убито, ранено — 9. На правом фланге осадного поезда Королевской артиллерии убиты 1 офицер и 5 рядовых, 3 офицера и 34 рядовых ранены. На левом крае были ранены 3 офицера и 7 саперов и минеров.

Потери в траншеях: Стрелковая бригада — ранено 2 человека; 3-й пехотный — ранено 2; 17-й — ранен 1; 23-й фузилерский — ранено 13; 41-й — ранено 3; 55-й — ранен 1;

⁷⁸³ Богданович М. И. Восточная война (1853–1856 гг.). Том 4. СПб., 1877 г. (<http://adjutant.ru/crimea/bogdan35.htm>)

Севастополь. Английское кладбище. Открытка нач. XX в.

62-й – убито 2, ранено 3; 77-й – убит 1, ранен 1; 88-й – ранен 1; 90-й – убит 1, ранено 11; 93-й ранен 1; 97-й – ранено 2; 19-й – убит 1, ранен 1.

Итого, согласно медицинскому управлению армии, убито 24 офицера и 129 рядовых, ранено 134 офицера и 1897 рядовых.

У французов потери существенно «проредили» генералов. По этому показателю они были сравнимы с одним из самых кровавых сражений военной истории. Были убиты генералы де Марроль, де Понтеве, Риве, Бретон, Сен-Поль. Ранены – Боске, Меллине, Биссон, Бурбаки, Ля Моттеруж, Трошю, Кустон, Клер.⁷⁸⁴ Когда Боске узнал об этих цифрах, ему ничего не оставалось, как сказать: «Севастополь наш, но мы за это дорого заплатили».⁷⁸⁵ Радость от победы была перемешана с тяжелыми чувствами о невероятно большом числе убитых, раненых и пропавших без вести: «Французская кровь текла слишком обильными потоками, чтобы мы могли в полной мере наслаждаться триумфом».⁷⁸⁶

⁷⁸⁴ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 91

⁷⁸⁵ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 91

⁷⁸⁶ Орехов Д. В. Шарль Боше и его «Крымские письма» // Историческое наследие Крыма № 6–7, Симферополь, 2007 г., С. 91

УРОКИ СЕВАСТОПОЛЯ

«...русские с полным правом могут гордиться защитниками крепости».

Тимоти Гоулинг, сержант 7-го Королевского фузилерного полка.

Итак, Севастополь после стойкого противостояния пал.... После Крымской войны его оборона заслуженно была отнесена к одному из величайших событий мировой военной истории. Спустя годы после этих трагических, и не менее героических событий, победители пытались произвести переоценку опыта обороны крепости через призму собственных поражений в последующих военных конфликтах конца XIX столетия. Особенно старались французы, разгромленные пруссаками в войне 1870–1871 гг.

Взятие, хоть и не полное, Севастополя, не означало победу союзников. Война зашла в тупик. Все последующие события лишь подтвердили это. Теперь все должны были решать дипломаты. По сути, это была мировая война. Но если в официальных документах Первой и Второй мировых войн враждебные стороны делились на два, так или иначе уравновешенных лагеря, то в «Восточной войне» почти весь мир объединился против одной России. Но, даже оказавшись в изоляции, Россия не дала своим врагам возможности полного и окончательного торжества. Выгнанный стаей охотничьих собак из берлоги русский медведь заставил охотников умыться собственной кровью и с гордостью вышел из схватки, зализывая раны, хоть и тяжелые, но далеко не смертельные.

Для России эти события стали уроками, пусть тяжелыми, но необходимыми. К сожалению, в угоду политике неоднократно акцент смещался в ту или иную сторону, иногда в противовес правде.

На фоне изучения историей войн Крымской кампании, героическая оборона Севастополя столь ярко преподносилась в военно-учебных заведениях, что это привело, в конце концов, к формированию в психологии большинства военных мнения, что в случае угрозы захвата неприятелем военно-морской базы, флот должен, пусть даже ценой своей гибели, обеспечить ее защиту, подкрепив, а то и заменив армию.

Сражение на Черной речке выглядело намного скромнее и не внесло отдельной главы в военную науку. Оно просто ушло, если не в забвение, то в тень. Его история не привела к столь губительным последствиям, как развившиеся по принципу «сева-

стопольского синдрома» события в Порт-Артуре во время русско-японской войны, или оборона Таллинна в 1941 г.

Одним из уроков падения Севастополя и всей Крымской войны стало понимание того, что все великие и масштабные события должны готовиться в тиши штабных кабинетов, под шелест карт, а не под грохот барабанов и рев фанфар.

Успеху последнего штурма Севастополя способствовало несколько факторов, большей частью умело подготовленных союзным командованием. Прежде всего — внезапность. В отличие от русского командования, неприятельские командиры приняли все меры для соблюдения режима абсолютной секретности. Все перемещения из тыловых позиций в передовые линии траншей производились в сумерках перед рассветом. Единственный увидевший это генерал Липранди, уже не в силах был не только изменить ситуацию, но в той или иной мере повлиять на ее развитие. К особому предупреждению боевого генерала никто не прислушался. Из вышесказанного мы помним, что целый ряд русских частей был в час начала штурма отведен с передовых позиций в тыл: «По мнению Павла Петровича, изложенному в его записках, если бы в то время, когда было замечено намерение неприятеля предпринять штурм, произвести движение войск стоявших на Мекензиевых и других высотах и начать спускать их по направлению к Чоргуну, выказав в удобных местах массы кавалерии, остававшейся в бездействии, то такое движение не могло бы не иметь сильного нравственного влияния, не столько, может быть, на предводителей, сколько на массу неприятеля, естественно долженствовавшего утратить много той отваги, которая необходима для идущего на штурм. Успех с неприятельской стороны ограничивался овладением укреплениями и даже совершенно разрушенным городом; успех бы с нашей стороны в тылу их грозил им всеми бедствиями. Обхода, которого так страшились во время штурма, неприятелю некогда было делать, да он никогда не мог и иметь этого в виду: во всю войну неприятель не отдалялся от своего базиса — флота, и не сделал ни одного перехода далее. Всем было известно, что союзники не имели перевозочных средств, и потому не могли предпринять в этом отношении ничего решительного».⁷⁸⁷

Другой урок Севастополя для военной науки — своевременное сосредоточение сил на направлении решающего удара ведет в победу. Концентрация основных усилий французской пехоты на взятии ключевого пункта русской оборонительной линии — Малахова кургана, предопределила крушение всей системы защиты крепости.

Оборону Севастополя прусский генеральный штаб в сборнике «Германо-французская война 1870–1871 гг.» рассматривал как получившую продолжение в защите французами своих крепостей Мец и Страсбург. Генерал-майор русского генерального штаба Сухотин камня на камне не оставил от этой теории. По его мнению, французы в обороне Страсбурга «...могли видеть одну из немногих светлых страниц истории этой ужасной войны и, по человечеству, сердцем, признать заслугу генерала Уриха; но, — говорит автор, — военное искусство никогда не выставит ведение обороны Страсбурга образцом, достойным подражания, а требования военного долга заставляют каждого военного стать на сторону следственной комиссии».⁷⁸⁸

⁷⁸⁷ Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (биография)// Военный сборник № 8, СПб., 1871 г., С. 335

⁷⁸⁸ Шванк. Л, Германо-французская война 1870–1871 гг. Библиография// Военный сборник, № 9, 1891 г., СПб., С. 14

В подтверждение сказанному генерал Сухотин приводит таблицу сравнительных данных страсбургской осады и севастопольской обороны.⁷⁸⁹

	Севастополь	Страсбург
Борьба продолжалась	349 дней	31 день
Атакующий израсходовал	1 356 000 снарядов	202 000 снарядов
Обороняющийся израсходовал	1 027 000 снарядов	50 000 снарядов
Атакующий потерял	54 000 человек	933 человека
Обороняющийся потерял	102 669 человек	25 000 человек

Сухотин приводит пример, что «...в Севастополе были дни, когда суточная потеря доходила до 2000 человек убитыми и ранеными; в период бомбардирования, подготавливавшего последний штурм 24–26 августа, потери гарнизона были в 7500 человек, причем неприятель в эти три дня израсходовал 180000 снарядов (больше половины разрывных), и, тем не менее, даже последний штурм (27 августа) был отбит на всех пунктах, за исключением Малахова кургана, несмотря на то, что неприятель вел на штурм 57 000 человек, против 49 000».⁷⁹⁰

Вообще, слава годичной героической обороны Севастополя была такой, что многие старались рассматривать через ее призму события собственной военной истории. Так, во время Гражданской войны в США, конфедераты называли свою крепость, наиболее долго сопротивлявшуюся федеральным войскам Севера, форт Фишер, – Севастополем. Главное укрепление этого города с гордостью именовалось «Малахов курган». Так же называлась высота, занятая турецкими войсками в Болгарии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Правда она была оставлена ими без боя...

Уроки Севастополя, казалось бы, должны были стать золотым фондом русской военной науки. Для этого были все предпосылки. Однако императорская военная школа, первоначально правильно оценив произошедшее и сделав надлежащие выводы, вскоре на волне патриотической эйфории забыла о них. Разум заменили эмоции. Трезвые оценки сменились панегириками. Результаты не заставили себя долго ждать. Вначале русская армия попала в ту же ловушку, в какую угодили союзники в Крыму. Это произошло под Плевной в 1877–1878 гг. Организовав оборону по образцу и подобию севастопольской, турки умудрились заставить играть по их правилам самого организатора и создателя последней – Тотлебена! Блестящий специалист по организации обороны крепости оказался не в силах преодолеть существовавшие в русской армии стереотипы. И вновь не были сделаны правильные выводы, и вновь последствия не заставили себя долго ждать.

Вторым и еще более тяжелым уроком стала катастрофа Порт-Артура. Эти события болью отозвались в русской армии. При этом боль была перемешана с досадой: «Имея за собой по преимуществу оборонительные войны со славными оборонами крепостей и городов, имея в памяти живущих поколений Севастополь и Плевну, с

⁷⁸⁹ Шванк. Л, Германно-французская война 1870-1871 гг. Библиография//Военный сборник, №9, 1891 г., СПб., С.15

⁷⁹⁰ Шванк. Л, Германно-французская война 1870-1871 гг. Библиография//Военный сборник, №9, 1891 г., СПб., С.15

Севастополь. Французское кладбище. Открытка нач. XX в.

их решающим влиянием на ход борьбы, готовясь всюду и везде только к обороне, и даже уподобив завоевание Кавказа осаде большой крепости, мы тоже ввели в сознание народа особенно чуткое отношение к крепостям и их стойкости, — и вот ни Тюренчен, ни Вафангоу, ни Ляоян, ни Мукден не отозвались так глубоко в народе и обществе, как сдача Порт-Артура».⁷⁹¹

Не мы одни не извлекали уроков. Взятие союзниками Севастополя не стало длительным утешением для французов и компенсацией за невероятные усилия, сопряженные с огромными людскими потерями. Через 15 лет периода «самообольщения» (как назвала его прусская военная печать)⁷⁹² уже им пришлось испытать почти подобную, если не большую, чашу горечи поражения. Как ни пытались они сравнивать оборону Меца во время войны с Пруссией, с обороной Севастополя во время войны с Россией, у них это получалось неубедительно: «Во Франции падение Меца произвело такую ярость, как будто было делом неслыханным что крепость, хотя бы и защищенная целой армией, пала. А между тем, прошло не более пятнадцати лет с тех пор как пал Севастополь, хотя русская армия никогда не была замкнута в такой степени, как армия Базена, и не должна была, как она, ограничиваться одними средствами крепости».⁷⁹³

⁷⁹¹ Елчанинов А. Крепость в войнах Наполеона и новейшего времени// Военный сборник, 1905 г., № 8, СПб., С.114

⁷⁹² Библиография//Военный сборник, № 9, 1875 г., С. 2

⁷⁹³ Ростов В. Война 1870—71 года за Рейнскую границу. Политический и военный очерк. Вып. IV, СПб., 1871 г., С. 33

Не случайно комментируя это поражение Франции, русский переводчик язвительно подметил: «Если оборона и падение Севастополя вызвали в сердцах русских не ярость, а глубокое благоговейное признание заслуг братьев, почти целый год стоявших к лицу со смертью на его стенах, то это объясняется не только здравым смыслом русского народа, но и громадною разницей между Севастополем и Мецем. Севастополь пал после длинного ряда кровавых и отчаянных усилий и падение его потребовало и от неприятеля тяжелых жертв. Не таково было падение Меца...».⁷⁹⁴

Действительно, французы недолго грелись в лучах славы: «...Лишь только лучшие представители армии стали один за другим уходить со сцены, как всё это мало по малу пришло в забвение, и закаленная некогда в боях французская армия, по примеру прочих европейских армий того времени, обрекла себя на мирно-показные занятия... После 1856 года они, со свойственной всякой победоносной армии уверенностью в свою силу и могущество, забыли великих воспитателей своих и всецело отдались парадам и другим мирно-показным занятиям... 1870 год разразился над ними страшной катастрофой».⁷⁹⁵

Крымская война доказала, что вооруженные конфликты между большими державами отныне будут затяжными и дорогостоящими, а не короткими и малокровными кампаниями, которые могли вести небольшие наемные армии. А поскольку затраты на создание регулярных армий, на подготовку и ведение войн в одиночку ни одной державе было не потянуть, ей требовались союзники, объединенные в постоянные альянсы, блоки. Так закладывался фундамент системы, приведшей в 1914 г. к Первой мировой войне.

Крымская война столь значима и столь уникальна в своей сути, что заслуживает гораздо большего внимания к себе чем то, которое уделено ей ныне. По числу уроков, преподанных ею, она еще много лет будет актуальной, как для военных историков, так и для политиков. Остается надеяться, что память о ней станет той благодатной почвой, на которой взойдут ростки патриотизма и любви к Отечеству.

Для меня же остается роль скромного аналитика тех трагических и героических событий, стремящегося сохранить в головах и душах потомков память о них.

⁷⁹⁴ Ростов В. Война 1870–71 года за Рейнскую границу. Политический и военный очерк. Вып. IV, СПб., 1871 г., С. 33

⁷⁹⁵ Взгляд на современное состояние вопроса о занятиях с молодыми солдатами//Военный сборник, №9, 1880 г., СПб., С.120

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАДЕЮСЬ, ЧТО ЭТО БУДЕТ ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЕЛЮ	3
СРАЖЕНИЕ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ В ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.....	8
СРАЖЕНИЕ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ В ИСТОРИИ ВОЙН	13
ПРЕЛЮДИЯ К БИТВЕ	23
Союзники: в ожидании конца драмы	23
Проблемы организации.....	30
Два взгляда на проблему продолжения войны	33
Русские: в ожидании развязки	36
Союзники летом 1855 г. Итальянцы в Крыму.....	41
Усиление позиций союзных войск	45
ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ: ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО УДАРА.....	48
Столичный гость	48
Что делать?	52
Военный совет	57
РУССКИЙ ПЛАН СРАЖЕНИЯ.....	69
Действия со стороны крепости	81
АНАТОМИЯ ПОЛЯ БИТВЫ.....	85
СИЛЫ СОЮЗНЫХ ВОЙСК	89
ПОЗИЦИИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК	96
Французские позиции	97
Сардинские позиции	103
ВЫДВИЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК: ТРУДНЫЙ ПУТЬ НА ЭШАФОТ.....	106
КАК ТАЙНОЕ СТАЛО ЯВНЫМ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕЖИМЕ СЕКРЕТНОСТИ.....	112
ОБНАРУЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК	118
АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОБСТРЕЛ ФЕДЮХИНЫХ ВЫСОТ	121
РОКОВОЙ ПРИКАЗ.....	124
ОТРЯД ГЕНЕРАЛА П. ЛИПРАНДИ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ	132
Начало атаки на сардинцев	134
Остановка Липранди.....	140
ДЕЙСТВИЯ 12-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ	143
Начало драмы	143
Атака Одесского полка	144
Смертельный огонь французских батарей	153
Атака Украинского полка	156
7-Я ДИВИЗИЯ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ	159
ДЕЙСТВИЯ 5-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ В СРАЖЕНИИ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ:	
ЧЕРНОРЕЧЕНСКАЯ ГОЛГОФА	162
Атака Костромского полка	168
Гибель генерала Веймарна	175

АТАКА ГАЛИЦКОГО ПОЛКА — РУССКАЯ «ЛЕГКАЯ БРИГАДА»	176
Атака Вологодского полка.....	179
ГИБЕЛЬ ГЕНЕРАЛА РЕАДА	186
17-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ В СРАЖЕНИИ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ	189
ДЕЙСТВИЕ ПОСЛЕДНЕЕ — АТАКА САРДИНЦЕВ	194
Севастополь: ожидание без надежды.....	200
ОТХОД РУССКОЙ АРМИИ И ОКОНЧАНИЕ СРАЖЕНИЯ	202
Поле смерти.....	205
ПОТЕРИ СТОРОН	209
Русские	213
Потери французов	217
Потери сардинцев и турок	219
ПОСЛЕДСТВИЯ И ИТОГИ СРАЖЕНИЯ	220
Командный состав	222
ГРУСТНЫЙ ЭПИЛОГ	232
КОГДА КРЕПОСТИ НЕ СДАЮТСЯ	237
ПОЛОЖЕНИЕ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ К АВГУСТУ-СЕНТЯБРЮ 1855 г.	246
Союзники	246
Русские	247
АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОБСТРЕЛ КРЕПОСТИ	252
Организация артиллерийского обстрела крепости	252
Обстрел крепости	256
ПЛАН АТАКИ	267
План британцев.....	268
План французов.....	272
Расположение русских войск к началу последнего штурма Севастополя.....	276
Малахов курган — главный удар.....	279
Первый бросок.....	283
Бой за бастион.....	285
Русские контратаки в направлении Малахова кургана	294
Бой за батарею Жерве.....	295
Бой за 2-й бастион.....	297
Первая английская атака: очередной провал	298
Атака второй линии: катастрофа	301
ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН К ВЕЧЕРУ 27 АВГУСТА 1855 г.	306
Оставление Севастополя	307
ПОТЕРИ СТОРОН	310
УРОКИ СЕВАСТОПОЛЯ	313

Научно-популярное издание
ЧЕННЫК
Сергей Викторович
ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Печатается в авторской редакции

В книге использованы фотографии из личного архива автора.

Корректор – *Андрей Гусаченко*
Макет – *Алексей Забусик*
Обложка – *Марина Воронежская*

Подписано в печать 05.10.2014 г. Формат 70×100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskervilleC. Тираж 600 экз. Физ. печ. л. – 20. Усл. печ. л. – 25,93. Заказ № 350

Издательство «Полмет ГМБХ» – обладатель товарного знака «Гала». 299029 г. Севастополь, пр. Ген. Острякова, 80. По вопросам распространения обращаться: *Книжная сеть «Гала»*, тел./факс: (0692) 47-31-83; e-mail: gala.sev.office@gmail.com; интернет-магазин: www.atrium.ru.com

ТЕЛЕСКОП

Макет подготовлен в ООО «РА «Телескоп». 299053 г. Севастополь, ул. Вакуленчука, 22, тел.: (0692) 46-93-93, e-mail: rup@tavrida.com

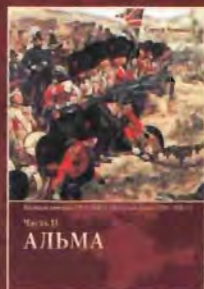
ЧП «Издательство «Эверест-принт». 295026, г. Симферополь, ул. Семашко, 5.

Свидетельство о внесении в Государственный реестр ДК № 3822 от 06.07.2010.

Представляем вашему вниманию серию книг
«Исторический очерк Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)»
известного крымского военного историка Сергея Ченныка:

I «Вторжение». Книга подробно описывает наиболее запутанный и противоречивый период Крымской кампании — десантную операцию экспедиционных сил Англии, Франции и Турции. Развитие событий в эти дни чаще определяла случайность, чем логика. В преддверии высадки и в ее ходе как никогда проявились индивидуальные черты главнокомандующих: лорда Раглана, князя Меншикова и маршала Сент-Арно. Неожиданная для русских экспедиция союзников в Крым и столь же неожиданный для союзников ее начальный успех стали определять всю будущую войну, когда ошибки одних приводили к успехам других.

II «Альма». Книга плавно переводит читателя от маневров к первому прямому столкновению воюющих сторон на суше — Альминскому сражению 8 (20) сентября 1854 г. В этот день землю Крыма обильно пропитала первая кровь захватчиков и защитников Отечества. Сотни мертвых тел навеки упокоились в братских могилах. События на берегах до этого безвестной реки повлекли неожиданные последствия. Союзники выказали намерение во что бы то ни стало победить, русские — решимость сражаться. В отчаянной жестокости противостояния миф «джентльменской войны» рухнул, одновременно были окончательно определены как ход, так и исход кампании.

III «Противостояние». С первых страниц этой части исторического очерка читатель погрузится в многоходовые комбинации одного из самых интересных, динамичных и сложных периодов войны — начало борьбы за Севастополь. Перипетии сентябрьских и октябрьских событий скорее напоминают запутанный детектив, чем военные действия. В центре описания — многоходовая операция союзников и умелое противодействие ей со стороны русского командующего князя А.С. Меншикова, которые завершились 5 (17) октября 1854 г. бомбардировкой Севастополя и последующим поражением союзного флота в ее ходе. Последовательность повествования, масса интереснейших документов и статистических сведений, множество ранее неизвестных фактов, взятых из воспоминаний участников войны, живой, красочный язык позволяют понять логику грандиозного в своем размахе противостояния русской и союзных армий осенью 1854 г.

IV «От Балаклавы к Инкерману». Объектом исследования стал заключительный период так называемого «маневренного» периода борьбы за Севастополь. Два сражения — мифологизированная до невероятного Балаклавская битва и совершенно незаслуженно забытый «Малый» Инкерман. При описании событий использованы ранее неизвестные библиографические источники. Описан не только ход боевых действий, но и вскрыты тайные пружины, логика и смысл событий 160-ти летней давности. Множество исторических параллелей, проведенных от описываемых событий до сегодняшнего дня, помогают читателю понять суть происшедшего тогда в Крыму.

V «Последний штурм». Книга возвращает читателя к активному периоду борьбы за Севастополь, начавшемуся после холодных месяцев зимы и весны 1854–1855 гг. Казалось установившееся затишье вновь прерывается ураганными огнём батарей. Успех русских при отражении летнего штурма 1855 г. неожиданно привёл к расстрелу русской пехоты на Чёрной речке в одном из самых кровопролитных сражений Крымской кампании. Оно стало роковым событием, которое, будучи попыткой русского командования повторить успех осенней кампании 1854 г., привело к падению Севастопольской крепости.

ISBN 9789661539364

9 789661 539364